АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Я. Н. ЩАПОВ

Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

Монография посвящена исследованию правового и культурного наследия Византии и южнославянских стран на Руси, его оформлению и роли в развитии феодальных отношений. Эта тема раскрывается на основе комплексного изучения основного историко-правового источника — кормчей книги — сборника памятников византийского и древневосточного права, канонических, полемических, естественнонаучных, хронографических сочинений VI — XII вв. На основании изучения около 180 списков кормчих XII — XVIII вв. различного состава и переводов автор восстанавливает раннюю историю кормчих книг на Руси, в том числе местной Русской редакции XIII в., включившей в себя древнерусские памятники — Русскую Правду, княжеские уставы Владимира и Ярослава, южнославянские памятники и др.

Ответственный редактор
академик Л. В. ЧЕРЕПНИН

Щ $\frac{10604-042}{042(02)-78}$ 64—78

ВВЕДЕНИЕ

*

История общественного и государственного строя, история культуры Древнерусского государства и княжеств XII—XIV вв.— темы, постоянно привлекающие внимание как отечественной, так и зарубежной историографии. Историками внесен большой вклад в изучение этих тем, причем проблеме места Древней Руси в истории Европы, связей древнерусской культуры с культурой других стран древнего и средневекового мира уделено большее внимание.

Проблема использования на Руси культурного наследия государств, существовавших до того, как возникло Древнерусское государство, как рабовладельческих, так и раннефеодальных, в литературе ставится главным образом на материалах истории письменности, литературы, философии. Между тем история использования на Руси достижений более ранних обществ и государств в такой области, как право и связанная с ним церковно-правовая традиция, для развития феодального государства и церкви представляет особый интерес.

Хорошо известно, что возникновение на Руси классового общества, создание государства, принятие христианства, формирование церковной организации, установление тесных политических и культурных связей с Византией способствовали проникновению на Русь элементов византийской цивилизации, которые находили здесь благодатную почву и помогали развитию древнерусской культуры, усилению феодального государства.

Особое значение имела в средневековье церковная организация, являвшаяся частью феодального строя, обладавшая значительной экономической силой, собственными сферами юрисдикции и права.

Определяя значение западноевропейской феодальной церковной организации, Ф. Энгельс писал, что «церковь с ее феодальным землевладением являлась реальной связью между различными странами; своей феодальной организацией церковь давала религиозное освящение светскому государственному строю, основанному на феодальных началах... Церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приво-

дилось в соответствие с учением церкви...»[1] При всех нюансах, определявших своеобразие восточной православной церкви в средневековье, основное ее значение было, несомненно, тем же. При феодализме и экономические, и общественные отношения, «будучи санкционированы церковью, считались созданием церкви и догмы»[2]. Вместе с тем, как это было характерно для средневековья, «догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона»[3].

Христианство, распространявшееся в странах Европы в средние века, включив в себя многое из первоначальных элементов учения угнетенных масс, имело совершенно другой характер, чем при своем возникновении, оно помогало господствующим классам в их усилении, в укреплении феодальных государств. «Лишь путем кропотливого исследования можем мы узнать теперь, каков был первоначальный вид христианства, потому что оно перешло к нам уже в том официальном виде, какой придал ему Никейский собор, приспособивший его к роли государственной религии... В средние века, в той же самой мере, в какой развивался феодализм, христианство принимало вид соответствующей ему религии с соответствующей феодальной иерархией»[4]. Это качество христианской религии и религиозной организации было одной из важнейших причин заинтересованности в них со стороны формирующихся феодальных обществ Европы. В то же время христианство в средневековой Европе было практически универсальной формой культуры и как политическая, так и социальная, и классовая борьба в пору феодализма находила выражение в христианских образах и идеях, игравших в этих случаях нередко противоположную роль[5].

Таким образом, изучение христианской литературы, философии и письменности, канонического права, изобразительного и музыкального искусства, связанного с христианским культом, необходимо для познания многих сторон истории средневековой Европы, в частности истории Древней Руси — важной стадии в развитии народов нашей страны.

Актуальной проблемой является значение византийской книжности, содержащей труды средневековых юристов, философов и писателей и сохранившей многое из античной и ближневосточной культуры, в формировании и развитии древнерусской феодальной идеологии, историографии, древнерусского права, в передаче ин-

---

[1] *Энгельс Ф.* Юридический социализм. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 495.
[2] Там же, с. 496.
[3] *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии.— Там же, т. 7, с. 360.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 313—314.
[5] *Литаврин Г. Г., Каждан А. П., Удальцова З. В.* Отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XIII в. — В кн.: XIII международный конгресс по византиноведению. Оксфорд, 1966; *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 241, 344; *Литаврин Г. Г.* Культурные связи Древней Руси и Византии в X—XII вв. М. 1974.

формации о достижениях древних классовых обществ в этих областях Древнерусскому государству.

Проблема значения культурного и правового наследия Византии в истории Древней Руси в советской науке ставится на основе учения о смене социально-экономических формаций как естественно-историческом процессе развития общества, о противоположности классовых интересов в эксплуататорских обществах. Формирование классового общественного строя на Руси в пору раннего феодализма требовало использования для воздействия на эксплуатируемые классы надстроечных явлений, выработанных господствующими классами предшествующих формаций. Для Руси, как и других стран Европы, миновавших в своем развитии рабовладельческую формацию, использование богатого собственного культурного наследия первобытнообщинной эпохи и переходного к феодальному времени было далеко не достаточно. Хотя в период раннего феодализма было выработано немало раннеклассовых норм, защищавших нарождающийся класс феодалов, и большое число общинных норм было переработано в новом, классовом, направлении, всего этого было мало для того, чтобы Древняя Русь смогла стать в один ряд с теми феодальными государствами Европы, которые выросли на основе общественного и культурного синтеза рабовладельческого общества и последних стадий развития первобытного строя. В этих условиях было необходимо использование наиболее абстрактных, высших достижений развитого рабовладельческого общества, его культуры, идеологии, литературы, права в форме их рецепции — отбора, переработки и включения в качестве составной части в надстройку древнерусского общества.

Особенностью той части византийской культуры, которая была использована на Руси, как отмечается в литературе, был ее классовый характер, ее связь с господствующим классом [6], его нуждами и представлениями. Это верно относительно литературы и искусства на Руси, и в еще большей степени относительно рецепции византийского права, поскольку само право развитого классового общества, как зафиксированное в документах, так и остающееся в форме обычая, является исключительно классовым, направленным на сохранение и упрочение эксплуататорского строя и государства.

Такая оценка роли византийского наследия на Руси значительно отличается от концепций «византийского влияния на Руси», которые характерны для работ некоторых буржуазных искусствоведов, литературоведов, историков права. По их мнению, в результате этого влияния происходило столкновение двух культур, более слабой и значительно более сильной, в результате которого побеждала последняя, преобразуя первую по своему образу.

---

[6] *Лихачев Д. С.* Возникновение русской литературы. М.— Л., 1952, с. 123 и след.

Крупнейший знаток русской историографии, академик В. С. Иконников писал о роли византийского права на Руси, что «преобладание в течение продолжительного периода греческих элементов в памятниках церковного права России при слабости ее юридических форм содействовало широкому применению византийских юридических источников к русскому законодательству» [7].

Процесс распространения византийского политического опыта, права, идеологии, культуры был сложным. Каждый из участников этого процесса культурного и политического взаимодействия выступал со своими нуждами и стремлениями.

Древнерусское общество и государство в процессе феодализации нуждалось в обобщенном и зафиксированном письменно опыте классовых обществ прошлого. При складывании отношений с древними центрами цивилизации Русь выбирала не только наиболее близкое себе культурное наследие, но и место в мире средневековых государств. Все эти требования лучше всего могла удовлетворить соседняя великая держава раннего средневековья, наиболее развитая социально, политически и культурно — Византия. Сохранив, хотя и в урезанном и трансформированном виде, многое из культурных и политических достижений древнего мира, она добавила к ним созданные на их основе культурные ценности феодального христианского общества, не менее актуальные для молодых феодализирующихся государств Восточной Европы.

Далее, процесс усвоения византийского наследия первыми славянскими государствами центральной и юго-восточной Европы — Моравией и Болгарией, еще до того, как культурными ценностями державы ромеев активно заинтересовались восточные славяне, привел к тому, что в IX—X вв. на древнеславянский язык были переведены многие сочинения, в которых излагались основы христианского исповедания, содержалась информация, важная для познания византийской цивилизации. Эти сочинения проникали на Русь частью уже в готовом, переведенном виде, что способствовало их усвоению и переработкам — приспособлению к местным условиям. Таким образом, ранние славянские государства, имевшие те же или сходные причины знакомства с византийскими сочинениями, что и Древняя Русь, сами принимали участие в передаче письменного наследия в Восточную Европу и были вначале опосредствующим звеном в этом процессе, хотя это происходило большей частью уже после того, как эти государства утратили свою независимость и существование.

Наконец, что касается Византии, то ее активная роль сначала определялась политической линией относительно соседних не-

---

[7] *Иконников В. С.* Опыт русской историографии, т. I, ч. 1. Киев, 1891, с. 369. Подробнее см.: *он же.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. См. также в современной науке: *Dvornik F.* Byzantine Political Ideas in Kievan Russia.— Dumbarton Oaks Papers, N 9—10, 1956, p. 71—121.

христианских государств, а с принятием Русью христианства вызывалась стремлением утвердить ее церковную зависимость от константинопольского патриарха и ввести ее в свою политическую систему путем распространения традиционной и официальной доктрины, не имевшей, однако, реальной основы, о суприматии империи и возглавляющего ее императора над связанными с ней государствами [8].

Все три участника этого сложного процесса передачи культурного и политического наследия имели свои особые цели и функции и без их учета изучение соответствующих аспектов связей и влияний в средневековье не может быть плодотворным.

При исследовании проблемы византийского культурного наследия на Руси, как в общем, так и в конкретных, узких областях, важно рассмотреть ее основные стороны, хотя одновременно изучить их все невозможно. Это, во-первых, круг древнерусских культурных явлений, в частности письменных памятников, фиксирующих правовые нормы. а также уровень развития права и породившего его общества *ко времени*, которому посвящено исследование процессов усвоения иноземных памятников и заключенных в них норм и идей. Такое изучение позволит легче отделить то, что пришло и было усвоено, от того, что уже возникло на месте и развивалось на старой основе. Во-вторых, это круг *появившихся* в результате перевода и распространения памятников, их репертуар и содержание, а также время их появления и те конкретные обстоятельства, с которыми были связаны перевод и распространение их на новом языке и на новой территории. В-третьих, что́ из этого репертуара, появившись в новых условиях, *оказалось нужным*, полезным, было усвоено и получило дальнейшее развитие, потеряв свой некогда чуждый характер, и, наоборот, что́ *оказалось неподходящим*, не использовалось в течение изучаемого времени и было забыто или оставлено без внимания. Наконец, в-четвертых, это вопрос о том, *для чего* были нужны эти заимствования, чему, каким культурным, общественным, правовым, государственным институтам и явлениям, каким процессам они помогали и способствовали.

Хотя все эти стороны проблемы тесно связаны между собой, разграничение их в процессе исследования необходимо, ибо каждая из них связана рядом особых смежных историко-культурных, историко-правовых и историко-политических проблем, изучаемых специально.

Очевидно, что для исторических построений, наиболее общих и широких, бо́льшую ценность представляет изучение этой, по-

---

[8] *Dölger F.* Byzantinisches Zartum und byzantinisches Kaisertum. Bulletin de l'Institut archéologique bulgare, 1935, nr. 9, S. 57 и след.; *Острогорски Г.* Автократор и самодержац.— «Глас Српске Академије наука», 1935, т. 164; *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500—1453. London, 1971; см. также: *Оболенский Д.* Связи между Византией и Русью в XI—XV вв. М., 1970.

следней стороны проблемы, что возможно только на основе выяснения предшествующих. Но каждая из этих сторон важна и сама по себе, как особый аспект большой темы, пристальное изучение которого способно дать самостоятельные и новые исторические выводы.

Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси — новая исследовательская тема, возникшая на стыке исследований международных политических и культурных связей в Европе, с одной стороны, и политического и правового развития Руси в периоды раннего и развитого феодализма, с другой. Постановка ее связана с современным этапом развития исторической науки, после работ, посвященных раскрытию общественного и государственного строя Древней Руси и ее международных связей, изучению источников древнерусского права, возникших самостоятельно, на местной раннеклассовой основе, как Русская Правда, или на более широкой основе, но отразивших местные древнерусские правовые нормы, как договоры с Византией, княжеские церковные уставы и уставные грамоты, а также актовых памятников — древнерусских пергаменных и берестяных грамот, ранней сфрагистики и дипломатики. Эти исследования позволили показать уровень развития древнерусского права, его характерные черты сравнительно с правом других народов в средневековье, стоявших на том же, примерно, уровне общественного развития, так и менее социально развитых или, наоборот, имевших более глубокие классовые корни.

Данная работа, построенная на изучении ранних русских и славянских историко-правовых рукописей, тесно связана с актуальными задачами советских археографов по исследованию огромного письменного богатства на славянских языках, принадлежащего нашей стране и включающего уникальные памятники истории культуры других стран (Болгарии, Румынии, Чехословакии, Югославии).

Исследование этого археографического наследия с целью углубления исторического познания самого общественно-политического прошлого страны потребовало разработки методических приемов определения действенных правовых норм заимствованного памятника путем изучения его археографической традиции и переработок, сравнительного текстологического исследования памятников права, известных в славянских и греческих текстах, реконструкции состава ранних сборников в результате анализа маргиналий, сохранившихся на поздних их списках и др.

Репертуар византийских памятников, известных в переводах, как сделанных на месте, так и пришедших от южных и западных славян, выяснен далеко еще не достаточно. Определенные успехи есть в области литературы, историографии, агиографии, литургики. Что касается правовых, в частности, канонических памятников, то основная работа по определению круга переводных произведений на основе знакомства с большим числом памятни-

ков делалась в XIX в. Н. В. Калачовым, А. С. Павловым, А. Н. Поповым, Н. В. Суворовым, а в начале XX в. В. Н. Бенешевичем. Эти же исследователи ввели в науку и основные историко-полемические сочинения, отражающие догматические и церковно-политические споры между Римом и Константинополем IX—XI вв. Что касается выяснения конкретных условий и времени переводов и появления на Руси византийских историко-правовых сочинений, то исследователями на основе доступного им материала была проделана большая работа, обогатившая науку.

При изучении переводной византийской литературы важным для истории культуры Руси и славянских стран является вопрос о месте создания тех или иных переводов. В историографии этой проблемы XIX в. существовал период, когда все или почти все произведения на славянском языке связывались с древней Болгарией времени Симеона и Самуила. Более пристальное внимание к истории переводной литературы, к изучению местных особенностей славянского языка в Моравии, Болгарии, на Руси, в Сербии и других странах, к сложным условиям переводческой работы в афонских монастырях позволило выработать определенные критерии для определения местных школ перевода и тем самым понять историю славянской переводной литературы и письменности более глубоко. Однако, если по литургическим произведениям сделано уже не мало, относительно памятников юридического и канонического содержания многое еще предстоит исследовать (переводы Эклоги, Прохирона, создание «Книг законных», продолжающиеся споры о создании Краткой редакции Закона судного людем и др.).

Значительно труднее, чем определить оригинальные и переводные памятники, выявить степень, характер и пути рецепции последних. Немалое число литературных памятников древнерусского времени и времени феодальной раздробленности, как и памятников историографии, которыми может гордиться отечественная культура, позволяет в той или иной степени, но достаточно достоверно определить существование в них известных и распространенных в других странах, хотя и переосмысленных в собственных нуждах, художественных образов и идеологических концепций, заимствованных исторических фактов, которые указывают на использование тех или иных источников.

С памятниками древнерусского права дело обстоит значительно сложнее. Если в правилах и уставах, касающихся христианских морально-этических норм, в древнерусских пенитенциалах византийские установления значительно распространены, хотя и заменяются нередко и вполне сознательно облегченными и приспособленными к новым условиям [9], то в памятниках уголов-

[9] *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной церкви, т. I. Одесса, 1894; *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник. М., 1913; *он же.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912; *Романов Б. А.* Люди и нравы древней Руси. Л., 1947; *Пихоя Р. Г.* Церковь

ного, имущественного и семейного права — в Русской Правде, древнерусских грамотах, ранних княжеских церковных уставах — обнаружить определенное влияние византийских норм не удается.

Заимствование отдельных таких норм в церковно-правовых памятниках, касающихся не только внутрицерковной жизни, но и отправлений основных функций феодального общества (семейное и брачное право), например, в уставе князя Ярослава, можно отнести только к концу XII — началу XIII в. В сферах права, традиционно принадлежавших в России не церковной, а светской юрисдикции (уголовное. имущественное и др.), такое использование византийских норм отмечается в еще более позднее время (Соборное уложение 1649 г.).

Вместе с тем в русской письменности распространены византийские и южнославянские памятники права, входящие как в состав церковных или светских юридических и канонических сборников, так и в летописные своды и труды. Некоторые из них, как Закон судный людем, имели на Руси значительные переработки, в результате которых создавались практически новые памятники (Пространная редакция Закона судного людем, а также Сводная его редакция) [10]. Это говорит о том, что юридические произведения и компиляции, содержащие византийские правовые нормы, пользовались большим вниманием, их не только читали и переписывали, но и перерабатывали, стремясь приблизить к условиям Руси.

Основным типом сборников памятников христианского и византийского церковного права на Руси с довольно раннего времени, с XI в., был сборник, получивший позднее, в XIII в., название кормчей книги. Он содержал такие авторитетные и обязательные для принадлежащих к церковной организации памятники, как апокрифические «апостольские правила», правила вселенских и некоторых, признанных каноническими, поместных соборов, сочинения церковных писателей IV—VII вв., касающиеся христианских норм управления, права и службы, а также компиляции из установлений византийских императоров по делам, касающимся церкви. Состав и переводы этих сборников, при указанном обязательном их основном содержании, были различными. К ним добавлялись комментарии — толкования канонических норм, на Руси добавлялись местные церковные и светские правовые кодексы и правила.

Кормчие книги, известные в очень большом числе списков (до 180), в значительном количестве переводов и переработок, принадлежат к нескольким периодам истории страны. Большая часть списков относится к XV—XVI вв. но есть списки и XII в.,

в древней Руси (конец X — первая половина XIII в.). Автореф. канд. дис. Свердловск, 1974.

[10] Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции. Подг. к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. М., 1961.

и XVIII—XIX вв. Они происходят с обширной территории Руси и возникших на ее основе феодальных государств, как Северо-Восточной Руси (Владимир, Москва, Суздаль, Рязань и др.), так и Северо-Западной (Новгород, Псков) и Западной (Полоцк), Юго-Западной и Южной (Владимир-Волынский, Львов, Киев и др.).

Нашей целью является изучение ранней истории кормчих книг на Руси, поскольку в ней, благодаря особой роли этих основных сборников церковного права, как в фокусе сконцентрированы многие проблемы культурно-правовых взаимоотношений Византии, Руси и других славянских стран X—XIII вв. а также некоторых русских феодальных центров.

Настоящая работа посвящена исследованию истории на Руси кормчих книг раннего времени начиная с XI и кончая XIII в., причем тех из них, которые играли в это и последующее время наиболее важную роль — Сборников 14 титулов. Представляя самостоятельный интерес, как история наиболее распространенных в это время сборников византийского права, эта тема важна и для истории кормчих в позднейшее время, в XIV—XVI вв., ибо все кормчие книги, создававшиеся в Русском централизованном государстве и в Литовском великом княжестве, в это время основывались на материале кормчих 14 титулов XIII в., изучаемых в этой работе.

Правовое и каноническое содержание кормчих книг является для них основным и вначале оно было определяющим. Однако в процессе развития как в Византии, так и особенно на Руси наряду с правилами и установлениями они включили многие церковно-полемические, хронологические, календарные, экзегетические сочинения, словари и другие памятники, история и значение которых в истории культуры не менее важны, чем соборных и отеческих правил. Многие из этих дополнительных произведений также изучаются в настоящей работе, поэтому не должно создаваться впечатления, что в ней речь идет только об историко-правовом значении кормчих книг.

Автор стремился привести новый материал о культурной и политической истории Восточной Европы XI—XIII вв. Уже в XII—XIII вв. на Руси велась большая работа по приспособлению и обработке сборников церковного права, свидетельствующая о стремлении использовать правовое наследие Византии, но привлечь его не целиком, в виде системы, а лишь в том объеме и в тех формах, которые были актуальными для Руси, исходя из внутренних нужд развития ее общества и государства. Тесные связи Руси с балканскими народами нашли выражение во взаимном обмене культурными ценностями — в распространении и использовании на Руси сборников права, переведенных на Балканах (и в сохранении их в России до XX в. в качестве источника для истории культуры Юго-Восточной Европы), в использовании древнерусских переводов на Афоне при создании Сербской кормчей.

Исследование строится по отдельным редакциям кормчей — Древнеславянской, Сербской и Русской. В первой главе дан очерк историографии важнейших проблем истории кормчих изучаемых редакций, сделан обзор рукописных материалов, являющихся предметом исследования, изложены методические приемы работы, связанные со спецификой источника. История изучения отдельных кормчих дается в соответствующих разделах работы.

Вторая глава посвящена изучению Древнеславянской кормчей, известной только в русских списках. Основное внимание уделено истории кормчей на Руси; освещаются также ее происхождение и источники. Работа намного была облегчена тем, что значительная часть состава сборника опубликована В. Н. Бенешевичем [11], а остальная его часть готовилась к изданию автором этой работы параллельно с ее написанием.

В третьей главе изучается история на Руси Сербской редакции. Недоступность для исследования основной части сербских списков не позволила осветить ее происхождение. Пришлось ограничиться лишь выводами на основе изучения отдельных статей и записей сербских списков. Но русские списки и переработки кормчей изучались специально.

В четвертой главе исследуется рецепция византийских сборников права во второй половине XIII в., в результате которой, на основе двух ранних — Древнеславянской и Сербской редакций с добавлением многих древнерусских и переводных памятников, была создана Русская редакция. Эта редакция стала наиболее распространенной на Руси, на ее основе создавались новые кормчие и позднее, в XV—XVI вв.

В заключении раскрываются общие проблемы и периодизация истории кормчих на Руси в XI—XIII вв., а также их значение в истории древнерусской письменности и истории права. Это сделано на основе изучения самих кормчих, а также привлечения выводов прежних исследований отдельных памятников права (Закон судный людем, Правда Русская, княжеские уставы Владимира и Ярослава и др.), входящих в кормчие, что позволяет более широко представить историю этих памятников на Руси.

В приложении даются краткие описания 53 списков кормчих, являющихся основой исследования. Списки, изученные de visu, даются со сведениями, которых нет в прежних описаниях.

Автор считает необходимым дружески поблагодарить своих коллег, взявших на себя труд прочесть рукопись книги и поделившихся своими замечаниями и пожеланиями: А. А. Зимина, С. М. Каштанова, Б. М. Клосса, Г. Г. Литаврина, Е. П. Наумова, члена-корр. АН СССР В. Т. Пашуто, Б. Н. Флорю, А. Л. Хорошкевич, акад. Л. В. Черепнина, И. С. Чичурова, члена-корр. АН СССР В. Л. Янина, а также Ю. М. Бардаха.

[11] Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича, т. I. СПб., 1906.

I

ГЛАВА

КОРМЧИЕ КНИГИ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

*

ИССЛЕДОВАНИЯ КОРМЧИХ КНИГ

Среди исторических источников, которыми располагает исследователь, изучающий историю феодальной России, особое место занимают кормчие книги.

По происхождению кормчие, или номоканоны, являются византийскими тематическими сборниками, необходимыми церковным феодалам — епископам и их чиновникам для церковного управления и суда. Они включали в себя целиком или в отрывках постановления церковных соборов, сочинения христианских идеологов, создателей церковной православной догмы, законодательные акты византийских императоров, юридические своды и справочники, памятники ближневосточного права и апокрифические «апостольские» правила, монастырские уставы и епитимийные правила, а также многие произведения неправового характера — толкования слов и символов, календарные и хронологические сочинения.

После того как в качестве «святых книг», на основе которых строилось управление церковью, кормчие проникли на Русь, здесь началась новая жизнь этих сложных памятников.

Изучение литературы XIX—XX вв., посвященной кормчим книгам, показывает, что внимание исследователей было обращено на разрешение нескольких крупных проблем, возникавших постепенно в зависимости прежде всего от задач, которые ставила перед исторической наукой общественная жизнь, а также от обнаружения новых, не известных ранее списков и редакций. Таких проблем можно выделить четыре. Во-первых, вопрос о значении кормчих в русском праве и в более широком смысле — вообще в истории древней Руси — встал впервые уже при первом знакомстве с этими памятниками. От правильного его решения зависело, следует ли обращать внимание на кормчие книги как на памятники, важные в истории русского права, подвергать их изучению или роль кормчих ограничивается только сохранением в славянских переводах византийских правил и законов. Во-вторых, вопрос о происхождении кормчих на Руси, их ранней истории — переводах, возникновении редакций. В-третьих, история корм-

чих на Руси с XIII в. как памятников, отразивших социально-экономическое и политическое развитие Руси. И, наконец, в-четвертых, вопросы археографического изучения кормчих, классификации их текстов, являющиеся основой их источниковедческого исследования. Знакомство с историографией показывает, что успехи и пробелы в последней теме нередко существенно влияли на разработку других вопросов.

Нужно отметить, что указанные проблемы являются наиболее актуальными для истории кормчей в раннее время, в XI—XIII вв. В дальнейшей истории страны, в XIV—XVI вв., значение кормчих книг изменялось, но в общем, очевидно, не уменьшалось, а увеличивалось, и для XV—XVI вв. актуальной становится проблема их роли в идеологической борьбе внутри русского общества как оружия и реформационного, и консервативного направлений (работы Ивана Волка Курицына, Вассиана Патрикеева, Нифонта Кормилицына, митрополита Даниила). Хотя часть этой проблемы в связи с сохранением значения ранних кормчих на Руси в XV—XVI вв. затрагивается в настоящей работе, специально ни они, ни их историография здесь не рассматриваются.

Кормчая книга в печатном издании 1650—1653 гг. была известна еще первым русским историкам XVIII в., однако церковно-догматическое содержание этого памятника уже тогда отпугивало их от его изучения. Поверхностное знакомство В. Н. Татищева с печатной кормчей привело его к неправильному заключению о неценности этого памятника для ранней истории России, поскольку, как он считал, составил ее Никон, который «книгу законов церковных сочиня, назвал Кормчая», а его сотрудники сами канонов «не видали, а писали наизусть» и добавили к ним посторонние материалы [1].

Заслуженное внимание кормчие получили лишь в результате открытия первых рукописей этого памятника, которые сразу заставили отказаться от прежнего мнения. Честь открытия для науки ценнейших списков — Синодального и Рязанского — принадлежит Н. М. Карамзину и К. Ф. Калайдовичу. Новгородская кормчая 1280-х годов, хранившаяся в Московской Синодальной библиотеке, стала известна Карамзину еще до 1818 г., когда по указанию Карамзина над изданием Русской Правды по этому списку начал работать Г. Эверс [2]. Сам Карамзин ссылался на устав Владимира и другие статьи в кормчей в примечаниях к первому тому своей «Истории», вышедшей в 1816 г. [3] Об открытии Карамзина впервые сообщил Калайдович в предисловии к изданию Синодального

---

[1] Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые. . указы, собранные. . В. Н. Татищевым. М., 1768, с. 130.

[2] *Валк С. Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII — начала XIX в.— «Археографический ежегодник за 1958 год».М., 1960, с. 149, 155.

[3] *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. 1. М., 1816, с. 236—239; прим. с. 202.

списка Русской Правды [4]. О Рязанской кормчей 1284 г., принадлежавшей тогда московскому купцу А. С. Шульгину, Калайдович сообщил в специальной статье 1820 г. [5], где он также обратил внимание на свидетельство Зиновия Отенского о бывшем в его распоряжении списке правил времени князя Изяслава Ярославича. В течение XIX в. в России в науку были введены почти все старшие, пергаменные списки кормчих и были опубликованы их описания.

За пределами России, в южнославянских странах, первая кормчая была найдена для науки русским славистом и археографом В. И. Григоровичем, который во время своего путешествия по так называемой Европейской Турции в 1840-х гг. обратил внимание на Иловицкий список 1262 г., принадлежавший тогда австрийскому консулу в Солуни хорвату Михановичу. Этот список был кратко описан Григоровичем в очерке о его путешествии, изданном в 1848 г. [6]

Вопросы о времени появления кормчих книг на Руси, месте их перевода, соотношения славянских и греческих списков были поставлены впервые митрополитом Евгением (Болховитиновым). Ему принадлежит заслуга первой разработки этой темы [7].

Евгений был знаком с Синодальным и Рязанским списками 1280-х гг. и несколькими более поздними. Эти материалы позволили ему сделать важные наблюдения по истории кормчих, которые позднее, будучи проверенными и обоснованными другими исследователями, явились основой современных знаний древнейшей истории этого памятника. Евгений определил, что известные ему списки кормчих представляют собой перевод греческого сборника, который считался трудом Фотия и назывался Фотиевым номоканоном, но состав русских списков различен. Исследователь пришел к заключению, что кормчая, полученная митрополитом Кириллом из Болгарии (как он считал, в 1270 г.), не была первой книгой такого рода на Руси. Сам Кирилл ссылался на соборе 1274 г. на правила в первоначальном плохом переводе, которым он противопоставляет полученные из Болгарии новые правила, хотя и те, и другие Евгений считает переведенными у южных

---

[4] *Калайдович К. Ф.* Предисловие к изданию текста Правды Русской.— В кн.: Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских, ч. 1. М., 1815, с. 18—12.

[5] *Калайдович К. Ф.* Нечто о славянском переводе кормчей и древнейшем оной списке.— «Вестник Европы», 1820, март, ч. CX, с. 22—32.

[6] *Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции (с картой окрестностей Охридского и Преспанского озер). Казань, 1848, с. 181—182 (изд. 2-е, 1877).

[7] *Евгений* [*Болховитинов*]. Ответ барону Розенкампфу 1822 г.— В кн.: Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии. Киев, 1825, прилож. 42, с. 239 (далее — *Евгений.* Ответ); *он же.* Историческое обозрение российского законоположения.— В кн.: *Фиалковский А. Ф.* Новый памятник законов истории Российской, ч. 1. СПб., 1825, с. III—IV (далее — *Евгений.* Обозрение), *он же.* Исторический словарь писателей духовного чина (далее — *Евгений.* Словарь). Изд. 2-е. СПб., 1827, с. 324—329.

славян [8]. Эти первоначальные правила, цитированные еще в XVI в. в сочинении Зиновия Отенского против ереси Феодосия Косого, были полными, а не сокращенными, как в «Болгарской» кормчей, и не имели толкований, которые появились только в XII в. Прозорливо Евгений отметил, что списки этого первоначального текста не дошли или по крайней мере доныне еще не найдены, а наиболее близким к нему является текст в Софийском Синодальном списке [9]. Эта догадка была подтверждена, когда в 1840-х гг. В. М. Ундольским в Московской Синодальной библиотеке был обнаружен Ефремовский список, содержащий как раз такие правила без толкований [10].

Евгений разделил все известные ему списки кормчих на два рода: «одни подобны вышеупомянутому Новгородскому, а другие — Болгарскому (Рязанскому.— *Я. Щ.*)» [11]. Списки «Болгарского» рода отличаются сокращенными правилами с толкованиями Аристина и местами с толкованиями Зонары, «некоторыми неупотребительными у северных славян словами и званиями чиновников», а также отсутствием в них «русских узаконений». Род Новгородского списка имеет полные, а не сокращенные правила «прежнего перевода» и толкования, приписанные из «Болгарского» списка. Исследователь выделяет также то существенное, что характеризует этот род списков — включение в него «русских соборных и отеческих решений, устава кн. Владимира, Русской Правды Ярославовой и иных» [12]. Эта важная черта Софийской Синодальной кормчей и близких к ней списков подчеркивается и в современной науке [13].

Свое мнение о значении кормчих книг в истории русского права Евгений высказал, отвечая на вопрос петербургского юриста, а позднее исследователя этого памятника Г. А. Розенкампфа, столкнувшегося с феноменом действенности норм кормчей о браке в практике XIX в.: «Имеет ли кормчая книга силу и употребление в гражданских и уголовных судах российских?» Евгений пишет, что в составе кормчих книг находятся «многие узаконения по делам гражданским и уголовным». Это объясняется тесной связью церкви и государства в прошлом: государи издавали законы в охрану церкви и веры и утверждали свои законы на церковных соборах, причем часть дел предоставлялась ведению церкви. Таким образом, кормчие должны были иметь силу закона и в гражданских судах. В России в удельный период кормчие были наиболее полным уложением по духовным и гражданским делам. О таком значении этих сборников в России говорит включение в

---

[8] *Евгений.* Словарь, с. 328.
[9] *Евгений.* Обозрение, с. IV.
[10] *Ундольский В. М.* Описание славянских рукописей Московской патриаршей библиотеки. — ЧОИДР, 1867, № 2, с 38—44.
[11] *Евгений.* Ответ, с. 239.
[12] Там же, с. 239.
[13] *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 178.

них гражданских уставов, свидетельства о применении их норм в XVI и XVII вв. [14] Евгений писал, таким образом, о важном значении кормчих на Руси, подтверждая мнение Н. М. Карамзина, считавшего, что это собрание правил и законов служило на Руси не только церковным, но и гражданским уложением в случаях, не определенных русскими законами, и дополняло их [15].

Одновременно с Евгением русскими кормчими заинтересовался венский славист словенец Бартоломей Копитар, посвятивший им несколько статей. Объектом его работы были печатные издания кормчей 1816 и 1653 гг. [16] Копитар познакомил исследователей канонического права, не знающих русского языка, с содержанием печатной кормчей, дал перевод некоторых статей (главным образом историко-церковных и церковно-полемических, включенных в издание патриархом Никоном), сделал очень резкие критические замечания о переводе текстов кормчей и содержании некоторых полемических антилатинских статей, высказав предположения об их греческих источниках (статья Никиты Стифата, рассказ о Петре Гугнивом). К истории кормчих в интересующее нас время, до XIV в., прямое отношение имеет высказанное Копитаром предположение о переводе славянского текста, вошедшего в печатное издание, сербским архиепископом Данилом (ум. около 1340 г.). Исследователь руководствовался при этом, вероятно, присутствием в печатной никоновской кормчей Сказания об учреждении Сербской патриархии, а также указанием Карамзина, писавшего, что, судя по употреблению термина «жупаны», кормчая переведена в земле южных славян. В дальнейшем открытие ранних сербских и русских списков XIII в., в частности, имеющих указание на архиепископа Савву, укрепило мнение о связи этого перевода с Балканами, но позволило отнести перевод к более раннему времени.

Работы Евгения и, вероятно, Б. Копитара пробудили интерес к истории кормчей книги у Г. А. Розенкампфа, выступившего с первым монографическим исследованием этой темы, которое из статьи 1827 г. превратилось в посмертном издании 1839 г. в объемистый том [17]. Г. А. Розенкампф обследовал в 1820-х годах все

---

[14] *Евгений.* Ответ, с. 235—241.

[15] *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. 4. СПб., 1818, с. 354, прим. 324.

[16] *Kopitar B.* Kormczaia kniga. Moskau, 1816, 2 Bände.— «Jahrbücher der Literatur», Bd. 23. Wien, 1823, S. 220—274; *idem.* Zwei Nachträge zur Anzeiger der russischen Kormczaia kniga im XXIII. Bände.— Ibid., Bd. 25, 1824, S. 152—168; Bd. 33, 1826, S. 288—290. О работах Копитара см.: *Петровский Н. М.* Из истории вопроса о составе Кормчей книги. — ЖМНП, 1914, декабрь, с. 173—239.

[17] *Розенкампф Г. А.* О кормчей книге. Краткое обозрение кормчей книги в историческом виде.— В кн.: Материалы для истории просвещения в России, собираемые Петром Кеппеном, № 3. СПб., 1827, с. 141—150 и отд. от.; *он же.* Обозрение кормчей книги в историческом виде. М., 1829; изд. 2-е. СПб., 1839.

доступные списки номоканона в собраниях Толстого, Румянцева, Московской Синодальной библиотеки, новгородского Софийского собора, в некоторых старообрядческих собраниях и дал их классификацию, выделив собственно кормчие книги [18]. Принимая во внимание открытый Евгением в собрании Н. П. Румянцева незадолго до 1827 г. канонический сборник, содержащий Номоканон Иоанна Схоластика [19], Розенкампф разделил все списки кормчих на два «разряда», в основе первого из которых лежит этот сборник (Рум. 230), а второго — номоканон и собрание правил патриарха Фотия. Деление второго «разряда» на две «фамилии» — (Кирилловскую с полными правилами и толкованиями как Зонары, так и Аристина, и Рязанскую, или Иосифовскую, с правилами по сокращению Аристина и тоже с толкованиями) взято Розенкампфом у Евгения.

Не встретив ни в одном из русских или славянских списков правил в изложении и с толкованиями только одного из комментаторов XII в., Зонары или Аристина, Розенкампф пришел к заключению, что смешение канонов и толкований произошло или в Болгарии, или, скорее, на Руси, поскольку в известных ему греческих и латинских списках смешения нет, а в Киеве должны были быть рукописи и того, и другого состава («перевода»). Кормчая, присланная из Болгарии митрополиту Кириллу, содержала текст Зонары, ибо этим именем называет номоканон митрополит Кирилл. В отличие от Евгения, Розенкампф связал с присланным из Болгарии текстом Софийскую («Кирилловскую») «фамилию», а не Рязанскую («Иосифовскую»), что было шагом назад в изучении кормчих XIII в. Последующие исследователи не согласились с Розенкампфом в этом определении. С полученным из Болгарии в XIII в. списком связывали Рязанскую кормчую и автор анонимной статьи в журнале «Христианское чтение», и историк русской церкви митрополит Макарий, хотя другие вопросы ранней истории кормчих они решали по-разному. Аноним допускал возможность существования до времени Кирилла славянских переводов и Фотиева номоканона и Номоканона Схоластика [20].

Макарий склонен признать, что до Кирилла на Руси существовал перевод только некоторых церковных правил, не бывший к тому же во всеобщем употреблении. Соглашаясь с Евгением, что в Софийской кормчей находятся правила, употреблявшиеся на Руси по местам до XIII в. исследователь оставляет открытым вопрос

---

[18] Розенкампф широко извещал специалистов о своих археографических находках и наблюдениях об истории кормчих. Так, Ф. Бинер ссылается на его личное письмо со сведениями о послании Святослава к митрополиту Кириллу 1270 г., об Устюжском сборнике и др. (*Biener F. A.* De collectionibus canonum ecclesiae graecae schediasma litterarium. Berolini, 1827, 48—49, 54).

[19] *Розенкампф Г. А.* Обозрение кормчей книги. Изд. 1-е. М., 1829, с. 6.

[20] «О первоначальном составе славянской кормчей книги».— «Христианское чтение», ч. 1, 1851, с. 535—560.

о месте создания Софийской редакции кормчей и ставит его в зависимость от решения другого вопроса, где — в России или в Болгарии — к полным правилам были прибавлены толкования Аристина [21].

Важным для изучения значения кормчей книги в русском праве было исследование видного археографа и источниковеда Н. В. Калачова [22]. Он по-новому поставил этот вопрос и интересно его разрешил.

Целью своей работы Калачов поставил, как он сам пишет, «определить в кратком обзоре юридическое значение духовенства в России и отношения его к светской власти в период до Петра Великого: это пояснит нам характер и содержание, а вместе с тем и практическое значение кормчих, писанных в нашем отечестве» [23].

На основании богатого фактического материала, почерпнутого не только и не столько из кормчих, сколько из опубликованных актов XII—XVII вв., судных грамот и судебников, Калачов охарактеризовал сферы юридической деятельности духовенства этого периода. «Важнейшим правом в сфере внешних юридических отношений,— пишет Калачов,— было, без сомнения, право, которое получило духовенство владеть... недвижимою собственностью, населенными и ненаселенными землями... при этом владеть ими в значении *отчинников* [24], с предоставлением сверх того множества привилегий, какие из прочих подданных давались весьма немногим, а для духовенства мало-помалу сделались почти общим правилом» [25]. С этим привилегированным положением духовных земельных собственников Калачов закономерно связывает первую сферу деятельности духовенства: по отношению к принадлежащим ему крестьянам, к зависимым от него боярам, детям боярским и другим церковная власть выступает как власть светская, применяет общегосударственные законы. Являясь частью государственной системы, будучи ограниченной в определенных делах (например, душегубстве), церковная власть сама подчиняется постановлениям государственной власти. Наконец, в пору борьбы за сохранение церковного и монастырского землевладения церковь широко использует светские законы. Все это указывает на то, что церковные власти были хорошо знакомы со светскими законами, использовали их и обосновывали закономерность включения в кормчие и сходные с ними сборники законов государственной власти. «Итак, заключаю,— пишет Калачов,— изучение сборников канонических не только полезно,

---

[21] *Макарий*. История русской церкви, т. V, с. 6.
[22] *Калачов Н. В.* О значении кормчей в системе древнего русского права.— ЧОИДР, 1847, № 3, отд. 1; № 4, отд. 1 и отд. отт. М., 1850.
[23] *Калачов Н. В.* О значении кормчей. М., 1850, с. 2.
[24] Выделено Н. В. Калачовым.
[25] *Калачов Н. В.* О значении кормчей. М., 1850, с. 8.

но и необходимо для того, чтобы вполне узнать и исчерпать источники нашего древнего светского законодательства»[26].

Вторая сфера деятельности духовенства — суды по преступлениям, собственно относящимся к ведению церкви (кровная месть, многоженство, браки близких родственников и пр.). Здесь имели силу и переводные, дополненные на Руси византийские постановления, и собственные уставы и правила, причем оба вида памятников находились в составе кормчей книги.

Третья сфера юридической деятельности церкви — по отношению к собственному составу духовенства и приписанным к церкви. Здесь церковь, как и в первом случае, использует светское законодательство. Наконец, четвертая сфера — это влияние духовенства на светское законодательство, что также требует для понимания законодательства знания его церковью.

Все это является подтверждением взгляда Калачова, высказанного еще в начале работы, «как необходимо для наших историков и юристов подробное обозрение отечественных кормчих и как важно было бы издание по крайней мере некоторых оригинальных и переводных статей этого оригинального памятника»[27].

Будучи знаком только с двумя основными редакциями кормчей: Новгородской Синодальной («Кирилловской») и Рязанской («Иосифовской»), Калачов делает вывод о большей ценности для истории русского права именно первой из них, содержащей значительное число собственных русских статей или византийских, но дополненных и отчасти измененных на Руси[28].

Работа Калачова включает список памятников, сохранившихся в составе кормчих или в приложениях к ним, которые автор счел достойными особого внимания исследователей. В первую часть списка входят статьи, принадлежащие или приписываемые в рукописях византийским императорам, такие как «Судебник царя Константина» (Закон судный людем), законы о земледельцах, заповеди Юстиниана, Закон градский и т. д., а также законы Моисеевы. Вторая часть списка особенно ценна: она содержит хронологический перечень русских (также украинских, белорусских) юридических статей. Здесь впервые собраны названия большинства статей, которые, как по этим названиям, так и по определению исследователей, являлись местными памятниками, такие как княжеские уставы, Русская Правда, вопросы Кирика, правила Иоанна митрополита, Сказание о иноческом чину Кирилла Туровского, соборная грамота литовских епископов об избрании митрополитом Григория Цамблака, статья о четвертом браке Ивана Васильевича и другие, всего 33 статьи XI—XVII вв.[29] Наконец, последняя часть списка содержит статьи,

---

[26] *Калачов Н. В.* О значении кормчей, с. 8.
[27] Там же, с. 2.
[28] Там же, с. 17.
[29] Там же, с. 22—25.

«не имеющие юридического значения, но составленные, дополненные или измененные в России», такие как Летописец патриарха Никифора, Речь жидовского языка, предисловие и послесловие к печатной кормчей и др.

Выделение из массы статей такого сложного сборника, как кормчая, памятников местного происхождения является заслугой Калачова. Однако его список является лишь самым начальным опытом изучения русских статей кормчей. Калачов выносит в один ряд памятники из различных редакций кормчей, не указывая, откуда он берет эти статьи, смешивает статьи, вошедшие непременной составной частью в определенные редакции кормчих (Русская Правда, Речь жидовского языка и др.) и сохранившиеся в приложениях к кормчим вне их состава (окружная грамота вел. кн. Александра о поставлении в митрополиты Цамблака и др.). Калачов ограничивается только перечислением статей, не анализируя связи этих статей между собой, обстоятельств включения их в кормчие и т. д. Все это делает список только справочным пособием, однако, как таковой, он и до нашего времени продолжает сохранять определенное значение.

Последнюю часть книги Калачова составляют обширные и подробные примечания, и эта часть по объему почти в 3 раза больше, чем предшествующие, вместе взятые. Здесь собрано большое количество чрезвычайно ценных материалов по темам, о которых говорилось в тексте доклада; документы приводятся в ссылках, выдержках или целиком. Ряд примечаний (о вытеснении языческих обычаев новыми, вводимыми государством,— прим. 22; значении византийских источников права — прим. 23) превратился в отдельные небольшие историко-правовые исследования. Примечания в книге Калачова являются ценной сводкой опубликованных к середине XIX в. документальных материалов для изучения юрисдикции русской церкви XI—XVII вв.

В виде приложений к работе Калачов издал ряд документов XVI—XVIII вв., подтверждающих, по его мнению, использование византийских юридических памятников, заключенных в кормчих, в русском законодательстве того времени [30].

Эта книга Калачова сыграла важную роль в изучении русских кормчих книг. Она впервые определила их место в ряду памятников русского права. Будучи мало знакомым с историей многих уставов, правил и посланий, входивших в состав кормчей, еще меньше зная о византийских светских и канонических памятниках, Калачов, однако, сумел правильно оценить значение кормчих. Им проведено исследование документов органов государственной власти, *примыкающих* к памятникам, заключенным в кормчей и *сопровождающих* кормчую в ее исторической жизни на Руси. Так, уже в первые десятилетия изучения кормчих в России, когда разработка их истории только начиналась, связь их с внешним

---

[30] *Калачов Н. В.* О значении кормчей. . — ЧОИДР, 1847, № 4, отд. 1.

миром, с законодательными памятниками государственной власти была исследована так полно, как никогда позже.

В своих работах по истории текстов Русской Правды Н. В. Калачов обратил внимание на тесную связь отдельных «фамилий» этого памятника с составом сборников, сохранивших их тексты,— кормчих книг, Мерила праведного и включил в исследование все известные в его время списки кормчих, содержащие Правду [31].

Открытие В. М. Ундольским в Синодальной библиотеке Ефремовской кормчей XII в. с полными правилами и без толкований, существование которых предполагал Евгений, дало ценный новый материал для истории кормчей на Руси до XIII в. Ундольский также не поддержал тезиса Розенкампфа об источнике Новгородской кормчей, но определил, что правила в этом списке те же, что и в Ефремовском, а печатная кормчая, Рязанская и кормчая, полученная Кириллом от Святослава, принадлежат к другой группе. При этом он опроверг и другое мнение Розенкампфа о том, что смешение правил разного состава впервые появилось в Болгарии или даже в России, найдя, что Ефремовский список, содержащий болгарский перевод, совершенно сходен с греческим [32].

Ранняя история кормчих на Руси, на основе нового Ефремовского списка и других, ставших известными в XIX в., была рассмотрена известным канонистом А. С. Павловым [33]. Поставив целью своей работы ответ на вопрос, «с какого времени появился у нас и вошел во всеобщее церковное употребление славянский перевод греческого номоканона», он дал его, основываясь на археографических, источниковедческих и исторических изысканиях.

---

[31] *Калачов Н. В.* Исследования о Русской Правде, вып. 1. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846; *он же.* Мерило Праведное. — «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. 1. М., 1850, отд. III, с. 28—40.

[32] *Ундольский В. М.* Описание славянских рукописей Московской патриаршей библиотеки. — ЧОИДР, 1867, № 2, с. 38—44. Воспроизводим окончание описания рукописи Син. 132 Ундольским (1848 г.), не опубликованное в посмертном издании его работы, но сохранившееся в корректуре в архиве (ГБЛ, Унд. 1391а, вкладка): «Сам Розенкампф видел, что не во всех Кирилловских списках наход⟨ятся⟩ письма Драгослава (Обозр⟨ение⟩, изд. 2-е, с. 52) и в Софийском нет их, но что, напротив, в Рязанских они есть (прим. 46) и в перг⟨аменном⟩ Толстовском 1284 г. оставлены для них пробелы (с. 268). Поэтому для избежания явных противоречий Розенкампф между Кирилловскими списками предполагал старший разряд. Между тем видел, что в Софийских списках нет сходства с болгарским подлинником (с. 53). Значит, Святославов печатный и Рязанский род кормчих будет один и тот же, и все противоречия Розенкампфа примирятся сами собою. Тот, кто вздумает снова рассматривать и делить кормчие на роды или фамилии, должен будет обратить внимание на исслед⟨ования⟩ митр. Евгения, предложенные в Слов⟨аре⟩ дух⟨овных⟩ писат⟨елей⟩ под статьею Киприан митр⟨ополит⟩ и в письме его же Г. Розенкампфу, помещенном в приложениях к Описанию Киево-Софийского собора, Киев, 1825».

[33] *Павлов А. С.* Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869.

Исследователь пришел к выводу, что Номоканон 14 титулов вместе с Собранием в 87 главах был переведен на славянский язык не ранее 870-х гг., но позже славянского перевода Номоканона Иоанна Схоластика, связываемого с деятельностью Мефодия.

Собрав и проанализировав свидетельства источников и мнения исследователей относительно существования на Руси перевода правил до второй половины XIII в., он показал, что такой перевод был известен уже в XI—XIIвв. Что касается конкретного места и времени этого перевода, то основываясь на цитировании правил Ефремовской кормчей в русских источниках XII в., на раннем (до XII в.) распространении ее списков на Руси и включении в Соловецкий ее список XVI в. русских статей, А. С. Павлов высказал предположение, что кормчая была переведена на Руси в первой половине XI в. при князе Ярославе, ко времени которого летописные свидетельства относят переводы с греческого. В состав этой кормчей, кроме извлечений из новелл Юстиниана, входили, по А. С. Павлову, византийские юридические памятники — Эклога и Прохирон и южнославянский Закон судный людем. Что касается древнерусских памятников, то Павлов считал вполне вероятным присоединение к составу первоначального номоканона уже в XII и в первой половине XIII в. источников русского права, как церковного, так и светского,— Русской Правды, канонических ответов митрополита Иоанна II и епископа Нифонта и, может быть, устава Владимира. Такой вывод он делает, основываясь на том, что «в позднейших редакциях русской кормчей, стоящих в генетической связи с первоначальным славянорусским номоканоном, указанные русские памятники составляют как бы необходимую принадлежность» [34].

Кормчая, присланная на Русь в 1270 г. из Болгарии, была, по А. С. Павлову, переведена в Сербии, вероятно, Саввой Сербским в связи с созданием Сербского государства и основанием в 1219 г. епископии. Этот сборник распространялся в Сербии и в связи с учреждением в 1226 г. болгарской патриархии — в Болгарии. Текст его сохранил русский Рязанский список, а в присланном на Русь экземпляре находилось еще и послесловие, как в Рашском списке, которое цитировал митрополит Кирилл на Владимирском соборе.

Значительной заслугой А. С. Павлова является определение того, что на основе этих двух переводов номоканонов, первоначального Ефремовского и принесенного из Болгарии, была составлена кормчая Новгородская («Софийская»), причем часть русских статей и Закон судный людем вошли в нее из первоначального номоканона, а основная часть русских статей была дополнена при создании кормчей в XIII в. Использовав наблюдения Макария и В. М. Ундольского о сходстве правил и толкований Новгородского списка со списком XVI в. Волынской кормчей

---

[34] *Павлов А. С.* Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902, с. 112.

1286 г. и пергаменным Синодальным № 131, Павлов определил, что все они восходят к общему тексту, бывшему когда-то в широком употреблении. А. С. Павлов назвал редакции кормчей, появившиеся на Руси в XIII в., *Сербской*, поскольку она происходит от сербского оригинала и не содержит русских статей, и *Русской*, так как она связана с первоначальным номоканоном, содержит памятники русского права и была наиболее важной и распространенной на Руси [35].

Основной заслугой А. С. Павлова остается обоснование тех положений, что Ефремовская кормчая была известна и использовалась на Руси до XIII в., а кормчая, созданная в XIII в., пользовалась широким распространением уже тогда. Работа Павлова была справедливо высоко оценена [36] и ей была присуждена академическая Уваровская премия. Что касается предположения Павлова о русском переводе Ефремовской кормчей XI в., то оно было принято рядом исследователей, хотя ученые, изучавшие язык этого перевода, не согласились в этом с известным канонистом.

Предположение А. С. Павлова о том, что византийские памятники права, Эклога и Прохирон находились в составе уже первоначального славянорусского номоканона и применялись на Руси, было воспринято исследователями истории идеологии, культуры Руси, однако историки-правоведы отмечали несомненное различие систем древнерусского и византийского права, которое не могло способствовать здесь использованию бывшей части этих кодексов. Так, Н. Дювернуа, специально изучавший это соотношение систем в их развитии, пришел к выводу об очень малой степени сходства византийских норм гражданского и уголовного права с русскими [37], а относительно некоторых (срок давности в имущественных делах) писал, что «до XVI в. русский законодатель вовсе не хотел знать системы греческого права» [38]. Однако он отмечал сходство систем в более широком плане, не в правовых нормах, а в общехристианском взгляде на институты и казусы. Говоря и о более позднем времени, когда русские тексты византийских светских юридических памятников были широко распространены, Дювернуа писал: «В самом деле, в XV в. в законах о наследстве мы встречаемся с такими явлениями, которые не могли быть прямо внушены номоканоном, но которые были результатом укоренившихся в общественном сознании начал христианской нравственности» [39]. Таким образом, выводы Павлова о раннем распрост-

---

[35] *Павлов А. С.* Курс церковного права, с. 114—115.

[36] *Срезневский И. И.* Отчет о XII присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1870, с. 11—16; рецензия Е. Дылевского в журнале «Странник». СПб., 1874, март, с. 161.

[37] *Дювернуа Н.* Источники права и суд в древней России. М., 1869, с. 319—322.

[38] Там же, с. 323.

[39] Там же, с. 329.

ранении на Руси полных текстов Эклоги и Прохирона в результате историко-правового анализа не получили подкрепления.

Текстологические изучения древнейших пергаменных списков кормчей связаны с именем И. И. Срезневского. Его работы конца 1860-х — 1870-х годов посвящены описанию и исследованию русских Ефремовского, Рязанского, Новгородского списков, сербских Иловицкого и Рашского [40]. Этот крупный русский палеограф и лексикограф готовил книгу, посвященную тому, «в каком виде кормчая книга была известна у нас в древности». В нее должны были войти определение основного состава кормчей книги по четырем ее «разрядам» — редакциям (Ефремовской, Рязанской, Новгородской Софийской и Номоканону Иоанна Схоластика), описание сохранившихся старших списков в сравнении с более поздними и публикация отдельных византийских памятников в славянских переводах. Работа Срезневского осталась незавершенной. Изданная посмертно, она включает описание старших списков с указанием источников и особенностей переводов отдельных статей и высококачественное издание славянских текстов Номоканона Иоанна Схоластика, собрания постановлений Юстинианова законодательства Иоанна Схоластика в 87 главах, отдельных новелл, Синтагмы 14 титулов с двумя предисловиями и Закона судного людем Краткой редакции [41]. Срезневский включил лексический материал как ранних Ефремовского и Рязанского списков, так и более поздних списков кормчих в свои материалы для словаря [42], введя его в широкий научный оборот.

Наиболее интересные наблюдения и замечания Срезневского по ранней истории кормчей на Руси касаются двух вопросов — создания кормчей «Софийской» редакции и характеристики так называемой «Устюжской кормчей». Сравнение Новгородского списка с Варсонофьевским XIV в. позволило ему определить основной состав общего источника этих списков (в 70 главах) и дополнения, характерные для каждого из них, и установить, что этот источник — сводная кормчая XIII в.— уже существовала в 1276—1280-х годах, во время между включением Летописца вскоре с сообщением о смерти Глеба Ростовского и созданием «Софийского» списка. Одновременно Срезневский высказал предположение, что ряд переводных статей, которые были включены в «разряд» Новгородской кормчей, но отсутствуют в Ефремовской и Рязанской, могли попасть в нее из еще одной ранней кормчей: «Рассмотрение кормчей 4-го разряда (Новгородской) с кормчей

---

[40] *Срезневский И. И.* Кормчија книга српског писма XIII—XIV в. — «Starine», 1871, т. III, с. 189—202; *он же.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1873, № XLVII; там же. СПб., 1876, № XLIV, с. 65—104.

[41] *Срезневский И. И.* Обозрение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1897.

[42] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III. СПб., 1893—1912.

3-го разряда (Рязанской) приводит к заключению, что под руками ее составителя... была и еще одна кормчая, из которой и взяты ее статьи, не находившиеся в трех первых; к тому же домыслу приводят и некоторые ссылки русских канонических статей; но такой особенной кормчей доселе не найдено» [43]. Это предположение не сопровождалось у автора обоснованием, но оно привлекло внимание позднейших исследователей, например В. Н. Бенешевича.

Сравнительное изучение «Устюжской кормчей» позволило Срезневскому отказаться от характеристики всей этой рукописи как кормчей и определить, что она представляет собой «сборник канонов и неполный и неправильно расположенный сборник выписок из разных кормчих по частному выбору и без определенного плана» [44]. Срезневский выяснил, что позднейший Иосафовский список не восходит к Устюжскому, а существовал общий протограф Устюжского списка и «другого, менее ошибочного, хотя может быть в некоторых словах и измененного», списка, с которого был списан Иосафовский [45].

Вопрос о значении кормчей книги на Руси явился одной из тем полемики между канонистами конца XIX — начала XX в. Н. С. Суворовым и И. С. Бердниковым. Точка зрения Суворова определялась его общей монархической концепцией истории русского права, согласно которой источниками права на Руси, в узком смысле слова, были такие установления, которые получили утверждение со стороны княжеской, а позднее царской власти. Отрицая существование древнерусских княжеских уставов как местных авторитетных установлений, Суворов считал, что «национального церковного законодательства, т. е. того именно законодательства, которое вызывается действительными нуждами жизни... до XVI в. не существовало на Руси» [46]. Вместе с тем и кормчая книга не имела практической силы «в том строгом и собственном смысле слова, в котором юрист говорит о действующих законах». Она представляла собой, по его мнению, «предмет идеального почтения для наших предков и, пожалуй, обширную кладовую, из которой, в случае надобности, можно было взять и нечто практически приложимое к юридической жизни». Такой же характер имела кормчая и в XVII в. [47]

Представитель другого направления в историографии русского канонического права И. С. Бердников отстаивал относительную самостоятельность церкви и большее значение древних церковных установлений в истории русского права, являясь сторонником не менее консервативной клерикальной концепции о

[43] *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1876, № XLIV, с. 68.
[44] *Срезневский И. И.* Обозрение. с. 116—117.
[45] Там же, с. 134.
[46] *Суворов Н. С.* Курс церковного права, т. 1. Ярославль, 1889, с. 362.
[47] *Суворов Н. С.* Церковное право, как юридическая наука.— «Юридический вестник», 1888, август, с. 524, 533.

важности этих установлений для успешной деятельности церкви «среди разнородных и нередко противоцерковных течений современной мысли и общественной жизни»[48]. Бердников, так же как и Суворов, не видит в древней Руси собственных памятников церковного законодательства, но объясняет это не «бессилием к правообразованию» русской духовной иерархии, как это делал Суворов[49], а «зависимостью» русской церкви от константинопольской в своем управлении и суде и преобладанием в связи с этим норм церковного права, употреблявшихся в византийской церкви. Бердников показал, что русские иерархи постоянно ссылались на церковные правила, синодальные решения и императорские установления, входящие в кормчие, и использовали их в своих сочинениях. Все это приводит исследователя к выводу, что номоканон употреблялся в древней Руси в качестве источника права[50].

Оба участника полемики, несмотря на различие их взглядов на значение переводных памятников канонического права на Руси, обсуждали эти вопросы, исходя из своих позиций официальных профессоров канонического права и разделяя господствовавшие представления об истории древнерусского права и его источников. Не соглашаясь с мнением обоих об отсутствии местного законодательства о церкви, нужно однако прислушаться к доводам Бердникова об использовании правил и установлений кормчей на Руси, внеся в его выводы определенные поправки относительно различий в таком использовании в раннее (XI—XII вв.) и более позднее время. Несомненно, что применение к древним памятникам права и их собраниям понятий действующих законов нового времени «в строгом и собственном смысле слова», которое отвергал Н. С. Суворов, действительно невозможно, поскольку уровень общественного и, в частности, правового сознания средневекового человека был весьма своеобразным.

Важный этап в изучении ранних текстов кормчих и их источников связан с работами русского канониста XX в. В. Н. Бенешевича. Его первые работы над историей кормчих на Руси относятся еще к началу века и посвящены изучению византийского канонического Сборника 14 титулов без толкований — основного источника Древнеславянской кормчей.

Бенешевич поставил конечной целью этого исследования выяснить вопрос о значении императорского законодательства для византийской церкви в период иконоборчества в VII—IX вв. Объясняется ли почти полное отсутствие императорских новелл по церковным делам в это время утратой или неизученностью

---

[48] *Бердников И.* Основные начала церковного права православной церкви. Казань, 1902, с. 385.

[49] *Суворов Н. С.* Предисловие.— В кн.: *Маасен.* Девять глав о свободной церкви. Пер. Н. С. Суворова. Ярославль, 1882, с. XXXIV.

[50] *Бердников И.* Основные начала церковного права православной церкви, с. 374; *он же.* Краткий курс церковного права православной церкви. Изд. 2-е. Казань, 1903, с. 179.

источников, или же это отражает отношение церковной организации к императорским актам, не признанным церковью? Для ответа на этот вопрос он провел скрупулезное исследование по рукописям того сборника церковного права, который был наиболее полным по содержанию и пользовался в это время наибольшим распространением — Сборника 14 титулов со времени его возникновения и до 883 г.— даты исторически известной обработки его патриархом Фотием. Это исследование укрепило его в мысли, что императорские постановления VII—XI вв. о церковном управлении, если такие и имели место, не включены ни в одну редакцию или извод Сборника 14 титулов и даже присутствие Эклоги в первоначальном составе Синтагмы Третьей редакции более чем сомнительно. Следовательно, ни один акт императорской воли в этот период (в отличие от канонизированного светского права Юстиниана) не был признан как общецерковная обязательная норма [51].

Однако объективные результаты его работы, в частности, для истории источников права восточной православной церкви, были шире этого важного исторического вывода. Они связаны прежде всего с историей возникновения и развития Сборника 14 титулов. Опираясь на работы своих предшественников по изучению византийских сборников церковного права А. Бинера и К. Э. Цахарие [52], но значительно расширив базу исследования, Бенешевич определил основной источник текста Ефремовской редакции — Синтагму 14 титулов Третьей редакции, созданную между 787 и 861 гг. и связанную, по его мнению, с деятельностью патриарха Тарасия (784—806 гг.) [53]. Большой заслугой Бенешевича является издание текста Древнеславянской кормчей 14 титулов без толкований параллельно с греческими источниками [54]. Исследование древнеславянских и русских текстов кормчих параллельно с греческими продолжались Бенешевичем и в 1920-х, и в 1930-х годах. Большой обобщающей работы исследователю написать не удалось, но его краткие выступления в печати об истории русских кормчих и наброски, сохранившиеся в архиве, представляют несомненный интерес.

Бенешевич относил перевод Древнеславянской кормчей ко времени до XI в. В докладе для IV международного византиноведческого конгресса 1934 г. он писал, что «перевод Синтагмы в 14 титулах без толкований с легкой руки незабвенного А. С. Пав-

---

[51] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905, с. 8.

[52] *Biener A.* De collectionibus canonum ecclesiae graecae. Berolini, 1827; *Zachariae von Lingenthal K. E.* Die Griechischen Nomokanones. SPb., 1877; *idem.* Uber den Verfasser und die Quellen des (Pseudophotianischen) Nomokanon in XIV Titeln. SPb., 1885

[53] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник. ., с. 288.

[54] Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича, т. I. СПб., 1906.

лова долгое время почти единогласно считали делом русского книжника XI в. при великом князе Ярославе. Установление греческой редакции этого перевода дало возможность разрушить крепкий научный предрассудок, и теперь стоит на очереди вопрос о кормчей с толкованиями» [55].

Основываясь, вероятно, на предположениях И. И. Срезневского о том, что источником Новгородской Синодальной кормчей 1280-х годов был несохранившийся текст кормчей, содержавший статьи, отсутствующие и в Ефремовском, и в Рязанском списках, а также на своих сравнительно-текстологических исследованиях Рязанского и Новгородского списков [56], Бенешевич пришел к заключению, что компиляция полных правил с сокращениями и снабжение их толкованиями Аристина к этим сокращениям, которое наблюдается в Новгородской кормчей, относится не ко времени создания этой кормчей или ее протографа, как считали Евгений и А. С. Павлов, а «появилась... по-видимому, еще в Болгарии в XII—XIII вв.» [57]

---

[55] *Бенешевич В. Н.* Corpus scriptorum juris graeco-romani tam canonici quam civilis. — «Известия на Българския археологически институт», т. IX. София, 1935, с. 142—143.

[56] Архив Академии наук СССР (Ленинградское отделение) (далее — Архив АН СССР (ЛО)), ф. 192, оп. 1, № 41 (л. 1—339) и 36 (л. 94—162): «Сличение Рязанской кормчей с Новгородской».

[57] *Бенешевич В. Н.* Corpus scriptorum..., p. 143. Ввиду важности этого положения для историографии кормчих приводим часть неоконченной и неопубликованной работы В. Н. Бенешевича «Миражи в истории южных славян и древней Руси», относящейся по палеографическим данным к первой половине 1930-х годов. «Едва успели появиться во второй половине XII в. сокращенные тексты канонов с толкованиями ⟨...⟩ Алексея Аристина и полный текст канонов с толкованиями Иоанна Зонары ⟨...⟩, как они были переведены на славянский язык, вероятно, в конце XII в., и вероятно, в связи с культурной работой, сопровождавшей восстановление Болгарского царства и самостоятельность Сербского. В начале XII в. *появились замечательные сборники ⟨...⟩ Николая, монаха с Дивной горы* близ Антиохии, Черногорца, «Пандекты» и «Тактикон», чрезвычайно важные для толкования и реального понимания и канонической, и различных сторон византийской жизни, а от XII в. дошел список «Пандект» в русской редакции ⟨...⟩ Но с переводом Аристина и Зонары случилось аналогичное тому, что было с Синтагмой XIV титулов и Синтагмой 50 титулов — обе не дошли отдельно ни в полном, ни в сокращенном виде. В первой четверти XIII в. оба перевода были объединены в две редакции так называемой толковой кормчей. Основная разница между ними та, что для одной из них использован и перевод Синтагмы XIV титулов третьей редакции. Архиепископ Савва (ум. в 1237) принимал участие если не в составлении, то в распространении одной из этих редакций; через посредство болгарского деспота Святослава она была получена митр. Кириллом в 1262 г.» ее старшие списки Загребский (Иловицкий) и Рязанский. «Она может быть условно названа Сербской редакцией». «Другая редакция, где использован перевод Синтагмы 14 титулов III редакции, сохранилась исключительно в русских списках, из которых древнейший — Новгородский 1280-х гг. Но и эта редакция составлена на юге славянства, вероятно в Болгарии, и поэтому ее следует условно называть Болгарской. История образования и распространения обеих редакций ждет своего исследования. Она потребует больших трудов и обещает большие результаты

Сравнивая тексты Рязанского и Новгородского списков, Бенешевич нашел, что, хотя оба они содержат толкования, а частью и правила одного перевода, в Новгородском списке текст часто более исправен и близок к греческому, чем в Рязанском, хотя согласно схеме Евгения — А. С. Павлова Рязанский список, стоящий ближе к болгарскому источнику, должен был лучше его передать. Это заставило Бенешевича видеть в основе Новгородской кормчей другую южнославянскую кормчую также с толкованиями, но содержащую более правильный перевод и, очевидно, уже готовую компиляцию полных правил и толкований. Однако этот важный вывод Бенешевича основывался на чтениях одного, хотя и старшего, Рязанского списка, списанного очень неквалифицированно, со многими ошибками и пропусками. Привлечение других русских списков той же Сербской редакции показывает, что все различия, важные для Бенешевича, не повторяются в них, как нет их в сербских списках.

Бенешевич писал о больших и неиспользованных возможностях в изучении культурных связей в период средневековья, которые может дать исследование кормчих книг: «...Ясно, что изучение текста кормчих вскроет новые и важные факты в истории культурного развития и отношения Византии, юга славянства и древней Руси, но для этого будущий исследователь должен обращаться непосредственно к рукописному материалу...» [58].

Внимание к истории кормчей на Руси XIII в. было привлечено в связи с историей отдельных древнерусских юридических памятников, входящих в их состав, княжеских уставов и Правды Русской.

Исследуя русские юридические статьи, входящие в некоторые редакции кормчих книг и сборника (устав Владимира о десятинах, устав Ярослава о церковных судах, «Правило 165 святых отец», «Правило о церковных людях» и др.), С. В. Юшков обратил внимание на повторяемость их совокупностей, что позволило ему прийти к выводу о существовании древнерусского юридического сборника, сложившегося в XIII в., который присоединялся к кормчим книгам [59]. Обращался он и к Волынской кормчей 1286 г. Изучение устава Владимира в составе ее списков и сопоставле-

---

для истории просвещения у южных славян в XII—XIII вв. и, особенно, в древней Руси, где особенное внимание было уделено Болгарской редакции, обычно называемой Новгородской. С XIII по XVII в. (в 1650/53 году появляется печатная) известно не менее... переработок Болгарской редакции, отражающей борьбу разнообразных течений и интересов, затрагивающих церковную жизнь, борьбу против притязаний светской власти, борьбу белого духовенства с монашеством, отстаивание прав епископата против низшего духовенства, вопрос о церковном землевладении» (Архив АН СССР (ЛО), ф. 192, он. 1, № 57, с. 60—62; число обработок кормчей в рукописи не указано).

[58] *Бенешевич В. Н.* Corpus scriptorum..., p. 143.

[59] *Юшков С. В.* К истории древнерусских юридических сборников (XIII в.). Саратов, 1921.

ние их с кормчими других видов привело Юшкова к выводу, что в этой кормчей «мы имеем дело с какой-то особой литературной традицией, исключающей всякое предположение о влиянии на составителя кормчих других групп» [60].

Значительным шагом вперед в изучении русских списков кормчих книг начиная с XIII в. была работа по подготовке к изданию текстов Правды Русской, которая велась в Академии наук СССР с конца 20-х годов [61]. В результате этой большой работы было обследовано большое количество списков кормчих. Сжатые сроки подготовки издания не позволили включить в него характеристику содержания кормчих книг и других рукописей и связей их с группами текста Русской Правды. Как писал руководитель этого издания Б. Д. Греков, при характеристике рукописей «пришлось остановиться на внешнем описании рукописей и лишь в небольшой степени на самом содержании сборников» [62]. Однако работа над изучением состава рукописей, содержащих Русскую Правду, была плодотворной.

С этой работой были связаны исследования Русской Правды и, отчасти, Закона судного людем в составе кормчих книг М. Н. Тихомирова. Используя лучшие традиции старых источниковедческих работ, М. Н. Тихомиров в то же время строит свое исследование на основе марксистско-ленинской методологии истории, на конкретном анализе каждого памятника и на изучении подлинных рукописей.

Сравнение состава двух древнейших близких между собой списков Синодального и Чудовского (Варсонофьевского) приводит Тихомирова, как и Юшкова, к выводу об общем протографе этих списков. Состав кормчей в этом протографе, зависимом, как доказал И. И. Срезневский, от Сербской кормчей, находит отражение в общих статьях этих двух списков. Чудовскую кормчую М. Н. Тихомиров определяет как владимиро-суздальскую по происхождению, Синодальную — на основе языкового анализа Е. Ф. Карского и исследования ее состава — как новгородскую, связанную происхождением с Софийским владычным домом. В труде, посвященном изучению исторических условий, вызвавших появление целой группы списков кормчей второй половины XIII в. и Мерила праведного [63], М. Н. Тихомиров связывает эти работы с процессом консолидации народных сил на Руси для отпора татарским завоевателям после того, как в течение первых лет ордынского ига внимание к созданию культурных ценностей было ослаблено. Исследователь относит начало восстановления русской правовой

---

[60] *Юшков С. В.* Исследования по истории русского права, вып. 1. Саратов, [1925], с. 45.

[61] Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940, с. 6.

[62] Там же, с. 9.

[63] *Тихомиров М. Н.* Воссоздание письменной традиции. — «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 3, с. 7—8; то же в издании: *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв.

письменной традиции к Киеву примерно около 1270 г., но основные труды в этом направлении ставит в связь с процессами, шедшими в Северо-Восточной Руси, и с собором 1274 г., хотя последний, по его словам, «был для Северной Руси явлением исключительным» [64].

Большая книга об истории и значении кормчих была написана сотрудником (позднее — директором) Папского института изучения Востока в Ватикане канонистом И. Жужеком. Автор поставил очень широкую цель в своей работе о кормчих — выяснить «в основных чертах их происхождение, историю, содержание, применение и юридическое значение в жизни русской церкви» [65] в течение почти тысячелетней истории, с X в. до 1918 г. Поскольку исследователь основывался на существующей литературе, а не на рукописях, которые были ему недоступны, естественно, что его работа смогла в основном подвести итоги того, что было сделано по этой теме в русской науке в XIX — начале XX в. Но в качестве такого пособия для историков, не владеющих русским языком, книга И. Жужека несомненно полезна и ценна. Она рассматривает связь с памятниками византийского права Русской Правды, княжеских уставов, Вопрошания Кирика, посланий Киприана и Фотия, правил церковных соборов, сборника Мерило праведное и др. Особое внимание уделяет Жужек печатной кормчей 1649—1653 гг. и ее позднейшим переизданиям, а также истории церковного права в XVIII—XIX вв. и месте кормчей в юридической практике и законодательстве этого времени. Он считает, что в первые семьсот лет своей истории кормчие имели постоянное и большое значение в русском праве, причем они были не только кодексом канонического права, но и «чем-то вроде Конституции в современных государствах, чем-то, что должно строго соблюдаться всеми законодателями в церковных делах» [66]. В XVIII в. кормчие книги были потеснены церковно-государственным законодательством Петра I, однако в практической жизни оставались действенными до издания в 1838—1839 гг. нового кодекса церковного права «Книги правил». Жаль, что исследователю не удалось выяснить эволюцию значения этого памятника в течение раннего многовекового периода их истории, как это было сделано для XVIII—XIX вв.

Изучение историографии кормчих книг позволило выделить указанные основные проблемы, которыми занимались исследователи и которые остаются актуальными и в настоящее время. История древнейших текстов кормчей на Руси XI—XII вв. нашла наиболее полное исследование в трудах Евгения Болховитинова и А. С. Павлова, причем последний вышел из печати уже более 100 лет назад и принадлежит буржуазному периоду русской историографии. В советской науке было обращено внимание на ис-

---

[64] *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв., с. 182.
[65] *Žužek I.* Kormčaja Kniga. Studies on the Chief Code of Russian Canon Law. Roma, 1964 (Orientalia Christiana Analecta. 168), p. 1.
[66] *Žužek I.* Op. cit., p. 181.

торию кормчих XIII—XIV вв. и более позднего времени, однако изучение их велось главным образом в плане истории одного включенного в кормчие памятника — Русской Правды, причем только тех списков и редакций, в которые входит Правда. Другие многочисленные кормчие книги XIII—XV вв. остались вне внимания исследователей. Археографическая база исследований остается очень ограниченной. Для изучения ранних редакций и других обработок кормчих исследователями использовались в основном пергаменные списки XII—XIV вв., в то время как позднейшие копии XV—XVII вв. с ранних оригиналов, иногда сохраняющие первоначальный состав рукописей, источниковедчески изучались очень мало. Таким образом, при рассмотрении проблемы значения кормчих книг в древней Руси, всегда интересовавшей исследователей, материалы самих этих памятников использовались очень мало и лишь в дополнение к выводам, почерпнутым из изучения материалов по истории церкви, ее владений и юрисдикции (Н. В. Калачов), цитирования правил кормчей в современных ей памятниках (А. С. Павлов, И. С. Бердников).

Для истории древнерусского права, истории античного и византийского наследия на Руси, древнерусской общественной мысли и философии, даже для истории межславянских связей кормчие книги остаются в значительной степени книгами «за семью печатями», ценность которых как исторического источника практически не определена.

ОБЗОР СПИСКОВ КОРМЧИХ. МЕТОДИКА И ЗАДАЧИ РАБОТЫ

Кормчие книги, являющиеся объектом исследования в настоящей работе, остаются в основном своем составе не изданными и поэтому малодоступными исследователям. В 1649—1653 гг. в практических целях была напечатана кормчая Сербской редакции по поздним русским спискам конца XVI — начала XVII в. с включением статей из других редакций. В настоящее время оба эти издания представляют интерес как обработки кормчей XVII в. и сами должны быть предметом источниковедческого и историко-правового исследования.

Отдельные тексты из кормчих по русским и сербским спискам издавались Г. А. Розенкампфом, Н. П. Калачовым, И. И. Срезневским, Н. Дучичем, В. Н. Бенешевичем, М. Н. Тихомировым и другими исследователями. В. Н. Бенешевичем была частично издана в 1906—1907 гг. Древнеславянская кормчая 14 титулов без толкований (Ефремовская) по четырем спискам. В настоящее время подготовлен второй том издания этой кормчей по шести спискам. Сербская редакция кормчей готовится к изданию Сербской Академией наук. С. В. Троицкий, положивший начало этому изданию, провел большую подготовительную работу по фотоко-

пированию всех известных ее списков, выявлению греческих источников переводов [67]. Первоначально С. В. Троицкий предполагал издать эту кормчую только по сербским спискам. В переписке с ним нами было высказано настоятельное пожелание, чтобы в этом фундаментальном издании были использованы не только сербские, но и древнерусские списки этой редакции.

Из русских статей кормчих изданы Закон судный людем, заметка о попе Богумиле, правила митрополитов Иоанна, Кирилла, Максима, Вопрошание Кирика, правила епископа Ильи, уставы князя Владимира, Ярослава, Святослава Ольговича, поучение к собору попов, послание владимирского епископа, Летописец вскоре в древнерусской переработке, Русская Правда и др.

Однако основная, значительно преобладающая часть состава кормчих книг, таким образом, остается неизданной. Этим вызван характер настоящей работы, как исследования рукописных текстов этих памятников.

В хранилищах СССР и за рубежом было выявлено и изучено до 180 списков кормчих книг XII—XVIII вв. различных редакций [68]. Они находятся как в собраниях Москвы, Ленинграда, Киева, Вильнюса, так и во многих периферийных хранилищах. Так, в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина хранится более 40 списков кормчих книг, среди которых такие ценные, как оба списка сборников Устюжского типа с номоканоном Иоанна Схоластика, Рашская кормчая 1305 г. В Государственном историческом музее — также 40 с лишним списков кормчих и среди них Ефремовский XII в., Новгородский 1280-х годов, Уваровский XIII в. В Центральном государственном архиве древних актов — семь списков. В Ленинградской публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится более 30 списков, в том числе Рязанский 1286 г. Библиотека АН СССР хранит до десяти рукописей кормчих, Архив Ленинградского отделения Института истории СССР — две рукописи, есть кормчая в Институте русской литературы. Кормчие находятся также в Новосибирске (в собрании М. Н. Тихомирова), Ярославле, Костроме, Суздале, Вязниках, Коврове (в частном собрании). На Украине кормчие книги есть в хранилищах Киева (Центральная научная библиотека АН УССР) — десять списков, Харькова (Исторический музей) — один список, Львова (в Научной библиотеке — четыре списка, в Историческом

---

[67] *Троицкий С. В.* Како треба издати светосавску крмчију (номоканон са тумачењима). Београд, 1952.

[68] В это число не входят номоканоны, основанные на византийских памятниках XIV в.: Синтагма Матфея Властаря, Шестикнижие Арменопула и краткие епитимийные номоканоны типа «Зинар», «Правило святых апостол» и др. (о них кратко см.: *Щапов Я. Н.* Некоторые юридические и канонические памятники в славянской письменности XII—XV вв.— В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. вып. 1. М., 1973, с. 268—272), а также списки с Печатной кормчей 1649—1653 гг. и сборники выписей из кормчих.

музее и Музее украинского искусства — по одному). Два списка хранятся в Научной библиотеке АН Литовской ССР в Вильнюсе. Все эти рукописи были изучены на месте, определен их состав, редакция и время написания.

Зарубежные списки кормчих частично также были обследованы и изучены de visu. Таковы рукописи в Польше — в Национальной библиотеке в Варшаве (два списка) и в Ягеллонской библиотеке в Кракове (два списка). В Румынии, насколько удалось выяснить, кормчие есть в Бухаресте (Библиотека Румынской академии, два списка), в Клужском университете, в Арадском епископстве. Удалось познакомиться, однако, только с бухарестскими рукописями, а Арадскую использовать по рукописному описанию Н. Смокины. В Югославии находятся восемь списков. Это датированный Иловицкий список 1262 г. в Загребе, четыре списка в Белграде, пергаменные списки в Сараеве и Дечанском монастыре.

Отдельные списки есть в Вене и в Хиландарском монастыре на Афоне. Все эти рукописи удалось использовать только по печатным их описаниям и характеристикам.

Полный учет всего рукописного материала кормчих и сплошной просмотр всех рукописей, носящих в описаниях и каталогах названия «Кормчая», «Номоканон», «Правила», «Законоправило», «Синтагма» и т. д., и большого числа сборников юридического, канонического, историко-правового характера позволил выявить многие новые устойчивые собрания правил, которые в результате их изучения были опознаны как редакции и изводы кормчих книг, не известные исследователям. В результате такой работы были найдены и новые списки важных для истории древнерусского и древнеславянского права произведений — Русской Правды, княжеских уставов Владимира и Ярослава, Закона судного людем, Книг законных и др.

В результате изучения этой письменной традиции археографическая основа каждой из старших редакций была расширена более или менее значительно: был введен в науку новый, шестой список XV в. Древнеславянской кормчей [69], а для Сербской редакции наряду с известными в науке 10 сербскими, 1 молдавским, или валашским, и 9[70] русскими списками были выявлены еще 17 русских списков, т. е. число их было увеличено почти в 3 раза.

Что касается кормчих русских редакций, то оказалось, что к ним принадлежит преобладающее число списков (130 из 180), причем среди них должно быть выделено большое число редакций, созданных в XIII—XVI вв., каждая из которых сохранилась иногда в одном, иногда в нескольких или многих списках. Так, была выделена старшая древнерусская редакция XIII в., сохранившаяся в 10 списках и названная далее Русской редакцией. Она

---

[69] *Щапов Я. Н.* Новый список кормчей Ефремовской редакции. — В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967.

[70] *Žužek I.* Op. cit., p. 28—30. С. В. Троицкий («Како треба издати... с. 66) писал о пяти таких списках.

была основой создания всех других позднейших редакций. Были выделены такие северо-восточные (русские) редакции XIV—XVI вв.— Чудовская, Софийская, Мясниковская, Толстовская, Белозерская, Никифоровская, Успенская, Егоровская; редакции, вызванные идеологической борьбой в русском обществе XV—XVI вв. и вышедшие из враждующих лагерей — Ивана Волка Курицына, Вассиана Патрикеева, Нифонта Кормилицына, митрополита Даниила и др. Целая группа редакций разного происхождения XIV—XV вв. связана с территориями Украины, Белоруссии и Польши. Это редакции Лукашевичская, Тарновская, Киево-Академическая, Люблинская.

Из этой массы материала. в основной своей части не только не использованного в работах по истории нашей страны XI—XVI вв., но и не введенного в научный оборот, для настоящего исследования были отобраны старшие редакции XI—XIII вв., являющиеся основой для большинства более поздних. Это Древнеславянская (Ефремовская) кормчая без толкований, Сербская кормчая с толкованиями и старшая Русская редакция, выделенная из числа других русских редакций в списках XIII—XVI вв. Хронологическое ограничение темы заставило включить в книгу исследование тех редакций, которые относятся к времени Древнерусского государства и феодальных княжеств на Руси. Более поздние редакции кормчих могут дать материал для изучения истории права, идеологии, письменности, культуры вообще другого периода истории страны — времени образования Русского централизованного государства и его усиления, эволюции церковной организации в различных условиях на территории Литовского великого княжества. Редакции XIV—XVI вв. должны стать (а такие, как труды деятелей реформационного движения конца XV—XVI вв. и их противников, уже стали) предметом особых исследований, которые введут в научный оборот новый ценный материал.

В данной работе не рассматриваются также специально источники и история подготовки к изданию Печатной кормчей 1649—1653 гг.

Данное исследование ограничено не только хронологически, но и тематически. Вне его остался прежде всего такой памятник истории древнеславянского права, как Номоканон Иоанна Схоластика, славянский текст которого, как установлено в современной науке, представляет собой труд славянского просветителя Мефодия. Это вызвано особой судьбой этого памятника на Руси. При создании в XIII в. самой Русской редакции кормчей и развитии ее в позднейшее время Номоканон Иоанна Схоластика в значительной степени остался в стороне, хотя правила в его переводе были известны, а роль этого памятника на Руси остается невыясненной. Тема Номоканона Иоанна Схоластика в славянском переводе — особая большая тема, касающаяся не только вопросов истории самого Номоканона, но и всего сборника сложного состава, объединяющего большое число памятников различного происхождения.

Вне исследования оставлены также выписки из кормчих ранних редакций, многочисленные сборники, содержащие отдельные статьи или целые комплексы их из Сербской и Русской редакций. Хотя несомненно, что изучение статей кормчих, распространявшихся отдельно от всего их состава и их переработок в других сборниках может быть прекрасным материалом для определения действенности и популярности тех или иных произведений и содержащихся в них реалий и норм, объем работы не позволил дать такое исследование. Вместе с тем, само оно имеет смысл только на основе результатов изучения менявшегося состава кормчих книг в их целом, источников таких выписей, и выводы нашего исследования представляют для этого возможность.

Задачей настоящей работы является изучение истории кормчих книг как сборников памятников византийского права на Руси в XI—XIII вв. Она включает исследование источников кормчих книг, истории их создания, их распространения, переработок и приспособления к местным условиям, судьбы некоторых статей кормчих (правовых, хронографических и др.). В книге рассматривается вопрос о значении кормчих на Руси в условиях ее феодального развития на протяжении указанного времени. Уделено внимание также истории Древнеславянской кормчей на Балканах до ее появления на Руси. Работа посвящена, таким образом, проблеме культурно-правового взаимодействия народов на основе цельного большого комплекса письменных памятников, который вводится в науку заново.

Что касается методики исследования проблемы византийского и южнославянского правового наследия на Руси, то она определяется рядом обстоятельств. Распространение и применение норм права из переводных памятников на материалах древнерусских источников определяется с большим трудом. Это вызвано очень ограниченным числом сохранившихся актов и других документов, отражающих фактическое применение тех или иных норм права. От XII—XIII вв. сохранились единичные акты, число их возрастает в результате продолжающегося открытия берестяных грамот, но все они в своей совокупности едва ли дают достаточно конкретную картину истории древнерусского права в XI—XIII вв. в различных его отраслях.

Однако если по актовым источникам трудно проследить степень и формы использования сборников права развитого классового общества на Руси, то эту возможность могут предоставить другие источники. Здесь имеется в виду вторая жизнь самих этих сборников в переводах или отдельных их частей на Руси — распространение в списках, переработки, включение в состав местных сборников, объединение с другими, в том числе местными и переводными произведениями. Наиболее показательным для рецепции памятника права является, очевидно, его включение в местный сборник, в рукопись другого состава, частью которой он впредь становится. В этом случае можно говорить о сознательном выборе этого па-

мятника из числа других и включении его в круг признанных и полезных произведений. Местная переработка памятника, создание новой его редакции путем частичного изменения его содержания или смысла в результате сокращений, дополнений или компилирования с другими, близкими по содержанию, также является ярким свидетельством его рецепции, хотя в этом случае несомненно наблюдается неудовлетворение памятником в целом и стремление приспособить его к местным нуждам. Создание и распространение большого числа списков кодекса, который уже подвергся сознательному отбору и переработке, также говорит о том, что этот кодекс используется в новых условиях и изучение этого распространения может помочь в определении ареала и хронологических пределов его действия. Менее показательно, очевидно, распространение списков первоначального текста памятника, без его переработки. В этом случае нет прямых свидетельств о том, что памятник распространялся в практических целях, хотя уже сам его перевод говорит о стремлении способствовать такому его применению, да и отсутствие переработок тоже не исключает возможности его использования именно в первоначальном виде [71]. В любом случае, однако, следы крупных или мелких посягательств на текст заимствованного памятника более показательны для его рецепции в практических целях, чем его распространение в первоначальном, девственно чистом виде.

Кормчие книги в списках представляют собой большей частью объемистые фолианты, включающие до 150—200 и более отдельных памятников, каждый из которых имеет свою историю, нередко малоизученную еще в научной литературе. Сравнительное изучение почти двух сотен славянских списков кормчих целиком невозможно. Для данной работы текстологическое исследование велось параллельно двумя основными путями. Во-первых, изучался *состав* списков кормчих книг, наборы входящих в них статей, их повторяющиеся комплексы, общие дополнения и пропуски. Такое изучение велось по самим рукописям, поскольку существующие немногие описания, даже принадлежащие прекрасным археографам, нередко опускают не выделенные киноварью или небольшие статьи, часто важные для истории текста. Во-вторых, подробному текстологическому и источниковедческому исследованию подвергались *отдельные произведения*, входящие в состав кормчих нескольких редакций или изводов или использовались результаты уже существующих исследований. Это наиболее ценные памятники в качестве источников по нашей теме или наиболее показательные

---

[71] В связи с этим см. заключение Н. Л. Дювернуа о постановлениях Прохирона в русских рукописях: «От существования их (этих постановлений.— *Я. Щ.*) в русском переводе нельзя заключить к их приложимости, ибо переводилось все, что было в греческих номоканонах: статьи о наследстве, о городских сервитутах, о договорах, о наказаниях, хотя ни таких сервитутов, ни договоров, ни наказаний в древней России не было (*Дювернуа Н.* Источники права и суд в древней России. М., 1869, с. 321).

для истории кормчей, как древнерусские, так и балканские — славянские и византийские, такие как Русская Правда, княжеские уставы, Закон судный людем, Прохирон, Летописец вскоре Никифора и некоторые другие. По наблюдениям Н. В. Калачова, на материале Русской Правды, история памятника в рукописях тесно связана с историей самих этих рукописей. Таким образом, проследив эволюцию содержания и формы некоторых памятников в составе кормчих книг, мы получаем материал и к истории самих этих сборников.

Для истории ранних редакций кормчих выяснялись источники входящих в них произведений, отдельные особенности их переводов, важные для установления условий, где эта работа происходила.

Некоторые положения методики изучения памятников права, сохранившихся в большом числе поздних списков, на основе существующих достижений актового источниковедения и текстологии летописания и древнерусской литературы были разработаны применительно к древнерусским княжеским уставам в монографии 1972 г. [72] Здесь они прилагаются к иному, более сложному, но сходному материалу.

---

[72] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси. XI—XIV вв. М., 1972.

II
ГЛАВА

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКАЯ КОРМЧАЯ НА БАЛКАНАХ И НА РУСИ

ТЕКСТЫ КОРМЧЕЙ

ЕФРЕМОВСКАЯ КОРМЧАЯ XII В.

Современный исследователь кормчей Ефремовской редакции располагает шестью ее списками XII—XVI вв. все они были созданы на Руси.

Это старший, но дефектный Ефремовский список XII в., Уверовский список XIII в., содержащий переработку (сокращение) текста кормчей и группа списков второй половины XV в. или начала XVI в.: Плигинский и Троицкий, сохранившие текст лучше, чем Ефремовский, Рогожский и Соловецкий, восходящие к Ефремовскому, но содержащие и дополнительные статьи. Описание списков дается в приложении. Здесь же обращаем внимание на существенные вопросы изучения двух старших пергаменных рукописей — Ефремовской и Уваровской — и приводим данные для реконструкции архетипного текста кормчей на основе этих списков.

В Ефремовской кормчей характер письма рукописи на ее более чем 300 листах различен [1]. Среди исследователей нет единства во мнении, сколько писцов работало над списком. Срезневский пишет об одном писце, о тождестве почерка приписок Офрема и почерка рукописи, хотя не подчеркивает специально, что вся рукопись писана этим писцом. В то же время он обращает внимание, что она писана уставом разного характера, «в начале книги продолговатым и сжатым, далее широким и разгонистым, под конец опять сжатым, но не такими продолговатыми буквами, как в начале, и мельче» [2]. С. П. Обнорский, анализируя «приемы письма» памятника по изданию Бенешевича, выявил различия в употреблении отдельных букв, таких, как «большой юс», «от» со строчным и надстрочным «т» и др. Обнорский предположил, что эти различия зависят от особенностей орфографии писцов Ефремовского списка (или его

---

[1] См. фотокопию лл. 1 и 145 в кн.: *Срезневский И. И.* Обозрение древних русских списков кормчей книги. СПб. 1897 (вклейка в конце книги).
[2] *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 15.

«оригинала») и, руководствуясь этим, выделил предположительно пять писцов: 1) стр. 1—150 (или 160) издания Бенешевича; 2) стр. 150(160) —428 (468); 3) стр. 428(468)—555; 4) стр. 555—614 и 5) стр. 614—802, но указал, что «неоспоримыми окажутся лишь три руки: стр. 1—150 (160); 150(160)—555; 555—602», что он сравнивает с приведенными выше наблюдениями Срезневского о «трех почерках» [3]. Авторы описания рукописей ГИМ считают, что рукопись писана уставом «разных рук», причем первые шесть листов приписаны позже, в XIII в. [4]

Как свидетельствуют уничижительные записи писца Офрема, он писал л. 101, 145, 246 и 151 об., а почерк его записей тот же, что и большей части рукописи [5]. Это подтверждает правильность отнесения по крайней мере $^5/_6$ рукописи руке одного писца [6].

Смена правописания, на которое обратил внимание Обнорский (стр. 150—160, т. е. л. 46—50; стр. 428—469, т. е. л. 163—181; стр. 555, т. е. л. 215 и стр. 614, т. е. л. 238) большей частью не находит соответствия в смене характера письма списка. Лишь начальная грань Обнорского, т. е. л. 46—50, могут быть сопоставлены с указанным постепенным изменением письма на л. 36—60. Однако учитывая сходство почерка начальных листов и большей части рукописи, это соответствие можно считать случайным. Очевидно,

---

[3] *Обнорский С. П.* О языке Ефремовской кормчей XII в. СПб., 1912 («Исследования по русскому языку», т. 3, вып. 1), с. 18. В. Ягич в своей рецензии сомневается в существовании достаточных оснований для такого выделения и склонен объяснять эти различия особенностями переводчиков отдельных частей памятника (*Jagić V.* [Рецензия на книгу С. П. Обнорского «О языке Ефремовской кормчей XII в.»].— Archiv für slavische Philologie, 1913. Bd. 35, пг. 1—2, S. 305).

[4] *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея.— В кн.: Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965, с. 145. См. также: «Описание рукописей Синодального собрания». Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970, с. 95 и сноску 3 на с. 1.

[5] Срезневский И. И. (Обозрение.., с. 16) также отмечал, что «почерк этих приписок мельче и сжатее почерка рукописи, но совершенно тот же».

[6] Изучение Ефремовского списка приводит к выводу, что он весь, в том числе и первые листы, писан в одно время и одним писцом, хотя характер письма в нем различен. Так, начальные листы (с 1 примерно до 36) писаны очень сжато, заметно стремление уписать в строке больше букв, так что некоторые буквы имеют (в зависимости от конфигурации соседних) наклон или вправо, или влево (например, «д» с более вертикальной левой мачтой, чем правой). Все буквы, кроме трехмачтовых и «ъı», имеют высоту больше ширины. Примерно на л. 36—60 характер письма меняется, оно теряет сжатость букв, последние становятся примерно к листу 64 широкими, двухмачтовые — квадратными. К середине и концу рукописи проявляется меньшая аккуратность и выписанность букв, прекращаются горизонтальные отчеркивания хвостов и верха левой мачты у «х», средняя мачта в букве ѿ повышается до верха буквы, происходит много других изменений. Однако каких-либо неоспоримых черт почерка, характерных для отдельных частей рукописи, как и резких смен характера письма обнаружить не удалось. Другой рукой, менее твердой, написано несколько более двух строк на л. 36 об.

все смены правописания должны быть объяснены особенностями создания не Ефремовского списка, а его источника или источников.

Для истории использования текстов списка очень важны многочисленные пометки на левом поле многих листов начиная с л. 71. Это записи уставом нескольких почерков в начале и конце отдельных правил и разделов памятников, содержат в основном два указания: «се писат[и]» и «досуд[а]», каждое из этих указаний повторено более 35 раз. Один раз указано «досуда правити» (л. 139 об.). Перед нами, несомненно, указания к выбору текстов из списка, принадлежащие редактору (или редакторам), который работал довольно рано. На эти заметки обратил внимание В. Н. Бенешевич, который воспроизвел их в своем издании, датировав XIII в. Однако эти указания могут принадлежать более раннему времени (XII в.) и не одному редактору, а нескольким; они сделаны не одновременно, но показывают несколько этапов работы по подготовке выписей. Прежде всего можно выделить три группы пометок по характеру письма. Большая их часть (л. 71—75 об., 32 об.—139 об., 296—306) сделана, очевидно, одним почерком, хотя и не одновременно: некоторые из пометок выполнены аккуратно, другие наспех, боком и криво. Эти пометки объединяются особенностями написания букв, частым (но не обязательным) вынесением последней гласной («д» и «т») под титлом, которое пишется в виде крышечки (^) с перерывом в вершине, а также отсутствием точек в конце, даже после выписанных конечных гласных. В одной помете на л. 80 об. каждая буква аккуратно выписана в несколько приемов, после нее поставлен акцент, выполняющий, очевидно, роль точки. Наконец, три пометы на л. 249—291 об. писаны очень похоже друг на друга, крупными буквами, не имеют сокращений, но завершаются точкой.

Не исключено, что эти три группы помет принадлежат трем разным лицам, работавшим над отбором правил примерно в одно время.

Пометы «се писати» и «досуда» имели непродолжительное значение и, при изготовлении других списков с рукописи, потеряли свой смысл. Это ясно из того, что некоторые пометы были стерты. Так, стерты пометы на левом поле в начале и конце разделов на л. 223 об., 231 об., 245 об., 247 об., 303 об., причем в последнем случае видно, что стерто слово «досуда[а]». Наконец, в одном случае по смытым (не стертым) словам «се псати» вновь написано «се пис[а]т[и]» (л. 299). Все эти пометы имеют для истории текста кормчей особое значение, ибо, как будет показано ниже, в двух поздних списках редакции они полностью воспроизведены писцами, а в одном, Уваровском, сделана выборка из правил, в значительной степени совпадающая с этими указаниями.

Язык Ефремовского списка специально изучался С. П. Обнорским, но не по рукописи, а по изданию ее Бенешевичем. Исследователя интересовал язык (орфография, фонетика) списка как древнерусского памятника XII в. Как и Буслаев, первым охарактери-

зовавший язык списка [7], Обнорский определил, что кормчая переписана на Руси. Что касается диалектных особенностей ее языка, то о севернорусском наречии говорит, как отметил Обнорский, мена «ц» и «ч». В рецензии на книгу Обнорского В. Ягич поддержал это мнение, обратив внимание также на то, что для северновеликорусского памятника не являются необыкновенными встречающиеся в списке единичные случаи мены «и» через «ѣ» [8].

Кормчая состоит из двух основных частей. Первая часть — вводная и вспомогательная, но очень характерная для этой редакции кормчей (л. 1—13 об.). Она включает три произведения. Список открывается предисловием к кормчей книге (начало: «Тѣлеса оубо подобьно вештьскыя приемлюшта пишта», л. 1—2 об.), принадлежащим составителю древнейшей части компиляции— первоначального Сборника 14 титулов, который был источником Первой редакции византийского Номоканона 14 титулов VIIв.[9] После этого предисловия, в тесной смысловой связи с ним, идут так называемые 14 титулов, т. е. принадлежащий тому же автору систематический указатель канонов в 14 тематических разделах— титулах (л. 3—12). Утраты в списке между л. 6 и 7 приходятся на часть текста 14 титулов. Первая часть кормчей завершается перечнем правил соборов и отцов церкви и императорских установлений в виде оглавления к книге, в главе 31 (с номерами глав [10] л. 12—13 об.), однако он не соответствует полностью содержанию списка и включен в него, очевидно, под влиянием одного из его источников. Между главами 23 и 24 (л. 13—13 об.) в этом оглавлении находится схолия о том, что в тексте кормчей правила соборов даются не в том хронологическом порядке, как они перечислены в оглавлении, а в систематическом: сначала вселенские, а затем поместные («Вѣсто же, яко изложение. прѣсѣкоу сътворити»).

Вторая часть кормчей является основной для нее и включает текст правил, посланий, императорских установлений, т. е. собрание источников церковного права. Внутри этой части в свою очередь можно выделить три тематических раздела: 1) правила апостольские и соборные (сначала вселенских соборов, затем поместных, л. 13 об. — 17); 2) правила и послания отцов церкви (л.176—287) и 3) собрание императорских установлений в 93 главах (л. 287 об.— 310 об.), в основе которого лежит собрание в 87 главах с дополнениями в конце. Список обрывается на первой главе этих дополнений (новелла 137).

Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языков. М., 1861, с. 379—380.

[8] *Обнорский С. П.* О языке Ефремовской кормчей XII в., с. 3, 54, 65, 76 и др.

[9] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905, с. 207.

[10] В оглавлении есть пропуски номеров и названий глав.

Уваровский список содержит сокращение текста кормчей, представленного в Ефремовском списке. Сокращений очень много, и они весьма значительны. При выявлении текста, не вошедшего в список, нужно учитывать более поздние механические утраты текста.

Для восстановления состава списка до случайных утрат важны четыре группы свидетельств: 1) для большей части списка, до 7-го титула Прохирона, на котором он обрывается,— это состав сохранившихся статей; для остальных статей: 2) перечень статей в оглавлении, которое в отличие от подобного же перечня в Ефремовском списке тесно связано с содержанием рукописи; 3) упоминания номеров правил в указателе — 14 титулах и 4) указания в позднейших списках Рогожском и Соловецком («се писати», «досуда»), переписанные с маргиналий Ефремовского списка до утрат в последнем конца, которые соответствуют пропускам в Уваровском списке.

На основании этих данных отличия Уваровского списка от списков Ефремовской кормчей следующие.

В вводной части сохранены *14 титулов*, но опущены ссылки на те правила, которые были выброшены при этой обработке. Таким образом, это сокращение не было частичным и механическим, вместе с составом всей кормчей был переработан и указатель к ней — 14 титулов. *Оглавление* тесно связано со списком, хотя и не воспроизводит всех его глав, а только важнейшие и, очевидно, отмеченные цветом или шрифтом заглавий.

В *первой основной части* есть значительные пропуски. Апостольские правила сохранены все. В правилах Никейского собора опущены правила 7-е, 8-е, 12-е. Правила II и III соборов опущены все. Из правил IV (Халкидонского) собора опущены три: 17, 19, 23. Листы рукописи с правилами Трульского собора вырваны, но восстановить работу редактора позволяют упоминания этих правил в 14 титулах. Здесь пропущены упоминания правил 1—3, 16, 21, 25, 29(2), 30, 32, 38, 40, 60—62, 64—65, 68—70, 79(2), 81, 96, 99 и 100 [11]. Та же ситуация с правилами следующего, VII вселенского, собора, из-за вырванных листов восстанавливаем состав опущенных правил по 14 титулам таким: правила 1, 3, 9, 15, 16 (правило 12 опущено в части титулов).

Работа, проделанная по сокращению правил поместных соборов, была не менее сложной. Из правил Анкирского собора опущены 1—6, 10, 16—17, 20—23. Только одно, 13-е, правило убрано в Неокесарийских канонах. В правилах Гангрского собора опущены введение — послание к епископам Армении и вся последняя треть правил, с 14-го, по 20-е. Из Антиохийских правил опущены

[11] Есть также пропуски в отдельных титулах правил 31, 57, 73, 82, но в других титулах они сохранены. Это не дает права считать их среди пропущенных.

введение и три канона: 1, 2, 10. Лаодикийские правила сокращены более чем наполовину: опущены краткое предисловие и правила 8—11, 14—20, 34—37, 40, 45—48, 56—58. Из 22 правил Сардикийского собора сохранены только 6, 10, 11, 13—15, 18, а большая часть опущена. Наконец, из многочисленных (138) правил Карфагенского собора сохранена также меньшая часть (38, часть правила 1, а также 11, 18—20, 26—31, 33, 40, 42—43, 50, 53, 61, 63, 70—72, 74, 76, 79—81, 86 (середина), 95, 102, 104, 109—113, 122 и 133).

Среди отеческих правил опущены отдельные правила Василия Великого (предисловие, правила 1, 15—17 вместе с предисловием ко II посланию, 20, 44, 47, предисловие к III посланию; послания к Диодору, к Амфилохию, но сохранено послание к Григорию. Опущены большая часть посланий Феофила («Воспоминовение», к Афигию, Агафону и Мине), отрывок из 39-го праздничного послания Афанасию, все послания Кирилла Александрийского. Из правил Дионисия к Василиду сохранено одно 3-е, а три остальные опущены, из правил Петра Александрийского оставлено одно последнее, 13-е. Опущены трактат Григория Богослова о книгах Ветхого и Нового завета, сочинения Амфилохия Иконийского. Что касается сочинений о ересях Епифания Кипрского и Тимофея презвитера, то оба они отсутствуют в соответствующих местах кормчей, но в оглавлении Уваровского списка, в конце, под номером главы 26, указано: «Епифания архиепископа блаженаго града».

Во второй основной части *Собрания в 93 главах* опущены 29 глав (13—26, 34—36, 54—55, 62, 63, 65—69, 77, 88, 90).

Наконец, в заключительной части выпущены календарные и хронологические статьи за исключением одной — «Разум 7 събор.» Конец списка, до утраты листов в нем, восстанавливается по оглавлению и воспроизведенным в Рогожском и Соловецком списках с их архетипа маргиналиям: здесь были опущены большая часть статьи «О строении престола» (Константинополя) начиная со слов «О чести престола...», понятая как особая статья: перед этими словами есть указание «досуда». Опущены также отрывок о судопроизводстве и отрывок из послания Ефесского собора: в начале и в конце выписей из 28-го титула Прохирона в Рогожском и Соловецком списках указания: «се писати» и «досуда». Единственной дополнительной статьей, которая оставила след в списке (не считая статьи «Епифания архиепископа блаженаго града»), является последняя, названная в оглавлении «Чин и служба исповедания».

ИЗВОДЫ И АРХЕТИП СЛАВЯНСКОГО ТЕКСТА КОРМЧЕЙ

Среди шести списков кормчей Ефремовской редакции в целях текстологического ее изучения можно выделить четыре группы, каждая из которых восходит к одному архетипу.

1. В Плигинском изводе, включающем Плигинский и Троицкий списки, состав ограничен статьями, которые повторяются в

большинстве списков (от предисловия до выписки «И въздразити отъ въздрастъших...»), причем внутри этого состава нет утрат статей или частей статей. Оба списка принадлежат к одному изводу.

2. В Рогожской группе, в которую входят Рогожский и Соловецкий списки, вслед за выписью «И въздразити отъ въздрасъших...» идут дополнительные статьи, различные в каждом из списков. В основном составе отсутствует вторая половина календарной статьи «Великого книжника Антиохийского» и три хронологические статьи. Списки имеют на полях пометы, воспроизводящие пометы Ефремовского списка и восходят генеалогически к этому списку. Каждый из двух списков, Рогожский и Соловецкий, представляют отдельные изводы.

3. Уваровский список представляет особый извод, отличающийся составом — сокращением текста. Он также восходит к Ефремовскому, но по другой линии, чем списки Рогожской группы [12].

4. В особый извод нужно выделить и Ефремовский список, связанный первично, своим основным текстом, с первой, Плигинской, группой, а вторично, позднейшей историей,— содержанием помет — со второй и третьей. Таким образом, все группы Ефремовской редакции связаны между собой только через Ефремовский список (извод), а не непосредственно.

Соответствие состава по Плигинскому изводу с составом архетипа редакции устанавливается сравнением всех четырех групп и пяти изводов.

Прочная генеалогическая связь списков Рогожской группы с Ефремовским списком является основанием для того, чтобы восстановить состав последнего до утраты им конечных листов таковым, каков состав общего текста Рогожского и Соловецкого списков, т. е. кончая статьей «И въздразити отъ въздрастъших». Действительно, пометы на полях Рогожского [13] и Соловецкого списков «се писати» и «досуда» у статей «О строении пресвятого престола» и «О епискупах», находившихся в конце Ефремовского списка, говорят о том, что эти списки сохранили здесь текст Ефремовского также, как они сохранили его текст в начале и середине рукописи. Этот состав и включают списки Плигинского извода. Дополнительное подтверждение такого состава утраченного конца Ефремовского списка дает Уваровский, представляющий сокращение текста Ефремовского еще до утрат в нем. В Уваровском в оглавлении и в тексте есть ответ Афанасия Александрийского к Антиоху князю

В настоящей работе исправлена схема взаимоотношений Уваровского списка с другими, опубликованная нами в предварительном сообщении «О составе Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции» («Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, с. 213). «Протограф Уваровского, подвергшийся обработке», на этой схеме должен быть опущен ниже и зависеть от Ефремовского списка.

[13] *Щапов Я. Н.* Новый список кормчей Ефремовской редакции.— В кн.: «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, с. 269—271.

и статья «О возбраненных женитвах», которая входит в состав и Плигинской и Рогожской групп. Что касается хронологических статей Плигинской группы, которые отсутствуют в Рогожской, то их присутствие в утраченной части Ефремовского списка и в архетипе редакции можно определить, опираясь на два свидетельства. Одно из них — обрыв календарной статьи «Великого книжника Антиохийского» в списках Рогожской группы на половине фразы и слова, что говорит о случайности утраты следующего текста и текста хронологических статей в том числе. Второе свидетельство — это присутствие одной из хронологических статей — «Разум 7 събор» — в Уваровском списке на том же месте, где она находится в списках Плигинской группы.

Утрата половины календарной статьи и трех хронологических статей могла произойти и в самом Ефремовском списке после того, как с этого списка в соответствии с пометами редакторов на полях был сделан сокращенный Уваровский список (или его протограф). Но эта утрата могла произойти и в более позднем списке, представляющем архетип Рогожской группы.

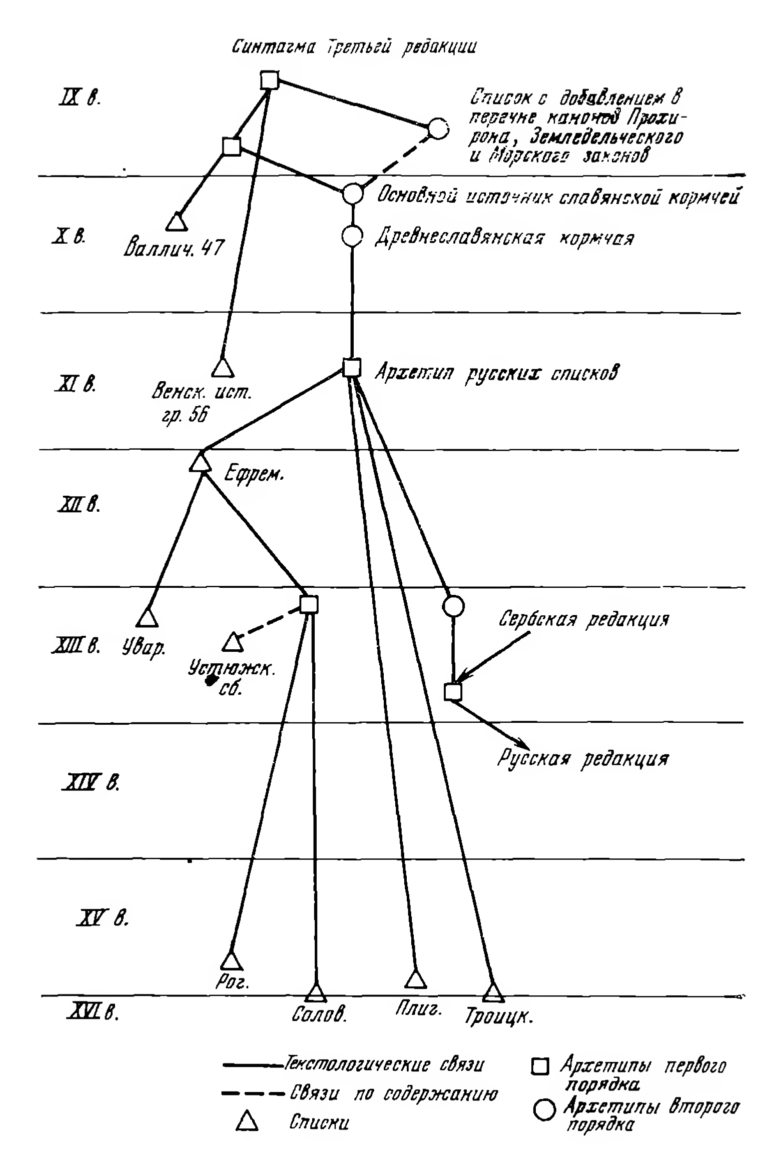
Кормчая в списках Плигинской группы представляет собой, таким образом, архетипный текст Ефремовской редакции. Дополнением к этому тексту должна быть также одна статья — оглавление Ефремовского списка, как было сказано, не соответствующее его составу, но внесенное в него, очевидно, из его протографа. Это оглавление из архетипного текста было переписано только в Ефремовский список, а во все другие, в том числе в зависимые от этого списка рукописи, оно включено не было.

Ефремовская редакция кормчей в архетипе известных ее списков состояла из трех частей. Состав первой и второй частей повторяет состав Ефремовского списка, о котором говорилось выше при его описании.

I часть — вводная и вспомогательная по отношению ко II части — включала три статьи: 1) предисловие, 2) 14 титулов — систематический указатель апостольских соборных и отеческих правил. 3) Перечень состава синтагмы некоторых канонических и юридических памятников, входящих в состав сборников 14 титулов, не связанный непосредственно с текстом Ефремовской редакции.

II часть — основная — содержит собрание источников церковного права восточной православной церкви: 1) тексты 185 апостольских правил; 2) тексты соборных правил: 6 вселенских (1—4 и 6—7) и 7 поместных соборов; 3) тексты отеческих правил и посланий; 4) Собрание императорских установлений в 93 главах, приписанное имени Григория Акраганьского.

III часть — дополнительная, представляющая подбор отдельных сочинений, трактатов и выписей из юридических памятников и правил, частью находящихся в основной, II части. В своем большинстве, однако, эти статьи представляют дополнительную информацию по отдельным темам, расширяющую ту, которая имеется в основной части, и исправляющую ее. Эти статьи могут быть объеди-

Древнеславянская кормчая

нены в четыре группы: 1) календарно-хронологические статьи: трактат о римском календаре; краткий летописец с перечнем событий библейской, римской и византийской истории; перечни архиепископов и патриархов Константинополя; рассказ о шести вселенских соборах, с указанием числа лет между ними и записью о смерти Константина VI; 2) сочинения об основах учения православной веры и сущности троицы: трактат Михаила Синкелла и

ответ Афанасия Александрийского князю Антиоху; 3) выписи из Прохирона и Эклоги об определении степеней родства, препятствующих браку; 4) выписи из правил и юридических компиляций об отдельных сторонах деятельности епископов — их правах, их поставлении, старшинстве, судебном преследовании их. Здесь находятся выписи из правил I—II собора 861 г. о запрещении епископам применять физические наказания; отрывок послания Ефесского собора о том, как поступать с епископом, отрекшимся от кафедры, но претендующим на сохранение соответствующего почитания; 24-й титул Прохирона об имуществе поступающего в епископство и монашество; 28-й титул Прохирона о правилах поставления епископа; трактат о власти константинопольского патриарха со схолиями в защиту приоритета римского престола.

ИСТОЧНИКИ КОРМЧЕЙ

СБОРНИКИ 14 ТИТУЛОВ (СИНТАГМА И НОМОКАНОН) КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК КОРМЧЕЙ

Большая часть состава архетипного текста древнерусских списков кормчей находит соответствие в византийских канонических сборниках 14 титулов.

Такие сборники представляли собой для церковной организации важнейшее пособие в ее административной, правовой, организационной, учительной деятельности. Они содержали основной источник собственно внутрицерковного права — предписания («κανόνες», в славянских переводах «каноны», «правила») и послания вселенских соборов, обязательные для всей церкви, и решения некоторых региональных («поместных») соборов, а также так называемые апостольские правила. В качестве вспомогательного материала, раскрывающего значение соборных правил и комментирующего последние [14], в сборники были включены писания («правила», вопросо-ответы) некоторых наиболее уважаемых епископов восточных церквей, главным образом Александрийской, а также Антиохийской и Константинопольской, хотя они были нередко старше соборных правил и независимы от них [15]. В приложении к некоторым видам сборника находилось так называемое «трехчастное собрание» («Collectio tripartita») выдержек из Юстинианова законодательства.

Первоначальные сборники правил появились еще в IV в., до Никейского собора (их примерный состав восстановлен Э. Шварцем) [16]. Сохранились такие сборники только в переработке начала VI в., причем в сирийском переводе. Правила в них давались по

[14] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 87—89.
[15] *Schwartz E.* Zur Geschichte der alten Kirche und ihres Rechts. Gesammelte Schriften, Bd. 4. Berlin, 1960, s. 178.
[16] *Schwartz E.* Zur Geschichte.., S. 161—170.

отдельным соборам, причем первыми идут никейские или (если они есть) апостольские, а более ранние поместные — за ними. После издания Кодекса Юстиниана в окончательном виде (534 г.), построенного по тематическому принципу и, как считают исследователи, в связи с этим в VI в. появилось несколько разновременных и сменяющих друг друга собраний церковных правил, в которых также была использована эта форма.

Несохранившееся анонимное Собрание 60 титулов оказалось вытесненным из практики Синагоге́ (Сводом) канонов 50 титулов Иоанна Схоластика, который был поставлен Юстинианом в 565 г. патриархом столицы. Иоанн расширил собрание правил за счет соборов в Сардике и Ефесе, правил Василия Великого, но его сборник не отличался большой систематичностью. После смерти Юстиниана Иоанн наряду с Синтагмой завершил работу над Собранием в 87 главах выдержек из 12 новелл и дополнил существовавшее до него Собрание в 25 главах [17].

Собрание 14 титулов появилось вскоре после Свода Иоанна Схоластика и должно было, в свою очередь, заменить этот сборник. Собрание 14 титулов анонимно, в позднейших сочинениях имя его автора не упоминается, но, как установил В. Н. Бенешевич, с X в. его автором в византийской письменной традиции начинает признаваться составитель одной из его обработок IX в. и автор позднейшего предисловия к ней патриарх Фотий.

Время появления этого сборника было определено К. Э. Цахарие. Это могло быть «около 580 г.», или, точнее, после 578 г., поскольку составитель его использовал сокращение новелл юриста Афанасия, появившееся в этом году, и до 582 г., ибо подобная же работа Феодора (около 582 г.), лучшая по качеству, привлечена не была. Сборник был составлен в Константинополе [18].

Последний исследователь Собрания 14 титулов Э. Хонигман предложил остроумную гипотезу авторства этого труда, считая, что составителем последнего был конкурент Иоанна Схоластика на константинопольской кафедре, находившийся при его жизни в ссылке, патриарх Евтихий (второе его патриаршество после смерти Иоанна—577—582 гг., т. е. годы, совпадающие с указанными Цахарие). В пользу такого решения вопроса говорят также нескрываемое презрительное отношение автора предисловия сборника к своему предшественнику, автору Свода, и критика его труда, сохранение анонимности предшественника, который был автору Собрания 14 титулов, конечно, знаком. Свою работу по созданию этого Собрания Евтихий начал, согласно предположениям Э. Хонигмана, еще при жизни своего предшественника, находясь в ссылке в Ама-

---

[17] *Honigmann E.* Trois mémoires posthumes d'histoire et de géographie de l'Orient Chrétien. Bruxelles, 1961 (Subsidia hagiographica, N 35, p. 52—54).

[18] *Zachariae von Lingenthal K. E.* Die griechischen Nomokanones. SPb., 1877, S. 9—10; *idem.* Über den Verfasser und die Quellen des (Pseudophotinianischen) Nomokanon in XIV Titeln. SPb., 1885, S. 1.

сии, но закончил уже в Константинополе, используя тамошние компиляции. Здесь, в столице, главная роль в создании сборника перешла к бывшему сакеларию (казначею) Иоанна Схоластика, Иоанну Постнику, впоследствии сменившему Евтихия на патриаршей кафедре. С именем этого деятеля Хонигман считает возможным связывать завершение работы над синтагмой и создание на ее основе номоканона [19].

Канонический Сборник 14 титулов по составу и расположению включенных в него материалов был значительно выше его предшественника, что сделало его более важным в истории права Византии и сопредельных, в том числе славянских, стран. Бенешевич писал, что следует поражаться тому искусству владеть огромным материалом, которое обнаруживается у неизвестного автора, оставившего далеко позади Иоанна Схоластика [20].

Составитель Синтагмы 14 титулов соединил принципы расположения материала, существовавшие традиционно (по отдельным соборам и отцам церкви, а внутри соответствующих разделов — по номерам правил) с теми, которые были предложены авторами собраний 60 и 50 титулов, но превратил систематическое изложение в отдельный указатель. Он представляет собой сложный тематический ключ, содержащий три ступени информации. Первой, наиболее общей, ступенью является выделение 14 крупных тем, регулируемых соборными и отеческими правилами. Это поставление и рукоположение в члены клира и епископы (титул 1), сооружение и освещение церквей и сосудов, употребляемых при богослужении (2), служба и другие священнодействия в церкви (3, 5), крещение (4), плата за священнодействия (6), нехристианские жертвоприношения (6), посты и праздники (7), органы местной церковной власти — епископы, соборы епископов и клирики; дисциплинарные нормы, касающиеся епископов и клириков (8, 9), церковные имущества (10), монастыри и монахи (11), еретики и нехристиане (12), миряне и прочие дела, касающиеся различных групп людей (13—14).

Эти большие темы указателя, выделенные не всегда последовательно и строго, были названы τίτλοι — титулами (в славянских переводах IX в.— титьлы, XII в.— грани), а внутри каждого из них были даны более мелкие подтемы — главы, которые являются второй ступенью. Число глав в титулах очень различно и зависит от объема и разнообразия подтем, объединенных в титулы. Так, в титуле 13 «о мирянах» (περὶ λαϊκῶν) 40 глав, в титулах 1 и 9 — немногим меньше, а в титулах 2, 5 и 6 — всего по 3 главы. Всего в составе 14 титулов 238 глав [21].

---

[19] *Honigmann E.* Trois mémoires posthumes..., p. 56—60.

[20] Архив АН СССР (ЛО), ф. 192, оп. 1, д. 57 (*Бенешевич В. Н.* Миражи в истории Восточной Европы).

[21] *Нарбеков В.* Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона, ч. 1. Казань, 1899.

Третьей ступенью информации являлись ссылки в каждой главе на названия и номера правил, содержащих нормы по данным темам, в определенном порядке: сначала апостольские правила, затем соборные и, наконец (в номоканоне, чем он отличается от синтагмы), императорские законы.

Существуют две ранние формы Сборника 14 титулов: синтагма, не упоминавшая в 14 титулах императорские установления, присутствовавшие в Сборнике, и номоканон, на такие установления ссылавшийся. Последний, таким образом, объединил канонические и гражданские установления о церкви. Старшей формой является синтагма. Именно она привлекает наше внимание в дальнейшем, ибо Сборник в форме синтагмы лежал в основе славянского перевода кормчей. Что касается номоканона, то время его возникновения определяется исследователями различно. Цахарие и вслед за ним Бенешевич датировали его VII в. (629 г. или между 629 и 640 гг., при императоре Ираклии), считая его автором так называемого Энантиофана, близкого к кафедре, ревностного защитника прерогатив патриарха по отношению как к Риму, так и к другим восточным патриархиям [22]. Хонигман относил создание номоканона еще к VI в., после 582 г., и связывал его, как было сказано, с Иоанном Постником.

В VII—XIV вв. Сборники 14 титулов с правилами и законами были наиболее авторитетными и официальными собраниями источников церковного права православной церкви. Они подвергались неоднократным переработкам и обновлениям, в них добавлялись правила новых авторитетных соборов. В 692 г. этот сборник в виде синтагмы был утвержден в качестве обязательного на поместном Трульском соборе, хотя это не привело к его повсеместному распространению. Одна (или две) из его обработок принадлежит патриарху Фотию (883 г.), который к предисловию первоначального составителя номоканона добавил второе предисловие [23].

В XII в. соборные правила IV—VIII вв., устаревшие уже к этому времени, были снабжены комментариями крупнейших византийских юристов, связавшими архаичные установления с представлениями своего времени. Эти комментарии способствовали тому, что Сборник 14 титулов стал в XII—XIV вв. еще более популярным, и продлили его жизнь на несколько веков, как в самой Византии [24], так и в других странах Европы и Азии, где существовала православная церковь.

---

[22] *Zachariae von Lingenthal K. E.* Die griechischen Nomokanones, S. 1,10 — 11; *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 227—229. Ср. также: *Beck H. G.* Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 146.

[23] Эту часть предисловия Бенешевич называет «схолией 883 г.» (*Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 70, 99—100).

[24] *Петровић М.* Номоканон у 14 титула и византиjски коментатори. — «Теолошки погледи», 1971, № 1. с. 75—78.

Наиболее важными для истории кормчей Ефремовской редакции являются ранние обработки Сборника 14 титулов, относящиеся ко времени до X в. Эти обработки велись в одном, главном, направлении — приблизить сборник VI—VII вв. к условиям и требованиям развивающейся в VIII—IX вв. византийской церковной организации, подчиненной константинопольскому патриархату. Формы этих обработок были различны. В. Н. Бенешевич выяснил эти формы до 883 г., до обработки номоканона патриархом Фотием. Они принадлежали официальным (как Фотий) и частным лицам. Изменениям подвергались как основной состав Сборника — собрание источников церковного права, так и 14 титулов.

При составлении Сборника в него входили правила четырех вселенских соборов (пятый, 553 г. и шестой 680/81 г. не оставили правил) и поместных. В дальнейшем в него включались правила следующих соборов: Трульского (692 г.) и VII вселенского Никейского II (787 г.), профотиевских константинопольских соборов 861 и 879 гг. (Последние были включены, очевидно, Фотием). В группе правил отцов церкви добавлялись сочинения Михаила Синкелла и патриарха Никифора (после 842 г. и до 861 г.); Афанасия, Григория Богослова, Амфилохия Иконийского и др. К прежним выписям из светских установлений добавлялись (таков Номоканон II извода Первой редакции) императорские законы в форме Собрания в 87 главах, составленного еще в VI в. автором номоканона другой редакции в 50 титулах — Иоанном Схоластиком. Из состава сборника убирались апостольские правила (Синтагма Первой редакции, между 668 и 680 гг.). Были опыты разделения всех статей сборника на пять больших групп с раздельной нумерацией в каждой (Номоканон IV извода Первой редакции); заменены 14 титулов другим древним систематическим собранием правил 50 титулов, игравшим здесь роль указателя к сборнику (Номоканон III извода Первой редакции). Наконец, был опыт расположения всех правил в системе 14 титулов и 238 глав, т. е. переработки Сборника, содержащего отдельные памятники, в цельный свод (συναγωγή) правил, расположенных тематически. Эта обработка относится к последней четверти VIII—IX вв. (до 861 г.) [25].

Из всех известных и реконструируемых форм Сборника 14 титулов к составу основной части кормчей Ефремовской редакции наиболее близкой является III, или Систематическая, редакция синтагмы (систематическим является в ней распределение соборов: сначала даны правила вселенских соборов, затем поместных). Синтагма этой редакции известна в двух списках Vallic. F. 47, X в. и Vindob. hist. gr. 56, XI в. Основываясь на ряде наблюдений, главным образом на включении в состав Синтагмы этой редакции правил VII вселенского собора 787 г. и отсутствии в ее

[25] Vatic. 1142, XIV—XV вв.

составе произведений первой половины IX в. и правил собора 861 г., Бенешевич датировал ее создание временем между 787 и 861 гг., ближе к первой дате, ко времени патриарха Тарасия (784—806 гг.) [26].

Основным источником этой редакции исследователь считал ранний текст Синтагмы, принадлежащий VI в., но с добавлением, внесенным после 692 г., правил Трульского собора. Эта древняя синтагма была, очевидно, также систематической [27]. Ссылок на законы в составе самих 14 титулов не было, но в приложении к сборнику находилось особое Собрание законов в 93 главах, отсутствующее в других видах сборника. Источником этого приложения было Собрание в 87 главах Иоанна Схоластика, являющегося обычно приложением к Номоканону 14 титулов, но пополненное отсутствующими в нем новеллами из другого Собрания в 25 главах [28], сохранившегося при сборниках, и новеллами, не вошедшими еще в состав компиляций. Бенешевич считает, что нет оснований приписывать создание этого Собрания в 93 главах составителю Синтагмы Третьей редакции VIII в.: оно могло возникнуть скорее до того, как было создано Collectio tripartita, представляющее более совершенное и полное изложение Юстинианова законодательства о церкви, т. е. еще в VI в. Таким образом, составитель этой редакции Синтагмы включил в нее готовое Собрание в 93 главах, не внеся в него значительных изменений [29].

В результате обследования основных хранилищ греческих рукописей и содержащихся в них сборников канонического и церковно-юридического содержания, проведенного последовательно К. Цахарие, А. С. Павловым, В. Н. Бенешевичем, выявлено и систематизировано большое число сборников, близких к Синтагме 14 титулов в одних случаях по своему основному составу, в других — по отдельным, в том числе дополнительным, статьям. Привлечение описаний и характеристик этих рукописей позволяет не ограничиваться установлением источника основных частей славянской Синтагмы, но установить также, что́ из ее статей могло находиться в приложении к тому тексту греческой Синтагмы, который был в руках переводчика. Это позволяет установить и еще одну серию сведений, особенно важную для характеристики работы составителя славянской кормчей 14 титулов,— что из ее статей могло быть заимствовано из других источников, отличных от круга текстов, включающих Синтагмы и Номоканоны 14 титулов различных редакций.

---

[26] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 288.

[27] Этому противоречит, однако, то, что перечень канонов (Ἐκ ποίων συνόδων...τὸ παρὸν ἠθροίσθη σύνταγμα) в составе Синтагмы Третьей редакции — хронологический (Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича (далее — ДСК), т. I. СПб. 1906, с. 57—60).

[28] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 269—271.

[29] Там же, с. 287—288.

Трудно определить источник заимствования *предисловия* к сборнику 14 титулов (Начало: «Тѣлеса оубо...). Список Vallic. F. 47 не имеет начала, он начинается с текста 10-й главы 1-го титула. Утрачен первый лист рукописи, на котором могло уместиться только начало 14 титулов. Нумерация тетрадей списка сделана поздно, уже после утраты начала кодекса, поэтому вопрос о том, не была ли вначале утрачена целая тетрадь, содержащая предисловие и дополнительные вводные статьи, которые встречаются в других списках сборника [30], без специального кодикологического исследования списка не может быть решен. Однако оказывается, что предисловия нет ни в одном списке Синтагмы Первой, Второй и Третьей редакции [31], хотя сохранность начал у списков Patm. 172 (Синтагма Первой редакции), Vallic. F. 10, Laurent. plut. X cod. 1, Vatic. 827 (три последние — Синтагма Второй редакции) позволила бы обнаружить их, если бы они входили в состав списков Синтагмы этих редакций. Предисловие есть в списках Номоканона 14 титулов и именно из таких списков оно издано Бенешевичем [32].

Предисловие архетипа славянского текста имеет сравнительно с опубликованным греческим пропуск, который является случайным из-за повторяющихся одинаковых слов «ищьтеныими гранесы» — «διὰ τῶν ἀριθμητικῶν στοιχείων» [33]. Отсутствующий в древнеславянском переводе текст восполнен по переводу предисловия в кормчей Сербской редакции [34]. Пропуск мог быть сделан в греческом тексте. Однако виновником его мог быть и писец архетипа славянского текста, поскольку в этом тексте, естественно, сохранилось то же сочетание одинаковых слов, а о невнимательности писца архетипа свидетельствует ошибочная замена слова «грамоты», т. е. буквы (στοιχεῖοι), на «гранесы» (τίτλοι).

Таким образом, несомненно, нет основания предисловие связывать с текстом Синтагмы. Возможно, что оно было заимствовано в основной греческий источник славянской кормчей из Номоканона 14 титулов.

Из Синтагмы Третьей редакции в славянский перевод попали *14 титулов* [35]. При этом, однако, ссылки на правила в ряде случаев (Бенешевич перечисляет 26 таких случаев) [36] оказались измененными. Так, например, в 12-м титуле, главе 9 (об общении с иноверцами) в греческих списках есть ссылка на Лаодикийское

---

[30] Там же, с. 260, 262.
[31] Там же, с. 231, 234, 244—245.
[32] ДСК, т. I, с. IV. Petrop. 66; Barocc. 196; Selden. B. 55; Syn. Mosqu. 467.
[33] ДСК, т. I, с. 4. Опущенный греческий текст выделен разрядкой.
[34] «и число числеными грамотами *благосочетанно яко же мню по моеи силѣ сложенie сотворихъ: сим же образомъ уставихъ изложенie, яко же рѣхъ числеными грамотами*» (Кормчая напечатана с оригинала патриарха Иосифа. М., 1912, с. 23).
[35] ДСК, т. I, с. 5—56.
[36] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 277.

правило 39, а в славянских — на Лаодикийское 38-е [37]. Эти отличия объясняются изменениями номеров правил в тексте в результате пропусков самих номеров (большая их часть из-за пропуска номера 38 в соответствующем правиле Лаодикийского собора) или выделения части правила в качестве особого, со своим номером. Эти изменения в тексте и, соответственно, в 14 титулах нет оснований приписывать специально славянскому переводчику или составителю кормчей. Мелкие различия в нумерации правил нередки в византийских списках сборника, как и славянских [38].

Перечень состава Синтагмы, следующий в Ефремовском и Vallic. F 47 после 14 титулов («От кыих събор...» — «Ἐκ ποίων συνόδων...») по содержанию связан с составом обоих этих списков только опосредованно; он не является их оглавлением. Перечень в Ефремовском списке состоит из 31 номера и схолией после 23 номера делится на две части, не одинаковые ни по размеру, ни по их значению в истории сборника. В Vallic. F. 47 номера статей в первоначальном составе списка не даны, а перечень ограничен схолией и продолжения после нее не имеет. Схолия (начало: «Вѣсто же, яко изложение вѣры...» — «Ἰστέον, ὅτι ἡ ἔκθεσις τῶν προκειμένων συνόδων...») сообщает, что в отличие от хронологического ряда соборов, перечисленного в перечне, в самом тексте сборника соборные правила изложены иначе, систематически: сначала все вселенские, затем все поместные. Перечень с завершающей схолией есть также в греческих списках Vindob. hist. gr. 56 (Синтагмы Третьей редакции) и Patm. 172 и 173 (Синтагмы Второй редакции).

Бенешевич не подверг перечень Ефремовского и Vallic. F. 47 специальному изучению в целях определения его связи с ранними греческими текстами Синтагмы. Он рассмотрел только добавление в Ефремовском, следующее за маргиналией. А между тем этот перечень важен для изучения ранней истории Синтагмы Третьей редакции и, как нам представляется, отражает состав сборника, восходящего вместе с Ефремовским, Vallic. F. 47, а также с Vindob. hist. gr. 56 и Patm. 172 и 173 к одному раннему источнику, бывшему основным источником Синтагмы Третьей редакции.

Определяя источники и время происхождения Третьей редакции Синтагмы, Бенешевич писал, что в ее основе лежит Сборник 14 титулов, близкий к Синтагме Первой редакции, составленный после VI (V—VI) Трульского собора (692 г.) и до VII вселенского (Никейского II) собора 787 г. В этом сборнике правила соборов были изложены хронологически (а не систематически, как в Синтагме Третьей редакции), правила Василия не стояли на первом месте среди отеческих правил (как это есть в Синтагме Третьей

[37] ДСК, т. I, с. 44.

[38] В. Н. Бенешевич предполагал, что в одном из более ранних текстов, чем греческий источник Ефремовского списка, счет и порядок правил еще сильнее отличался от обычного, чем в Ефремовском и в Vallic. F. 47 (*Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 278).

редакции), в нем отсутствовали послания Афанасия к Руфиниану и Мартирию, послания Кирилла к Максиму и Геннадию; в нем, естественно, отсутствовали правила II Никейского собора[39].

Именно такой состав и дает перечень Ефремовского и Vallic. F. 47. В нем в отличие от состава самих списков нет правила II Никейского собора, правила Василия Великого стоят после правил Дионисия и Петра Александрийских и Григория Неокесарийского, не упоминаются послания Кирилла к Максиму и Геннадию, нет посланий Афанасия Александрийского к Аммону и Руфиниану, а выпись из его 39-го праздничного послания поставлена не на место и безымянно, между правилами Василия с вводящим в заблуждение заголовком «Того же (!) от 39 праздничного послания...» (Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τῆς λθ′ ἑορτατικῆς ἐπιστολῆς...), что свидетельствует о позднейшем включении этого заглавия в перечень.

Что касается последних статей этой части перечня, до схолии, то единственной статьей, не вошедшей в состав рукописей Третьей редакции Синтагмы, является послание патриарха Тарасия к папе Адриану «о поставляюштиихъ нечьстивѣ на имѣнии». Это послание датируется десятилетием (784—795 гг.) — временем от поставления Тарасия до смерти Адриана. Таким образом, состав статей перечня довольно точно указывает на составление сборника, имевшего этот состав статей между 784 и 787 гг.[40] при том же Тарасии.

В. Н. Бенешевич присвоил Третьей редакции Синтагмы наименование Тарасиевской по имени этого патриарха. Однако если связывать название обработки Сборника 14 титулов с именем Константинопольского патриарха, при котором она могла быть сделана, то Тарасиевской скорее надо назвать эту обработку 784—787 гг., тем более что она оканчивалась сочинением этого иерарха. Что же касается редакции, созданной после собора 787 г., которой принадлежат сборники Vallic. F. 47, Ефремовский, Плигинский и другие, то пропуск в них послания Тарасия свидетельствует скорее о том, что она возникла после смерти этого патриарха, при одном из его преемников, например Никифоре I (806—815 гг.)[41].

Ефремовский список имеет после схолии продолжение (номера 24—31), отсутствующее во всех греческих списках. Это статьи: «24. Иоустиниана иже въ блаженѣи памяти царя Костянтиня града законъ. Того же закон морьскый. 25. Василия, Костянтиня и Льва благочьстивыихъ царь законъ. 26. Блаженааго Епифания епископа Купрьска о ересьхъ... 27. О родѣ саракиньстѣ рекъше огаринѣхъ. 28. О оглагольницѣхъ хрьстияньскыихъ

---

[39] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 288.

[40] Соответственно и датировка послания Тарасия может быть сужена до этих лет.

[41] В. Н. Бенешевич относил эту редакцию ко времени вскоре после VII собора 787 г. потому, что в ее составе нет сочинений патриархов Никифора и Мефодия (*Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 288).

образоборьцихъ. 29. О приходяштиихъ отъ ересии и мажюштиихъся. 31. (!) О приходяштиихъ отъ ересии и проклинаюштиихъ».

Каково отношение этой части перечня к составу статей Синтагмы Третьей редакции и к Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции? Исследователи, интересовавшиеся этим вопросом, но не знакомые с историей текста соответствующего византийского сборника, считали возможным, что эта часть была добавлением, отражавшим состав славянской кормчей. Однако установив место соответствующего этому перечню сборника среди обработок византийской Синтагмы, вряд ли можно сомневаться, что и она является переводом с греческого, отражая существование следующей византийской обработки Синтагмы. Действительно, видеть в номерах 24—31 перечня Ефремовского списка следы добавлений в славянском тексте можно было бы только в том случае, если бы основная часть перечня соответствовала бы составу сборника, бывшего основным источником славянского текста. В нашем же случае обе части являются следами нескольких этапов обработки Синтагмы 14 титулов в ее Первой и Третьей редакциях до ее перевода, сохранившимися в списке XII в. [42] В копиях с этого списка эти следы уже были утрачены.

Во второй части перечня упомянуты сочинения, входящие и в состав архетипа кормчей Ефремовской редакции, определенного выше. Это два трактата о еретиках: трактат Епифания Кипрского о ересях [43] (№ 26), включающий разделы о сарацинах-агарянах (№ 27) и иконоборцах («образоборцах», № 28), и трактат Тимофея — пресвитера Софийского собора о способах принятия еретиков [44], содержащий разделы о принятии через помазание (№ 29) и через проклинание своей ереси (№ 31) [45]. Однако и это соответствие с составом славянской кормчей не колеблет нашего вывода: оба трактата находятся в Венском списке Синтагмы Третьей редакции и в списках Номоканона Первой редакции Barocc. 173 и 185 и попали в славянскую кормчую из основных ее источников.

Но хотя вторая часть перечня, как и первая, не связана непосредственно со славянским текстом Синтагмы 14 титулов, содержание этой части не лишено интереса.

Кроме сочинений о еретиках, не возбуждает сомнения значение второго пункта № 24 «Того же [Юстиниана] закон морьскый». Это Родосский морской закон (Νόμος ῥοδίων ναυτικός) — памятник,

---

[42] В греческих списках Синтагмы 14 титулов есть и другие подобные перечни статей с дополнениями, не отражающими действительный состав сохранившей этот перечень рукописи, например Patm. 172 (Синтагма Первой редакции). См.: *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник..., с. 230, 276.

[43] ДСК, т. I, с. 644—706.

[44] Там же, с. 707—738.

[45] Очевидно, оба эти трактата имели выделенные киноварью или инициалами разделы, которые и были внесены составителем перечня в его состав, причем трактат Тимофея не имел заметного заглавия с упоминанием автора, а обе его части были восприняты как самостоятельные анонимные статьи.

приписываемый здесь Юстиниану, но представляющий свод обычного частно-предпринимательского морского права острова Родос, который датируется широко VII—VIII вв. Он сохранен в ряде греческих списков, обычно вместе с текстом иконоборческой Эклоги, но неизвестен в славянских переводах [46].

Также очевидно, что закон трех «благочестивых царей Василия, Константина и Льва» (№ 25) — это Прохирон, изданный Василием I в 870—879 гг. от своего имени и имени своих сыновей-соправителей [47].

В состав славянской кормчей полный Прохирон не входит, в ней есть три отрывка из него (титулы 7, 24, 28), но они даются там как отдельные, самостоятельные памятники («О възбраненіи женитвах», «О епискупѣхъ и о мнисѣх», «О поставленіи епискупъ и мних», «О епискупѣхъ» [48]), и связь их с законодательством Василия и его сыновей не показана.

Что касается первой части главы 24, то отождествление этого памятника по его заглавию с тем или иным известным памятником византийского права является проблематичным. Основываясь на имени Юстиниана в заглавии и на присутствии в тексте Ефремовского списка Собрания в 87 главах, продолженного в Соловецком списке пятью новеллами Юстиниана, А. С. Павлов считал, что «Иустиниана... закон» это или указанные новеллы Юстиниана вместе с 87 титулами Схоластика [49], или трехчастное собрание гражданских законов, которое обычно имеет заглавие Νόμος Ἰουστινιανοῦ τοῦ βασιλέως, или, наконец, обе эти компиляции, обозначенные для краткости одним названием [50]. Однако обязательная связь подразумеваемого здесь памятника с Юстинианом и с действительным составом кормчей, как показывает упоминание рядом Закона морского, не может быть важным аргументом в пользу такого отождествления. В. Г. Васильевский предположил, что под заглавием «Иустиниана... закон» мог скрываться Земледельческий закон в той или другой обработке: соседство в перечне приписываемого тому же императору Закона морского аналогич-

---

[46] Издание текста: Nomos Rhodion Nauticos. The Rhodian Sea Law. Ed. W. Ashburner. Oxford, 1909. О законе см.: *Lopez R. S.* The Role of Trade in the Economic Readjustement of Byzantium in the VII-th Century. Dumbarton Oaks Papers, v. 13, 1953; *Липшиц Е. Э.* Очерки по истории византийского общества и культуры. М.— Л., 1961, с. 96—103, 251; *Сюзюмов М. Я.* Морской закон.— «Античная древность и средние века», вып. 6. Свердловск, 1969, с. 3—54.

[47] Издание текста: *Zachariae von Lingenthal K. E.* Ὁ πρόχειρος νόμος. Heidelberg, 1837; *Zepos J.* et *Zepos P.* Jus graecoromanum, t. II. Athenai, 1931, p. 114—228.

[48] *Щапов Я. Н.* Новый список... с. 266—271.

[49] *Павлов А. С.* Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869, с. 52.

[50] *Павлов А. С.* Книги законные. СПб., 1885; *он же.* По вопросу о времени, месте и характере первоначального перевода византийского Земледельческого устава на славянский язык.— «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1886, ч. 247, отд. 2, с. 98—105.

но соседству с этим законом Земледельческого закона в нескольких греческих рукописях; кроме того, в ряде списков Земледельческий закон имеет заглавие с упоминанием Юстиниана, близкое к тому, которое содержится в перечне [51]. Это мнение Васильевского поддержали В. Н. Бенешевич [52] и Н. П. Рутковский [53]. Оно наиболее правдоподобно.

Таким образом, состав статей, упоминаемых во второй части перечня Ефремовского списка, не совпадает точно ни с одним из известных греческих списков Сборника 14 титулов, но среди этих статей нет таких, которые не входили бы в эти списки. Выделение сборника в составе этого перечня, как утраченного византийского списка, стоящего между обработкой 784—787 гг. и источником славянского перевода, находит в этом подтверждение [54].

Вторая основная часть кормчей находит почти полное соответствие в архетипном тексте Синтагмы Третьей редакции и заимствована, несомненно, из этого источника. Существующие все же различия невелики. Это, во-первых, особенности славянского текста, которые находят соответствие в одном из греческих списков Синтагмы этой редакции, а в другом греческом списке этих особенностей нет. Так, далеко не все статьи есть в Vindob. hist. gr. 56; Vallic. F. 47 значительно ближе стоит к славянскому тексту. Но и в Vallic. F. 47 есть пропуски статей, имеющихся и в Vindob. и в Ефремовском изводе славянского текста. Дефектность списка Vallic F. 47, утраты в нем листов, не позволяют установить полностью, какие статьи были в нем опущены. Но несомненно отсутствие в нем с самого начала обоих трактатов о еретиках, принадлежащих и Епифанию, и Тимофею; но в Vindob. hist. gr. 56 все статьи этой части, начиная с послания Григория Нисского к Литойю и кончая трактатом Тимофея просвитера, идут в той же последовательности и с тем же текстом, что и в Ефремовском [55]. Это указывает на то, что обе они были в архетипе Третьей редакции. Также несомненно отсутствуют в Vallic. F. 47 под Окружным посланием Геннадия 459 г. подписи патриарха Геннадия и епископов, участников собора. В Ефремовском и его изводе есть подписи Геннадия и четырех митрополитов (Иоанн Ираклийский,

---

[51] *Васильевский В. Г.* Законодательство иконоборцев.— ЖМНП, 1878, ч. 200, с. 108—109; *он же.* Рецензия на «Книги законные...» *Павлов А. С.*— ЖМНП, 1886, ч. 243, с. 328—332.

[52] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 274—276.

[53] *Рутковский Н. П.* Латинские схолии в кормчих книгах.— В кн.: Seminarium Kondakovianum, t. III. Prague, 1929, p. 162.

[54] В. Н. Бенешевич также считал, что Земледельческий закон, Морской закон и полный Прохирон входили в состав греческого текста, переведенного на славянский язык (*Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.. с. 275).

[55] Анализируя отсутствие в Vallic. F. 47 двух трактатов, В. Н. Бенешевич склонялся к объяснению этого пропуском в Vallic. F. 47 и относил эти трактаты к составу архетипа Третьей редакции Синтагмы (*Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 281).

Анастасий Анкирский, Евномий Никомидийский, Петр Никейский), в Vinbod. hist. gr. 56 и в Patm. 172 и 173 — подписи 81 митрополита и епископа.

Очевидно, в источнике славянского перевода подписи были, как были они и в архетипе Третьей редакции Синтагмы [56]. К этой группе различий нужно отнести и нумерацию Правил Василия Великого, различающуюся между группой списков, в которую входит Ефремовский, списки Vallic. 10, Patm. 172 и 173 и список Vallic. F. 47. Это различие начинается с канона 17, который в Vallic. F. 47 обозначен вновь как α[57] и продолжается до конца 86 (соответственно 68) канона. Следует согласиться с Бенешевичем, считавшим, что нумерация в Vallic. F. 47 более архаична, а нумерация в Ефремовском списке вторична и отражает процесс объединения Правил Василия в единый комплекс [58]. Но, как видно по изданным текстам, такая нумерация характерна и для ряда греческих списков.

Собрание в 93 главах напечатано Бенешевичем только по одному греческому списку Vallic. 10, без вариантов из других списков. Поэтому выявление связей славянского перевода с теми или другими греческими текстами затруднено [59]. Но и здесь есть различия славянского и греческого текстов, которые говорят о том, что в распоряжении переводчика был список, иногда более близкий к архетипу Синтагмы или ее Третьей редакции, чем Vallic. 10. Так, в главе 17 о запрете преобразовывать монастыри в частные жилища, в Vallic. 10 текст искажен: вместо ἀπὸ ἱερατικοῦ (σχήματος) — из священнического образа, там стоит ἀπὸ ἰατρικοῦ — из врачебного, в то время как в переводе верно: «от чистительнааго образа» [60].

Эти случаи показывают, что хотя список Vallic. 47 наиболее близок по составу к славянской кормчей, не извод Vallic. 47 был источником славянского перевода, а другой извод этой редакции, не сохранившийся в греческих списках.

Во-вторых, в славянском переводе наряду с ошибками в понимании текста есть пропуски, отсутствующие во всех известных греческих списках. Так, в стихах Григория Богослова о книгах Ветхого и Нового завета, в Ефремовском списке опущено несколько начальных слов о цели этого перечня книг (ὄφρα δὲ μὴ ξεινῇσι νόον..., ὦ φιλάριθμον), которые есть и в Vallic. 47, и в Vindob. 56 и в Patm. 172 и 173 [61]. В Собрании законов в 93 главах

[56] В. Н. Бенешевич считал, что подписи были добавлены составителем извода текста, к которому принадлежит Ефремовский список, так как, по его мнению, составитель извода Vallic. не делал пропусков в своем основном источнике (*Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 277 и след.).

[57] ДСК, т. I, с. 479.

[58] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 277 и след.

[59] Собрание в 87 главах издано: Anecdota. Ed. G. Heimbach, II. Lipsiae, 1840, p. 202—237.

[60] ДСК, т. I, 755. См.: *Vašica J.* Collectio 87 (93) capitulorum dans les Nomocanones slaves.— «Byzantinoslavica», 1959, t. 20, nr. 1, p. 6.

[61] ДСК, т. I, с. 632.

есть довольно много пропусков, не имеющих аналогий ни в одном из греческих списков Синтагмы. Часть этих пропусков может быть объяснена случайной причиной — гаплографией, сходными словами, введшими в заблуждение писца [62]. Другие пропуски нельзя считать случайными. Таков пропуск в славянском тексте главы 43 запрета ставить чтецами лиц, не имеющих 8 лет от роду [63]. Обративший внимание на этот пропуск В. Н. Бенешевич считал, что соответствующие слова не могут быть вставкой, появившейся в Vallic. F. 47, так как ни Эклога, ни Прохирон ничего не говорят о возрасте поставляемых в клир, а Эпанагога, фиксирующая очень давнюю практику, не дает такого ограничения. Он считает этот пропуск не случайным, хотя «едва ли он объясняется совершенно особыми условиями быта православной церкви у славян, например, отсутствием чтецов» [64]. Таковы и два других пропуска слов. Во-первых, пропуск в главе 80 о том, что муж сохраняет у себя наряду с брачным даром (τὴν γαμικὴν δωρεάν) также *«остальную часть вена»* (τὸ λοιπὸν τῆς προικὸς) [65]. Славянский переводчик не различает понятий византийского имущественного права «дар» (δωρεά) и «вено» (προΐξ) и опускает выделенные слова. Во-вторых, пропуск в главе 87 о необходимости созывать каждые два года собор священников «каждой епархии» (τῶν . . . ἱερέων ἑκάστης ἐπαρχίας) [66]. Возможно, что этот пропуск был вызван особенностями структуры церковной организации там, где создавался этот текст.

Некоторые из этих пропусков (например установления о сохранении у мужа части вена и, с меньшей степенью вероятности, о возрасте поставляемых в чтецы) могут быть связаны со славянским переводом. Нет оснований считать несомненными пропусками славянского переводчика все описки, вызванные одинаковыми словами, а также пропуск установления о епархиальных соборах. Эти изменения могли быть произведены в гипотетическом тексте, источнике славянского перевода, восходящем к архетипу Синтагмы Третьей редакции, хотя они могли принадлежать, конечно, и славянскому переводчику.

К этой группе редакций близки, по-существу, и добавления в славянском тексте, отсутствующие в греческих списках Синтагмы Третьей редакции. Следует обратить внимание на добавления

[62] Таковы пропуски в Собрании в 93 главах: в главе 14 (ДСК, т. I, с. 754) пропуск между словами «прибытъкъ... [прибытькъ]» (πρόσοδον... πρόσοδον); в главе 88 (ДСК, т. I, с. 816) пропуск между словами «вѣрѣ.. [вѣрѣ]» (μέτρον... μέτρον). *Срезневский И. И.* Обозрение... Прилож., с. 77, сн. 12; с. 109, сн. 6.

[63] Οὐδὲ ἀναγνώστην ἔλαττον τῶν η' ἐνιαυτῶν («не читает имеющий менее 8 лет»; ДСК, т. I, с. 773). *Срезневский И. И.* Обозрение... Прилож., с. 89, сн. 12.

[64] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 271, прим. 2; с. 280.

[65] ДСК, т. I, с. 792. *Срезневский И. И.* Обозрение... Прилож., с. 101, сн. 4.

[66] ДСК, т. I, с. 803; *Срезневский И. И.* Обозрение... Прилож., с. 131, сн. 10; см. также пропуски в главе 87 (ДСК, т. I, с. 798; *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 128, сн. 16) и в главе 89 (ДСК, т. I, с. 819; *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 111, сн. 3).

в основной части кормчей. Это помещение в начале первой главы Собрания в 93 главах («Отъ кънигъ божествьныихъ повелѣнии.. Иоустинияна...») имени Григория Акраганьского, отсутствующего в греческих списках. Но это имя есть во всех славянских списках Ефремовской редакции кормчих и в тех списках Собрания в 93 главах в кормчих [67] и сборниках [68], которые можно считать восходящими к тексту Ефремовской кормчей. Положение этих слов в списках Ефремовской редакции в колонтитуле или на боковых полях как маргиналии показывает, что в архетипе кормчей (а может быть и в ее источнике) они были добавлением, приписанным позже. Святой Григорий, епископ Агригента (Akragas), в Италии упоминается в конце VI в., когда он был обвинен поставившим его папой Григорием IX, но известен и другой деятель с этим именем второй половины VII в., буквалистский экзагет-комментатор книги Экклезиаст [69]. В житии святого Григория, составленном в конце VII в. монахом римского монастыря святого Саввы Леонтием, есть упоминание о составлении им каких-то новых канонов [70]. Существует и южнославянский перевод этого жития [71], а память Григория Акраганьского отмечается в славянском месяцеслове под 23 ноября [72]. Бенешевич сомневался в том, что это имя было вставлено славянским переводчиком и предполагал, что оно как схолия могло находиться уже в греческом подлиннике Синтагмы, хотя сам признавал, что «со стороны грека странно незнание имени автора» Собрания в 87 главах (Иоанна Схоластика), известного и в IX в., и в более позднее время [73]. Очевидно, нужно согласиться с последним недоумением исследователя истории Синтагмы и специально изучить южнославянскую традицию, связанную с именем Григория Акраганьского.

В любом случае, именно благодаря надписанию его имени на Собрании в 93 главах Григорий Акраганьский вошел в число авторов в рекомендательном библиографическом списке, каким является перечень книг, «которые чести» — так называемое «Правило Лаодийского собора». Здесь его имя стоит вместе с именами других Григориев («Григорей Богослов, Григорей папа Римски,

[67] ГИМ, Син. 132, л. 288 об.
[68] ГИМ, Син. 153, XIV—XV вв.
[69] *Krumbacher K.* Geschichte der Byzantinischen Literatur, 2. Aufl. München, 1897, S. 129; *Beck H. G.* Kirche und theologische Literatur.., S. 467-648.
[70] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 279.
[71] *Halkin F.* Bibliotheca hagiographica graeca, I. Bruxelles, 1957, p. 229-230, nr. 707—708; *Stramondo G.* Elementi storici e fantastici nella biographia di S. Gregorio di Agrigento.— «Studi bizantini e neoellenici», 1953, VIII, p. 207 sq.; *Спространов Е.* Опис на ръкописите в библиотеката при Рилския монастир. София, 1902, с. 43, № 2, рук. 2—23 (43), л. 38—133 об.; *Dujčev I.* Riflessi della religiosità italogreca nel mondo slavo ortodosso.— «La chiesa greca in Italia dall VIII al XVI secolo». Padova, 1973, p. 1—198.
[72] *Сергий, архиеп.* Полный месяцеслов православного Востока, т. II. Владимир, 1901, с. 362—363; заметки, с. 480—481.
[73] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 280.

Григорей Акраганьскы, Григорей Синаит») после евангелистов, апостольских посланий, сочинения Иоанна Богослова и других Иоаннов: Златоуста, Дамаскина, Экзарха и Лествичника [74].

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ КОРМЧЕЙ И ИХ ИСТОЧНИКИ

Третья часть кормчей, являющаяся по содержанию дополнительной ко второй, основной, части оказывается дополнительной по отношению к основному источнику кормчей — Синтагме 14 титулов. В целом эта часть не находит соответствия в каких-либо византийских сборниках или их частях. Статьи ее имеют различное происхождение. Некоторые из них входят в виде дополнительных или вводных в церковно-юридические сборники различного состава, другие в таких сборниках неизвестны и имеют другое происхождение.

Проследим соответствие составу и, отчасти, тексту славянской кормчей в этой части известных византийских памятников по тем четырем группам, которые были выделены в ней выше, при определении архетипа Ефремовской редакции.

В группе, объединяющей календарно-хронологические статьи, несомненным заимствованием из Сборников 14 титулов является комплекс трех хронологических и хронографических сочинений. Это Летописец вскоре — перевод Хронографикона Никифора, патриарха константинопольского (806—815 гг.), с продолжениями, сделанными после его смерти, затем перечни епископов и патриархов Константинополя, также приписываемые Никифору, но продолжающиеся до начала X в., и, наконец, хронологическая таблица «Разум 7 събор» с записью о дате смерти Константина VI [75].

Летописец вскоре в составе кормчей был предметом исследования Н. В. Степанова и, отчасти, А. А. Шахматова. Степанову был известен интересующий нас здесь текст по списку F.II.250 XV в., но он занимался в основном историей памятника, находящегося в Синодальной кормчей XIII в. [76] Неизученность древнеславянского перевода привела исследователя к созданию сложной схемы вторичного, независимого, возникновения этого текста в кормчей XIII в., которая, однако, не находит подтверждения. А. А. Шахматов впервые рассмотрел тексты Летописца в кормчей F.II.250 и в Синодальной кормчей как две редакции одного пере-

---

[74] Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. Сост. Я. Н. Щапов, ч. II. М., 1976, с. 135.

[75] Об этой таблице см.: *Beneševič V.* Monumenta Vaticana ad ius canonicum pertinentia.— «Studi Bizantini», vol. II. Roma, 1927, p. 121—191; *Щапов Я. Н.* Византийские хронографические сочинения в древнеславянской кормчей Ефремовской редакции.— Летописи и хроники, 1976 год. М., 1976, с. 246—250.

[76] *Степанов Н. В.* Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской кормчей.— «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1912, т. 17, кн. 2, с. 250—293.

вода, показал, что вторая отличается вставками и сокращениями, и определил, что эта «распространенная редакция составлялась именно в кормчей» [77]. В последнее время русские тексты Летописца вскоре и перечней константинопольских епископов, как в Древнеславянской кормчей [78], так и в позднейших переработках в кормчих, летописях и сборниках [79] вновь привлекли внимание.

Поскольку наше исследование памятников издано отдельно, обращаемся к недавно опубликованным работам о них Е. К. Пиотровской. Исследовательница выделяет три редакции Летописца, последняя из которых является компиляцией из двух первых с использованием дополнительных источников, но пишет о существовании также «так называемых особых редакций» и «поздних обработок», не соотносимых с тремя редакциями [80]. Анализ лексики и грамматического строя Летописца и перечня привел исследовательницу к выводу о древности их перевода, который мог быть выполнен в конце IX — начале X в., «когда мастерство перевода древних книжников, освоивших технику Кирилло-Мефодиевской школы и в совершенстве ею овладевших, могло обогащаться какими-либо приемами книжников более позднего времени». Она находит в лексике черты, характерные и для переводов Симеоновской школы и считает перевод болгарским. Вместе с тем автор обращает внимание на буквальный перевод «слово за слово», что говорит о том, что «переводчик еще не решается (а, возможно, и не может) свободно обращаться с греческим текстом» [81]. Эти выводы, сделанные по двум памятникам в составе кормчей, подкрепляют приведенные в этой книге наблюдения над другими составными ее частями.

Исследовательница считает, что Летописец вскоре (вместе с перечнем) был включен в состав кормчей «на славянской почве», а не до перевода в Византии на том основании, что, как указывал В. Н. Бенешевич, в составе списков Синтагмы Третьей редакции Хронографикона не было [82]. Однако, как показано выше, состав

---

[77] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники.— В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ), т. 4. М.— Л., 1934, с. 62—69.

[78] *Щапов Я. Н.* Византийские хронографические сочинения в Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции; *Пиотровская Е. К.* О времени перевода «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора на славянский язык.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. VII. Л., 1976.

[79] *Пиотровская Е. К.* К изучению «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора.— ТОДРЛ, т. 29. Л., 1974; *она же.* О третьей русской редакции «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора.— В кн.: Византийский временник, т. 36. М., 1975; *она же.* Краткий археографический обзор рукописей, в состав которых входит текст «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора.— В кн.: Византийский временник, т. 37. М., 1976.

[80] *Пиотровская Е. К.* Краткий археографический обзор рукописей.., с. 247.

[81] *Пиотровская Е. К.* О времени перевода.., с. 105—106, 117.

[82] Там же, с. 115.

Древнеславянской кормчей не повторяет полностью состав известных списков этой Синтагмы: в ней не было, например, введения, которое заимствовано из близкого по составу номоканона, причем, значительно вероятнее еще в византийский период жизни сборника, чем в славянский. И Хронографикон вместе с перечнем епископов только одной константинопольской кафедры находится в составе греческих рукописей Сборников 14 титулов типа номоканона, одной из которых является Syn. Mosqu. 467. Поэтому больше оснований считать, что Хронографикон попал в состав Сборника 14 титулов, источника Древнеславянской кормчей, еще в Византии, до того, как он был переведен на славянский язык. Эти же наблюдения не позволяют согласиться и с ответственными выводами Е. К. Пиотровской о характере работы переводчика (или переводчиков) перечня и Летописца, основанными на сравнении с текстом Древнеславянской кормчей греческих текстов, опубликованных де Бооромом. Исследовательница пишет о намеренном выборе для перевода только части, касающейся константинопольских иерархов и пропуске римских, иерусалимских, александрийских и антиохийских епископов (в греческом списке Syn. Mosqu. 467 они уже опущены), о сокращении им сведений о некоторых иерархах и о вставке упоминаний вселенских соборов (в том же списке это уже сделано) [83].

Можно говорить, вероятно, только о небольших пропусках и изменениях, имеющих характер ошибок в результате невнимательности писцов греческого или славянского списков, к которым восходит текст Ефремовской кормчей. Таков пропуск одной из ссылок на 70 толковников (κατὰ τοῦς ο′)— переводчиков библейского текста (позиция 9), в то время как два других их упоминания сохранены. В перечне опущены упоминания Евтихия (второе патриаршество) и Иоанна IV Постника (между позициями 54 и 55). Пропуски объясняются, несомненно, ошибкой прочтения из-за гаплографии.

В Плигинском и Троицком списках пропущены две позиции (Ἐλιακείμ ἔτη ιβ′ Ιεχονίας μῆνας γ′) в Летописце и пропущено упоминание Георгия I в перечне, однако эти имена есть и во всех греческих списках, и в Распространенной редакции Летописца и перечня. Это говорит о том, что источником текста кормчей Русской редакции был извод текста Древнеславянской кормчей, отличный от архетипа Плигинского и Троицкого списков, возможно, близкий к Ефремовскому списку.

Представляют интерес и добавления, внесенные переводчиком или ранними писцами сознательно. Таковы добавление заголовка «Царство христианьско» перед позицией 129 о царствовании Константина Великого и вставка после упоминания Никейского собора слов «На Ария злочестивааго, «създание и тварь сына божіа»

[83] См. подробнее: *Щапов Я. Н.* Византийские хронографические сочинения в Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции, с. 243—244.

глаголюща, и «менша отца, и яко бог бѣ нѣкогда, егда не бѣ сынъ» блядущу». Нет оснований считать, что эти вставки были сделаны исключительно славянским переводчиком. Более вероятно их присутствие в том греческом списке, который был источником перевода.

Для датировки перевода кормчей важны хронологические указания последних позиций в Летописце и перечне. Источник славянского перевода Летописца оканчивался на упоминании императоров Льва и Александра, царствовавших совместно с 886 по 912 г. На 912 г. завершается и перечень епископов, в нем последним названо патриаршество Евфимия и его изгнание (изгнан 15 мая 912 г.), а о возвращении на кафедру Николая Мистика в том же году продолжатель перечня не сообщил.

Эта дата памятника, как наиболее поздняя в кормчей, является нижней границей времени перевода ее на славянский язык.

В отличие от хронографических статей календарная статья «Великого книжника антиохийского о каландах, и о нонех, и о идех возглашение к некыим его другом» неизвестна в церковно-юридических сборниках. Поскольку она не связана содержанием с деятельностью церкви, ее правами, это и не удивительно. Но появление этого памятника в составе византийского сборника — источника славянского перевода — трудно проследить, потому что ее византийский текст пока не найден.

Это произведение знакомит пользующихся византийским календарем с древнеримским счетом дней, лунными месяцами и их соотношением с солнечными, значением календ, нон и ид и происхождением этих «праздников», а также дает пересчет в виде таблицы с тридцатидневного счета месяца на древнеримский, с отрицательным значением чисел. По остроумной догадке В. Н. Бенешевича [84] это может быть фрагмент сочинения константинопольского астролога рубежа V—VI в. Ритория, передавшего науке средневековья астрологические знания античности. Его сочинения сохранились во фрагментах, каким и может быть славянский перевод. О Ритории известно очень мало; предполагается, что он родился в Египте, но работал в столице империи. Наиболее ранние его упоминания относятся к IX—X в. (884 г. и позднее), т. е. наша кормчая содержит одно из старших упоминаний [85].

Далеко не все в славянском тексте статьи понятно, но поскольку греческий текст ее еще не введен в науку, осмысления и реконструкции не могут выйти за пределы предположений. Можно заподозрить несколько ошибок в переводе этого текста, несомненно,

---

[84] *Beneševič W.* Spuren der Werke des Ägypters Rhetorios, des Livius Andronicus und des Ovidius in altslavischer Übersetzung.— Byzantinische Zeitschrift, Bd. 25, 1925, S. 310—312.

[85] О Ритории и литературе о нем см.: *Pauly-Wissowa.* Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Supplementenband V. München, 1931, col. 731 (W. Kroll).

очень сложного как для византийца, так и для славянина, плохо знакомых с римской мифологией и литературой.

Включение этого календарного трактата в состав канонического сборника можно объяснить тем, что даты вселенских и поместных соборов IV—V вв. в правилах обозначены именно по этому древнеримскому счету, при помощи календ и ид. Так, например, Никейский I собор датирован в славянском переводе, полностью соответствующем греческому тексту: «месяца десия 15 преже 13 календъ ноулия», а II (Констэнтинопольский) собор πρὸ ζ' εἰδῶν ἰούλιων (перед 7 идами июля: в славянском переводе искажено) [86] и др.

Календарный счет на календы встречается в славянской письменности не только в этой кормчей, как в переводной, так и в оригинальной. Из южнославянских памятников — это болгарский протограф Изборника Святослава 1073 г., жития византийских святых (в том числе мучение Веры, Надежды, Любови и Софьи) [87]. В западнославянской — в житии Вячеслава Чешского (так называемая легенда Никольского) [88]. В древнерусской письменности известно употребление календ в Сказании о Борисе и Глебе, в Новгородской I летописи (статья 6644 г.), в записи московского Сийского евангелия 1340 /41 г. [89]

Таким образом, статья о календах и других днях месяца давала полную информацию о значении этих терминов и соотношении счета по византийскому календарю с традиционным римским счетом. В славянской письменности это было, очевидно, единственное сочинение, специально посвященное древнеримскому календарю.

В группу сочинений об основах христианского учения объединены в настоящей работе две статьи. «Образ правыа и непорочныа христианскыа вѣры» и вопрос-ответ Афанасия Александрийского.

«Образ веры» — это изложение и толкование христианского символа веры с включенным в него рассказом о шести вселенских соборах. В основе этого сочинения лежит трактат с толкованием основ христианского учения и иерусалимского церковного деятеля и полемиста VIII—IX вв. Михаила Синкелла (760—846 гг.), монаха лавры святого Саввы, затем священника и синкелла (секретаря) иерусалимского патриарха. После восстановления иконо-

---

[86] ДСК, т. I, с. 83 и 94.

[87] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880, л. 247 об.; переиздание: Wiesbaden, 1965, с. 494. Великие минеи четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869, стб. 1242.

[88] Легенда мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском в славяно-русском переложении. Труд Н. К. Никольского.— «Памятники древней письменности и искусства», вып. 174. СПб., 1909; Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. Подг. к печати А. И. Рогов. М., 1970, с. 82.

[89] *Мещерский Н. А.* К изучению ранней московской письменности.— В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 94.

печатания он — архимандрит константинопольского монастыря Хора и синкелл константинопольского патриарха. Михаил — автор ряда произведений, главным образом гомилетического характера: похвальных слов архангелам, Иоанну Крестителю, Дионисию Ареопагиту и др. [90] «Трактат (λίβελλος, буквально записка) о православной вере», называющий в заголовке автора Михаила — синкелла иерусалимского,— сочинение догматического характера. Поскольку в ранних текстах сочинения говорится только о шести вселенских соборах и о Трульском 692 г., а седьмой собор 787 г., осудивший иконоборчество, упоминается лишь в позднейших славянских его текстах, этот трактат написан, очевидно, до 787 г., когда Михаил был еще монахом в лавре святого Саввы. Не исключено, однако, что не все эти сочинения принадлежали одному лицу. Существовало два, а может быть даже три автора, носивших то же имя [91].

Это сочинение Михаила Синкелла было неоднократно переведено в славянских странах и хорошо известно на Руси, в Болгарии и Сербии. Такой интерес к догматическому трактату о сущности христианского учения понятен. Для человека, менявшего систему языческого многобожия на новое учение, усвоение противоречивой и абстрактной догмы о троице было очень трудно. Не случайны замечания о невозможности для человеческого ума постигнуть троичность божества, высказанные, например, Афанасием Великим в ответ на вопрос князя Антиоха (IV в.) [92].

Славянские тексты трактата находятся в Изборнике Святослава 1073 г. (как «Михаила Сунькела иерусалимъскааго написание о правѣи вѣрѣ») [93], в древнеславянской кормчей 14 титулов Ефремовской редакции без толкований (анонимно, как «Образ правыа и непорочныа христианскыа вѣры»)[94], в приложениях к сербскому списку кормчей 14 титулов с толкованиями Сербской редакции («Михаила Сигкела иеросолимьскааго изложение о правовѣрнѣи вѣрѣ») [95], в русском Троицком сборнике XII—XIII вв. (анонимно: «Того ж[е] написание о вѣрѣ») [96], в Повести временных

---

[90] *Krumbacher K.* Geschichte der Byzantinischen Literatur, 2, S. 166; *Beck H. G.* Kirche und theologische Literatur, S. 503—504.

[91] *Ehrhard A.* Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche, Bd. 1. Leipzig, 1937, S. 486.

[92] *Pitra J.* Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta, t. I. Romae, 1868, p. 575; Patrologiae cursus completus. Series graeca (далее — PG), t. 28. Paris, 1857, p. 597.

[93] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г., л. 20 об.— 23; переиздание (Wiesbaden, 1965), с. 40—43.

[94] *Щапов Я. Н.* Новый список.., с. 262—265.

[95] Сараевский список первой трети XIV в. (*С. В. Троицки.* Како треба издати Светосавску крмчиjу (номоканон са тумачењима). Српска академjа наука. Споменик, 102. Београд, 1952, снимки 10—11 (фотокопия начала и конца текста).

[96] *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности.— В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности, т. 82. СПб., 1907, с. 21—24.

лет, в статье 6496 г., после рассказа о крещении Владимира (без заглавия)[97], во многих рукописях и сборниках[98].

Древнерусским переводом в составе Повести временных лет специально занимался Н. К. Никольский. Он определил, что кроме Повести тот же перевод содержит также Троицкий сборник XII—XIII вв. и некоторые другие памятники, причем текст в Повести восходит к тексту Троицкого сборника[99].

Наше исследование было посвящено сравнительному изучению древнеславянских переводов в составе Изборника Святослава 1073 г. и Древнеславянской кормчей[100]. Оно показало, что из двух известных греческих списков славянский перевод больше сходен со списком Coisl. 120, ибо содержит чтения «едину силу, едину власть» (263_6)[101], «слова мучима» (263_{21}), отсутствующие в Coisl. 34.

Однако текст перевода в Ефремовской редакции отличается многими пропусками. Так, опущены поставленные в скобки слова и фразы, которые есть в обоих греческих списках и переведены в Изборнике, Сараевской кормчей и Троицком сборнике:

1) «Вѣрую в единаго [бога] отца (262_{33}); 2) «развѣ нерождениа [и рождениа] ничимъ же разньствуя» (262_{45}); 3) «ни отець бо въ сынъ или въ духъ прѣходит, ни сынъ в отца или въ духъ, [ни духъ] въ сына или въ отца» (262_{48}); 4) «Троицю единосущьну, и единомощну, [и събезначальну]...» (263_4); 5) «прѣшедъ въкупь прѣблаженыа [славы] и райскаго житиа» (263_{19}); 6) «от отечь ядръ отнюду же не отступи съшедъ и дѣвичьскую утробу [прѣчистыя акы божьское сѣмя въшедъ и плъть въдушавну душею словесною и разумьную не прѣже съставлены приимъ и проиде богъ въплощенъ родився неиздреченьнѣ и] дѣвы рождьшая съхрань нетлѣныу...» (263_{27-28}); 7) «едино крещение исповѣдают водою же и духомь, [и пакы породьно и очиштая отъ нечистоты душьныя плѣтьныя], прихождю к пречистыим таинам...» (1644_{4-5}); 8) «поклаияюся древу [чьстнаaго креста обѣшанаaго на немь плътью господа и всему образу] животворящаго креста...» (264_{13})

Пожалуй, все эти пропуски имеют случайный, непреднамеренный характер. Второй и третий пропуски вызваны, очевидно, сходством неоднократно повторяемых слов; шестой, седьмой, восьмой пропуски объясняются гаплографией: опущены части

---

97 Повесть временных лет, ч. 1. М.— Л., 1951, с. 77—79.

98 Перечень списков см.: *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка древнерусских писателей и их сочинений. СПб., 1906, с. 16.

99 *Никольский Н. К.* К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире.— «Христианское чтение», 1902, № 7, с. 89—100; *он же.* Материалы для повременного списка.., с. 16; *он же.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности, с. 6—8.

100 *Щапов Я. Н.* Написание о правой вере Михаила Синкелла в Изборнике 1073 г. и Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции.— В кн.: Изборник Святослава 1073 г. Сб. статей. М., 1977.

101 Здесь и ниже указываются номера страниц и строк по изданию: *Щапов Я. Н.* Новый список Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции, с. 262—264.

фраз между одинаковыми или близкими словами: девическую — девы, духом — духа, креста — креста. Первый и пятый пропуски также не могут быть намеренными.

Однако текст трактата в Ефремовской редакции кормчей имеет не только пропуски, но и многочисленные дополнения сравнительно с известными греческими и славянскими текстами. Они содержат значительную информацию, касающуюся содержания работы вселенских соборов с указанием имен ересиархов и краткой характеристикой ересей. Последняя часть «Символа веры» Михаила из краткого перечисления соборов превратилась в тексте Ефремовской редакции в довольно содержательную справку о соборах и ересях, органически вошедшую в произведение. В других местах вставки не содержат историко-полемической информации, но расширяют и развивают тему второго члена троицы — Христа: он принял мучение не по своему желанию, но «яромем правды» (263_{23}); он сын божий и девицы Марии (263_{33}); приняв муки, он освободил людей от проклятия (263_{44-50}); он сошел в ад и освободил «окованныа» (263_{51-52}). Добавлено, что праведники пойдут «в радость, яко аггли с агглы, и истиннаго свѣта наслажающеся» (264_3). Вставлено дополнительно, что церковные предания, написанные и ненаписанные «прилагаю, и покланяюсь *и чту*» (264_9); дважды вставлен выделенный дополнительный эпитет: «поклоняюсь... *божественным* церквам и *божьим* священным книгам» (264_{14}), много мелких дополнений в тексте (264_{21-26}).

Вряд ли есть основания относить эти дополнения к работе славянского переводчика: они не выходят за пределы христологических концепций, распространенных в византийской письменности; в других частях кормчей Ефремовской редакции такой редакторской работы обнаружить не удается. Скорее всего, нужно считать, что перевод в Ефремовской редакции сделан со списка, не только менее исправного, чем куаленовские, но и значительно отличавшегося от них указанными дополнениями.

В этом плане представляют интерес и те случаи, когда в Ефремовском тексте общие для всех списков места переведены иначе, чем в других славянских текстах.

В Древнеславянской редакции заметно определенное противоречие в рассуждении о том, что божество в трех *лицах* (προσώποις) едино и не различается ни в существе, ни в *лицах* (προσώπῳ). В трактате говорилось, что «едино божество» существует в трех «равновечных» лицах (μία θεότης ἐν τρισὶ προσώποις συναϊδίοις). Изменение «ни образом» на «ни мѣстом», отразившееся в Ефремовской редакции, (262_{52}—263_1), исправляло это противоречие. Изменение «от лѣности» (что соответствовало греческому ἐκ τῆς ἀπροσεξίας) на «от невѣрия» (262_{13-15}) придавало иной оттенок в объяснение вины человека за неблагополучие в жизни — не пресыщение верой, а недостаток ее. Наконец, в третьем случае редактор, очевидно, не счел удобным говорить о поклонении иконам «рабов», даже «божиих рабов», как буквально, но неточно передали

смысл слов τῶν τοῦ θεοῦ θεραπόντων (слугам Христа, служившим Христу, почитателям Христа) переводчики Изборника и Троицкого сборника, и заменил это выражение на более соответствующее смыслу фразы — («всѣм честным друг божиим в въгодник иконам» 264_{17-18}).

Оставляем открытым вопрос о том, кому могли принадлежать все эти изменения и дополнения. Мы не располагаем сейчас достаточными сведениями для его решения. В этой обработке трактата (можно, очевидно, говорить об особой редакции или особом изводе текста) по-прежнему говорится только о шести вселенских соборах, т. е. она возникла еще до конца VIII в., при жизни Михаила Синкелла. В таком случае приходится предполагать раннее распространение этого сочинения Михаила и очень ранние его переработки. В. Н. Бенешевич сделал попытку реконструкции такого не дошедшего греческого оригинала Ефремовского текста. Здесь для отмеченных особых чтений предложены такие греческие эквиваленты: для «едино божество въ трех лицех... ни мѣстомь» — μία θεότης ἐν τρισὶ προσώποις...οὔτε τόπῳ; для «от невѣрия» — ἐξ ἀπιστίας; для «друг бжии и въгодникъ иконом» — τῶν θεοφιλῶν καὶ θεαρέστων εἰκόνας [102].

Как и у Изборника 1073 г., у кормчей Ефремовской редакции есть близкие по составу греческие списки, которые дают представление об основном источнике славянского сборника. Это списки Vallic. F. 47 X в. и Vindob. hist. gr. 56 XI в. Сходство славянских и греческих списков ограничивается основной частью кормчих и не касается дополнительных статей, среди которых и находится сочинение Михаила. Однако, как показывает список Coisl. 34, а также Hieros. Cruc. 2, Venet. class. III cod. 17 [103], оно входило и в греческие списки Номоканона 14 титулов, находясь в них также среди дополнительных статей, и именно из таких списков могло быть включено в рукопись, которая была оригиналом для славянской кормчей Ефремовской редакции.

Вопрос князя Антиоха и ответ Афанасия Великого — архиепископа Александрийского (ум. в 373 г.) о сущности троицы представляет собой только первую позицию из нескольких десятков известных в византийских списках. Этот отрывок посвящен той же теме о соотношении трех членов троицы, что и сочинение Михаила Синкелла, но рассматривает ее на более узком материале и очень популярно, без стремления изложить философские основы христианского учения. В ответе подчеркивается отличие христианского понимания божества от иудейского единобожия и

---

[102] Архив АН СССР (ЛО), ф. 192, оп. 1, № 38; ДСК, т. II, с. 10—15. В. Н. Бенешевич подозревал присутствие текста близкого к Ефремовскому, в следующих списках памятника: Paris, gr. 1259 A, f. 23^V — 28^V; Coisl. 120, f. 25—28; Ambros. 1041 (H. 257 inf.), f. 171—173; Vindob. apud Lamb. III, 77 et V 248. Что касается Coisl. 120, то, как показано, он принадлежит к другому изводу текста.

[103] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 196.

эллинского (языческого) многобожия, неоднократно говорится о невозможности человеческого ума постичь троичность божества.

Вопросо-ответ известен в византийской письменности в нескольких видах. Один из них — Ватиканский, в котором князь Антиох обозначен как δοῦκα, входит в качестве непременной составной части в византийские канонические Сборники 50 титулов группы «А» и известен в девяти списках этой группы XII—XIII вв. [104] Другой вид, в котором Антиох имеет титул ἄρχων, сохранился в двух списках Синайского монастыря [105]. Славянский текст в Ефремовской кормчей представляет собой перевод именно второго, Синайского, вида [106].

Сравнение славянского текста с греческим показывает, что перевод очень близок к оригиналу, причем специальные термины, например ὁμοούσιος — «единосущный», переведены так же, как в «Исповедании веры» Михаила Синкелла в Ефремовской кормчей, Изборнике Святослава и Сараевской кормчей, но не так, как в Троицком сборнике и Повести временных лет. Это подтверждает южнославянский, древнеславянский перевод вопросо-ответа. В славянском ответ Афанасия воспроизведен неполностью, опущен его конец. Это, вероятно, случайный пропуск, объясняемый одинаковыми словами,— отсечена греческая фраза, представляющая собой развитие предшествующего тропа [107]. Пропуск мог быть сделан и в греческом источнике перевода: в Синайских списках мелких пропусков много.

Раздел о правилах заключения христианских браков представляет собой выписи из двух очень распространенных сборников византийского права VIII—IX вв.— Эклоги и Прохирона.

---

[104] *Бенешевич В. Н.* Синагога в 50 титулах и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1914, с. 46. Текст по Ватиканскому списку издан Ж. Б. Питрой (*Pitra J.* Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta, t. I, p. 575—599) и перепечатан Ж. Р. Минем (PG, t. 28, p. 597 sq.).

[105] Один из них — Sinait. 1699, XIV в.— небольшой фрагмент сборника, связанного с армянской церковью, содержащий сказание о семи виленских соборах, перечни светских и церковных глав Армении сочинения св. Григория, архиепископа Армении, о двух сущностях Христа и др. Второй — Sinait. 1609, XV в.—сборник канонических и церковно-юридических статей, включающий акты византийских императоров XI—XII в. по церковным вопросам, правила соборов и отцов с толкованиями Вальсамона и др. См.: Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае, т. III, вып. 1. Рукописи 1224—2150. Под ред. В. Н. Бенешевича. Пг., 1917, с. 77—105, 157—161. Оба сборника связаны с церковно-правовыми сюжетами. Из такого же раннего сборника мог быть заимствован в приложение к Синтагме 14 титулов вопросо-ответ Афанасия.

[106] Параллельное издание славянского текста и греческого по Синайским спискам готовилось Бенешевичем для второго тома его издания кормчей.

[107] καὶ μὴ εἴπῃς πῶς. ὑπὲρ γὰρ τὸ πῶς ἐστὶ τοῦτο. μηδὲ εἴπῃς ποίῳ [τρόπῳ˙ ὑπὲρ γὰρ πὰντα τρόπον ὁ θεῖος τρόπος. ‖ μηδὲ εἴπης ποίῳ λόγῳ˙ ὑπὲρ γὰρ πάντα λόγον ὁ θεὸς λόγος...

«и не рци како, паче бо еже како. сего же не рци кымъ образомъ. паче бо образа б҃жественый образ ‖ ⟨сего же не рци кыим словом. паче бо всѣх слова б҃жественое слово...⟩»

Здесь находится 7-й титул Прохирона, озаглавленный «О възбраненіи женитвах», без ссылки на источник. Большая вводная статья его (§ 1) посвящена правилам определения степеней родства при помощи понятия колена (βαθμός). Следующие статьи трактуют различные случаи запрещения брака родственников по кровному родству, через женитьбу (свойство), на похищенной жене, на воспитаннице, на прелюбодейке и др. Вслед за этим под заглавием «От иного закона глава о възбраняемых женитвъ» следует глава 2 титула 2-го Эклоги о запрете браков лиц, находящихся в духовном родстве через участников крещения (крестный отец и мать и их родные по отношению к крещеному ребенку и его родным), в кровном родстве и свойстве.

7-й титул Прохирона имел в византийской письменности распространение и вне этого памятника права. В приложениях к каноническим сборникам этот титул встречается как в сокращенном виде (в Сборниках 50 титулов группы «А»)[108], так и в полном, с заглавием Τίτλος ζ' περὶ κεκωλυμένων γάμων». Именно в последнем виде он находится в списке Vatic. 2184, XIII—XIV в. Сборника 14 титулов[109] Первой редакции и в списке Ambros. E. 94 supr., XII—XIII вв. Сборника 50 титулов[110]. В последнем находится в качестве отдельной статьи и вторая глава 2-го титула Эклоги[111]. Эти статьи попали, очевидно, в источник славянского перевода из одного из таких сборников, а не из полного текста Прохирона и Эклоги.

Текст Ефремовской кормчей отличается от Прохирона в издании Цахарие отсутствием одной статьи — запрета жениться на женщине, находящейся в трауре по своему мужу (§ 25). Этот пропуск можно считать случайным: следующая статья, трактующая о близком случае, сохранена в переводе[112].

В славянском тексте памятника можно заметить следующие особенности: ἔγγονος, ἐγγόνη — «внук, внучка», переведено как «сновное», хотя ниже ἐγγόνη переводится как «внука». Αδελφή, θεῖος передано как «сестры», что является, очевидно, слиянием сокращений «се⟨стра⟩, стры⟨и⟩», как реконструировано Бенешевичем. Термином «приставник» переданы различные слова: греческое ἐπίτροπος («опекун»), родственники которого не имеют права жениться на сироте, и латинское κουράτωρ (τῆς γαστρὸς ἢ τῆς οὐσίας). Во втором случае τῆς γαστρὸς переведено неверно («приставник дщере или имѣниа»).

---

108 *Бенешевич В. Н.* Синагога.., с. 53, № 43.
109 *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 128. Бенешевич указывает: «из Прохирона, с добавлением».
110 *Бенешевич В. Н.* Синагога.., с. 65, № 90; См. также выпись о запрещенных браках из Институций в рукописи: Ambros. B. 107 supr., XII—XIII в. *Бенешевич В. Н.* Синагога.., с. 27.
111 *Бенешевич В. Н.* Синагога.., с. 52, № 40 (7 списков).
112 Для установления условий этой утраты и особенностей, о которых говорится ниже, было бы важно знать объем 7-го титула в указанных греческих списках, где он находится отдельно.

Что касается отрывка из Эклоги, то, как упоминалось, этот отрывок в качестве самостоятельной статьи сборников встречается и в греческих рукописях. Перед нами, очевидно, древнейший славянский перевод текста Эклоги, хотя и в очень небольшом фрагменте. В основе этого перевода лежит текст официальной Эклоги, изданной в 726 г. иконоборческими императорами. Полный текст официальной Эклоги в славянском переводе известен в древнерусских списках XIV—XV вв. Мерила Праведного и других рукописей. Отрывок в Ефремовской кормчей находится в другом переводе, чем этот полный текст, но восходит к тому же греческому оригиналу, на что указывает сравнение текстов.

Греческий текст Эклоги	*Ефремовская кормчая*	*Мерило Праведное*
	От иного закона глава о възбраняемыих женитвъ	**В҃. О възбраненьи брачного совокупленья**
β.′ Κεκώλυνται δέ, ὅσοι ἐκ τοῦ αγίου καὶ σωτηριώδους βαπτίσματος ἀλλήλοις προσηνώθησαν, τουτέστιν ανάδοχος ἐκ τῆς ἰδίας θυγατρὸς καὶ τῆς αυτῆς μητρὸς..	Възбранена же есть елико их от святаго и спасенаго крещениа между собою въединишася сирѣчь въсприимыи от своея дщере и тоя матере...	Възбранено же бысть елико ихъ от святаго и спасенаго ‹крещения› другъ къ другу примѣсишася рекше кумъ от своея дщере и тоя матере...
Και οἱ ἐξ ἐπιγαμίας γνοριζόμενοι συγγενεῖς πατρῶος εἰς προγόνην, πενθερὸς προς νύμφην, προγονὸς εἰς μητρυιὰν, ἀδελφὸς πρὸς νύμφην, ἤγουν γυναῖκα αδελφοῦ [113]	И от женитвы сказаеми и ближницы: отецъ к внуку, тесть к сносѣ, правнукъ къ мачесѣ, брат къ сносѣ, рекше къ женѣ братни [114]	И елико от свещения знаеми нужики: отьчим къ правнуцѣ, тесть к сносѣ, правнукъ к мачесѣ, братъ к ятрови [115]

Оба перевода, очевидно, близки по времени [116], но отличаются отдельными терминами, например, в кормчей — женитвы; в Мериле Праведном — брачное совокупление, свещение (γάμοι, ἐπιγαμία); в кормчей — ближници, в Мериле Праведном — нужики (συγγένεια — родственники). Оба перевода неточно называют

[113] *Zachariae von Lingenthal K. E.* Collectio Librorum juris graeco-romani ineditorum. Lipsiae, 1852, p. 15—16.

[114] *Щапов Я. Н.* Новый список кормчей Ефремовской редакции, с. 268.

[115] Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961, с. 343.

[116] Время перевода Эклоги исследователями определяется по-разному. См.: *Зигель Ф.* Общественное значение деятельности Кирилла и Мефодия.— «Мефодиевский юбилейный сборник», под ред. А. Будиловича. Варшава, 1885, с. 16—17; *Sigel F.* Lectures on Slavonic Law. London, 1902, p. 16, 24; *Андреев М.* Римското право и славянската Еклога. Годишник на Софийския университет, юридически факултет, т. I, 1959; *Бобчев С. С.* Старобългарски правни наметници. София, 1903; Еклога. София, 1932 (болгарский перевод и комментарий Н. П. Благоева); ср. также: *Андреев М.* и *Ангелов Д.* История Болгарского государства и права. М., 1962, с. 37; *Липшиц Е. Э.* Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Гранстрем. М., 1967; *Васильевский В.* Законодательство иконоборцев.— ЖМНП, 1878, ч. 200, октябрь (относит к XIII в.)

некоторых родственников. Так, «отчим» (πατρῶος) в Мериле переведен верно, а в кормчей — как «отец»; «пасынок» (προγόνος) в кормчей переведен как «внук» и как «правнук», а в Мериле как «правнучка» и «правнук». Как видно, оба переводчика, а особенно переводчик текста в кормчей, переводили термины родства формально, по их звучанию, а не по смыслу, а греческие термины, связанные с глаголом προγίγνομαι, имели различное, иногда противоположное значение: πρόγονος как «предок» — (дед, родитель) и как «внук»; προγονός, προγονή — как «пасынок» и «падчерица» и пр.

М. Горчаков, знакомый с отрывком из Эклоги о запрещенных браках по печатной кормчей и тексту в русском списке кормчей XVI в. ГПБ F. II. 78, писал, что этот текст является переводом частной Эклоги и Эклоги, измененной по Прохирону [117]. Действительно, этот текст при создании Русской редакции кормчей (из которой он заимствован и в Печатную кормчию) был подвергнут обработке по другому тексту, совпадающему в отдельных случаях с частной Эклогой. Но это уже позднейшая история интересующей нас статьи.

Последний раздел этой части кормчей — выписи из правил и юридических сочинений об отдельных сторонах деятельности епископов.

Здесь находятся статьи различного происхождения: правило Константинопольского собора 861 г. о запрете епископам применять физические наказания, установления Прохирона о правилах поставления епископов и монахов и правах наследования их, отрывок о судебном преследовании и наказании из неопределенного источника, правило Ефесского собора 431 г. (фрагмент) о правах епископа, отказавшегося от кафедры, и, наконец, компиляция из византийских источников о преимуществах константинопольского патриаршего престола перед Римом со схолией — трактатом, отрицающим это преимущество.

Правило Константинопольского собора 861 г. имеет в кормчей заглавие «От просвѣщении прѣсвятаго патриарха. Канон 9», значение которого не ясно. В. Н. Бенешевич в набросках незаконченной работы 1930-х годов обратил внимание на это заглавие и высказал остроумную и правдоподобную догадку, что в греческом списке — источнике перевода здесь могло стоять Φοτίου τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου κανὼν θ′, причем имя Фотия было дано в сокращении φῶ или Φ, обычном для этого имени. Это сокращение переводчик принял за нечто вроде φώτισμα и перевел как «просвѣщение». Указание имени Фотия в заглавии этого правила находит соответствие в том, что правила Константинопольского собора 861 г. приписывались Фотию [118]. Это наблюдение дает дополнительный материал к характеристике переводчика, плохо

---

[117] *Горчаков М.* О тайне супружества. СПб., 1880, с. 151.
[118] Архив АН СССР (ЛО), оп. 1, д. 57, с. 65 (*Бенешевич В. Н.* Миражи в истории Восточной Европы).

знакомого, очевидно, с именем знаменитого константинопольского церковного деятеля.

Правила собора 861 г. не входили в состав Третьей редакции Синтагмы 14 титулов, бывшей основным источником кормчей, но они добавлялись после собора к сборникам других редакций. Так, эти правила входят в состав Номоканона 14 титулов Первой редакции и Синагоги 50 титулов [119], откуда и могло быть заимствовано 9-е правило.

24-й титул Прохирона говорит о наследственных правах епископов, он основан на Кодексе I, 3, 41 и Новеллах 131, 13; 5,5 и 7; 123, 38 и 42. Здесь установлено, что кандидат в епископы может раздать свои имения, а также завещать их, а имущество, приобретенное на епископской должности, принадлежит церкви, и он не может его завещать, если только оно не передано ему его ближайшими родственниками (§ 1); монах должен завещать свои имения до поступления в монастырь (§ 2); если у монаха есть дети, он может распорядиться имением по желанию; если умрет без распоряжения, то дети имеют право на фалкидий (в славянском переводе — на девятую часть), а остальное идет монастырю (§ 3); монах, переходящий в другой монастырь, оставляет свое имущество первому (§ 4).

В славянском переводе титул называется не «О завещаниях епископов и монахов», как в греческом, а «О епископах и о мнисех». Переводчик почему-то опустил слово «съвѣщание», которым он ниже переводит соответствующее слово *διαθήκη*. Термин *φαλκίδιον* — доля, которую завещатель в пользу других лиц обязан оставить своим детям или другим младшим родственникам, здесь в переводе заменен указанием на размер этой доли в $1/9$ часть. Также заменен этот термин в переводе Собрания в 93 главах [120]. Между тем доля, обозначаемая этим термином, в Византии была значительно большей. В схолиях к постановлениям Кодекса и Дигест она указана в размере $1/4$ [121] и в Синтагме Матфея Властаря указан фалкидий в $1/3$ и более [122].

28-й титул Прохирона, основанный на новелле 137 (гл. 2 и 3), посвящен правилам поставления епископа: числу епископов — свидетелей этого акта; условиям, которым должен удовлетворить кандидат — безбрачен или женат на достойной женщине, девице и удовлетворяющей канонам и законам (§ 1); кандидат представляет свое исповедание веры; плата за поставление запрещена, нарушение этого влечет за собой отлучение от церкви (§ 2); кандидат, обвиненный в поступках, которые препятствуют поставлению,

---

[119] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 157 (№ 17); *он же*. Синагога.., с. 45 (№ 22).

[120] ДСК, т. I, с. 761.

[121] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 209—210.

[122] *Новаковић С.* Матије Властара Синтагмат, азбучни зборник византијских црквених државних закона и правила. Београд, 1907. Ср.: *Андреев М.* и *Ангелов Д.* История Болгарского государства и права, с. 52.

подвергается испытанию (§ 3); если обвинение оказалось ложным, кандидат может быть поставлен, а клеветник наказывается (§ 4).

В переводе этого титула есть несколько особенностей. Так, ψῆφισμα («решение, приговор») переведено как «причеть»; наречие δεόντως («как нужно, надлежащим образом») во фразе δεόντως σωφρονίζεται («наказывают надлежащим образом») переведено оборотом «в правду», возможно, применявшимся именно в судебных решениях («въ правду да наказан будеть»). Εὐχή во фразе ἀπαγγελλέτω τας εὐχὰς (заявляет о желании) переведено как «молитва» («еда извѣщаеть молитвы»), что очень неточно. Выражением «образ вѣры» переведено слово λιβέλλος, которое имеет более широкое значение — «записка», «изложение», оно употреблено в выражении λίβελλον...τῆς ἰδίας πίστεως («изложение... своей веры»). Буквальный перевод этой фразы в сочетании с переводом первого слова указанным выражением привел к нагромождению: «Образ вѣры... своея вѣры». Фраза καὶ αὐτὸς καὶ ὁ χειροτονῶν αὐτὸν...ἐκβάλλονται переведена: «и самъ поставивый... изгнана будета». Здесь в славянском дано двойственное число, а подлежащее — в единственном числе: «поставивший нового епископа». Поскольку в греческом здесь два подлежащих: и поставивший, и сам новый епископ, то в архетипе славянских списков при правильном переводе нужно видеть пропуск; должно быть: «и сам, и поставивый его» или «и сам, и поставивый».

В отличие от 7-го титула Прохирона о запрещенных браках, имевшего самостоятельное существование в греческих рукописях, 28-й его титул не был столь популярен. В составе Сборников 50 титулов и 14 титулов, изученных и описанных Бенешевичем, отдельно от всего текста Прохирона он не упоминается. Однако для древнеславянских государств, в которых формировалась церковная организация и требовалось немало кандидатов из местного населения для подготовки высших церковных деятелей, глав епархий, удовлетворяющих не только деловым требованиям, но и формальным, этот раздел Прохирона был особенно важен. Этим и объясняется включение его, возможно в результате перевода специально сделанной выписи, в Древнеславянскую кормчую в X в. и распространение его на Руси не только вместе с этой кормчей, но в первое время, очевидно до конца XIII в., и в выписях из нее. В Ефремовском списке (и копиях с него XV –XVI вв.) есть указания на сохранение статьи «О поставлении епископ и мних» в выписях, которые производились из этого списка. Однако при формировании Русской редакции кормчей во второй половине XIII в., использовавшей полный текст Прохирона, эта статья включена уже не была, ее заменил текст 28-го титула в новом переводе, хотя не исключено, что при редактировании этого же перевода традиционный славянский текст 28-го титула также был использован.

Завершающий этот раздел и архетипный состав кормчей фрагмент послания Ефесского собора к епископам Памфилии посвящен вопросу о праве митрополита, отказавшегося от своей кафед-

ры, на соответствующее почитание. Это послание помещено в кормчую вторично: первый раз оно находится среди правил Ефесского собора, как 9-е, последнее, его правило. Является ли повторное включение послания в кормчую случайным или намеренным? Оба текста, и первый, и второй, относятся к одному переводу. Однако нельзя сказать, чтобы второй текст был переписан с первого в результате, например, неправильно переложенного листа в протографе Ефремовского списка, так как тексты принадлежат к различным видам. Различия очень незначительны, но они позволяют утверждать, что оба текста не связаны непосредственно, но имеют общий источник. Показательными являются чтения в конце послания. Греческое πατρῴων ἐνδιαιτημάτων передано в конечном фрагменте послания верно, как «отча житиа» [123], в то время как в правилах Ефесского собора дается дефектное чтение «о житиа» [124].

Второй текст послания был включен не случайно: он является составной частью раздела о правах и обязанностях епископов и сам трактует о том же. Случаен, очевидно, только пропуск его начала. Фрагментарность не только этого памятника, но и текста о судопроизводстве может указывать на то, что конец рукописи, бывшей протографом для русских списков, сохранился плохо и имел утраты листов.

Среди правил и фрагментов из светских памятников права об отдельных сторонах деятельности епископов, этой последней группы статей и третьей, дополнительной, части кормчей, находится церковно-политическое сочинение, не связанное непосредственно с этой темой. Это статья «О строении пресвятаго престола Костянтина града...», обосновывающая «старшинство» константинопольской церковной кафедры со схолией, оспаривающей это «старшинство» в пользу Рима.

Значение Константинополя как церковного центра росло вместе с увеличивающейся ролью его как столицы империи, а затем, в процессе борьбы с другими церковными центрами Востока — Александрией и Антиохией. Осуждение константинопольской церковью христианских течений в Египте как ересей привело к вытеснению церковных прав александрийской кафедры в Малой Азии и других местах. На Константинопольском II вселенском соборе 381 г. за константинопольской кафедрой Нового Рима было утверждено «старшинство» (πρεσβεῖα τῆς τιμῆς) вслед за римской кафедрой. Константинопольской патриархии как таковой, т. е. церковно-юридического округа, не только епископы, но и митрополиты которого подчинялись бы юрисдикции главы константинопольской церкви, тогда еще не существовало. Она фактически возникла тогда, когда в течение последующих десятилетий Константинополь стремился подчинить себе митрополичьи диоцезы Фракия в Ев-

---

123 *Щапов Я. Н.* Новый список.., с. 271.
124 ДСК, т. I, с. 111.

ропе и Асиа и Понт в Азии, которые некогда были подведомственны другим кафедрам, в частности Антиохии. На Халкидонском соборе 451 г. с утверждением права Константинопольской кафедры на поставление митрополитов в трех названных диоцезах и в варварских областях существование патриархии было признано.

Это решение было принято в Халкидоне после определенной борьбы, при отсутствии папских легатов и уже на следующем заседании собора было ими оспорено. Сохранилась последующая переписка по поводу этого решения между противником его — папой Львом, с одной стороны, и архиепископом Анатолием и императором Маркианом,— с другой. Постановление вошло в греческие рукописи правил Халкидонского собора как «решение» (ψῆφος), а не «правило» (κάνων), а в латинские рукописи вообще включено не было [125]. Со временем, однако, реальное положение дел привело к признанию Константинопольского патриархата. Решение о правах константинопольской кафедры получило очередной, 28-й номер в правилах собора и тоже стало называться правилом. Падение Рима под ударом Одоакра в 476 г. возвысило значение Нового Рима и вместе с тем его кафедры. Во многих императорских постановлениях подчеркивалась роль «Великой» столичной церкви и архиепископа. Так, стремление константинопольской кафедры подчинить себе экзархат Иллирик на Балканах, принадлежавший прежде Риму, получило поддержку императора Феодосия II (421 г.), а затем императора Льва III (732—733 гг.), что свело на нет римские возражения [126].

Изучаемый памятник представляет собой не столько трактат, как он иногда обозначается в литературе, сколько материалы для трактата на тему о привилегиях константинопольской кафедры. Весь он является компиляцией из готовых правил, комментариев, законов и выписей из них, большей частью с указанием на источники этих выписей. Творческое начало составителя этих материалов выразилось не в авторском тексте, которого не удается обнаружить, а в подборе этих выписей, их компоновке и снабжении их заглавием — не больше. Исключение составляет только одна составная часть этой компиляции — проримская схолия, вставленная в нее и представляющая собой небольшой действительный трактат, о котором речь пойдет ниже.

В этом памятнике, а эта компиляция представляет, несомненно, своеобразный цельный памятник церковно-политической идеологии, хотя и составленный столь своеобразно, можно выделить 12 и 13 составных частей — источников различного происхождения.

Первый и второй разделы представляют собой выпись из 9-го правила Халкидонского собора (последний раздел) о верховной

---

[125] *Троицкий С. В.* Халкидонский собор и восточный папизм.— «Вестник русского западноевропейского патриаршего экзархата» (Париж), 1959, № 8, с. 264—268.

[126] *Beck H. G.* Kirche und theologische Literatur.., S. 27—35.

юрисдикции константинопольской кафедры (наряду с экзархом соответствующей провинции) по спорам между митрополитом епархии и его епископами или клириками [127] и толкование этого правила, в котором говорится, что клирики и епископы, находящиеся в споре с митрополитом, должны обращаться к своему патриарху или, по желанию, к константинопольской кафедре и что преимущества — «строение» (προνόμια) этой кафедры не даны другим патриархам ни правилами, ни законами.

Это толкование принадлежит более раннему времени: оно известно вне нашей компиляции. Оно вместе с самим правилом находится в списке Сборника 50 титулов Syn. Mosqu. 398, IX—X вв., р. 26[128], в каноническом синопсисе Симеона Магистра [129], откуда и было использовано Аристином в его толковании [130].

Далее, третий, четвертый и пятый разделы памятника составляют другие материалы Халкидонского собора и их толкование. Это (3) выпись из 17-го его правила, по которому жалоба на митрополита разбирается экзархом провинции или константинопольской кафедрой [131] и (4) выпись из решения (ψῆφος) Халкидонского собора со ссылкой на правило II вселенского Константинопольского собора 381 г. о «старшинстве» (πρεσβεῖα) Константинополя Нового Рима и о праве его поставлять митрополитов в Понте, Асии, Фракии и в варварских областях. Толкование этого решения (5) имеет тенденцию придать Константинополю еще большее значение, чем то, о котором говорит само решение и ссылка в нем на правило II собора: Халкидонский собор потому считал константинопольскую церковь второй после римской (δευτέραν...ἐκκλησίαν ὠνόμασαν), что тогда (имеется в виду до взятия Рима готами в 476 г.) «старший» Рим был царствующим городом, а ныне Константинополь не имеет конкурента.

Шестой раздел составляет проримское полемическое сочинение, оспаривающее и толкование решения Халкидонского собора и само это решение. Автор указывает, что с решением собора не были согласны не подписавшие его некоторые епископы и тогдашний папа Лев, который воспринял это как новые интриги Константинопольского епископа Анатолия. Далее автор приводит аргументы в пользу божественного, непреходящего старшинства Рима, независимо от политических событий: главенство в церкви было за-

---

[127] ДСК, т. I, с. 117.

[128] *Бенешевич В. Н.* Синагога.., с. 262—263.

[129] *Voellus G.*, *Justellus H.* Bibliotheca juris canonici veteris. Paris, 1661, p. 721, Ср. *Павлов А. С.* Анонимная греческая статья о преимуществах Константинопольского патриаршего престола и древнеславянский перевод ее с двумя важными дополнениями.— В кн.: Византийский временник, т. IV. СПб., 1897, с. 148, сн. 2.

[130] Правила св. вселенских соборов с толкованиями, ч. 1. М., 1897, с. 193. Это древнее толкование через Аристина вошло в текст Сербской кормчей и из нее в Печатную кормчую 1649 г. и в Русскую редакцию кормчей XIII в.

[131] ДСК, т. I, с. 120.

вещано Иисусом апостолу Петру, столицами царств были также Милан и Равенна, но они не обладают правами на честь старшинства, ибо были созданы светскими правителями; даже Иерусалим, город Иисуса Христа, имеет титул митрополии, а не патриархии; решения вселенского собора без участия римского епископа недействительны: подтверждение этому в посланиях папы Льва к императору, императрице и епископу Анатолию.

Разделы с седьмого по двенадцатый представляют собой отдельные законы, выбранные из Юстинианова законодательства — Кодекса, Новелл и Институций, в которых упоминается о правах константинопольской кафедры. Здесь находится упомянутый выше декрет Гонория и Феодосия II 421 г. из кодекса о переходе юрисдикции в Иллирике к епископу Константинополя (7) с толкованием к нему (8) и законы из Кодекса о предпочтении константинопольской кафедры другим кафедрам и подчинении ей епископов (9), о необходимости заботиться о константинопольской «Великой» церкви, которая является главой всех других церквей (императорское послание епископу Епифанию) (10), о предпочтении Константинополя не только Италии, но и Старому Риму (12), установление из Новелл о том, чтобы приезжающие в столицу епископы обращались к константинопольскому архиепископу (11), и из Институций о том, чтобы в провинциях следовали судебным обычаям, существующим в Константинополе, как «столице всех» (πασῶν ἡ βασιλεύουσα) (12).

Памятник известен в двух редакциях: 1) в греческой старшей, не имеющей проримской схолии — трактата, известной в нескольких греческих списках XII—XVI вв., в приложении к каноническому Сборнику 50 титулов Иоанна Схоластика [132] и 2) в славянской, младшей, включающей эту схолию — трактат. Вторая редакция сохранилась только в славянских списках Сборника 14 титулов, т. е. в изучаемой здесь Ефремовской кормчей (четырех ее списках XV—XVI вв.). Зависимость второй редакции от первой не вызывает сомнения, но славянский текст дает материал для восстановления в отдельных местах текста, измененного в известных греческих списках.

Этот памятник и особенно его проримская схолия, необычная в славянской письменности, вызвали большую литературу.

А. С. Павлов, обративший впервые внимание на статью «О строении пресвятаго престола...» и опубликовавший ее вместе с греческим текстом Первой редакции, высказал мнение, что эта статья составлена до времени иконоборцев, т. е. не позже начала VIII в. Отсутствующая в греческом тексте проримская схолия,

[132] В. Н. Бенешевич выявил пять таких списков, но издан (А. С. Павловым) только один, флорентийский, к тому же дефектный, не имеющий конца: 1) Laurent. Plut. V cod. 22, XII в., л. 165 об.— 166 об. (издан А. С. Павловым); 2) Venet. Class. III cod. II (Nan.) 226, XII—XIII вв., л. 197 об.; 3) Paris. gr. 1370, XIII в., л. 122 об.— 123; 4) Athen. 1374, XVI в.: 5) Vatic. 1455, 1299 г.

по Павлову, вставлена позже и была так же, как и вся статья, переведена с греческого. Она была составлена греками, не разделявшими стремления константинопольской патриархии. Перевод статьи и схолии Павлов связывает с деятельностью Мефодия, который перевел их вместе с Сборником 50 титулов, в котором сохранился греческий текст статьи. Внимание Мефодия к трактату и особенно к схолии в нем он объясняет положением Мефодия, бывшего в своей епархии подчиненным римскому престолу [133].

Мнение Павлова о связи статьи и схолии с деятельностью Мефодия нашло большую поддержку прокатолических канонистов, особенно тех, кто, как, например, М. Жюжи, использовал принадлежавшие ему работы для пропаганды своего вероисповедания. Этим исследователям импонировало предположение о появлении славянского перевода проримской схолии в результате деятельности славянских просветителей. Мнение Павлова было поддержано люблянским канонистом Гривецом, который склонялся даже к тому, что схолия была составлена Кириллом и переведена на славянский язык Мефодием [134] (это мнение разделяет Т. Курент) [135], а также Г. Ф. Шмидом [136] и А. Вуитсом [137].

Мнение Павлова и его последователей об участии Мефодия и Кирилла в переводе статьи и появлении в ее составе схолии основывается на известном факте перевода Мефодием Номоканона 50 титулов, в приложении к греческим спискам которого находится эта статья (но без проримской схолии) и на общеисторических представлениях о характере деятельности славянских просветителей. Однако это мнение не учитывало истории византийских канонических сборников и их славянских переводов и переработок, например, того, что славянский перевод статьи «О строении пресвятаго престола...» и схолия находятся только в составе Сборника 14 титулов, который не связывается с деятельностью Мефодия. Привлечь эти данные стало возможно только после исследования основных вопросов истории состава Сборников 50 титулов и 14 титулов В. Н. Бенешевичем.

Использовав эти данные, Н. П. Рутковский предложил перенести перевод статьи и схолии к ней в более позднее время и в другие условия. Он связывает его с деятельностью учеников Мефодия в Моравии при подчинении ее Риму или с переводческой работой

---

[133] *Павлов А. С.* Анонимная греческая статья.., с. 148 и след.

[134] *Grivec F.* Orientalische und römische Einflüsse in Scholien der Slavenapostel.— Byzantinische Zeitschrift (далее — BZ), 1929—1930, Bd. 30, S. 287—294.

[135] *Curent D. T.* Studia questionem de primatu ecclesiae saeculo IX illustrantia.— «Acta Academiae Velegradiensis», 1937, t. XIII, p. 179—213; 1938, t. XIX, p. 1—18.

[136] *Schmid H. F.* Neue Beiträge zur Frage nach der ältesten kirchenslavischen Nomokanonübersetzung.— «Zeitschrift für slavische Philologie», 1924, I, S. 198—203.

[137] *Wuyts A.* Le 28 canon de Chalcedoine et le fondement de la primauté romaine.— «Orientalia Christiana Periodica», 1951, t. XVII, p. 266—268.

в Болгарии после возникновения славянского перевода основной части Сборника 14 титулов. Поскольку статья представляет собой механическое соединение отрывков из разновременных документов и объединена только общим заглавием, возможно, что проримская схолия и другие составные ее части существовали ранее и славянский переводчик имел источником Сборник 14 титулов, где эти схолии (в том числе и антиконстантинопольская, имевшая латинское происхождение, но пользовавшаяся признанием у части византийцев) уже были включены в статью или существовали как маргиналии к ней. Возникновение этой схолии он относит к концу V в. [138]

Более позднее, послемефодиевское происхождение перевода статьи получило в 30—50-х годах XX в. большое признание. Принадлежность перевода византийского текста ученикам Мефодия предполагает Ф. Дворник [139]. Болгарское происхождение перевода обосновывали М. Вейнгарт [140] и С. В. Троицкий [141], первый, — основываясь на языковедческих данных, а второй — на канонических и общеисторических. В. Н. Бенешевич присоединился к наблюдениям, высказанным Рутковским и Вейнгартом в пользу болгарской версии [142], но собственное мнение о памятнике он отложил до написания большой работы о происхождении Сборника 14 титулов, которая осталась ненаписанной [143]. И. Жужек также склоняется к болгарской версии, обоснованной наиболее подробно С. В. Троицким.

Троицкому принадлежит специальное большое исследование статьи «О строении пресвятаго престола...» [144].

---

138 *Рутковский Н. П.* Латинские схолии в кормчих книгах.— В кн.: Seminarium Kondakovianum, t. III. Prague, 1929, p. 149—168.

139 *Dvornik F.* Les légendes de Constantin et de Methode vues de Byzance. Prague, 1933, p. 301—305.

140 *Weingart M.* Ke dnesnem stanu badani o jazice a pismenitstvi cirkvenoslovenskem.— «Byzantinoslavica», 1934, t. V, p. 443—449.

141 *Троицки С. В.* Спор старог Рима са новим на странама словенске крмчиjе. Београд, 1960.

142 *Beneševič V.* Zur slavischen Scholie angeblich aus der Zeit der Slavenapostel.— BZ, 1936, Bd. 36, S. 101—105.

143 Статье «О строении престола...» посвящено несколько замечаний в набросках В. Н. Бенешевича под названием «Миражи в истории Восточной Европы» 1930-х годов. Касаясь работы А. С. Павлова об этом памятнике, он пишет: «Но византийский автор или редактор дополнений к основному фонду канонического сборника задумал нечто большее, обширное и важное. Он взял титул 28 [Прохирона] предметом особой разработки, поместив сначала его гл. 1-ю, затем изданную Павловым статью и после нее остальные главы 2—4. Самостоятельная ли эта статья здесь или она именно отсюда получила самостоятельное существование и проникла в состав дополнений при номоканоне 50 титулов — этот вопрос может пока остаться без ответа, так как здесь задача скромнее — иллюстрировать трудность понимания текста знаменитой схолии» (Архив АН СССР (ЛО), ф. 192, оп. 1, д. 57, с. 66—67).

144 *Троицки С. В.* Спор.., См. также: *он же.* Из истории спора Старого Рима с Новым.— «Вестник русского западноевропейского патриаршего экзархата», 1959, № 1—3.

Троицкий придает этому памятнику большое значение в истории византийских канонических сборников, как представляется, преувеличивая его действительное место. «Трактат» (так Троицкий называет эту статью) занимает, по его мнению, промежуточное место между двумя основными Сборниками — 50 титулов, составленным в духе признания равноправия поместных церквей, и 14 титулов, проникнутым духом восточного папизма. Он датируется временем начиная от царствования Ираклия (610—641 гг., его новеллы не использованы в «трактате») и до даты возникновения Сборника 14 титулов (629 г.), ибо «Трактат» был использован при составлении этого сборника. «Трактат» составлен в Константинополе служащим канцелярии патриарха, который привлек при его составлении сочинения, как широко распространенные в византийской письменности, например Номоканон 50 титулов, Collectio tripartita, так и материалы этой канцелярии, например оригинал Юстиниановых установлений и послание патриарху Епифанию 530 г. Работа составителя не ограничивалась компилированием сделанных им выписей; ему принадлежат и схолии к этим текстам (по нашей нумерации, разделы второй, пятый и восьмой). Некоторые из этих схолий получили затем распространение именно из этого «трактата», например схолия к 9-му Халкидонскому правилу, использованная в Синопсисе Симеона Магистра. Составитель Номоканона 14 титулов был знаком с «трактатом»: фрагмент Кодекса 1, 2, 6 из «трактата» он трижды указал в Номоканоне, процитировав его в титуле 1, главе 5 и ошибочно изложил его смысл в титуле 8, главе 1 и титуле 9, главе 1, а текст из Кодекса I, 2, 16 он заимствовал в Номоканон (титул 5, глава 1 и титул 8, глава 1) из «трактата», опустив слова о предпочтении константинопольской кафедры перед всеми другими.

Дальнейшая история «трактата» в Сборнике 14 титулов, по Троицкому, связана с историей этого Сборника, как он ее себе представляет. «Трактат» был включен в Сборник в процессе особой его обработки для посылки в Болгарию около 865 г. Здесь в Восточной Болгарии в «трактат» была вставлена проримская схолия, написанная папским библиотекарем в Риме Анастасием, хорошо знавшим папские послания к Маркиану и Пульхерии и к архиепископу Анатолию, или, по крайней мере, инспирированная им. Это произошло в 866—869 гг., когда болгарская церковь управлялась римскими епископами. «Трактат» вместе с проримской схолией был переведен в составе всего Сборника 14 титулов, вероятно, в Преславе в 887—893 гг. одним из членов литературного кружка, не располагавшим надлежащей подготовкой для такой работы.

Далеко не со всеми положениями С. В. Троицкого можно согласиться. Что касается истории возникновения памятника, то его датировка в зависимости от времени создания Сборника 14 титулов и утверждение о использовании законодательства Юстиниана в Номоканоне 14 титулов по тексту «трактата» не представляются убедительными. Соперничество двух церковных центров было ак-

туально не только в VII в., но и в более позднее время, а кодекс Юстиниана был известен достаточно широко и без этого «трактата». Существование схолий к правилам отдельно от «трактата», например в Синопсисе Симеона Магистра, не является доказательством заимствования их из «трактата», скорее наоборот, составителем последнего были включены те правила и известные ему схолии, которые соответствовали его заданию.

Характер работы составителя, отсутствие всякого вводного или связующего готовые фрагменты текста говорит о нем скорее только как о компиляторе, а не толкователе.

Сравнивая славянский текст статьи с сохранившейся частью его греческого текста [145], можно обратить внимание на то, в чем непосредственно оригинал славянского перевода отличался от этого известного греческого текста и что внес переводчик при переводе.

Отличием является и вставка, выделенная ниже «престола Константина града с в я т а г о и в с е я в с е л е н ы а» (θρόνου κωνσταντινουπόλεως). Это вместе с пропуском слова «святейшим» ὑπὸ τὸν ῥώμης ἁγιωτάτον θρόνον («подъ римьскыимь прѣстоломъ») отражает дальнейшее развитие гегемонистских идей памятника, не закончившееся с составлением его Первой редакции. Маловероятно, чтобы эта вставка принадлежала переводчику.

Что касается изменений, принадлежащих славянскому переводчику, то их довольно много, что отмечено С. В. Троицким [146]

Выясняя особенность языка переводчика «трактата», Троицкий недостаточно аргументирует свои предположения. Он показывает только отдельные случаи различий лексики в переводах Синагоги 50 титулов и «трактата», однако лингвистическое изучение обоих памятников в сравнении с их греческими оригиналами не проведено, поэтому место этих различий среди всей лексики памятников и значение их остается невыясненным. В то же время Троицкий не ставит вопроса о соотношении славянских переводов «трактата» и Сборника 14 ти́тулов, даже переводов одних и тех же текстов, например правил Халкидонского собора. А между тем такое же выборочное сравнение славянских текстов показывает, что перевод в «трактате» отличается от перевода правил в кормчей, причем можно думать, что оба перевода принадлежат одной и той же эпохе, но делались разными лицами в несколько отличных условиях. Эти различия показывают следующие сравнения:

---

[145] Сравнение славянского перевода с греческими текстами, не сохранившимися в трактате, по их источникам Новелле 123, 9, Кодексу XI, 21, 1, Институциям IV, 11 представляется малоперспективным, поскольку они могли быть несколько изменены при включении в трактат.

[146] *Троицки С. В.* Спор.., с. 46. Одно из этих изменений (ἡ διατάξις ἀκοῦροῦσα — «повеление, отвергающее») переведено как «повелѣние утвержая», т. е. в противоположном смысле. Павлов предполагал здесь пропуск «не», но нельзя ли видеть в «утвержаа» искажение первоначального «отвергая»?

9-е правило Халкидонского собора

	Кормчая	*Статья «О строении пресвятаго престола...»*
πρὸς τὸν τῆς αὐτῆς ἐπαρχίας μητροπολίτην	тоя области митрополитом	к епархийскому митрополиту
κληρικὸς	причетник	клирик
τὸν τῆς βασιλευούσης Κωνσταντινουπόλεως θρόνον	настольнику царствующего града	царьскаго Костянтина града престол
ἔξαρχος διοικησέως	начальник строения	начальник строения

17-е правило Халкидонского собора

παρὰ τῷ ἐξάρχῳ τῆς διοικήσεως ἤ τῷ Κωνσταντινουπόλεως θρόνῳ	пред екзархом строениа или пред Костянтина града престолом	пред начальником строения ли пред Костянтина града настольником

Решение (28-е правило) Халкидонского собора

Ψῆφος[147] τῆς αὐτῆς ἁγίας[146] συνοδου, ἐκφωνηθεῖσα[149] χάριν τῶν πρεσβείων τοῦ[150] θρόνου τῆς ἁγιωτάτης ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως[151]	Соуд святаго събора изглашен старѣишиньства ради стола святыя церкве Костянтиня града	Причетъ того же святаго събора чести ради того же престола
Πανταρχοῦ τοῖς τῶν ἁγίων[152] πατέρων ὅροις ἑπόμενοι, καὶ τὸν ἀρτίως ἀναγνωσθέντα κανόνα τῶν... ἐπισκόπων, τῶν συναχθέντων[153] ἐπὶ τοῦ τῆς εὐσεβοῦς μνήμης, μεγάλου Θεοδοσίου, τοῦ γενομένου βασιλέως ἐν τῇ βασιλίδι Κωνσταντινουπόλει νέα Ῥώμῃ γνωρίζοντες, τα αὐτα καὶ ἡμεῖς ὁρίζομεν[154] τε καὶ ψηφίζομεν[155].	28. Вьсюду святых отець уставомъ вьслѣдующе и нынѣ почьтенааго намъ правила. събравъшиихся благочьстиваго памяти великааго ѳеодисиа бывъшааго царя въ царьствуюштиимь Костянтини градѣ Новѣм Римѣ сказающе сия же и мы уставляемъ же и повелѣваемъ...[156]	Весьде святый заповѣдѣи въслѣдующе и ныняшнии прочтеныѣ канонъ... съкупльшиихся въ благочестивую память великаго Феодосиа бывшаго царя в царьскѣмь Костянтини градѣ Новѣм Римѣ сказающе того же и мы заповѣдаемъ и причитаемъ...[157]

Обращает на себя внимание, в частности, различный перевод целого ряда греческих слов в правилах основной части кормчей и в выписи из них в статье:

---

147 Нет в «трактате».
148 Нет в «трактате».
149 Κανὼν κη' в «трактате».
150–151 αὐτοῦ θρόνου в «трактате».
152 Нет в «трактате».
153 συνελθόντων в «трактате».
154 ὁριζόμεθα в «трактате».
155 ψηφιζόμεθα в «трактате».
156 ДСК, т. I, с. 116, 120, 124—125.
157 *Щапов Я. Н.* Новый список..., с. 269.

	Правила Халкидонского собора	*Статья «О строении пресвятаго престола...*
ψῆφος	соудъ	причетъ (так же в схолии)
ψηφίζομεν	повелеваемь	причитаем
κάνων	правило	канон
πρεσβεῖα	старейшинство	честь (так же в схолии)
εἰκότως	поистине	в правду
θρόνος	стол	престол (так же в схолии)
σύγκλητ	боляры	суклит
βαρβαρικὸς	поганьскый	варварьскьий

Очевидно, что перевод статьи «О строении пресвятаго престола» и перевод правил Халкидонского собора в основной части выполнены порознь разными лицами.

Вместе с тем в статье «О строении пресвятаго престола...» и в 28-м титуле Прохирона, в текст которого вставлена эта статья, слово ψῆφισμα переведено как «причет». Это свидетельствует о том, что перевод статьи делался вместе с окружающими ее статьями и она вставлена в кормчую еще в греческом тексте, а не в славянском переводе.

Однако лингвистическое изучение переводов очень затруднено отсутствием издания славянских, а отчасти и греческих текстов канонических сборников, особенно славянского текста Синагоги 50 титулов. Поэтому достоверные выводы о взаимоотношении и истории переводов обоих сборников возможны только после соответствующих публикаций и исследований.

Статья «О строении пресвятаго престола...», как указано, находится внутри 28-го титула Прохирона, между 1 и 2 его главами. Является ли это соединение случайным или намеренным? Из исследователей только В. Н. Бенешевич писал о намеренном включении этой статьи в титул Прохирона «византийским автором или редактором дополнений к основному фонду» сборника, взявшим его «предметом особой разработки». Однако в таком неразвернутом виде положение Бенешевича не представляется убедительным. 28-й титул Прохирона посвящен практическим правилам поставления епископов — совсем иному сюжету, чем эта статья-компиляция. Есть все основания говорить о случайном месте вставки этой статьи не только в тексте Прохирона, но и в разделе канонического сборника об отдельных сторонах деятельности епископов. Возможно, что статья была вложена в рукопись канонического сборника, в его конец, а попала в текст Прохирона случайно.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ КОРМЧЕЙ

Место и время создания кормчей Ефремовской редакции и перевода ее на славянский язык являются вопросами, не получившими достаточно аргументированных ответов в литературе. Что касается места перевода, то изучение древнейшего, но дефектно-

го Ефремовского списка XII в. вместе с полным Соловецким списком XVI в., имеющим большое количество дополнительных русских статей, привело А. С. Павлова к «догадке», что эта кормчая была переведена «у нас, на Руси, во времена Ярослава» [158]. Мнение о древнерусском переводе Кормчей 14 титулов без толкований было принято, вслед за Павловым, рядом исследователей [159], хотя уже рецензент его книги, В. Ягич, отмечал противоречие аргументов, приводимых Павловым, и данных языка Ефремовского списка. Главное свидетельство Павлова — историческое: распространение кормчей на Руси, а основное противоречие этому выводу — языковое, болгарский извод текста [160].

Изучение основных греческих источников кормчей Цахарие и особенно В. Н. Бенешевичем, издание части текста памятника вместе с его греческим текстом, осуществленное Бенешевичем, позволили расширить исследовательскую базу и одновременно круг специалистов, изучавших кормчую.

С. П. Обнорский, посвятивший языку Ефремовской кормчей специальное исследование, не ставил целью изучение ее лексики и, тем более, проблемы перевода текста, хотя он писал о существовании «старославянского оригинала», из которого писцами было внесено в Ефремовский список, например, «написание с выпавшими ъ и ь» [161].

В рецензии на книгу С. П. Обнорского В. Ягич обратил внимание на то, что «славянский перевод не является трудом, выполненным единовременно. Он содержит части, которые основываются на более старом и лучшем переводе, и части, в которых, как

---

158 *Павлов А. С.* Первоначальный славянорусский номоканон. Казань, 1869, с. 56.

159 В настоящее время русским, причем принадлежащим киевскому митрополиту Иоанну II, переводом считает Ефремовскую кормчую Р. Г. Пихоя (см. его заметку «К вопросу о времени перевода византийской Синтагмы XIV титулов без толкований в Древней Руси».— «Античная древность и средние века», вып. 10. Свердловск, 1973, с. 308—311).

160 *Jagič V.* Krmčija ilovicka.., s. 63. Ф. Буслаев («Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языков», М., 1861, с. 379—380) отмечал, что список отличается «многими древнеболгарскими и сербскими формами».

161 *Обнорский С. Н.* О языке Ефремовской кормчей. СПб., 1912, с. 30; см. также с. 19. Академик С. П. Обнорский в письме к автору настоящей работы от 27 апреля 1959 г. писал: «Вы освоили мое исследование об Ефремовской кормчей вполне. Я был в свое время сугубо осторожен по своей молодости. Впрочем, по хронологизации памятника я приклонился к Срезневскому и потому, что в свое время он был крупным палеографом, и потому, с другой стороны, что сам я работал не по рукописи, а по великолепному изданию В. Н. Бенешевича (а за спиной его был его и учитель, и почитатель акад. А. А. Шахматов). Текст Ефр[емовской] к[ормчей], я думаю, был списан с болгарского оригинала. Конечно, для пущего доказательства надо было бы обратиться к изучению самой лексики кормчей. Но памятник этот большой, для него потребовался бы крупный инструмент переводчиков. А болгарский оригинал — вещь готовая, стоит «дешевле». В самом тексте Е[фремовской] к[ормчей] русских черт мало. Это и заставляет думать о болгарском оригинале».

правило, очень слабо учитываются особенности славянской конструкции, где почти не заботятся о синтаксическом согласовании в падеже, числе и роде, но отдельные выражения рабски передают греческий оригинал» [162]. Так малоквалифицированно переведены предисловие и 14 титулов, в то время как апостольские правила переведены значительно лучше, причем в этих частях применяется и различная лексика (λαϊκός в апостольских правилах — «люжанинъ», «людинъ»; в 14 титулах — «бѣльць», «простьць»; πρεσβύτερος в апостольских правилах всегда «попъ»; в 14 титулах так же «презвутеръ»; κληρικός в апостольских правилах «причьтьникъ», в 14 титулах — «клирикъ») [163].

Сравнительное изучение южнославянских переводов византийских памятников, известных на Руси, позволило А. И. Соболевскому отнести перевод Ефремовской кормчей («Номоканона в XIV титулах») наряду с переводами Изборника 1073 г., Златоструя, Григория Богослова, Канонария Иоанна Монаха к Восточной Болгарии до конца X в. Он основывался на употреблении во всех этих переводах термина «чиститель» для ἱερεύς, по его мнению, специфически восточноболгарского, может быть даже специально преславского. Здесь работали два кружка переводчиков; глава одного из них известен — это был Иоанн Экзарх. Переводы его соперника мало удовлетворяли уже современников, и Иоанн осуждал его буквальный перевод: «есть неплодьно, якоже и криво, иже не силѣ и разуму вънимати, нъ глаголомъ» [164].

Монографическому лексикологическому исследованию была подвергнута одна часть кормчей — Собрание в 93 (87) главах Иоанна Схоластика. Занимаясь специально соотношением этого славянского текста с переводами кирилло-мефодиевского времени, И. Вашица определил, что «перевод Собрания в 93 главах возник там, где несомненно нужно искать происхождение перевода славянской Синтагмы 14 титулов Ефремовского типа, т. е. в Болгарии X в.» На такое приурочивание указывает, по Вашице, применение слов «чиститель» (ἱερεύς), «соборный» (συστατικός), «штуждыи», (ἀλλότριον), характерных, согласно исследованиям Вондрака, для болгарских переводов. Вашица делает заключение, что славянский переводчик не обладал достаточными знаниями греческого языка, не имел никакой подготовки в области права, а кроме того, в его распоряжении находился дефектный греческий текст [165].

Таким образом, основываясь на существующих, хотя и немногочисленных, лингвистических работах, можно считать перевод кормчей древнеболгарским. Нужно сказать, однако, что памятник

---

162 *Jagič V.* [Рецензия на книгу С. П. Обнорского «О языке Ефремовской кормчей XII в.»], S. 303.
163 Ibid., S. 304.
164 *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 121—122, 127.
165 *Vašica J.* Collectio 87 (93) capitulorum dans les Nomocanones slaves, p. 5—7.

заслуживает монографических лингвистических исследований и как одна из старших древнерусских рукописей, и как памятник древнеславянского языка. Учитывая успехи в развитии лингвистических исследований в последние десятилетия, нужно ждать от таких работ важной историко-культурной информации.

Что касается времени перевода, то исследователи, руководствовавшиеся объемом Ефремовского списка, изданного В. Н. Бенешевичем, не принимали во внимание хронологические указания статей, отсутствующих в этом древнейшем списке. В. Н. Златарский высказал предположение, что в 866 г., во время, когда были составлены ответы папы Николая I на вопросы болгар об основах христианства, в Болгарии уже был греческий список Синтагмы 14 титулов, а славянский перевод его возник, вероятно, в конце IX в., после прихода учеников Мефодия [166]. Такое мнение поддерживает и занимавшийся изучением статьи кормчей «О строении пресвятаго престола...» С. В. Троицкий. Он считает, что экземпляр греческого номоканона, включавший не только основную часть и Собрание в 93 главах, но и статью «О строении пресвятаго престола...», был послан из Византии в Болгарию около 865 г. Здесь он подвергся частичным дополнениям — в «трактат» в 866—869 гг. была включена проримская схолия и здесь он вместе с этим дополнением был переведен. Это могло быть после 887 г., когда в в Болгарию пришли из Моравии ученики Мефодия и вернулся из Константинополя сын князя Бориса, будущий царь Симеон, и до 893 г., когда преславская литературная школа перешла под руководство Константина Болгарского [167].

Основываясь на упоминании в оглавлении Ефремовского списка Эклоги, А. В. Соловьев считал, что перевод кормчей был сделан вероятно до 872 г., когда этот кодекс был заменен в Византии Прохироном [168].

Восстановление первоначального состава кормчей Ефремовской редакции по всем известным ее спискам, сделанное в настоящей работе, позволяет отказаться от предположения о наличии в ней Эклоги и привлечь для выяснения времени перевода кормчей хронологические указания входящих в нее Летописца вскоре (Хронографикона) Никифора и перечней епископов и патриархов Константинополя. Оба эти памятника оканчиваются дополнениями до 912 г., т. е. относятся ко времени деятельности Симеона. Статьи, следующие в кормчей после Собрания в 93 главах, в том или ином виде известны по византийским церковно-юридическим сборни-

---

166 *Златарски В.* Какви канонически книги и граждански закони Борис е получил от Византия.— *Златарски В.* Избрани произведения, т. I. София, 1972, с. 257.

167 *Троицки С. В.* Спор...

168 *Soloviev A. V.* Der Einfluß des byzantinischen Rechts auf die Völker Osteuropas.— «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», Romanistische Abteilung, Bd. 76. Weimar, 1959, S. 439.

кам — они находятся в приложениях к сборникам типа синтагмы и номоканона, а также в сборниках типа Синайских, № 1699, 1609 и др. [169]

Изучение состава кормчей и ее источников позволяет критически рассмотреть мнения о происхождении этого памятника и отметить факты, которые заставляют иначе ответить на некоторые вопросы его ранней истории.

В. Златарский выдвинул предложение, что Третья редакция Синтагмы «была создана специально для болгарской церкви после 861 г.», причем, возможно, по указанию Фотия [170].

С. В. Троицкий поддержал идею о специально созданной для болгар обработке синтагмы, но сузил ее и отнес уже не ко всей Третьей редакции, а к греческому списку — источнику славянского перевода, который, как считает автор, был прислан болгарам [171].

Эти предложения основываются на некоторых особенностях текста Третьей редакции и отдельных ее списков, главным образом, трех пропусках отдельных слов и фраз. Так, в главе 22 Собрания в 93 главах, представляющей собой главу 2 Новеллы 131, подтверждающей за папой Старого Рима первое место среди священнослужителей, а архиепископу Нового Рима предписывающей второе место, и в Синтагме Третьей редакции и, соответственно, в славянском переводе Ефремовской кормчей, находится пропуск, выделенный разрядкой:

Καὶ διὰ τούτο θεσπίζομεν κατα τοὺς αὐτῶν ὅρους τὸν ἁγιώτατον τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης πάπαν πρῶτον εἶναι πάντων τῶν ἱερέων, τὸν δὲ μακαριώτατον ἀρχιεπίσκοπον Κωνσταντινουπόλεως τῆς νέας Ῥώμης δεύτεραν τάξιν ἐπέχειν μετά τὸν ἁγιώτατον ἀποστολικὸν θρόνον τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης... [172]	И того ради повелѣваемъ по заповѣдьмъ ихъ прѣсвятуму ⟨*пропуск*⟩ и прѣблаженуму архиепискупу Костянтиня града новаго Рима, въторыи чинъ имѣти по святѣмь апостольскѣмь прѣстолѣ старѣишаго Рима... [173]

В. Златарский видел здесь намеренный пропуск в тексте Собрания в 93 главах, подготовленного специально для Болгарии времени Бориса, после 861 г., когда был провозглашен полный раскол церквей и в Болгарии шла борьба между римской и константинопольской церквами-соперницами [174].

Троицкий также писал, что «в Византии особенно боялись, чтобы престиж Старого Рима не отделил болгар от Нового Рима

---

[169] Исключение представляет, очевидно, только календарная статья Ритория Антиохийского, греческий источник которой мне неизвестен, хотя списки различных фрагментов его большого сочинения, как было указано, упоминаются в литературе.

[170] *Златарски В.* Какви..., с. 248, 252, 255, 264.

[171] *Троицки С. В.* Спор.., с. 22.

[172] Novellae Justiniani II, 267; Anecdota. Ed. G. Heimbach, 217.

[173] ДСК, т. I, с. 758.

[174] *Златарски В.* Какви.., с. 252—254.

и поэтому в названном экземпляре номоканона слова юстиниановой новеллы, говорившие о примате Старого Рима, были опущены...» [175].

А между тем текст главы и после этого пропуска не утратил своего первоначального смысла — признание за Новым Римом второго места, а за Старым Римом — первого места в «ordo thronorum» высших кафедр. Если бы редактор Третьей редакции Синтагмы желал отвергнуть право Рима на первое место в этом порядке, он должен был бы опустить и все последующие слова главы, по-прежнему утверждающие за ним это место. Очевидно, здесь нужно видеть, скорее, случайный пропуск писца греческого текста, чем намеренный пропуск редактора, и объяснять его не чем иным, как обычной ошибкой писцов — гаплографией, из-за близкой формы слов, начинающих и завершающих пропуск: (ἁγ) ιώτατων — (μακαρ) ιώτατων.

Это не является исключением. Пропуски такого рода есть в других местах Собрания в 93 главах и в других памятниках в Синтагме Третьей редакции, и все они носят случайный характер. Они указаны Срезневским (в главе 28 пропуск, ограниченный словами τῶν ἁγίων...τῶν ἰδίων; в главе 63 — ограниченный словами τινα ἐναγωγὴν...τινα ἀγωγὴν) [176]. О других ошибках и описках в тексте Синтагмы Третьей редакции (в главе 17 ιατρικοῦ вместо ἱερατικοῦ и др.) говорилось выше. Поскольку в них нельзя заподозрить большого смысла, исследователи справедливо не обращали внимания на такие пропуски.

Не менее важен, по мнению В. Златарского и С. Троицкого, для признания за Третьей редакцией Синтагмы обработки, сделанной в Константинополе для посылки на Балканы, пропуск 69-го правила Трульского собора, запрещающего светским лицам входить в алтарь церкви, за исключением императора, которому это разрешено для участия в богослужении — собственноручного возложения даров на престол «по образцу древних». Эти исследователи считают, что соответствующая статья была намеренно опущена в той греческой рукописи, которая была прислана в Болгарию, для того чтобы властители варварских государств не могли сравнивать свои права с правами василевса.

Большое значение в этом плане, по мнению В. Златарского и С. Троицкого, имеют слова в Послании патриарха Фотия к князю Борису, которыми он «отнимал у Бориса право византийского императора участвовать в богослужении и собственноручно подносить богу дары» и которые должны быть поставлены в связь с этим пропуском правила [177]. Однако такая связь послания Фотия с пропуском не представляется нам очевидной. С одной стороны,

---

[175] *Троицки С. В.* Спор.., с. 22.
[176] *Срезневский И. И.* Обозрение древних русских списков кормчей книги, СПб., 1897, с. 84, 96.
[177] *Троицки С. В.* Спор.., с. 22.

только вторая половина правила Трульского собора говорит о разрешении императору участвовать в богослужении, а первая его половина дает общее запрещение светским лицам (τῶν ἁπάντων ἐν λαϊκοῖς τελοῦντι) входить в алтарь. При этом опущено все правило, а не только вторая его часть, поэтому остается непонятным, почему возможный редактор этого места, желавший ограничить права варварского князя, одновременно снял вообще запрещение входить в алтарь мирянам? Тогда нужно считать, что редакторы кормчей «вместе с водой из ванны выплеснули и ребенка». С другой стороны, по прямому смыслу слов Фотия в Послании к Борису последнему в отличие от его подданных отнюдь не запрещалось участие в богослужении, но разрешалось при соблюдении определенных условий («ты бы мог и сам, если хочешь, собственноручно возносить жертвы богу, если посвятишь ему чистую жизнь и праведные мысли»)[178]. А кто, кроме самого главы государства да его духовника, мог судить о том, достаточно ли праведны были его мысли и жизнь!

Если между пропуском 69-го правила в славянском переводе Третьей редакции Синтагмы и содержанием Послания Фотия к Борису нет никакой связи, если вместе с пропуском разрешения «царствующему властью и господством» участвовать в богослужении опущено запрещение участвовать в этом всем светским лицам вообще, то нет оснований видеть в отсутствии 69-го правила результат намеренных действий редактора.

В этой связи нет оснований принимать и высказанное в литературе мнение о пропуске разрешения императору участвовать в богослужении, согласно которому это результат изменений, внесенных деятелем оппозиционной византийской церкви в период иконоборчества. Пропуск запрета входить в алтарь светским лицам и в этом случае не находит оправдания.

Указанный пропуск вновь может быть объяснен не чем иным, как случайной ошибкой писца. Как и в приведенных выше случаях, пропуск ограничен одинаковыми словами: правило 69-е (опущенное): Μὴ ἐξέστω τινὶ..., следующее правило 70-е; μὴ ἐξέστω ταῖς[179].

Однако этот пропуск характерен не для всех списков Третьей редакции Синтагмы, а только для славянского перевода и его непосредственного источника; в двух списках этой редакции Vallic. 10 и Patm. 172 правило 69-е находится на своем месте, а в Vallic. 47 оно было первоначально опущено, в связи с чем следующее правило, 70-е, было обозначено как 69-е, а затем оно было вставлено на поле, очевидно, после сверки текста с другим списком Третьей редакции, не имевшим этого пропуска. Таким образом, пропуск 69-го правила не связан с возникновением Третьей редакции Синтагмы и не может быть аргументом в определении этой редакции

---

178 PG, t. 102, § 32.
179 ДСК, т. I, с. 187—188.

как обработки, приспособленной для применения в Болгарии в IX в.

В славянском переводе опущены также два слова в 34-м апостольском правиле «Τοῦς ἐπισκόπους ἑκάστου ἔθνους εἰδέναι χρὴ τὸν ἑαυτοῖς πρῶτον...» «Епископам каждого народа нужно знать своего главу...»[180]. Этот пропуск Троицкий ставит в связь со стремлением Византии недопустить автокефалии болгарской церкви[181]. Но основания для такого мнения не ясны. Эти слова входят во все известные греческие списки Синтагмы Третьей редакции, в том числе и в список Vallic. 47, протограф которого явился источником для славянского перевода. Никаких следов пропуска или позднейшего добавления, как это видно относительно 69-го правила Трульского собора, здесь нет. Поэтому этот пропуск надо связывать не с греческим оригиналом перевода, а именно с самим переводом или ранними его списками, до возникновения архетипа древнерусских списков.

Если пропуск был сделан не в Византии и не специально для того, чтобы болгары не смогли воспользоваться своими правами, как считал Троицкий, а в самой Болгарии и при переводе, то политический его смысл — лишение болгарской церкви прав на автокефалию — пропадает. Основное содержание правила — епископы должны быть подчинены власти своего главы — осталось неизменным. Невероятно, чтобы болгарский переводчик IX или X в. внес сознательные изменения в текст апостольских правил — наиболее авторитетных памятников канонического христианского права. Возможно, что это случайный пропуск, вызванный невнимательностью переводчика.

Таким образом, нет оснований считать, что в основу славянского перевода был положен текст Синтагмы Третьей редакции в списке, специально испорченном для того, чтобы ввести в заблуждение болгар относительно прав вновь организуемой болгарской церкви и Болгарского государства, тем более нет оснований видеть такую обработку в Третьей редакции Синтагмы. Эта редакция была распространена значительно шире. Существование греческих ее списков, сохранившихся в Риме, в Вене, на Патмосе, позволяет считать, что ее создание отвечало нуждам развития самой византийской церкви, как это предполагал Бенешевич.

Основная часть кормчей является переводом готового сборника — Синтагмы Третьей редакции, в вводной и заключительной частях использованы дополнительные источники. Так, в вводной части к Синтагме восходят 14 титулов и так называемый перечень состава, воспроизводящий на самом деле состав другого греческого списка сборника, а предисловие включено в кормчую скорее из Номоканона, чем из Синтагмы.

---

[180] «Епископомъ вѣдѣти требѣ есть своего старѣишину и имѣти его яко главу и ничьсо же творити излише без тога воля...» (ДСК, т. I, с. 68).

[181] *Троицки С. В.* Спор.., с. 21.

В заключительной части можно считать заимствованными из Номоканона Первой и Второй редакции статьи, отсутствующие в списках Синтагмы: Летописец вскоре Никифора, патриарха и приписываемый ему перечень архиепископов и патриархов; «Образ правые веры». Одна из статей кормчей, «О строении престола Константина града», входит в состав Сборников не 14 титулов (номоканонов и синтагм), а 50 титулов, откуда она и могла быть включена. А некоторые, такие, как Правило собора 861 г., 7-й титул Прохирона, встречаются как в сборниках (номоканонах) 14 титулов, так и 50 титулов и могли быть заимствованы из обоих источников.

В составе кормчей не было полного текста Прохирона, как его нет и в позднейших списках кормчей, но только отдельные титулы (7, 24, 28). Наследнику царя Симеона, Петру (927—969 гг.), и его окружению не был известен 39-й титул Прохирона о казнях, где говорится о праве репрессий против еретиков. Об этом свидетельствует известное послание патриарха Феофилакта к Петру о богомилах [182].

Из сборников церковно-юридического содержания, отличных от двух указанных, в кормчую взяты «Вопросо-ответы Афанасия к Антиоху». Они известны также по двум синайским сборникам, отличным от указанных номоканонов и синтагм. Источники двух статей кормчей остаются невыясненными: это статья «великого книжника антиохийского о календах, идах и нонах» и отрывок о судопроизводстве. Очевидно, существовали византийские сборники, включавшие все эти сочинения, которые остались нам неизвестны.

Таким образом, есть основания считать, что круг источников Ефремовской кормчей не выходит за рамки Сборников 14 титулов при единичных заимствованиях из Сборников 50 титулов и других типов. Вне этих сборников остается только один трактат о древнеримском счете времени. Кроме того, остаются неопределенными источники двух вставок в текст кормчей: имени итальянского епископа Григория Акраганьского (Агригентского) в Собрании в 93 главах и проримской схолии в статье «О строении пресвятаго престола...».

Кормчая была составлена не единовременно, а в несколько приемов. Есть следы разновременного включения в нее статей. Если Основная часть ограничена Трульским собором 692 г. и не включает никаких позднейших правил, то в заключительной части находятся памятники как того же примерно времени (рассказ о соборах, в котором последний VI, 680/81 г.), так и более позднего — сообщение о смерти Константина VI в 797 г., правило собора 861 г., причем самые поздние относятся к началу X в.— Летописец вскоре и перечень патриархов оканчиваются византийскими событиями 912 г.

---

[182] *Петровский Н. М.* Письмо патриарха константинопольского Феофилакта к царю Болгарии Петру.— «Известия ОРЯС», 1913, т. XVIII, с. 361.

Наряду с противоречивостью хронологии статей на разновременность их включения в кормчую указывают и следы вставок в ее текст. Таковы вставка имени Григория Акраганьского в виде маргиналии и вставка статьи «О строении пресвятаго престола...», попавшая в текст 28-го титула Прохирона. Уже после перевода правил и создания кормчей Ефремовской редакции появилась вставка правила Ефесского собора, заимствованная из другого списка той же кормчей.

Где возник этот сборник, состоящий из трех частей, в котором Синтагма Третьей редакции занимает центральную, основную часть?

Значительное разнообразие его источников, неизвестность большей части его состава в славянских переводах вне этого сборника заставляет считать, что он сложился еще в Византии, возможно, в Константинополе и оттуда был перенесен в Болгарию. Этому не противоречит уникальность подбора статей в этом сборнике — каждый из греческих списков Третьей редакции Синтагмы (да и не только ее) имеет индивидуальные дополнительные статьи, отсутствующие в других, так что вполне естественно, что ни один греческий список, представляющий такой состав, просто не сохранился.

Не противоречат такому предположению, но осложняют историю славянского сборника и различия в языке перевода, которые обнаружены в отдельных частях и статьях сборника. Так, в начале Синтагмы Третьей редакции (кончая правилами VI вселенского собора) слово κάνων переводится словом *правило*, а далее, начиная с правил VII собора, в том числе в Собрании 14 титулов и в дополнительных статьях, дается слово *канонъ* [183]. Отмечено также, что перевод апостольских правил лучше, чем перевод Собрания 14 титулов, при этом в обоих переводах применена различная лексика: λαϊκός в апостольских правилах переводится как «люжанин», или «людин», πρεσβύτερος только как «поп» и κληρικός — как «причетник», в то время как в Собрании 14 титулов эти слова переводятся соответственно как «бѣльц» или «простьць»; как «поп», или «презвутер»; как «клирик» [184].

Эти различия, в том небольшом объеме, который стал объектом внимания исследователей, не позволяют отделить основную часть кормчей от дополнительной, т. е. дать материал к заключению, что членение сборника на пласты в его истории (основная часть — Синтагма, вводные и дополнительные части) имеет соответствие с

---

[183] ДСК, т. I, с. 205; *Троицки С. В.* Спор.., с. 55 (греко-славянские параллели). Вместе с тем Троицкий ошибочно утверждает, что этот термин в канонической части переводится как «правило», а в гражданской дается его транскрипция (*Троицки С. В.* Спор.., с. 45). Грань текста лежит на самом деле внутри канонической части.

[184] *Jagič V.* [Рецензия на книгу С. П. Обнорского «О языке Ефремовской кормчей XII в.»], S. 304.

различием в лексике перевода этих пластов. Эти различия сейчас, до специального изучения лексики перевода Древнеславянской кормчей, можно объяснить участием в этом нескольких переводчиков, носителей разных принципов передачи терминов оригинала.

Таким образом, можно считать, что в Болгарию был принесен один из списков церковно-юридического Сборника 14 титулов, включавшего не только Синтагму Третьей редакции и Собрание в 93 главах, но и дополнительные статьи, в том числе трактат о привилегиях константинопольской кафедры и хронографические сочинения. Это произошло вскоре после 912 г. На перевод сборника в готовом виде, без подбора его дополнительных статей из уже переведенных в Болгарии в составе других сборников, указывает то, что в нем оказалось переведенным заново Исповедание веры Михаила Синкелла, которое входило уже в Изборник 1073 г., и в нем был переведен Летописец вскоре, близкий по содержанию и к «Историкиям» Константина Болгарского, и к Летописцу в том же Изборнике.

Был ли этот сборник прислан из Константинополя или попал в Болгарию из другого места? Включение в него схолии к 28-му Халкидонскому правилу и маргиналии с именем Григория Акраганьского к заглавию Собрания в 93 главах западного происхождения говорит как будто о том, что этот сборник на пути из Константинополя побывал в руках сторонника римской ориентации. Возможно, что действительно этот сборник проник в Болгарию во втором десятилетии X в. не из Византии, а с какой-то территории, находившейся под юрисдикцией Римского папы [185].

В истории Первого Болгарского царства X в. было немало событий как внутренней, так и международной жизни, когда материалы кормчей могли служить важным подспорьем в деятельности болгарских идеологов и политиков. Так, статья «О строении пресвятаго престола...» вместе с оспаривающей ее основное содержание проримской схолией могла быть актуальной не только в IX в., как доказывал С. Троицкий, но и в X в., а именно в 910—920-х годах, когда после смерти в 916 г. Климента, противника конфликта с константинопольской патриархией, и после победы в 917 г. на Ахелое, показавшей возросшую силу Болгарской державы [186], началась борьба с Константинополем за создание автокефальной государственной церковной организации и болгарской

---

[185] Некоторые исследователи (Ф. Гривец, Т. Курент) считают, что в составлении глоссы к 28-му халкидонскому правилу принимал участие римский папский библиотекарь Анастасий. Троицкий признавал Анастасия автором или вдохновителем этой глоссы (*Троицки С. В.* Спор.., с. 23). К этому мнению присоединяется и И. Вашица, считая при этом, что схолия была написана не по-гречески, а по-латински (Magnae Moraviae fontes historici, t. IV. Brno, 1971, p. 229).

[186] *Златарски В.* История на Българската държава през средните векове, т. I, ч. 2. София, 1971, с. 389—391.

патриархии, завершившаяся в 927 г. успехом[187]. Но патриархия была признана не в столице царства, Преславе, а в Доростоле, что сохраняло и подчеркивало уникальность константинопольской столичной патриархии[188].

Для местной болгарской церковной организации, состоящей из деятелей славянского происхождения, был нужен церковно-юридический сборник, причем на славянском, а не на греческом языке[189]. Собрание в 93 главах представляло собой кодекс позднеантичного и ранневизантийского права, который представлял формирующемуся феодальному классу славянской страны богатый материал. Церковные правила также содержали разнообразную и подробную регламентацию внутрицерковной жизни, нужную для развивающейся церковной организации Болгарии и других славянских стран. Статьи кормчей против ересей, с которыми боролась в свое время константинопольская церковь, были очень полезны Болгарии в X—XI вв., когда важнейшей идеологической проблемой как в этой стране, так и за ее пределами стала борьба с антифеодальной богомильской ересью. Однако различия в социальном и политическом строе Византии и Болгарии, в составе и опыте деятелей, которые должны были проводить эти нормы в жизнь, наконец, неудовлетворительность переводов кормчей, сделанных людьми, не всегда хорошо понимавшими специальную церковно-богословскую терминологию греческого языка, все это затрудняло внедрение норм права кормчей в жизнь, хотя не делало его невозможным.

910-ми годами завершилось пополнение кормчей новыми памятниками, но какая-то деятельность по дополнению ее состава, хотя и не очень удачная, имела место и позже. Об этом свидетельствует

---

[187] В литературе существовало мнение, что славянский перевод Сборника 14 титулов в дофотиевской обработке (без предисловия Фотия) мог быть сделан не позже 920 г., так как в этом году Константинопольский собор признал обязательным обработку Фотия (*Соловьев А. В.* Светосавски номоканон и негови нови преписи. «Братство», 1932, т. 26, с. 25; *Mošin V.* [Рецензия на книгу С. Троицкого «Како треба издати...»] — «Slovo» (Zagreb), 1953, N 2, s. 57—67). Однако это мнение было опровергнуто С. Троицким, который показал, что решение собора 920 г. не запрещало использование и других церковно-юридических сборников.

[188] *Златарски В.* История на Българската държава през средните векове, т. I, ч. 2, с. 507—509.

[189] Доказывая, что византийский сборник церковных канонов был известен болгарам перед 866 г., В. Златарский ссылался на свидетельства «Ответов папы Николая I на вопросы болгар» этого года, в частности, на ответы 9-й («...о тех, кто хотя и ходит в церковь, но не принимает причастия, хорошо объясняется в священных канонах, что вручат вашему архиепископу, который будет назначен для вас богом с нашим участием...») и 37-й («Книги, которые мы считает для вас нужными в настоящее время, с удовольствием для вас посылаем...»). См.: Magnae Moraviae fontes historici, t. IV, p. 52, 69. Однако в этих ответах нет указаний на такое знакомство, хотя и не исключено, что отдельные канонические тексты, известные и вне полных собраний типа Номоканона и Синтагмы, например, апостольские правила, которые упоминаются в 105-м ответе, могли быть известны и в IX в.

вторичное включение в кормчую правила Ефесского собора уже в готовом славянском переводе, причем том же, что был включен в основную часть кормчей, но отличающемся в мелочах. Такой текст писец мог заимствовать после перевода правил из какой-то другой рукописи того же содержания, не обратив внимания на то, что соответствующее правило было переписано ранее [190].

В пору существования Первого Болгарского царства и первой патриархии Древнеславянская кормчая имела распространение на их территории, проникла отсюда, возможно, через западно-болгарское царство Самуила в конце X — начале XI в. на Русь [191], попала на Афон, где сохранялась в XII—XIII вв. [192] и, вероятно, использовалась при переводе нового Сборника 14 титулов с толкованиями [193]. Вместе с тем на территории самой Болгарии списки кормчей были, очевидно, уничтожены, как и другие славянские книги после завоевания Болгарского государства, ликвидации первой патриархии и постепенного вытеснения славянского духовенства из церкви, особенно с конца 1030-х годов, в ходе борьбы византийской администрации со славянской письменностью и богомольской ересью [194].

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКАЯ КОРМЧАЯ НА РУСИ В XI—XVI ВВ.

В конце X в. на Руси была создана церковная организация, состоявшая из митрополита и его управления, из системы епархий с епископами во главе, имевшими свои органы управления и суда (во второй половине XI в. таких епархий насчитывалось до 10). Эта организация занималась отправлением культа во всех разнообразных его формах — литургической деятельностью, выполнением таинств (крещения, брака и др.), пропагандой веры на основных территориях Руси и миссионерством, административным регулированием деятельности церковнослужителей и расширением их числа и пр.

---

190 Подобные случаи повторного включения в рукопись памятников, которые уже находились в ее составе, известны. Так, в кормчую книгу с толкованиями Волынской редакции включено два текста Устава Владимира — полный между правилами соборов и дефектный (по другому источнику) в приложении (*Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI — XIV вв., с. 53—55).

191 *Мошин В. А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей в X—XV вв.— ТОДРЛ, т. 19. Л., 1963, с. 54—59.

192 Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученника и целителя Пантелеймона. Киев, 1873, с. 76.

193 *Троицки С. В.* Како треба издати Светосавску крмчиjу (Номоканон са тумачењима). Београд, 1952, с. 99. *Mošin V.* [Рецензия на книгу С. Троицкого «Како треба издати...»], S. 57—67.

194 *Мошин В. А.* О периодизации.., с. 65—69.

Наряду с этим церковная организация на Руси в течение XI в. значительно расширила круг своих интересов на ведомства, не связанные непосредственно с культом или традиционно находившиеся под эгидой языческой религии и религиозной организации. Таковы широкие сферы семейного и брачного права, затрагивающие жизнь всего древнерусского населения. Церкви на Руси в X—XII вв. удалось нащупать эти сферы права, которые государственная, княжеская власть оставила вне своих интересов, и наложить свою руку на большую группу общественных институтов, не встретив со стороны государства препятствия, но объективно помогая ему в укреплении классового строя и связанных с ним низших форм общественных организаций и связей — моногамии, индивидуальной семьи, христианской формы брака.

Для выполнения церковной организацией как институтом феодального общества ее традиционных функций она нуждалась в правовых кодексах, принятых в восточной православной церкви. Эти же кодексы были ей нужны и для ее судебно-административной деятельности в сферах семейного и брачного права.

Церковно-юридический Сборник 14 титулов в древнеболгарском переводе в форме кормчей Ефремовской редакции проник на Русь в XI в., возможно, во второй его четверти, при Ярославе Мудром.

Свидетельств о пути проникновения этого кодекса на Русь нет. Можно только предполагать, что кормчая могла попасть на Русь тремя путями: или через западноболгарское царство Самуила, донесшее до начала XI в., времени, когда Русь должна была проявить интерес к славянским переводам законов и канонов, славянскую традицию этих памятников [195], или через Афон, где в XII—XIII вв. был известен славянский список номоканона [196], или, наконец, через Константинополь [197].

О том, что кормчая появилась на Руси еще в XI в., а не позднее, говорит прежде всего существование самого Ефремовского списка начала XII в. Очевидно, до того, как возник этот новгородский список, кормчая должна была быть принята в Киеве, на митрополичьей кафедре, и оттуда получить распространение на Руси.

А. С. Павлов собрал свидетельства о знакомстве на Руси в XI в. с церковными правилами Феодосия Печерского, митрополита Иоанна II [198]. К XI в. нужно относить также список книги правил без толкований, писанный «на кожах при Изяславе князе Ярославиче сыне», бывший в распоряжении Зиновия Отенского в XVI в.

---

[195] *Мошин В. А.* О периодизации.., с. 54—59.

[196] Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона, с. 76.

[197] *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 136.

[198] *Павлов А. С.* Первоначальный.., с. 15.

Для выяснения того, насколько широкое применение имел славянский перевод кормчей в XII в., важно сравнение текстов 37-го Карфагенского правила с цитатой из него у Никифора II, митрополита Киевского (1104—1121 гг.)

37-е Карфагенское правило	*Ефремовская кормчая*	*Послание Никифора*
Ἵνα ἐν τοῖς ἁγίοις πλέον τοῦ σώματος καὶ τοῦ αἵματος τοῦ κυρίου προσενεχθείη, ὡς καὶ αὐτὸς ὁ κύριος παρέδωκεν, τουτέστιν ἄρτου καὶ τοῦ οἴνου ὕδατι μεμιγμένου[199]	В святыхъ т а и н а х ъ ничьсо же боле тѣлесе и кръви господня не принесено будеть, яко же и самъ господь прѣдасть сирѣчь хлѣбъ и вино съ водою съмѣшено[200]	Во святых ничто же болѣ тѣла и крови господни принести, яко же и сам господь предасть с в о и м у ч е н и к о м, сирѣчь х л ѣ б и вино с водою смѣшано [201]

Хотя несомненно, что митрополит, писавший по-гречески, должен цитировать греческий текст правила, оказывается, что отличия цитаты от славянского текста в кормчей невелики. Что касается вставки «своим учеником», ее можно считать объяснительной интерполяцией самого Никифора — этих слов в известных греческих текстах правила нет.

Отсутствие у Никифора слова «тайных» может казаться свидетельством прямой связи цитаты с греческим текстом. Однако в русской письменности «святые тайны» (во множественном числе) также иногда обозначались одним словом (в форме «святыни») [202], поэтому здесь нужно, вероятнее всего, видеть сокращенный термин, заменивший первоначальную формулу перевода [203].

Следующая серия свидетельств об использовании кормчей относится к замечательному памятнику середины XII в., остающемуся источниковедчески не изученным, известному под названием Вопрошания Кирика. Здесь есть и ссылки на правила, входящие в интересующую нас редакцию кормчей, и выписи из нее. Буквальное соответствие показывают выписи в 94-м вопросоответе Кирика, который начинается прямой ссылкой: «Лѣпо же есть и то приписати от канон святаго Василья» и содержит часть канона 9-го, полностью «того же правило 48» и «правило 46» [204]. Буквальное совпадение этих правил с Ефремовским списком уже

---

[199] ДСК, т. I, 338.

[200] Там же.

[201] *Макарий.* История русской церкви, т. 2. СПб., 1866, с. 100.

[202] «Приемлюще часть святынь твоих...» (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1958, т. III, с. 310, цит. из Служебника Сергия Радонежского XIV в.).

[203] Ссылки на правила, вошедшие в Древнеславянскую кормчую, и цитаты их есть в ответах киевского митрополита Иоанна II (ум. в 1088 г.). Это Правила Василия Великого 9-е и 10-е (ДСК, т. 1, с. 473_{27}—474_{4}; 481_{30}—482_{4}; «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. VI, с. 10). Однако ответы Иоанна II были писаны по-гречески (а 18-е правило Василия, кроме того, как показал А. С. Павлов, было перефразировано митрополитом) и затем уже переведены на древнерусский язык, поэтому переводы их различны.

[204] РИБ, т. VI, с. 48—49; ДСК, т. 1, с. 473—474, 492—494.

было показано А. С. Павловым [205]. Нужно отметить, что все три правила сохраняли свое значение и позднее, в XIII в.: в Уваровской обработке кормчей они оставлены, в то время как соседние — 44-е и 47-е опущены. При ссылках в Вопрошании Кирика на ответы Тимофея Александрийского также воспроизводятся части его текста [206].

Во второй половине XII и в XIII в. Ефремовская редакция кормчей привлекла к себе особое внимание древнерусских церковных юристов. Это выразилось, во-первых, в том, что древнеславянская кормчая подверглась в это время значительной переработке, сокращению, и, во-вторых, в том, что эта переработка получила распространение на Руси.

О подготовке сокращенного текста кормчей по самому Ефремовскому списку говорят многочисленные маргиналии на этом списке, сделанные уставом XII—XIII вв., причем несколькими почерками. Как говорилось выше, большая их часть по Ефремовскому списку и копии с него — Соловецкому списку — воспроизведена в первом томе издания кормчей и публикации статей Рогожского списка. Эти загадочные пометы на полях древней рукописи, значение которых, казалось бы, навек утрачено, находят почти полное соответствие в выборке из кормчей Ефремовской редакции, которую представляет Уваровский список. Соотношение текста Уваровского и маргиналий Ефремовского списков показывает следующая таблица:

Название памятника	*Указания в Ефремовском списке на пропуски («досуда» и «се писати»)*	*Пропущены правила в Уваровском списке*
Апостольские правила	маргиналий нет	пропуска нет
Правила вселенских соборов: I	» »	7, 8, 12
II и III	» »	опущены все правила
IV	» »	17, 19, 23
VI	» »	листы с текстом утрачены
VII	1,9	1, 3, 9, 15, 16
Правила поместных соборов:		
Анкирского	1—6, 10, 15—17, 20—23	1—6, 10, 16, 17, 20—23
Неокесарийского	13, 14	13, 14
Гангрского	Введение, Послание к епископам Армении, 14—20	Введение, Послание к епископам Армении, 14—20
Антиохийского	Введение, 1, 2, 10	Введение, 1, 2, 10
Лаодикийского	8—11, 14—20, 34—38, 45—48, 55—58 и перечень книг	Предисловие, 8—11, 14—20, 34—38, 45—48, 56—58 и перечень книг
Сардикийского	1—9, 12, 16—17, 19—22	1—9, 12, 16—17, 19—22

[205] *Павлов А. С.* Первоначальный.., с. 58—59.
[206] РИБ, т. VI, с. 29 (вопрос 18); ДСК, т. I, с. 541 (правило 2); РИБ, т. VI, с. 43—44 (вопрос 73); т. I, с. 545 (правило 13); *Павлов А. С.* Первоначальный..., с. 59.

Название памятника	*Указания в Ефремовском списке на пропуски («досуда» и «се писати»)*	*Пропущены правила в Уваровском списке*
Карфагенского	1—10, 12—17, 21—25, 32—39, 41, 44—49, 51, 52, 53 (часть), 54, 60, 62, 64—69 («досуда правити»; далее маргиналий нет)	1—10, 12—17, 21—25, 32—39, 41, 44—49, 51—60, 62 64—69, 73, 75, 77, 78, 82—94, 96—101, 103, 105
Правила отеческие:		
Василия	маргиналий нет (не видно)	Предисловие, 1, 15—71, 20, 44, 47, к Диодору и Амфилохию
Феофила	» » » »	к Афигию, Агафону и Мине
Тимофея	» » » »	пропуска нет
Афанасия	» » » »	от 39-го праздничного послания
Кирилла	» » » »	опущены все правила
Дионисия	в конце 3-го правила стерто на поле («досуда»?)	1—2, 4
Геннадия «Окружное послание»	в начале 13-го правила стерто («се писати»?)	1—12
Григория чудотворца	маргиналий нет	пропуска нет
Григория Нисского	» »	пропуска нет
Григория Богослова	вначале стерто на поле («досуда»?)	правило опущено
Амфилохия		правила опущены
Анастасия Антиохийского	вначале стерто на поле («се писати»?)	пропуска нет
Епифания Кипрского	(«досуда»)	правила опущены, но в оглавлении указаны
Тимофея пресвитера		правила опущены
Собрание в 93 главах	13—26, 34—36, 54—55, [62] — 69, 77, 88 («досуда брано») далее не ясно из-за утраты листов	13—26, 34—36, 54—55, 62—69, 77, 88, 90
Книжника Антиохийского	листы утрачены	сочинение опущено
Летописец вскоре	» »	» »
Перечени епископов	» »	» »
«Разум 7 събор»	» »	пропуска нет
Образ правыя веры	» »	» »
Ответ Афанасия Антиоху	» »	» »
«О возбраненных женитвах»	» »	пропуска нет, но конец утрачен
«От иного закона»	» »	листы утрачены
Правила собора 861 г.	» »	листы утрачены, но в оглавлении правила названы
О епископах и мнихах	» »	листы утрачены
О поставлении епископов	» »	» »
О строении престола (начало трактата)	» »	» »

Название памятника	*Указания в Рогожском и Соловецком списках на пропуски*
О чести престола (продолжение трактата)	«досуда» (в начале)
О епископах	«се писати» » »
Отрывки: «Отъемля с нуждею...», «И воздразити...»	«досуда» » »

Сокращения правил поместных соборов и императорских законов в Собрании в 93 главах, находящемся в Уваровском списке, полностью соответствует указаниям в Ефремовском списке, т. е. это сокращение сделано в соответствии с этими маргиналиями. Маргиналии при отеческих правилах в Ефремовском списке стерты, это хорошо видно, но есть все основания считать, что выписи в Уваровском списке также сделаны в соответствии с находившимися там указаниями. Утраты в конце Уваровского списка не позволяют проследить здесь соответствие сокращений и указаний на сокращения, но нет причин сомневаться в таком соответствии: в оглавлении к списку названо правило собора 861 г., которое находится в числе отмеченных для выписи статей.

Характер и содержание сокращений в обработке XIII в. очень важны. Сокращениям кормчая была подвергнута выборочно, они коснулись не всего собрания правил. Так, апостольские правила — апокрифический памятник, сложившийся не ранее IV в., но принятый Трульским собором — оставлены целиком, очевидно, как наиболее «авторитетные» правила церкви. Из соборных канонов полностью опущены каноны вселенских соборов: II (Константинопольского) 381 г. [207], отразившие усиление константинопольской церкви, и III (Ефесского) 431 г., содержавшие дисциплинарные запрещения, связанные с осуждением Нестория и его учения. Эти важные пропуски нельзя считать случайными, но для определения сейчас их причин недостаточно данных. Не исключено, что решить этот вопрос могло бы помочь изучение истории распространения правил II и III соборов вне этой кормчей.

Правила других соборов сокращены в большей или меньшей степени. При этом выброшены большей частью отдельные каноны или их группы, в одном случае (правила Гангрского собора, середина IV в.) — опущена вся последняя треть из 20 правил; в некоторых случаях пропускаются и части отдельных канонов [208]. Наибольшее число опущенных канонов относится к Карфагенскому (98 из 138), Сардикийскому (16 из 22), Анкирскому 314 г. (12 из 25), Лаодикийскому (24 из 58) соборам. Определить точно, что и сколько опущено из правил Трульского собора, нельзя, так как

---

[207] В правилах собора объединены каноны действительно вселенского собора 381 г. с канонами местного собора 382 г. и др.

[208] Вторая половина 10-го правила II Никейского собора; начало и конец 86-го правила Карфагенского собора.

листы с этими правилами утрачены, но, судя по пропускам упоминаний этого собора в 14 титулах, из 101-го Трульского правила опущено не менее 23.

Лишь отдельные правила опущены среди канонов вселенских соборов: Никейского I 325 г. (3 из 20); Халкидонского 451 г. (3 из 30), Никейского II 787 г. (5 из 22); среди поместных: Неокесарийского (между 315 и 324 гг.) (1 или 2 из 14), Антиохийского 325 г. (3 из 25) опущены, как правило, все вводные части к правилам каждого собора, содержащие информацию об условиях созыва, участниках собора и пр.

Пропуски правил отразились и в 14 титулах. Здесь выброшены ссылки на опущенные правила, а во многих случаях, при отсутствии материала, оказались выброшенными и целые тематические разделы — главы [209]. Уже анализ этих пропусков может показать характер работы над кормчей. Так, здесь опущены главы о правилах поставления епископов, их правах и обязанностях, в которых говорилось, что епископа не ставить до тех пор, пока он не сделает всех своих домашних христианами (правило 1, глава 10), епископов не ставить в малые городки и в села (1 правило, глава 19) и др. Несколько глав о еретиках и еретичестве опущено в титуле 12 — об определении еретичества (1,2), как поступать с епископами и причетчиками, обвиняемыми в еретичестве или плохо борющимися с еретиками (7, 10, 11), о правах епископов, наследующих кафедру еретика (17) и др.

Из отдельных правил опущены прежде всего те, которые касаются конкретных вопросов деятельности церкви в Константинополе (23-е Халкидонское, 9-е и 15-е, II Никейского собора), в Армении (32-е и 33-е Трульские), в Африке (105-е Карфагенское) и другие, в том числе о признании за епископом Иерусалима митрополичьего достоинства (7-е Никейское). Далее, опущено значительное число правил о еретиках, их приеме в церковь («чистых» — катаров — 8-е Никейское, фригийцев — 8-е Лаодикийское), об ушедших из церкви и прельстившихся благами, в том числе военной службой и «мьздами» (βενεφικίοις, 12-е Никейское). Опущены правила, определяющие отдельные права епископов и священников, например, о сроках давности принадлежности приходов епископии (17-е Халкидонское), о правах сельских епископов (10-е Антиохийское), о созыве соборов епископов каждой «области» (ἐπαρχία) дважды в год (19-е Халкидонское), о лишении прав на села, купленные во время служения (32-е Карфагенское), об извержении поставленных «на серебре» (21-е Трульское), о запрете попам читать что-либо, кроме «общих» (κοινονικῶν, или κανονικῶν в различных списках) писаний (40-е Лаодикийское).

---

[209] Титулы: 1-й, главы 3,4,10,19,30; 2-й, главы 3,5,8,11,16; 4-й, главы 10, 11; 8-й, главы 3, 6. 9, 10, 11, 15; 9-й, главы 3, 7, 8, 20; 10-й, главы 5, 7; 11-й, главы 14, 15; 12-й, главы 1, 2, 4, 5, 7, 10, 11, 17, 18, 34, 40; 14-й, глава 1.

Опущено много правил о моральной, церковно-дисциплинарной ответственности за преступления — вольное и невольное убийство, прелюбодеяние, скотоложество (Анкирские правила 16, 17, 20, 22, 23), оставление родителями детей и другие нарушения, которые стремятся оправдать якобы благочестивыми намерениями (Гангрские правила 15—18). Среди правил, не включенных в Уваровскую кормчую, оказываются и оба канона о семи дьяконах в соборе — 14 поместного Неокесарийского собора и 16 вселенского Трульского, осудившего неокесарийское правило. Как показывается ниже, противоречие этих двух канонов было одной из тем полемики русских канонистов в XVI в.

Выброшены два известных «рекомендательных списка» произведений —перечень правил, утвержденный Трульским собором, и перечень истинных и ложных кинг, приложенный к правилам Лаодикийского собора.

Значительные пропуски в императорских постановлениях, изложенных в Собрании в 93 главах, касаются главным образом отдельных отраслей права, характерных для развитого классового общества Византии. Это имущественное, наследственное, залоговое право о церковной недвижимости, долгах, размерах «лихвы» (процентов), фалкидии — части наследства, следуемой прямым наследникам при завещании имущества монастырю, о процессе с участием монастырей, епископов, о правах представителей епископов, посылаемых в Константинополь и др.

Все эти дела не интересовали редактора кормчей, очевидно, потому, что структура феодального общества на Руси и права местной церковной организации отличались от тех, которые существовали в Византии. В Собрании в 93 главах оставлены установления о епископах, клириках и монахах, правилах их поставления, их правах и обязанностях, об имущественном праве, в частности, о передаче имущества монахом монастырю, о наследовании монаха без завещания.

В разделах о требованиях к епископу (епископ не может отлучать без вины, не имеет права наказывать сам, будучи изгнанным из города, не может самовольно вернуться) в Уваровском списке помещена миниатюра с изображением Христа, держащего нимбы над головами двух епископов в крещатых ризах. Эта миниатюра должна была привлечь особое внимание к «божественному» происхождению достоинства и власти епископа и подчеркнуть тем самым его место в жизни. Появление этой уникальной для рукописей кормчих миниатюры должно быть связано, очевидно, с идеей самой переработки: дать руководство, которое могло бы лучше служить нуждам общества, чем его предшественники, другие кодексы.

При отборе материала из заключительной части кормчей редактор стремился, вероятно, также оставить то, что более применимо к местным условиям. Пропуск календарной статьи Ритория Антиохийского был естествен, так как на Руси древнеримский календарь

с календами, нонами и идами широкого распространения не имел.

Целая группа произведений, касающихся истории и положения константинопольской кафедры, также не попала в русскую обработку кормчей. Это хронологические статьи — Летописец вскоре и перечни константинопольских епископов, правила, регулирующие деятельность епископов и попов в Новом Риме, и большая часть статьи о правах этой кафедры. Если начальные разделы статьи можно было воспринимать как общие установления, касающиеся взаимоотношений митрополита с епископами и клириками, то выделенная уже в Ефремовском списке (а, очевидно, еще и в его протографе) часть 28-го правила Халкидонского собора «О чести пресвятыя церкве того же Костантина Нового Рима», говорившая о правах Константинополя, не заинтересовала составителя, поставившего на поле Ефремовского списка помету «досуда». Все эти константинопольские дела были, очевидно, чужды древнерусскому канонисту, составителю новой обработки, заботившемуся о создании краткого практичного сборника правил, которые могли иметь силу и важность на Руси. Вместе с тем третью хронологическую статью, перечень вселенских соборов он оставил, несомненно, потому, что соборы имели общехристианское значение и правила большинства их входили в состав этой кормчей.

Основной целью церковного юриста — редактора кормчей нужно считать уменьшение объема кодекса для облегчения его использования путем сохранения *основных* правил православной церкви и пропуска *второстепенных*. К последним отнесены правила, повторяющие прежние установления, а также относящиеся к церковной жизни Константинополя, церквей Ближнего Востока и, вообще, к условиям, далеким от древнерусских. В ряде случаев, однако, трудно объяснить пропуск тех или иных правил.

Установление прямых (хотя и опосредованных) связей между Ефремовским, Уваровским, Рогожским и Соловецким списками имеет большое значение и для характеристики самого Ефремовского списка, и для Уваровской обработки. Ефремовский список был в XII—XIII вв., с одной стороны, объектом работы по созданию нового кодекса, а с другой,— источником, с которого снимались копии для дальнейшего распространения как этого сокращенного, так и полного текста.

Естественно, такую роль мог играть только список, принадлежавший лицу, стоявшему у руководства древнерусской церковью, скорее киевскому митрополиту или его чиновнику, связанному с церковной юрисдикцией, чем епископу одной из 13—15 кафедр Руси XII—XIII вв. Пометы на полях «се писать» и «досуда» нужно рассматривать, очевидно, как один из ранних автографов политических деятелей Древней Руси. К сожалению, место создания Ефремовского и Уваровского списков не определено, и невозможно, вероятно, точно выяснить, где делались маргиналии на Ефремовском списке. Заключения старых исследователей об «особенностях

севернорусского перечня» в языке Ефремовской кормчей не позволяет, однако, связывать эту работу с Киевом. Нужно считать, в таком случае, что эта рукопись принадлежала одному из новгородских архиепископов XII—XIII вв.

Принадлежавший епископской кафедре Ефремовский список в течение XII—XIII вв., еще до получения кормчей с толкованиями, был объектом работы по созданию новых сокращенных текстов кормчей.

Можно рассматривать эту работу как попытку создать местный, основанный на авторитетном византийском наследии, вариант канонического кодекса, который мог бы стать пособием в административной деятельности важнейшего звена древнерусской церковной организации — епископов и их наместнического управления. Внимание к нормам деятельности епископов, которое проявил составитель кормчей, позволяет именно так оценивать эту работу. С Ефремовской кормчей списывались не только те правила, которые вошли в Уваровский список, но и другие правила. Для этого указания на сокращения на полях были стерты, как это сделано в отеческих правилах в Ефремовском списке. Вместе с тем с этой рукописи снимались и полные списки, такие, как Рогожский и Соловецкий, где переписаны все правила вместе с сохранившимися маргиналиями.

Но Ефремовский список не был, естественно, единственным протографом кормчих этой редакции на Руси. К другому архетипу, чем Рогожско-Соловецкая группа, восходят списки Троицкий и Плигинский, не имеющие помет о сокращениях. Однако полный кодекс правил в архетипе этих списков также не удовлетворял русских переписчиков и церковных администраторов, которые, как и редакторы Уваровской обработки, стремились к отбору правил и норм, близких к условиям Руси. Об этом говорят сокращения, существующие в Плигинском списке, не связанном генетически с Ефремовским и его изводом. Так, в Плигинском списке значительно сокращены правила одного, Трульского (VI вселенского), собора. Здесь оказались опущенными 24 правила целиком (каноны 29—34, 37, 39, 46, 72, 74, 75, 77, 78, 80, 83, 87—91, 94, 95, 99) и части правил 41, 45 и 54.

Какую цель преследовало это сокращение? Кажущееся противоречивым сохранение одного правила, говорящего о необходимости крестить заново человека, если «не обрѣтаються извѣстии послуси» крещению (72-е Карфагенское) [210], и пропуск другого (83-го Трульского) [211], говорящего о том же, показывают, что редактор этой обработки руководствовался теми же соображениями, что и его коллега по Уваровской кормчей. Вероятно, и здесь мы имеем дело с попыткой создания корпуса правил, не столь обширного и пригодного для использования, но сохраняющего нор-

---

[210] ДСК, т. I, с. 374.
[211] Там же, с. 194.

мы, которые могут быть действующими. Важно, что указанное требование крещения для неимеющего свидетеля было признано в XII в. в Вопрошании Кирика [212].

И принципы отбора, которых держался редактор Плигинского текста, были близки описанным выше. В выброшенных правилах осуждалась практика, существовавшая в других странах, на что было указано в самих правилах. Таковы правила об особенностях «варварских» (миссионерских) церквей (30, 37), об обычаях в Армении (32, 33), на Кипре (39). Некоторые правила (30—32) опущены в обеих обработках кормчей — и в Плигинском, и в указателе Уваровского. Пропуск некоторых правил можно объяснить тем, что они были очень строги и не учитывали особенностей, существовавших на Руси. К этой группе можно отнести запрет рисовать кресты на земле (72), осуждение «бесчинных воплей» в церкви, т. е., очевидно, неквалифицированного пения (74), запрет торговать в церковных притворах (75), правила исповедания веры крещающимися, т. е. правило крещения взрослых (77), запрет варить муку на рождество (78), некоторые правила службы — запрещение прибавлять в трисвятой песне слова «распныйся нас ради» (80), о посте в великую субботу (88), запрещение преклонять колена в воскресенье до павечерни (89), правила службы в домовных церквах (31).

О распространении правил Ефремовской редакции кормчей в XIII в. говорит еще один важный источник — состав так называемого Устюжского сборника, содержащего текст Номоканона 50 титулов Иоанна Схоластика. В обоих списках сборника, XIII и XVI вв., наряду с Номоканоном, перевод которого на славянский язык вместе с определенной их переработкой сделан Мефодием, находится множество правил из других источников, в том числе из кормчей Ефремовской редакции. Правила в переводе Ефремовской кормчей, посвященные основным нормам жизни и деятельности клириков и монахов, расположены в этом сборнике компактными группами: 1) л. 49 об.— 51 об.; 2) л. 63 об.; 3) л. 69 об. — 71 об. (здесь и статья «Разум 7 събор»); 4) л. 73 об. — 85 об. (здесь и статьи о степенях родства, запрещенных для браков, и установления из Собрания в 93 главах) и 5) л. 220—221 (все листы указаны по Устюжскому списку).

Набор этих правил не случаен. Можно проследить значительное соответствие в отборе правил Устюжского сборника, Уваровской кормчей и маргиналий Ефремовского списка.

Полное соответствие в отборе во всех трех собраниях правил имеет абсолютное их большинство. Таковы апостольские правила 27, 67, 84, правила 13 и 14 Никейского собора. Правила двух вселенских соборов, Константинопольского (II) и Ефесского (III), пропущены и в Уваровской кормчей, и в Устюжском сборнике. Правила Халкидонского (IV) собора (3,6,7,8,18) есть во всех трех

---

[212] «Ильино» 28-е правило (РИБ, т. VI, стб. 62).

выборках, причем в Устюжском правило 7 (запрет причетникам и монахам уходить на военную и мирскую службу) вписано дважды (в разных группах выписей). Правила Трульского (VI вселенского) собора повторяют состав в указателе Уваровского списка в большей части (21—23, 34, 42—45, 47, 52, 55, 86, 101). В Устюжском сборнике есть правила 27, 69, 64, 72 и 82, которые отсутствуют в указателе Уваровского списка. Возможно, что это различие действительно показывает, что отбор для двух сборников правил был несколько разным, но не исключено, что указатель в Уваровском списке не соответствовал буквально составу выбранных правил: поскольку листы с самими правилами собора в списке вырваны, уточнить это невозможно. Правила Никейского II (16, 17, 21), Анкирского (25), Неокесарийского (8), Гангрского (II), Антиохийского (4, 22, 24), Лаодикийского (1, 6, 12, 27, 44, 49 — дважды, 51 — дважды, 52, 55 — за исключением одного правила — 57), Карфагенского (80) соборов — все есть и в Уваровском, и в Устюжском собрании правил. То же с правилами Василия Великого (4, 13, 25, 31, 33, 49, 50, 62, 65). Главы Собрания в 93 главах в Устюжском сборнике (36, 37, 39 (дважды), 40—48, 71, 75, 76, 79, 80, 82 (дважды), 83, 92) входят в число отобранных в маргиналиях Ефремовского списка, и в Уваровском, за исключением одной (36), которая не выделена в первом списке и не внесена во второй.

Это соответствие состава трех выборок из Ефремовской редакции кормчей в собраниях правил XIII в. говорит прежде всего о существовании связей между этими собраниями, соответствовавшими тенденциям какого-то определенного церковного центра Руси. Это была, возможно, новгородская епископия XIII в., хотя кажется более вероятным, что таким центром должна была быть киевская митрополичья кафедра.

Далее, не полное совпадение правил в Устюжском сборнике и в Уваровской кормчей говорит о том, что вовсе не Уваровская рукопись или ее протограф были источником, по которому делались выписи. Таким источником могла быть другая рукопись, связанная генетически с Ефремовским списком или вообще другой экземпляр той же редакции, прошедший подобную же правку, несомненно, в условиях того же церковного центра.

Парадоксально, что темы некоторых опущенных правил находят соответствие темам статей древнерусских княжеских уставов и епитимийных правил. Таковы запреты писать и рисовать непотребности на стенах и досках в церкви (99-е Трульское) и вводить в церковь скот без большой необходимости (87-е Трульское), опущенные в Плигинской кормчей и в указателе к Уваровской. Эти темы, однако, находятся в местном, древнерусском памятнике, Уставе Владимира: «крест посекуть, или на стенах режють, скот, или псы, или потки [птицы] без великы нужи въведеть, или ино что неподобно церкви подееть». Эти нормы были включены в устав на рубеже XII—XIII в. или в первой половине XIII в.,

когда создавался архетипный текст Синодально-Волынской группы редакций [213]. В кормчей опущено 90-е Трульское правило, запрещающее принимать и давать «детогубные зелья». Эти действия, однако, упоминаются и осуждаются в распространенном на Руси епитимийнике «А се грехи» (случай «аще жена пьет зелье, извержеть отроча») [214] и в ответе епископа Нифонта XII в. [215] Наконец, установление наказаний похищающим женщин и участвующим в таких похищениях (опущенное 91-е Трульское правило) находит соответствие и в старших текстах устава Владимира XII в. («умыкание»), в Смоленской уставной грамоте 1136 г. («тяжа уволочьская, аже уволочет кто девку»). В Уставе Ярослава XI в. преследуется штрафами похищение девушки как для брака, так и для коллективного изнасилования [216]

Это нужно объяснять, очевидно, тем, что на Руси в XII—XIV вв. существовали и пользовались распространением различные нормы и памятники церковного права, нередко противоречившие друг другу. Эти противоречия были уже в разновременных соборных и отеческих правилах, и до появления систематических комментариев на них в кормчих с толкованиями (на Руси — во второй половине XIII в.) определить, что из этого противоречивого наследства следует считать эталоном, было очень трудно. Появление на Руси в XI—XII вв. местных норм церковного права, зафиксированных в княжеских уставах, в местных правилах (епископа Нифонта и др.) и основанных в значительной степени на древнерусской системе права, не уменьшило сложности и противоречивости правого кодекса церкви. В этих условиях в различных церковных центрах тот или иной деятель церковной организации мог отбирать для распространения, также как применять в практической деятельности, разные нормы, перенося эту пестроту писаного права в жизнь.

Вместе с тем нельзя не учитывать и различия в реалиях этих общих норм, отражающих не одинаковые условия их применения в Византии и на Руси. Так, норма, признанная Трульским собором, о наказании участников похищения женщин для церковного брака предусматривает среди них на первом месте венчающих такие браки причетников, которым грозит за это извержение из сана. Древнерусская же аналогичная норма имеет в виду внецерковный, языческий обряд, который преследовался служителями церкви. Пропуск в кормчей соответствующего 91-го правила в таком случае может свидетельствовать как раз о том, что его норма не была актуальной на Руси, где существовали и были записаны свои, тоже христианские, но другие нормы тех же казусов.

---

[213] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь..., с. 78—79, 100.
[214] *Смирнов С. М.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912, с. 47, ст. 61.
[215] РИБ, т. VI, с. 58, 5.
[216] Памятники русского права, вып. I. М., 1950, с. 259—260, 265—267.

Внимание к кормчей Ефремовской редакции во второй половине XIII в. привело к включению многих ее правил в состав новой редакции кормчей. В основу этой новой кормчей, которую можно называть Русской редакцией, легла кормчая 14 титулов с толкованиями. Но при отборе перевода правил, дополнении книги отсутствовавшими в ней памятниками источником была кормчая Ефремовской редакции. История создания Русской редакции кормчей изучается специально ниже.

Казалось бы, что включение текстов древнеславянской кормчей при создании нового кодекса канонического и церковного права, который с конца XIII в. заменил этот древнеславянский перевод, сделает древнюю кормчую более не нужной. Что касается XIV — первой половины XV в., то от этого времени действительно не сохранилось ее списков. Но ко второй половине XV в. (и началу XVI в.) принадлежит новая группа из четырех списков, причем списков, восходящих по крайней мере к двум архетипам. Итак, эти списки возникали в различных скрипториях и интерес к ним не был случаен. Чем вызван этот интерес?

Определенную роль здесь сыграло, несомненно, то, что Древнеславянская кормчая не имела толкований византийских канонистов, т. е. как раз то качество, которое определенным образом мешало ее распространению ранее, в XII—XIII вв. Сокращение (усечение) текста правил и снабжение их комментариями, то, что сделало новую кормчую в XIII в. желанной на Руси, в условиях второй половины XV и начала XVI в. превратило ее в глазах определенных общественных кругов в испорченный, искаженный кодекс.

Именно так позволяют оценивать этот вновь возникший интерес к кормчей без толкований две группы свидетельств XVI в.

Во-первых, это отношение к различным редакциям кормчей известного полемиста против ереси Феодосия Косого новгородского монаха Зиновия Отенского. Он разбирал противоречия в правилах двух соборов: Неокесарийского и Трульского (VI вселенского) относительно максимального числа (7) дьяконов, возможных в соборной церкви. Давший ему для этого разбирательства материал Афанасий указал, что в «ростовских книгах» (это была кормчая Сербской или Русской редакции с толкованиями) написано, что вселенский VI собор «похулил» отцов местного Неокесарийского собора, которые неправильно поняли «Деяния апостольские», говорившие не о дьяконах (служителях) в церкви, а о прислужниках (слугах) [217]. На это Зиновий ответил, что «правила в ростовской книге повреждены врагами истины» и вызывают сомнение, «яко от некоих не боящихся бога или от врагов истине искажение в правилах онех прият», и противопоставил этой «новой» писанной на бумаге и «пописью» (почерком) «нынешних писарей» книге на-

---

[217] «Се же правило глаголет: не добре разумеша того собора отци» (Кормчая, напечатана с оригинала патр. Иосифа, л. 182).

ходящуюся в его распоряжении «книгу правил», писанную «на кожах при Изяславе князи Ярославича сыне... во времена новопросвещения земли нашей, в не же бывше и преложение книгам от греческого языка на русский» [218]. В его древней книге нет никакого осуждения и противоречия, говорившего о том, что в правилах Неокесарийского собора ошибочно поняты «7 слуг», упоминавшихся в Апостольских деяниях.

Как выяснил А. С. Павлов, в распоряжении Зиновия была кормчая без толкований Ефремовской редакции. Именно в правиле Трульского собора по этой редакции есть цитируемое Зиновием упоминание беседы Иоанна Златоуста [219]. Совпадает и цитированный Зиновием текст 81-го и 72-го Трульских правил с текстом Ефремовской редакции [220].

Таким образом, Зиновий апеллирует здесь к древнему тексту кормчей, который не имел позднейших усечений правил и вставок комментаторов, характерных для толковой кормчей, пользовавшейся в XV—XVI вв. всеобщим распространением.

Во-вторых, это отношение к отеческому наследию, к византийской традиции в русской общественно-политической мысли XV—XVI вв. Исследователи, изучавшие историю реформационного движения в России XV—XVI вв., обращали внимание на то, что для некоторых его течений, в частности для московской ереси конца XV — начала XVI в. [221] и для вольнодумца середины XVI в. Матвея Башкина [222], было характерно отрицательное отношение к церковному преданию — позднейшей, в основном византийской, традиции, изменявшей и дополнявшей основы раннехристианского учения о церкви, связывающегося с именами апостолов. Особо отрицательное отношение к «книгам святых отцов и правилам церковным» проявилось в учении Феодосия Косого — наиболее радикального антифеодального идеологического движения в России середины XVI в. [223] Сторонники Косого, как об этом свидетельствует тот же Зиновий Отенский, утверждали, что VII вселенский собор (787 г.) — последний, признаваемый православной церковью, запретил составление новых книг и правил [224], поэтому все, что появилось после него, — недействительно. Мало того, согласно учению Косого, церковные правила, отсутствующие в Евангелии и Апостоле, являются ложными, так как они принадлежат еписко-

---

[218] «Истины показание к вопросившим о новом учении». Сочинение инока Зиновия. Казань, 1863, с. 992—993.
[219] *Павлов А. С.* Первоначальный..., с. 19—21.
[220] Истины показание..., с. 995—996, 999; *Павлов А. С.* Первоначальный.., с. 86—88.
[221] *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.— Л., 1955, с. 161—163.
[222] *Зимин А. А.* Пересветов и его современники. М.— Л., 1958, с. 179.
[223] Там же, с. 132—214.
[224] «Не подобает ныне писати книг, понеже собор седмый проклят» (Истины показание.., с. 927).

пам — позднейшим деятелям церкви, а не ученикам Христа [225]. Это отрицание Феодосием Косым соборной и отеческой традиции является составной частью его антицерковного и антифеодального учения, включающего также отрицание церковной иерархии, таинств, поклонения кресту и иконам и пр.

В полемике против сторонников Феодосия Зиновий, как было сказано, отверг толкования к соборным правилам и обратился к древней кормчей без толкований. В этом можно видеть следование им в некоторых вопросах за осуждаемым им учением. Отказываясь (правда, лишь в одном определенном случае) от толкований, которые обращали внимание на противоречия в соборных правилах, на осуждение одним собором другого, он тем самым стремился защитить от еретиков и оправдать сами соборные правила, жертвуя тем самым такой существенной частью отеческого предания, как толкования.

Все это позволяет связывать возникновение поздних списков Ефремовской редакции кормчей с идеологической борьбой в русском обществе XV—XVI вв. Наиболее ранний из них, Рогожский, третьей четверти XV в. не имеет явных признаков, по которым можно было бы определить место его возникновения; в XIX в. он находился в крестьянской среде в Средней или Северной России. Что касается остальных, то Плигинский (конца или последней четверти XV в.) принадлежал в 1547 г. Волосову монастырю под Владимиром; Соловецкий 1493—1494 гг. переписан в Новгороде, очевидно, в скриптории, связанном с Софийским собором (где, как можно думать, хранился древний Ефремовский список XII в.— протограф Соловецкого списка) и по заказу соловецкого игумена Дософея. Этот список имеет много дополнительных статей, заимствованных из различных источников, в том числе статью «О Богумиле» [226], близкую к тексту, входящему в кормчие Мясниковского вида [227]. В этой статье воспроизводятся доводы богомилов против поклонения кресту, сходные с теми, которые выдвигались Феодосием Косым в его полемике против церкви [228]. Троицкий список, как говорилось выше, определяется исследователем как Псковский.

Существование нескольких редакций кормчих в России, различавшихся переводом правил, их полнотой, наличием или отсутст-

---

[225] «Косой глаголет правила человеческая предания, понеже в Евангелии и в Апостоле не писаны, но епископы писаху их», его сторонники «книги святых отец и правила церковная ложным писанием именують» (Истины показание., с. 873 и 2).

[226] *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 38.

[227] *Бегунов Ю. К.* Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973, с. 50—58.

[228] Истины показание..., с. 509—510. Сравнение текстов показывает, что Феодосию было известно учение богомилов, но источником его не была статья «О Богумиле», распространенная в русской письменности XV — XVI вв.

вием комментариев, составом дополнительных статей, позволяло представителям различных лагерей в русской общественно-политической мысли XV—XVI вв. в ходе полемики оказывать предпочтение одним редакциям и отвергать другие. Поскольку история возникновения этих кодексов византийского и общехристианского права известна не была, соотношение редакций в течение долгого времени также было скрыто, при определении авторитетности того или иного сборника или правила часто шли не от правила и нормы к действительности, а наоборот, подбирали к требованиям жизни, социальным и политическим стремлениям подходящие правила, нормы и сборники. Тем самым кормчие книги, распространенные и цитировавшиеся в XV—XVI вв., оказываются одним из важных источников для истории общественно-политической жизни этого времени.

III
ГЛАВА

СЕРБСКАЯ РЕДАКЦИЯ КОРМЧЕЙ

*

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Большое число (до 40) списков Сербской редакции, в том числе ранних ее списков, позволяет проследить историю ее текста в XIII—XIV вв. довольно подробно. Однако важнейшим препятствием на этом пути является рассредоточение рукописей этой кормчей в нескольких странах. Так, в СССР (Москве, Ленинграде, Вильнюсе, Киеве и Львове) находится около 30 русских, украинских и белорусских списков XIII—XVIII вв., а также один сербский (Рашский), в Югославии (Белград, Загреб, Дечанский монастырь, Сараево, Саввинский монастырь) — 8 списков XIII—XVII вв., отдельные списки находятся в Австрии (Вена) и Румынии (Бухарест).

Такое рассредоточение списков в нескольких странах и во многих городах препятствует изучению истории кормчей по всем спискам, истории ее возникновения — перевода текстов, составления на основе различных источников, раннего распространения. Попытка преодолеть эти трудности была предпринята С. В. Троицким, начавшим подготовку издания кормчей. Он пользовался микрофильмами и фотокопиями большого числа списков, собранными Национальной библиотекой в Белграде.

В настоящей работе пришлось ограничиться изучением истории кормчей по рукописям, хранящимся в СССР, а также по Бухарестскому списку в Румынии и дополнить его рассмотрением описаний и публикаций немногих текстов кормчей, записей и фотокопий отдельных листов остальных списков, хранящихся в других странах.

Кормчая Сербской редакции имеет устойчивый состав статей, отличаясь в отдельных списках мелкими дополнениями и пропусками, особенно дополнениями в конце. Можно выделить пять частей кормчей — две основные и три дополнительные и вспомогательные.

1. Дополнительные статьи, поставленные в начале кормчей,— церковно-исторические — повести о вселенских и поместных соборах и богословско-экзгетические — толкования молитв и символа веры.

2. Вводные статьи к кормчей — два предисловия к Сборнику 14 титулов (дофотиевское VI в. и фотиевское 883 г.), систематический указатель канонической части Синтагмы 14 титулов и оглавление кормчей.

3. Каноническая часть кормчей. Здесь находятся правила апостольские (4 собрания), вселенских и поместных соборов IV—IX вв. (в общем хронологическом порядке, последние — собора 879—880 гг., реабилитирующего Фотия), правила и послания отцов церкви III—V и VIII—XI вв. (последние — Димитрия, митрополита Кизического, 1001—1050 гг., Петра, архиепископа Антиохийского, после 1040 г. и Леонта, архиепископа Болгарского, около 1050 г.)

4. Гражданско-каноническая часть. Из императорских установлений и компиляций здесь находятся Собрание в 87 главах, установления о браках (1084, 1095 гг.), избранные главы Юстинианова законодательства (из Кодекса, Дигест и Новелл); Прохирон, а также так называемый Закон Моисея (позднейшая компиляция). В этой же части находятся патриаршие и синодальные решения (920, 997, 1038 гг., конца XI — начала XII вв.), правила и послания епископов, сочинения об иконоборцах и других ересях, полемические произведения против латинян и др.

5. Дополнительные статьи в конце кормчей — антинесторианские памятники, сочинения Иоанна Дамаскина, отрывок из Прохирона и таблица степеней родства.

Состав кормчей в совокупности даже ее основных — 3-й и 4-й частей — не имеет аналогий в византийских рукописях. Есть основания считать, что сборник составлялся по нескольким византийским источникам. Основным среди них для 3-й части является, как установил уже А. С. Павлов [1], Синопсис канонов Стефана Ефесского второй половины VI в., представляющий сокращенный их текст, с толкованиями и дополнениями, принадлежащими византийскому юристу XII в. Алексею Аристину [2]. Из этого источника взяты большая часть правил и толкований апостольских, Никейских, Лаодикийских, Карфагенских и других правил, все правила Анкирского, Неокесарийского, Сардикийского, VII вселенского 787 г. и других соборов, а также почти все отеческие правила.

Вторым важным источником этой части была Синтагма 14 титулов с полными канонами и толкованиями византийского историка Иоанна Зонары [3]. Отсюда в кормчую были заимствованы три собрания апостольских правил, отсутствовавшие в Синопсисе Сте-

---

[1] *Павлов А. С.* Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869, с. 65.

[2] Известны списки XII—XIII вв.: Государственный исторический музей (далее — ГИМ), Синод, 237; Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), Q. II. 208, в собраниях Ватикана, лавры Афанасия на Афоне и др.

[3] Известен список Vatic, 842.

фана, правила Гангрского собора, а также часть правил Никейского и других соборов. Всего, как подсчитано, из 859 правил этой части более 100 заимствовано из Синтагмы 14 титулов с полным текстом, а более 700 — из комментированного Синопсиса Стефана [4].

Что касается определения источников 4-й части, то эта работа остается еще невыполненной, хотя большая часть статей известна в византийской письменности и отчасти издана. Эти статьи входят в греческие списки канонических сборников — синтагмы и номоканоны. Так, Собрание в 87 главах имеет соответствие в Афанасиевском, Синодальном и Ватиканском списках таких сборников, Прохирон — в Синодальном и Патмосском списках [5] и др. Начальные дополнительные статьи кормчей — толкования молитв и символа веры — известны в южнославянской письменной традиции и вне кормчей [6].

Таким образом, в основу нового славянского собрания памятников церковного права легли новейшие обработки номоканона первой половины — середины XII в., принадлежавшие авторитетным константинопольским юристам, в него были включены Прохирон, последние императорские установления 1084, 1095 гг. и другие, патриаршие и синодальные решения XI — начала XII вв. о браках, дополнявшие старые нормы.

Важно отсутствие среди толкований к правилам работ крупнейшего византийского канониста XII в. Феодора Вальсамона, написавшего по поручению императора Мануила I Комнина и патриарха Михаила III комментарий к Номоканону 14 титулов, которые благодаря его широкой эрудиции, большому числу использованных источников стали наиболее распространенными в XIII в., вытеснив в значительной степени работы его младших современников. Этот труд Вальсамона писался в 1170—1190-х годах (он умер не позднее 1195 г.).

Причины отсутствия толкований Вальсамона в Сербской кормчей были предметом дискуссии в сербской научной литературе. А. В. Соловьев и вслед за ним В. А. Мошин считают это свидетельством использования при создании кормчей славянских переводов, выполненных еще до того, как появилась и распространилась работа Вальсамона, т. е. еще в XII в. [7] С. В. Троицкий связывает неиспользование труда Вальсамона составителем кормчей — Саввой с различием в церковно-политических представлениях этих

[4] *Троицки С. В.* Како треба издати светосавску крмчиjу (Номоканон са тумачењима). Београд, 1952, с. 71—72.

[5] *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 75.

[6] *Троицки С. В.* Главе Светосавского номоканона у хиландарским зборницима.— «Историjски часопис», 1970, т. XVI—XVII, с. 1—14; *он же.* Три главе Светосавске крмчиjе у Хиландарском зборнику, бр. 477.— «Хиландарски зборник», 1971, бр. 2, с. 7—18.

[7] *Соловjев А.* Светосавски номоканон и његови нови преписи.— «Бравство» (Београд), 1932, т. XXVI, с. 38—43 (отд. оттиск); *Mošin V.* [Рецензия на книгу С. Троицкого «Како треба издати...»] — «Slovo», 1953, br. 2, s. 57—67.

двух деятелей: Вальсамон был сторонником теории о верховной власти императора в области учения веры, церковного управления и богослужения, в то время как Савва стремился воплотить в Сербии евангельские идеи о равенстве и автономии светской и церковной властей. Не принимая церковно-политической концепции Вальсамона, но зная о его труде, Савва отказался от его использования при составлении кормчей [8].

Однако нужно признать, что указанная концепция Вальсамона выступает далеко не во всех его комментариях, но большая их часть, касающаяся повседневной деятельности церкви, лишена таких политических тенденций, но как современный труд обладала несомненной практической ценностью. Если предполагать у Саввы активное избирательное отношение к включаемому в новый сборник материалу, то тогда нужно было бы ожидать и отбора соответствующих его представлениям комментариев из различных их вариантов, находимых в рукописях. Поэтому тезис об использовании в кормчей переводов комментариев, выполненных на Афоне в середине — второй половине XII в., представляется наиболее убедительным.

Наряду с каноническими и светскими сочинениями, которые появились в славянской кормчей впервые (установления X—XII вв., полный Прохирон и др.), в ее состав вошли в основном те памятники, которые уже были известны в славянском переводе Древнеславянской кормчей без толкований. Отсутствие издания Сербской кормчей не позволяет провести сравнения двух славянских переводов одних и тех же текстов для того, чтобы определить, были ли использованы в XII в. существовавшие старые переводы. Однако доступные для сравнения тексты позволяют сделать предварительный вывод, что в кормчей Сербской редакции более или менее сходной оказывается общая лексика, соответствующая такой же греческой лексике, а отдельные слова и выражения (в частности, богословские термины, степени родства и многие другие) переведены по-разному. Это подкрепляет мнение С. В. Троицкого о том, что переводы Сербской кормчей могли быть сделаны заново [9], но до того, как будет проведено исследование текста различных частей кормчей, возможность использования древних переводов и исправления их по греческим оригиналам в XII в. не может быть исключена.

Вопросы, связанные с переводом двух основных и вспомогательных источников кормчей и с составлением по ним текста кормчей в том виде, как он получил распространение в списках начиная с XIII в., сложны и не получили убедительного решения. Кормчая

---

[8] *Троицки С. В.* Ко је превео крмчију с тумачењима? — «Глас Српске академије наука», 1949, т. 193, с. 119—142; *idem.* Da li je slovenski nomokanon sa tumačenjima postojao pre svetog Save? — «Slovo» (Zagreb), br. 4—5, 1955, s. 111—122.

[9] *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 98; *Troicki S.* Da li je slovenski nomokanon sa tumačenjima postjao pre sv. Save? , s. 120.

такого состава известна только в славянских списках и является, очевидно, компиляцией славянского происхождения. Известно более 40 ее списков, 10 из которых XIII—XVII вв.— сербские по происхождению, около 30 списков XIII—XIX вв.— восточнославянские (русские, украинские и белорусские) и один список — славяно-румынский (валашский) [10].

Текстологическое изучение ранних восточнославянских списков показывает их тесную связь с ранними сербскими списками, причем можно говорить о свидетельствах в пользу вторичности древнерусских списков XIII—XV вв. по сравнению с сербскими списками XIII—XIV вв. Проникновение текста этой кормчей на Русь из Болгарии в XIII в. нашло отражение в письменном источнике и не вызывает сомнения. Появление кормчей в Болгарии из Сербии не явствует непосредственно из известных источников, но очень вероятно, поскольку в ее языке множество сербизмов.

Язык кормчей был предметом внимания нескольких исследователей, однако, несмотря на это, монографически и с учетом всех составных частей кормчей она, с лингвистической стороны, остается далеко не изученной.

Впервые о языке кормчей на основе Иловицкого ее списка писали В. Ягич и Ф. Миклошич, обратившие внимание на руссизмы в правописании — употребление малого юса вместо «а» и йотированного «а», замену «ъ» и «ь» на «о» и «е», «і» на «ь», «ѣ» на йотированное «а» и на «е», употребление «ж» вместо «жд» и др. При этом Ягич объяснял это существованием болгарского оригинала, включавшего русские элементы [11], а Миклошич — существованием русского источника [12].

Ученые XX в. продолжили и углубили эти исследования. А. И. Соболевский обратил внимание также на полногласие в языке и на древнерусскую лексику в славянском переводе и высказал мнение, что кормчая переведена русскими монахами на Афоне во второй половине XII — начале XIII в. Имеющиеся в кормчей типичные югославянизмы («свѣнѣ» — «кроме», «прѣзъ» — «через», «село» — «поле», «перпира» — «монета» и др.) очень немногочисленны и не влияют на такую общую оценку [13]. М. Н. Сперанский поддержал это мнение, добавив наблюдения о руссизмах в фонетике (мена «ц» и «ч») и морфологии языка кормчей. При этом вслед за Ягичем он обращает внимание на языковые особенности, характерные для отдельных частей кормчей [14].

---

[10] Краткое описание списков см. в Приложении.

[11] *Jagič V.* Opisi i izvodi iz nekoliko juznoslovinskich rukopisa. VIII. Krmčaja ilovicka godine 1262.— «Starine», 1874, t. VI, s. 80.

[12] *Miklosich F.* Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. 1. Wien, 1852, S. 16.

[13] *Соболевский А. И.* Из переводческой деятельности св. Саввы Сербского. Материалы и исследования. СПб., 1910, с. 178—185 («Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук» (далее — «Сборник ОРЯС»), 1910, т. 88, № 3).

[14] *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и югославянской литератур.— «Известия ОРЯС», 1921, т. XXVI, с. 175—176; *Сперанский М. Н.*

О русском переводе составных частей кормчих, лежащем в основе сербских списков, писали также А. В. Соловьев [15], А. Белич [16], В. А. Мошин [17]. В частности, указано на русскую лексику в переводах Прохирона («пращур», «отчим», «падщерица» — грань 7 главы 1 и грань 39 главы 69), 6-го правила апостола Павла («гусли»), правила Димитрия Синкелла XI в. («братан»), к которой в некоторых сербских списках даются глоссы на поле [18].

Иное объяснение древнерусских черт языка кормчей предложил В. Чорович, который объяснял их не работой древнерусских переводчиков, а особенностями сербского книжного языка XII—начала XIII в., который не был еще достаточно развит для передачи на нем сложных византийских терминов и понятий и включал поэтому македонизмы и руссизмы. Эти особенности есть и у других ранних сербских памятников, возникших тоже на Афоне [19]. Также решает этот вопрос и С. В. Троицкий. Он пишет, что из-за недостатка в сербском народном языке терминов религиозного и правового характера сербский переводчик (им Троицкий считает будущего архиепископа Савву) должен был использовать термины, которые он нашел в русских церковных книгах на Афоне [20].

Важной для решения проблемы происхождения кормчей является запись с упоминанием архиепископа Саввы, которая находилась в архетипе известных списков. В этой записи (о ее текстах в списках см. ниже) говорится о значении Номоканона с толкованиями для епископов и пресвитеров и далее указывается, что эта

По поводу нового издания писаний Саввы Сербского.—«Byzantinoslavica», 1930, т. II, с. 259, 273.

15 *Соловјев А*. Архив за правне и друштвене науке, т. XVI, 1928, с. 343; *он же*. Светосавски номоканон.., с. 38—43.

16 *Белић А*. Учешће св. Саве и његове школе у стварању нове редакције српских ћирилских споменика.— Светосавски зборник, I (Српска краљевска академија. Посебна издања, бр. 114). Београд, 1938, с. 251—264.

17 *Mošin V*. [Рецензия на книгу С. Троицкого «Како треба издати...»] — «Slovo», 1953, br. 2, s. 57—67.

18 *Троицки С. В*. Како треба издати.., с. 57.

19 *Ћоровић В*. Дела старих српских писаца, књ. 1. Списи св. Саве. Београд, 1928 (Српска краљевска академија. Зборник за историју, језик, књижевност српског народа, I отдел, бр. 17), с. XLVI.

20 *Troicki S*. Da li je slovenski nomokanon..., s. 111—122. Как аргумент в пользу перевода Прохирона сербом, а не русским Троицкий приводит глоссу к термину «пращур» (ὁ ἀπέκγονος): «от правнука родивый се глаголетсе пращур». Ссылаясь на слова А. С. Пушкина «С Петром мой пращур не поладил», он утверждает, что в русском языке слово «пращур» означало только далекого предка (*Троицки С. В*. Како треба издати.., с. 58). Между тем значение «пращура» как «праправнука» соответственно смыслу греческого слова также хорошо известно в древнерусском языке, например, слова в Ипатьевской летописи о Юрии Долгоруком, который был праправнуком Владимира Святославича: «Начало княжения в Киеве князя великого Дюрги, сына Володимиря Мономаха, внука Всеволожа, правнука Ярослава, пращура великого Володимира...» (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. 2. М., 1962, с. 383; ср.: *Срезневский И. И*. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. М., 1958, с. 1375). Таким образом, эта глосса может быть аргументом скорее в пользу древнерусского перевода, чем против него.

книга появилась благодаря архиепископу Савве [21]. Это свидетельство несомненной причастности его к созданию кормчей. О «переписке» Саввой на Афоне книг, необходимых для его новой архиепископии после его поставления в Никее в 1219 г., пишет и его биограф Доментиан, хотя о переводе Номоканона он не упоминает [22].

Степень участия в создании кормчей первого архиепископа Сербии Саввы, создателя ее автокефальной организации, ставшего ее главой в 1219 г., не ясна. Несомненна его решающая роль в признании нового сборника официальным кодексом права церкви и распространении его в стране. Очень вероятна его роль как составителя этой кормчей, но только из материала, отстоящего от времени его работы примерно на 50 лет и, следовательно, переведенного заранее. Вопросы о переводе самим Саввой отдельных частей кормчей, о характере и составе существовавшего на Афоне до XIII в. Номоканона с толкованиями до специальных лингвистических и исторических исследований остаются открытыми.

КОРМЧАЯ НА БАЛКАНАХ

Для классификации списков Сербской редакции может быть предложено несколько вариантов. Один из них — по происхождению списков: выделение большой группы восточнославянских списков и меньшей — остальных, почти исключительно сербских. Это деление существенно для изучения истории списков на Руси в XIII—XVI вв. и на Балканах в XIV—XVII вв., и оно применяется ниже при изучении позднейшей судьбы кормчей. Однако для познания истории кормчей в XIII в. он недостаточен: древнерусские списки генетически связаны с балканскими, но не со всеми, а с наиболее ранними обработками, и установление конкретных генетических связей списков заставляет использовать и другие данные.

Здесь на помощь приходят две группы различий списков: во-первых, отличия текста отдельных статей (наличие глосс, ошибок и пр.) и, во-вторых, изменения состава списков, его статей и записей.

Во многих списках есть объяснения непонятных греческих, старославянских и русских слов, примененных в переводе. Среди многих таких толкований выделяется группа, повторяющаяся во всех или почти во всех списках и восходящая к архетипным спискам кормчих. Это толкования слов «тесарандопих» — «40 локтей», «вальсам» — «бальзам», русских слов «гусли», «пращур», «отчим»,

---

[21] «Изиде же на свѣть нашего езыка божественое се писание потъщаниемь и любовию многою и желаниемь из млада освещенаго благочьстиваго и прѣосвщеннаго и прьваго архиепспа всее срьбьские земле курь Савы...» (по Рашскому списку).

[22] О переводе кормчей Саввой см. также: *Гардашевић Б.* Значај Светосавске крмчије за наше црквено и државно законодавство. — «Богословље», 1958,2, св. 1.

«падщерица», «братан». В одних списках эти глоссы даются на поле как маргиналии, воспроизводя вид первоначальной рукописи, куда они были включены, в других — внесены в текст. Все эти старшие глоссы характерны для сербских списков, кроме Иловицкого; в Рязанском и других древнерусских списках их также нет. Иловицкий список объединяет с другими сербскими в этом плане глосса к слову Аристин — объяснение происхождения имени Алексея Аристина от названия монастыря [23].

Ту же картину дают некоторые характерные вставки в текст. Так, в конце главы 54 и начале главы 55 (Прохирона) в большей части сербских списков вставлено ошибочное заглавие «Заповѣды Лѣона Прѣмудраго цара и сына его Констаньтина Багрянородьнаго». В Сараевском списке это заглавие находится на поле, очевидно, так, как оно было вставлено в протографе, а в списках Дечанском, Белградском, Печском, Рашском, Пчинском и других вставлено в текст; в Иловицком этой вставки нет.

Таким образом, при соответствии основного текста Иловицкого списка другим сербским спискам он оказывается противопоставлен им по другим текстологическим признакам и должен быть выделен в особую группу.

Особые группы составляют также и некоторые другие списки. Дечанский и Белградский списки имеют те же общие особенности текста, среди которых пропуск слов «от возвѣшения тогда сущаго папы и тако» в главе 14 [24] и изменение в главе 37 [25]. Пчинский и Саввинский списки имеют добавления во второй статье о соборах и подсчет числа правил после текста Синтагмы 14 титулов [26].

Не менее важным для текстологической классификации и установления генеалогии списков является состав статей списков и особенно дополнительных их статей, а также приписки писцов. Скованные каноническим, божественным содержанием древнего номоканона, писцы позволяли себе приводить его в некоторое соответствие с актуальными для них вопросами путем добавления новых статей, а в записях об окончании переписки, объемистой и сложной по языку и содержанию книги, вновь следуя традиции, указывали на лиц, благодаря материальной помощи которых эта работа проводилась.

Изучение окончания списков, последних их статей, позволяет частично восстановить историю кормчей за длительное время ее распространения на Балканах и дополнить сведения, которые дает изучение основного их состава. Такому изучению могут быть подвергнуты, естественно, только те списки, в которых хотя бы частично сохранился конец, т. е. Иловицкий, Рашский, Сараевский, Белградский, Бухарестский, Саввинский, Печский и Морачский.

---

[23] *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 57.
[24] Там же, с. 38.
[25] Там же, с. 39.
[26] Там же, с. 41.

Списки без концов (Дечанский, Пчинский и Венский) здесь помочь не могут.

Архетип списков оканчивался статьей «Чин над обращающимися от срачин», т. е. руководством к приему в христианство из мусульманства (глава 64, III, по Троицкому), словами «... и с бѣсы». После этого в архетипе шли две завершительные приписки: «Господи Христе боже наш, помилуй нас. Аминь» и «Скончашесе богодухновенные сие книги номоканон помощию святые троице... и всех святых. Аминь». Эти приписки имеют все названные списки, кроме Белградского, в котором не переписаны последние главы кормчей вместе с этими приписками, и Печского, в котором переставлены главы и главы́ 64 с первой припиской нет. Далее в архетипе следовала важная запись, состоявшая из двух частей: 1) о переводе на славянский язык Номоканона с толкованиями и значении этой книги для епископов, пресвитеров и других учителей («Произодоше на свет словенского языка... и другие познаеть и научить») и 2) об участии в этом деле Саввы, первого архиепископа Сербии («изыде же на свет нашего языка... и освети в Србьстей земли»). Обе части записи имеют списки Рашский, Бухарестский, Печский и Морачский. При этом в Рашском в начале записи есть вставка с обращением к читателям и славой Христу («Възлюблении господие, и отци, и братие, и чеда... и великим его промышлениемь»), которая отсутствует во всех других списках и принадлежит, очевидно, писцу Рашского списка, епископу Григорию. В Иловицком списке вторая часть записи имеет только начало: «Изиде же на светь нашего языка, божествьное се писание», а слова о Савве опущены и заменены словами последования вечерней службы [27]. Далее в списке идет дополнительная статья — таблица «Степени сродства» и запись писца Богдана, переписавшего в 1262 (6770) г. кормчую повелением Неофита, епископа Зеты (запись обрывается) [28]. Можно думать, что запись о Савве была опущена писцом для возвеличения епископа Неофита, ибо он использовал из записи о Савве отдельные выражения («потщанием и любовию многою и желанием из млада благочестиваго и всеосвященаго»).

Запись о переводе Номоканона и о Савве занимает в списках различное место. В Иловицком и Бухарестском она следует сразу после двух указанных приписок к главе 64, и это, несомненно, первоначальное ее место. После записи в Иловицком находится одна дополнительная статья («Степени сродства»), а в Бухарестском — несколько групп дополнительных статей: 1) три сочинения против несторианства: изложение веры Иоанна Дамаскина; «Беседа» Кирилла Александрийского с еретиком Несторием и «Осуждение» Нестория Ефесским собором, не вошедшее в число канонов собора

[27] «Ныня отпусти, владыко, раба твоего с миром» (Лука, II, 29). *Троицки С. В.* Како треба издати.., фото 2.

[28] *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, № 47. СПб., с. 168; *он же.* Обозрение древних русских списков кормчей книги СПб., 1897, с. 80.

и, соответственно, в основную часть кормчей; 2) Иоанна Дамаскина слова о небе, рае, человеке, дьяволе и бесах; 3) о возбраненных браках (из Прохирона). В других списках эти дополнительные статьи находятся не после записи с упоминанием Саввы, а перед ней. Нужно считать этот порядок вторичным по сравнению с тем, какой дают Иловицкий и Бухарестский списки. Вообще говоря, история рукописных сборников свидетельствует, что пополнение их шло обычно одними наслоениями в конце (или в начале) за другими и заключительные статьи и записи оказывались внутри до того, как не последует решительная переработка всего сборника. В данном случае также нет оснований для противоположных выводов. К тому же перенесение заключительных записей в конец (соответственно дополнительных статей — ближе к основной части кормчей) в указанных списках происходило неоднократно. В архетипе Рашского и Морачского списков дополнительные статьи были поставлены *после* двух приписок к главе 64 и перед записью «Произодоше...». В Печском списке, в котором много пропусков и перестановок глав, не связанных с перестановками названного сейчас архетипа, дополнительные статьи вставлены *перед* второй припиской: «Скончашеся богодухновенные сие книги...». Это свидетельствует о вторичности следования дополнительных статей *перед* записью о Савве.

Находящиеся в Рашском списке дополнительные статьи имеют соответствие и в других списках, причем набор этих статей и их расположение различно. Можно говорить о нескольких разновременных слоях этих статей. Первым, старшим, слоем являются указанные христологические памятники: Изложение веры Иоанна Дамаскина и антинесторианские статьи. Они входят также в Белградский, Бухарестский, Саввинский, Печский и Морачский списки. Второй слой — выписи из книги Иоанна Дамаскина «О православной вере» (742—749 гг.) о небесах, рае, человеке и дьяволе. Они встречаются во всех тех же списках, кроме Белградского. Третий слой составляет статья «О возбраненных брацех» — выпись (три первые главы) из 7-го титула Прохирона о степенях родства [29], являющихся препятствием для брака, с дополнением о запрете брака до 7-й степени родства [30]. Статья входит во все те списки, где есть первая группа дополнительных статей — анти-

---

[29] Этот же титул Прохирона в другом переводе и, очевидно, по другому греческому списку входит в дополнительные статьи Ефремовской кормчей.

[30] Как считает С. В. Троицкий, дополнительные статьи о степенях родства в кормчей, содержавшей уже подробные регламентации по этому вопросу (Прохирон — глава 55, и «Свиток» патриарха Сисиния II 997 г.— глава 56), были нужны, во-первых, потому, что в этих статьях содержались краткие и основные сведения по вопросам, важным для наследственных и бракоразводных дел, и, во-вторых, из-за устарелости норм в основной части кормчей. Статья «О возбраненных браках» содержала важное дополнение, разрешающее брак только «третьих братучедии», т. е. начиная с 8-й степени родства (четвероюродных брата и сестры).— *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 46.

несторианских. Кроме того, эта статья есть и в Сараевском списке, в котором перечисленных выше дополнительных статей нет. Наконец, четвертый слой дополнений — краткая статья «Паскалие се числа» (солнечный круг, круг летний, «паске еврейской обретение»), которая есть только в некоторых связанных между собой текстологическим родством списках: Рашском, Саввинском и Морачском. В отдельных списках есть свои дополнительные статьи, не повторяющиеся в других [31]. Особо нужно сказать о такой дополнительной статье, как таблица «Степени сродства». Эта таблица, построенная в виде равностороннего четырехугольника или креста, является наглядным пособием для определения разрешенных и запрещенных для брака степеней родства. Она находится почти во всех списках (кроме Белградского, Бухарестского, где в протографе утрачен самый конец, и Печского), причем в самом конце дополнительных статей. В некоторых случаях, как, например, в Рашском списке, таблица стоит на обороте листа и отделена от остальных дополнительных статей чистой страницей пергамена. Наличие этой таблицы в Иловицком списке, представляющем самостоятельную раннюю генеалогическую ветвь кормчей, такое крайнее и особое положение ее в других списках и отсутствие в некоторых списках позволяет говорить о том, что история этой таблицы в рукописях может не совпадать с историей других дополнительных статей и кормчей вообще, т. е. она могла добавляться к спискам и исключаться из них независимо от других статей.

Важнейшим источником для изучения истории распространения кормчей на Балканах в XIII—XVII вв. являются записи, как оставленные писцами конкретных списков, так и, не в меньшей степени, переписанные с протографов или использованные позднейшими писцами. Записи писцов имеют четыре списка. Иловицкий содержит запись писца Богдана, переписавшего книгу в 1262 (6770) г. в Иловице повелением Неофита, епископа Зеты. Рашский включает запись Григория, епископа Рашки, писавшего в 1305 г. для Хиландарского монастыря. В Печском находится анонимная запись с датой 1552 (7060) г. Наконец, в Морачском — запись монаха Успенского монастыря на р. Мораче, писавшего повелением игумена Гаврила в 1615 (7123) г. [32]

Кроме того, в некоторых списках воспроизведены записи более ранних списков. Таковы записи Феофила, епископа Будимльского, писавшего в 1252 (6760) г. в Морачском списке, и запись монаха

[31] В Сараевском — изложение веры Михаила Синкелла (л. 364—366) и запись с похвалой Троицы; в Саввинском вслед за статьей «О возбраненных брацех» вставлены еще две статьи на ту же тему и из Синтагмы Матфея Властаря (глава 8 раздел 8) и другого источника. В Печском — Сказание о 12 пятницах.

[32] В Сараевском списке находится запись о написании книги «при деспотици кир Еленѣ» в 1371 (6879) г. Однако эта запись говорит не о «номоканоне» или «законнике», а о «пѣсньивце», т. е. о псалтыри, и не может быть связана со списком по содержанию. Палеографическая дата Сараевского списка — первая треть XIV в.

Германа, писавшего в Спасском монастыре в Милешеве в 1295 (6803) г. повелением кралицы Елены, матери короля Стефана Уроша,— в Бухарестском списке. В Печском списке запись, воспроизведенная с протографа, оборвана, но текстологически она связана с записью Германа. В Печском списке упоминается «краль Стефан вьсе Срьпскые земле и Поморъ...» (далее оборвано), а в Бухарестском — «краль Стефан Урош вьсе Ср'пьсціи земле и Поморскые».

Исследователи, основываясь на указанном здесь титуле короля Стефана, предполагали, что в Печском списке упомянут король Стефан Драгутин (1276—1282 гг.) [33] или Стефан Душан (король в 1331—1345 гг.) [34]. Больше основания видеть в этом Стефане Драгутина: его титул полностью совпадает с указанным в кормчей титулом, а обозначение короля Стефана одним именем скорее нужно относить к раннему носителю этого имени, когда не требовалось еще отличать его от других, более ранних. Имя Стефана *Уроша* в Милешевской записи можно рассматривать, в таком случае, как добавление, сделанное для обозначения короля Стефана Уроша II Милутина.

Между записью Рашского и записью протографа Морачского списков существует тесная связь, значительная часть их текста, не содержащая конкретных указаний на имена, место и время написания, повторяется, обнаруживая зависимость одной от другой или общий источник. Отдельные фрагменты записей, показывающие соединение общих и различных чтений, приводятся ниже.

Морачский список	*Рашский список*
Писаны же быша книгы сие мужемь зело грешьном ... мьныхь образомъ архиерей саном епископ Будимльскыи Феофил, житие же ему бысть в дому... Молю же се прочитающие и преписующие... не мозете ни уемати, ни приложити, понеже несть ничто же криво, но исправлено и преправлено двашти бо и трищи проидох...	Писаны же быше книгы сие мною, мужем зѣло грѣшнѣмь, иже убо образомь мних архиерѣй саномь епископъ Рашки Григорие вьторыи, тогда живущу ми вь дому... Молю же, почитающее и прѣписующее... не мозѣте ни утети, ни приложити, понеже нѣсть ничто же криво, нь исправлено и прѣправлено; дващи бо и трищи проидохь...
Сие бо книгы писаны быше из арьхиепископлых книгъ и сам аз грешны Феофил потрудихь се... Смѣреныи епископ Будимльскы Феофил ему же и отьчьство гроб	Сие бо книгы писаны быше изь архиепископлихь книгь и самь азь грѣшны Григории потрудих се... Смѣреныи епископь Рашкии Григории вьторыи, ему же отчьство гробь, мати же земля, а богатьство грѣси

[33] *Стојановић Љ.* Записи и натписи, IV. Београд, 1923, № 6005; *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 60.

[34] *Соловјев А.* Светосавски номоканон.., с. 37.

Как текстологическая зависимость, так и даты указывают на вторичность записи Григория Рашского. Очевидно, Григорий имел перед собой запись Феофила и перефразировал ее.

Между записью Феофила (и, соответственно, Григория) и милешевской записью Германа в Бухарестском списке (и, соответственно, записью протографа Печского списка) также можно заметить близость. Здесь оказываются общими лишь отдельные выражения при полном различии самих записей.

Морачский список	*Бухарестский список*
П и с а н ы ж е б ы ш а к н и г ы с и е мужем зело грешным иже бѣше мьных образом архиерей саномь епископь Будимльскый Феофил... (*1252 г.*) М о л ю ж е с е п р о ч и т а ю щ и е и п р е п и с у ю щ и е с ь многом вниманиемь чьтете и преписуйте господа ради не мозете ни уемати, ни приложити, понеже несть ничто же криво, но исправлено и преправлено, дващи и трищи проидохом, не оставих в забыти ни единого слова, ни строкы	П и с а н и ж е [б ы ш е к н и г ы] [35] с и е в [дни][35] благочестиваго и благовернаго господина... П и с а н ы ж е б ы ш а к н и г ы с и е рукою многогрешнаго черньца Герьмана в жупе Чрьной стене (*1295 г.*) М о л ю ж е в ы п о ч и т а ю щ е и и п р е п и с у щ е и и исправляюще почитайте еще что погрешних и благословите а не кльнете.

Нет оснований видеть в записи Германа 1295 г. знакомство с записью Феофила 1252 г. и использование последней. Основной смысл ее — ручательство за правильность списка, а Герман пишет, традиционно призывая читателей исправлять ошибки и не винить в них писца. Формулы «Писани же быша книгы сие» и «Молю же вы прочитающеи и преписующеи» распространены в южнославянской письменности и не являются характерными только для изучаемых списков. Со значительно большей вероятностью можно видеть в обеих записях, и 1252, и 1295 гг., свидетельство существования их общего источника — записи с этими формулами, более близкой к фразам Германа, но значительно измененной Феофилом, лично сверившим свой труд с источником: «И сам аз грешны Феофил потрудих се и ис тех книг исправих сие книгы да не су ничтоже криве».

Сравнительное изучение состава дополнительных статей и опубликованных записей в списках балканского происхождения вместе с той информацией, которая имеется в литературе о составе и тексте основной части кормчей, позволяет представить историю распространения кормчей следующим образом (см. с. 133).

Кормчая, принятая Саввой в качестве официального кодекса церковного права с 1219 г., включавшая 64 главы, две заключительные приписки и запись о переводе и значении книги, получила распространение очень рано, еще в первой половине XIII в., до

[35] В Бухарестском списке слова не вписаны, но место оставлено (неразборчив протограф?). Восстановлено по Печскому списку.

того, как старший сербский список, хранившийся на кафедре в Жичи, как считают, сгорел там в 1253 г. Свидетельством этого является существование болгарской и двух сербских линий истории памятника, одна из которых включает Иловицкий список, вторая — другие балканские списки. Архетип обеих этих линий наряду с указанными выходными данными имел уже глоссы, толкующие отдельные греческие, русские и древнеславянские слова для сербского читателя.

Возможно, что в этом архетипе находилась уже в качестве вставки или приписки на чистых листах в конце рукописи и таблица «Степени сродства». Этот архетип хорошо представляет старший Иловицкий список 1262 г.

Следующим этапом истории книги были некоторые дополнения в тексте, в том числе глосса с заглавием «Заповеди Леона Премудраго царя и сына его Костаньтина Багр[яно]роднаго», которая считается ошибочно вставленным заглавием к Прохирону (является на самом деле заглавием к Эклоге) [36]. Можно предположить, что автор этой схолии, вставляя ее, предполагал дать здесь текст Эклоги, но это сделано не было. На том же этапе появился первый слой добавочных статей: три антинесторианские и статья из Прохирона о возбраненных женитьбах. Наиболее близким к такому составу книги стоит Белградский список, не имеющий других, добавочных статей. Но в Белградском списке оказались опущенными некоторые главы, в том числе последняя, 64-я, а вместе с ней, вероятно, и запись о Савве, которая в таком случае шла сразу за этой главой и приписками к ней (как в Бухарестском списке). Более далекие потомки этого архетипа — Рашский, Пчинский, Саввинский, Морачский, Бухарестский и Печский списки.

Все они восходят к еще одной, следующей обработке кормчей, также принадлежащей первой половине XIII в. К этому этапу нужно отнести добавление статей Иоанна Дамаскина из книги «О православной вере» и появление какой-то несохранившейся в списках записи писца, включавшей общие формулы записей Феофила и Германа («Писани же...» и «Молю же...»). Возможно, что здесь, если это не было сделано в архетипе всех балканских списков, оказалась вставленной таблица «Степени сродства».

С середины XIII в. распространение списков на Балканах оставило более зримые следы. Наряду с тремя старшими линиями развития текста сборников, представленными Иловицким, Белградским и остальными списками, появляются новые. Феофил, епископ Будимльский, переписал в 1252 г. список Номоканона, отнесясь к этому делу очень внимательно и ответственно. Он не изменял его текста, но добавил в конце статью «Паскалие се числа» — несколько строк с основными датами для определения этого важнейшего христианского праздника, а также переставил запись о переводе кормчей и о Савве с ее прежнего места, после главы 64, на новое,

[36] *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 47, 68.

после всех добавочных статей. Вместе с тем он снабдил книгу новой записью и, порвав с традицией средневековых писцов, уничижительно просивших обычно исправлять ошибки, а не ругать неученого и грешного писца, отнесся к книге как к официальному кодексу права: заверил своим авторитетом епископа исправность списка и запретил что-либо исправлять и изменять в нем.

Действительно, его призыв и авторитет оказались действенными. Состав кормчей в последующих списках остается неизменным и в XIV в. (Рашский 1305 г.) и в XVII в. (Морачский 1615 г.).

Судя по особенности основного текста кормчей и по составу дополнительных статей, к той же линии, начинающейся рукописью Феофила, принадлежат еще два списка, связанные между собой: Пчинский XIV в. и Саввинский первой четверти XVI в., хотя Пчинский список не имеет конца, а в полном Саввинском есть все четыре слоя дополнительных статей, но нет ни записи о Савве, ни записи Феофила, ни какой-либо записи самого писца.

Оба списка имеют общие ошибки и общие дополнительные вставки (во второй статье о соборах, после Синтагмы 14 титулов и др.), что выделяет их в особую группу. Возможно, что виновником пропуска записей протографов был писец Саввинского списка. В византийской и древнеславянской письменности писание книг считалось богоугодным делом, не требовавшим указаний на имя «угодного богу» писца. Немногочисленные (статистически) отклонения представляют исключения. Возможно, что, не оставив своей записи, писец счел нужным опустить и записи с именами своих предшественников.

К дофеофиловскому списку кормчей первой половины XIII в. восходит и вторая новая ветвь, начинающаяся рукописью, переписанной, очевидно, при короле Стефане Драгутине, как свидетельствует поврежденная запись в Печском списке. Вскоре после нее, в 1295 г., в Милешевском монастыре была написана еще одна рукопись, в которой вместо упоминания Стефана (очевидно, Драгутина) говорилось о Стефане Уроше. В свою очередь, каждый из этих несохранившихся списков явился протографом для дошедших до нас Печского 1552 г. и Бухарестского конца XV в.

Вне предложенной схемы истории взаимоотношения балканских списков кормчей остались три списка, которые, судя по опубликованным их описаниям, не имеют явных признаков принадлежности тем или иным из выделенных групп — Сараевский, Дечанский и Венский.

Сараевский список XIV в. имеет древние глоссы — толкования русских и греческих слов, причем сохраняющие свое место на полях, а не включенные в текст, как в других списках. Далее, в нем есть вставка — заглавие «Заповеди Леона Премудрого царя...», поэтому он принадлежит к большинству балканских списков, отделенному от Иловицкого. Из обычных добавлений в нем есть только два — «О возбраненных браках» (из Прохирона) и таблица «Степени сродства». Кроме того, в основной части списка,

в главе 36, вставлена добавочная статья — возглашение богоявлению в неделю, приписанное здесь Кириллу Александрийскому, а после главы 64 добавлено «Исповедание веры» Михаила Синкелла со славословием в честь троицы в конце и указанная позднейшая приписка 1371 г. с упоминанием деспотицы Елены.

С. В. Троицкий указывает на большую исправность текста списка и на то, что его ошибки не повторяются в других рукописях. Основываясь на всех этих признаках, можно предположить, что Сараевский список непосредственно восходит к архетипу той балканской группы, которая противостоит Иловицкому списку.

Дечанский список также относится к этой группе, ибо в нем есть вставка заглавия Эклоги, однако детально его место без текстологического исследования определить невозможно. С. В. Троицкий указал на сходство отдельных мест Дечанского списка с Белградским [37], однако, неизвестно, ограничено ли это сходство только этими двумя списками или те же чтения имеют и другие списки. Что касается Венского списка, то в нашем распоряжении и в известной нам литературе нет сведений о текстологическом отношении его к другим спискам.

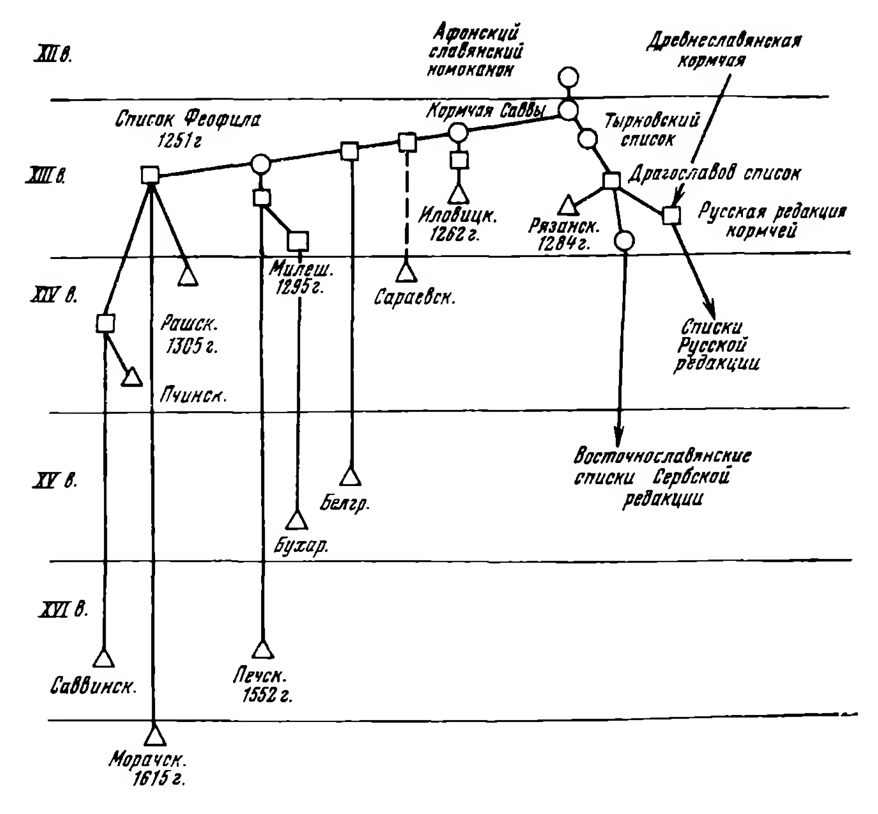
Один из наиболее ранних сербских списков, Рашский 1305 г., стал в последнее время предметом особого внимания при изучении истории кормчей на Балканах. Список сохранился разделенным на две части, которые находятся в двух хранилищах в Москве, бóльшая часть в Государственном Историческом музее, а меньшая, но с записью писца — Рашского епископа Григория, писавшего в Расе в 1305 (6813) г. для Афонского монастыря — в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Это раздельное существование его частей привело к мнению об отсутствии целостности текста этой кормчей и важных утратах в ней. В описании 1777—1778 г. библиотеки Воскресенского монастыря под Москвой, где рукопись еще одной книгой хранилась в XVII—XIX вв., было указано, что книга написана Григорием в 6803 г. (а не в 6813 г.) и на Афоне (а не для Афона). Это противоречие свидетельств записи XIV в. и описи XVIII в. (воспроизведенной архимандритом Леонидом) привело С. В. Троицкого к мысли о том, что наряду с сохранившейся записью Григория 1305 г., сделанной в Расе, в начале рукописи была утраченная позднее его же запись о начале работы над списком в 1295 г., сделанная на Афоне [38].

Хотя такая датировка Рашской кормчей и отнесение начала работы над списком к Афону встретили обоснованное возражение, это не поколебало выводов Троицкого. В. А. Мошин считал десятилетний срок работы над списком слишком большим и ста-

---

[37] *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 39.

[38] *Троицки С. В.* Ко је превео крмчију са тумачењима?, с. 126—127; *он же.* Како треба издати.., с. 35; *он же.* Da li je slovenski nomokanon.., s. 11—12; *он же.* Хиландарски номоканони.— «Хиландарски зборник», 1966, т. I, с. 58—68.

Балканские списки Сербской редакции

вил вопрос об источнике, с которого мог быть переписан список на Афоне, в то время как оригинал рукописи находился в Сербии [39].

Защищая правильность записи Леонида о переписке кормчей в 1295 г. на Афоне и существование в начале рукописи предисловия Григория, утраченного ныне, С. В. Троицкий выдвинул ряд новых предположений об истории Рашского списка и кормчей этой редакции вообще. Так, он считает, что этот список не является копией с рукописи Саввы или списка, сделанного с нее Феофилом, упоминаемым в других списках, между прочим, «потому, что Григорий начал переписку на Святой горе, когда Саввин оригинал был в Сербии», как находился там и Феофилов список [40]. Несколько позже С. В. Троицкий делает еще более важное для истории текста кормчей предположение, что, поскольку Савва оставил в Хиландарском монастыре только первую каноничес-

---

[39] *Mošin V* [Рецензия на книгу С. Троицкого «Како треба издати...»], s. 57—67.

[40] *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 35.

скую часть Номоканона (введение и 44 главы), Григорий мог воспользоваться этим оригиналом в первой части своего списка, а вторую часть он получил и переписал в Сербии, когда стал Рашским епископом. Оконченный список полного Номоканона он подарил Хиландарскому монастырю, который не имел до тех пор полного Номоканона [41]. «В своем послесловии Григорий не упоминает свой прежний труд по переписыванию номоканона в Хиландре потому, что об этом труде уже было сказано на утраченном первом листе его номоканона» [42].

Таким образом, вопрос об источнике записи Леонида и существовании в свое время в Рашском списке второй записи Григория, сделанной в 1295 г. на Афоне, в результате работ последних лет вырос из палеографического вопроса в целый ряд проблем о распространении списков кормчей этой редакции на Балканах в XIII в., об отсутствии у сербских списков общего архетипного их текста и возможном, как предполагает С. В. Троицкий, существовании самостоятельных, хотя и связанных друг с другом, источников у Рашского списка, с одной стороны, и других списков,— с другой. По этому последнему мнению, в основе Рашского лежит более ранний Хиландарский экземпляр части номоканона, в основе других — более поздний Жичский экземпляр номоканона.

Наше кодикологическое и палеографическое исследование Рашского списка по обеим его частям [43] позволило прийти к выводу, что этот список сохранился в рукописях, хранящихся в ГИМ и ГБЛ целиком, без утрат, в частности без утраты в начале. Нет никаких причин предполагать, что перед текстом кормчей был какой-то лист с записью, который не сохранился. Мы имеем, таким образом, достаточное основание поддержать мнение, впервые высказанное И. И. Срезневским, о том, что сведения о переписке Номоканона, заимствованные Леонидом из описи библиотеки Воскресенского монастыря, основаны ни на какой другой записи Григория II в Номоканоне, а на единственном послесловии 1305 г., находящемся в Унд. 25, материалы которого использованы составителем описи с ошибками. Причина таких ошибок может быть объяснена трудностью прочтения этого сербского текста для составителя описи XVIII в. или его невнимательностью. Очевидно, он ошибочно воспринял фразу «Написах же е домоу престые бце Хиландарьские, иже вь Стеи горе», как указание на место написания рукописи, а не на адрес того места, куда она предназначалась. Дата в записи славянскими цифрами, 6813, отличается от воспроизведенной Леонидом даты 6803 одним знаком — десятичным «і», которое в числе года стояло последним. Возможно, что и здесь мы

---

[41] *Troicki S.* Da li je slovenski nomokanon.., s. 120—121.
[42] *Троицки С. В.* Хиландарски номоканони, с. 59—62.
[43] *Щапов Я. Н.* Первоначальный состав Рашской кормчей книги 1305 г.— Записки отдела рукописей ГБЛ, вып. 33. М., 1972, с. 140—147.

сталкиваемся с ошибкой, вызванной невнимательностью монастырского библиотекаря XVIII в., как это предполагает В. А. Мошин.

Рашский список кормчей с толкованиями оказывается, таким образом, древнейшим полным сербским списком: старший Иловицкий список 1262 г., как и Дечанский последней четверти XIII — начала XIV в., сохранился неполностью, с большими утратами. Кроме того, наш список имеет записи, ценные по содержащейся в них информации для истории перевода и бытования кормчей на Балканах в XIII — начале XIV в. Все это делает его особенно важным для изучения текста кормчей с толкованиями и ее издания. Хорошо сохранился также старший древнерусский список этой кормчей — Рязанский 1284 г., более ранний, чем Рашский, но он представляет собой другой извод этой редакции и не имеет многих конечных статей, которые входят в большинство сербских списков.

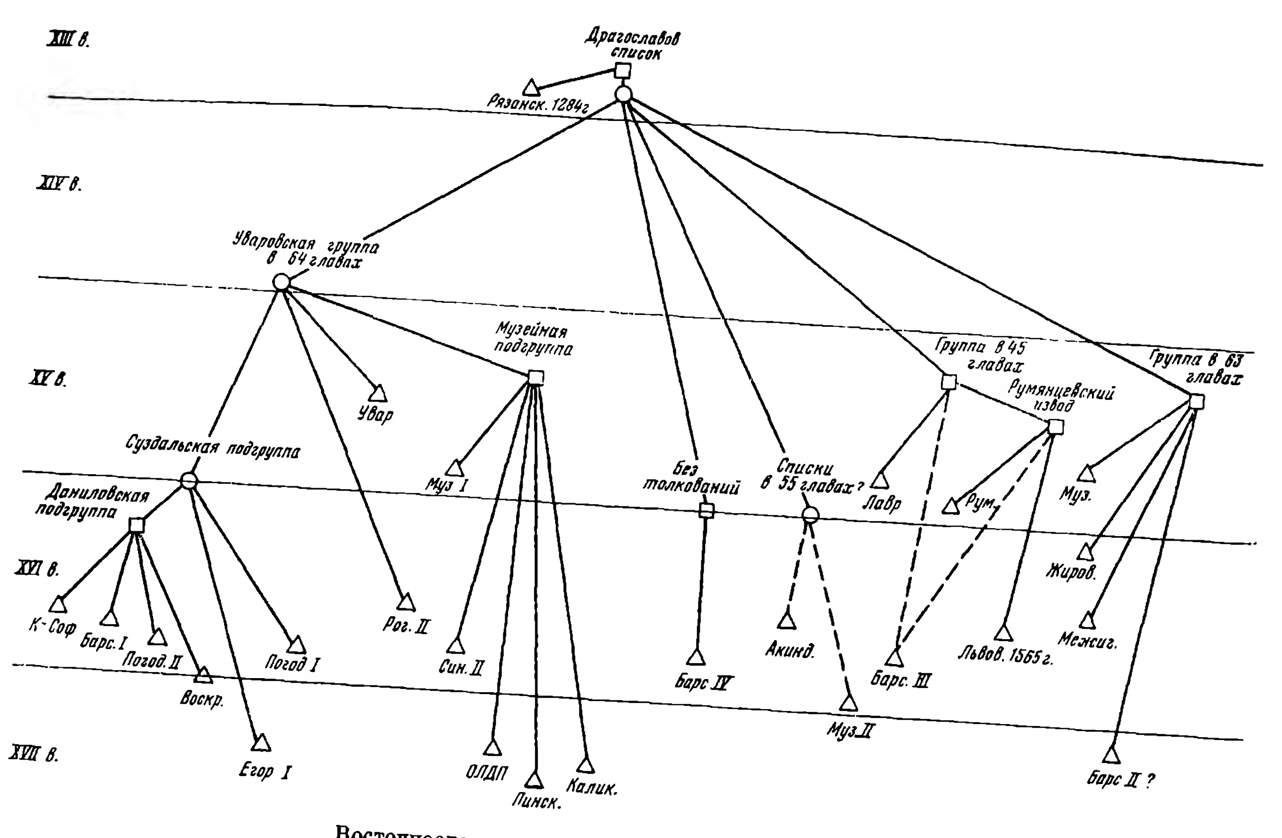
Изучение первоначального состава Рашского списка показывает, что нет оснований сомневаться в дате и месте переписки рукописи, указанных в послесловии Григория. Книга была написана в 1305 г. в Сербии, в Расе, где Григорий был епископом, для Афонского Хиландарского монастыря, куда она затем и попала.

КОРМЧАЯ НА РУСИ

ИСТОРИЯ ТЕКСТА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ СПИСКОВ

Сербская редакция имела на Руси большую и сложную историю. В процессе развития общественного и государственного строя Руси с XIII по XVII в. она неоднократно подвергалась приспособлению к местным и изменяющимся условиям, сокращалась и расширялась, дополнялась местными и византийскими памятниками, переписывалась на территории Русского государства, Литовского великого княжества и Польши. В XVII в. и позднее она была неоднократно напечатана в типографиях Москвы, отдельные произведения из ее состава получили самостоятельное распространение на Руси и оказались использованными при создании местных, русских памятников права и идеологии.

Удалось выявить 26 списков Сербской редакции восточнославянского происхождения. Хронологически они распределяются следующим образом: к XIII в. (1284 г.) относится один, Рязанский, пергаменный список: списки XIV в. и первой четверти XV в. не известны, ко второй четверти или середине XV в. относится Музейный список, к середине XV в.— Уваровский, ко второй половине XV в.— Музейский, Румянцевский и Лаврский, т. е. всего пять списков XV в. Основное количество (12) падает на XVI в.: вторая треть и середина — Синодальный II, Рогожский, середина — третья четверть XVI в.— Акиндиновский, Кие-

Восточнославянскиэ списки Сербской редакции

во-Софийский и Львовский; вторая половина XVI в.— Устюжский, Погодинские I и II, Барсовские I и III, Музейный II, Воскресенский. К первой половине XVII в. относятся списки ОЛДП, Жировицкий, Пинский, Егоровский I, Каликинский и Межигорский. Наконец, к XVIII в.— Барсовский II.

Среди этих списков можно выделить несколько групп, различающихся по объему, составу статей и другим текстологическим признакам. Создание этих групп имеет служебное значение: путем установления признаков, общих группам одних и тех же списков, выделенным по разным принципам, удается построить схемы генетической связи текстов и проследить историю кормчей не только в то время, от которого сохранились списки, но и тогда, когда их нет.

По составу глав кормчей (сравнительно с составом глав сербских списков) выделяется шесть групп:

1) Старший Рязанский список 1284 г., повторяющий основной состав сербских списков и заканчивающийся статьей «Чин принятия от сарацин» (глава 64, III, по нумерации Троицкого);

2) Уваровская группа списков, не включающих последней, главы 64, III и заканчивающихся главой 64, II — правилами приема от манихеев. Эта группа наиболее многочисленна и сложна, она включает 14 списков и несколько подгрупп: а) собственно Уваровскую; б) Устюжский список, содержащий после главы 64, II ряд добавлений антилатинского полемического содержания; в) Суздальская подгруппа списков, имеющих в конце указание писца их архетипа «Доселе с соуздальскых», которое свидетельствует о том, что этим писцом список сербской редакции был назван «Суздальскими правилами», т. е. хранился, очевидно, в Суздальской епископии (два списка); г) Даниловская подгруппа, восходящая к предыдущей, в которой после главы 64, II содержится еще 11 (в отдельных списках и больше) статей из кормчих других редакций, а после пометки «Доселе с соуздальских правил» в воскресенском списке добавлено: «А се събрание и приписˆ того же Данила игоумена, потом же бывша митрополита лѣта 7030-го месяца февраля».

3) Музейная группа списков, содержащих 63 главы и обрывающихся на главе 63, IV (Музейный) или на главе 63, I (Жировицкий, Межигорский и Барсовский II).

4) Группа списков в 55 глав (последняя — «Закон градский» — Прохирон), включающая два списка — Акиндиновский, имеющий в начале добавления — сказание о патриархиях в Сербии и Болгарии и решение собора 1572 г. о четвертом браке Ивана IV, и Музейский II, содержащий в конце сборник выписей из Мерила Праведного и кормчей Русской редакции.

5) Списки, обрывающиеся на главе 45, Собрании в 87 главах. Здесь существует три подгруппы: а) Лаврский список, отражающий первоначальное состояние — утрату в середине главы 2 этого Собрания и без добавлений; б) Румянцевский и Львовский, с такой же

утратой, но добавлением в конце сборника княжеских уставов и в Барсовский III, в котором дефектная часть главы 2 отброшена, а в конце добавлены переводные церковно-исторические и полемические статьи.

6) Барсовский IV список, также обрывающийся на Собрании в 87 главах, но значительно дальше, на его главе 47. Важнейшим отличительным его признаком является отсутствие в кормчей толкований к правилам, они опущены.

Такая ступенчатость этих групп списков при первоначальном составе кормчей, оканчивающемся главой 64, III, позволяет говорить о постепенном уменьшении объема их текста. Поскольку это уменьшение идет от конца рукописей путем отбрасывания последних их статей, можно думать, что это результат не только сознательного отбора статей, но и в отдельных случаях механической утраты последних листов списков, бывших архетипами соответствующих групп. На такие механические повреждения протографа указывают недописанные части текста в группе из 63 глав (Жировицкий и Межигорский, Барсовский II), из 45 глав (Лаврский, Румянцевский и Львовский, Барсовский III), в списке кормчей без толкований (Барсовский IV). При этом можно думать, что завершение списков в конце предшествующих обрыву текста разделов объясняется тем, что писцы, имевшие дело с дефектными протографами, сознательно оканчивали переписку завершенными разделами и опускали дефектные тексты (ср. Жировицкий и Межигорский, также Лаврский и Барсовский III). Возможно, что механическим повреждением объясняется и возникновение группы в 64, II главах. В главе 64 идет речь о правилах приема от ересей: ариан (64, I), манихеев (64, II), сарацин (64, III). Маловероятен намеренный пропуск именно последней статьи при сохранении двух предшествующих.

Что касается Акиндиновского списка, то пропуск глав 56—64 в нем очень соблазнительно было объяснить намеренной работой книжника. Об этом позволяет говорить смысловая связь между решением собора 1572 г. с разрешением четвертого брака Ивана IV, вставленным в начале кормчей, и содержанием опущенных глав 56—59. Глава 56 представляет собой собрание новых патриарших и синодальных постановлений о разводах и браках, принятых в X—XI вв., исправляющих и дополняющих нормы Прохирона IX в.: «Свиток» патриарха Сисиния II 997 г., постановление патриарха Алексея Студита (1025—1043 гг.), синодальное решение 1038 г. и другие, а глава 59 — известное соборное решение 920 г. с запретом четвертого брака, положившее конец «расколу» в византийской церкви [44]. Можно думать, что глава 59 и предшествующие ей в этом списке были намеренно опущены в связи со вставкой документа, нарушающего эти установления константинопольской церкви.

---

[44] *Hefele C.*, *Leclercq H.* Histoire des conciles, t. IV. Paris, 1908, p. 750—751.

Однако такое объяснение пропуска последних глав наталкивается на противоречия в датировке списка: он написан на бумаге 1550-х годов и имеет запись писца 1551 г., т. е. возник задолго до акта 1572 г.

Даже если предположить, что запись 1551 г. воспроизведена с протографа, а бумага была использована со значительным опозданием, связи между вставкой акта 1572 г. и пропуском акта 920 г. и других мешает то, что запись 1551 г. следует сразу после главы 55 и появилась поэтому уже позже пропуска следующих глав.

РЯЗАНСКАЯ КОРМЧАЯ 1284 г. И ЕЕ ПРОТОГРАФ

Рязанская кормчая 1284 г.— единственный древнерусский список Сербской редакции, сохранившийся от времени до середины XV в., все другие восточнославянские ее списки относятся к более позднему времени, XV—XVIII вв. Поэтому Рязанский список в истории Сербской редакции на Руси имеет примерно такое же значение, какое Ефремовский список в истории Древнеславянской редакции.

Таким образом, особое внимание к Рязанскому списку как в прошлом, так и в наше время вполне оправдано. Список был введен в науку в 1825 г. благодаря описанию его К. Ф. Калайдовичем и П. Строевым в составе собрания Ф. А. Толстого [45]; подробное постатейное описание его с указанием отдельных источников и сравнением с некоторыми другими списками той же редакции принадлежит И. И. Срезневскому [46]. Рязанский список в связи с общей проблемой происхождения этой редакции кормчей изучали А. С. Павлов [47], И. В. Ягич [48], М. Н. Сперанский [49] и др. Краткие сведения о рукописи дала Е. Э. Гранстрем [50]. До последнего времени, однако, не было монографического описания и исследования рукописи с палеографической и языковой сторон. Такую работу сделала Э. Д. Блохина [51]. Однако и после ее работы

[45] *Калайдович К. Ф.* и *Строев П. М.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке гр. Ф. А. Толстого. М., 1825.

[46] *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 47—84.

[47] *Павлов А. С.* Первоначальный.., с. 63—67.

[48] *Jagič V.* Opisi i izvodi...; *Ягич И. В.* Четыре критико-палеографические статьи. Приложение к отчету о присуждении Ломоносовской премии за 1883 г. СПб., 1884, с. 101, сн. 1.

[49] *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и южнославянских литератур, с. 175—177; *Соболевский А. Н.* Из переводческой деятельности.., с. 178.

[50] *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, с. 23—24.

[51] *Блохина Э. Д.* Палеографическое и фонетическое описание Рязанской кормчей 1284 г. Автореферат канд. дис. Л., 1970; *она же.* Отражение (ě) в языке Рязанской кормчей 1284 г.— «Вестник ЛГУ», 1969, № 14. История, язык, литература, вып. 3, с. 114—121; *она же.* О диалектном составе Рязанской кормчей 1264 г.— ЛГУ. Материалы научной конференции ленинградских аспирантов-филологов. Л., 1967, с. 23—25.

осталось и выявилось немало важных вопросов характеристики списка и истории его создания, на которые лингвистический анализ отдельно взятого списка, без учета истории происхождения его текста и определения места Рязанского списка среди других списков той же редакции, не может дать ответа.

Ниже рассматриваются такие вопросы истории Рязанского списка, как его протограф и связь списка 1284 г. с южнославянской группой списков, соотношение местного и традиционного, заимствованного в палеографии Рязанского списка и, наконец, связь этого списка с восточнославянскими списками XV—XVIII вв.

В Рязанском списке нет болгарских вставок, однако несомненно, что протограф его, который рязанские писцы имели перед глазами, содержал эти вставки. На это указывают несколько свидетельств. Во-первых, это пропуск — оставленные чистыми полтора столбца на л. 104 об., в Карфагенских правилах, где в других восточнославянских списках Сербской редакции (и, следовательно, их архетипе) находятся запись Драгослава и послание Святослава. Нужно учитывать, однако, что на л. 104 об. кончилась тетрадь и работа одного из писцов (по Э. Д. Блохиной,— четвертого), а со следующего листа, 105-го, началась тетрадь, писанная другим писцом («Попова [тетрадь А̃]»). Второе, более важное свидетельство — использование материала болгарских вставок в записи рязанского писца, которое можно проследить, сравнивая эти три текста.

Запись писца Рязанской кормчей, несмотря на свою краткость,— очень ценный памятник истории и литературы Руси, в частности, Рязанской земли XIII в. М. Н. Тихомиров справедливо назвал ее «замечательной записью» [52]. Как показывает ее изучение,— это литературный памятник, построенный в сложной форме рассказа о содержании и значении книги (раздел 1), о богоугодном деле — заказе книги и выписке ее оригинала из Киева (раздел 2 с четырьмя подразделами: а — от имени писца — о роли в этом рязанских князей; б — похвала епископу Иосифу от имени княгини Анастасии; в — запись от имени епископа Иосифа; г — пожелание епископу Иосифу от имени самого писца) и о работе писцов с датой и благочестивыми пожеланиями (раздел 3). Автор ее широко использовал материал болгарских документов, компоновал формулы записи Драгослава и послания Святослава, но умело применил их для создания своей записи, отличной и по содержанию, и по форме.

Особенностью рязанской записи является то, что работа над ее составлением или редактирование отразилась в самой рукописи. Здесь делались дополнения и изменения путем вставок между строк и стирались отдельные слова.

---

[52] *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.— Л., 1941, с. 106.

Запись рязанского писца

[раздел 1]

Изволением отца, и свершением сына, и поспѣшением святого духа, и милостию пресвятыя богородицы, и преславную мученику Бориса и Глѣба, и святых преподобных отець наших, уставивших нам святая правила вселенских и помѣстных сбор когда и в которое время и на каких мѣстѣх собравшеся изложиша и взаконивше, уставиша и прѣдаша нам богомь реченая правила сиа...

Запись Драгослава

Изволением отца, и свершением сына, и поспешением св. духа, и помощию святыя и пречистыя владычицу нашу богородицу и приснодевы Марию, и святых и преподобных отец наших, уставивших нам святая правила вселенских и поместных соборов къгда и в которое время и на кыих мѣстѣх събравиеся изложишу и правоверныя веру нашея и възаконивше уставиша и предаша нам богом реченных по апостольских преданиих...

[раздел 2 б]

...Благодарим о сем бога и преосвященного Максима митрополита, исполни бо желание богомь избранному пастырю и оучителю словесного стада правовѣрныа вѣры нашея отцю нашему по духу священному епископу Иосифу — богом спасноѣ области Рязаньскиѣ. И о сем благодарит господьство наше преподобство твое Иосифе, еже о Хрнстѣ принявъ писание и отъ великаго владычества прѣславнаго града Киева, от него же отрасль мы быхомъ

[раздел 2 в]

Азъ же, епископъ [О]сифъ Рязаньскии, испросивъ отъ митрополита, переписахъ протофроне сию на оувѣдѣние разуму...

Буди въ любви писание се господьству князии нашихъ. Мир ти о господѣ, пресвящныи епископе Иосифе

Послание Иакова-Святослава

Богом избранному пастырю и оучителю словеснаго стада правовѣрныя вѣры нашея отцу ми по духоу святомоу преосвященномоу архиепископоу Кирилоу преславнааго града Кыева, оучителя же всеи Роуси и свѣтилника церквамъ богоспасенаго града Киева. И о семь благодари господиньство ми преподобьствие твое еже о Христѣ и приявъ азъ писание святаего ти владычьства... Освященыи архиепископе вся Рускыя земля, благодръжавнаго родиа моего, их же отрасль и коренъ аз бых, святых праотец моих. Пишу тебѣ, възлюбленыи богомъ архиепископе Кириле протофроню...

Того ради и азъ испросивъ от патриарха и преписах и припустих за святопочивших родители моих... Буди все любо писание мое святыни твоеи и благослови господи твоему самъсъдръжащееся по благодати божии и миръ ти о господи, преосвященный и превъзлюбьленыи архиепископле

[раздел 3]

Мы же раздѣливше на 5 частеи исписахомъ 80 днии, почахомъ ноября 1, а кончахомъ декабря 19 в лето 6792... Мы же грѣшнии и худоумнии молям вы слезно, отци и братия, чтущии и прѣписующии, легко исправляюще, чтѣтѣ, а не злословьте, но паче благословите и поминайте. Христос же да сподобить вся ны одесную себе стать в страшныи день пришествия его со всѣми оугожьшими от вѣка, ему же подобаеть всякая слава, честь и покланяние съ безначальнымь

Запись Драгослава

Мы же раздѣливше на три части списахом за 50 днии почявше месяца ноября 10 день, кончяна же бысть месяца генваря 7 днь. Азъ же хоудооумныи и многогрѣшны Иоанъ а зовомъ Драгославъ, моля слезно отци и братия чьтущии и преписуущии леко исправлѣюще чьтѣте, а не злословите поняже не бѣх до тамо писець, но паче благословите и помянѣте, Христос же да сподобит вся ны одесноую его стати въ страшный день пришествия его съ всѣми оугожьшими

[раздел 3]	*Запись Драгослава*
отцьмь и присносущимь [сыномъ][53] и съ пресвятымь благим и животворящимь духомь [всегда][53] и ныня и присно и въ вѣкѣ вѣкомъ...	ему от вѣка, ему же подобает всяка слава, честь и покланяние со безначальнымъ отцемъ и с присносущным сыном и с пресвятым благимъ и животворящимъ духом всегда и нынѣ и присно и в вѣкы вѣк

Можно заметить несколько вставок слов и исправлений, сделанных рукой того же писца, а также стертые места, очевидно, также относящиеся ко времени написания книги. Первое добавление-вставка выделенных слов «и поспѣшениемь святаго духа и милостию *пресвятыа богородици* и преславную мученику Бориса и Глѣба» находится между первой и второй строками левого столбца записи; второе — «Благовѣрная княгини рече да ти *дасть богъ*, *отче*, за трудо сьи нѣбесныи покои...» — между пятой и шестой строками правого столбца; третье и четвертое: «Азъ же епископъ [Ъ]си θ рязаньскыи испросивъ от митрополита, преписахъ *протофроне сию* на увѣдѣние разуму и на просвѣщение вѣрным и послушающимъ» соответственно между 17-й — 18-й и 19—20-й строками. Стертые слова и поправки находятся в конце записи и связаны с исправлением искажения символа троицы, который находился в источнике рязанского писца — записи Драгослава: «Христос же да сподобит вся ны одесную себе стати... Ему же подобает всяка слава, честь и покланяние с безначальнымь отцьмь и с присносущимь [стерто] и с пресвятымь благимь [вставкой буквы «л» изменено из слова: богомь] и животворящимь духомь [стерто] и ныня и присно, и въ вѣкѣ вѣкомъ» [вставкой букв «къ вѣ» и зачеркиванием буквы «о» изменено из слов: вѣкомъ]. Судя по тексту записи Драгослава, здесь были стерты слова «сыном» и «всегда» (соответственно строки 37 и 39).

Слово «протофроню»[54] в послании Святослава обозначает, несомненно, титул Киевского архиепископа, старшего среди древнерусских кафедр[55]. Однако в контексте послания это слово могло быть понято как обозначение книги, хотя ниже последняя дважды названа термином «Зонара» («пишу тебе, възлюбленный богомъ архиепископе Кириле, протофроню, да ся словом твоим вселеная роуская просветит, а писаниом сию Зонару да ся никде не препишеть...»). Возможно, что составитель рязанской записи не был уверен в значении этого слова, но затем применил его именно как название авторитетного списка кормчей книги наряду с терминами «правила сия» и «писание се»[56].

[53] В рукописи стерто.

[54] В некоторых списках наряду с формой «протоѳроню» пишется «протофронъ» (Егоровский I) и «протофроне» (Жировицкий).

[55] Об этом титуле в византийской церковной организации, как обозначении «старшей» епископии в митрополии, см.: *Beck H. G.* Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 67, 73.

[56] Так же как рязанский писец понимает этот термин (причем в форме одного слова «протофроносия») С. В. Троицкий, который считает, что так назы-

Являются ли вставки писца исправлением пропусков, допущенных им при переписке записи по невнимательности, или это добавления к тексту, необходимость которых появилась перед ним при прочтении записи или ее частей после их завершения? Другими словами говоря, имеем ли мы дело с работой переписчика текста, составленного ранее, или со следами творческой лаборатории составителя записи? Не исключено, что здесь мы встречаемся с дополнениями именно второго рода: текст без дополнений может рассматриваться не как дефектный, ошибочный, а как самостоятельный; здесь нет случаев типичных ошибок прочтения или запоминания текста (вроде гаплографии), обычных в работе переписчика.

В построениях исследователей истории Рязанского списка обычно между этим списком 1284 г. и списком, присланным митрополиту Кириллу князем Святославом из Болгарии, находится еще одно звено — Киевский список с болгарской рукописи, который был передан в Рязань и с которого переписывалась Рязанская кормчая.

Обнаружение в языке Рязанского списка южнорусских форм позволило В. Ягичу очень определенно писать о киевском протографе этого списка: «... приводимые примеры форм южнорусских не допускают ни малейшего сомнения в том, что из Киева в Рязань был доставлен не подлинный южнославянский, болгаро-сербский экземпляр, а один из списков, сделанных с него в Киеве» [57]. Однако, как представляется, это утверждение основывается не на таких уж несомненных фактах, как это казалось В. Ягичу. Его работа была посвящена обоснованию в полемике против А. И Соболевского того историко-лингвистического положения, что «новый ять», т. е. употребление «ѣ» на месте «е», является чертой, характерной не только для галицко-волынских рукописей, но и для памятников киевских. Как один из аргументов в пользу этого положения он и привлекает материал Рязанской кормчей, списанной, как известно по записи, с экземпляра, присланного в Рязань из Киева. Действительно, в Рязанской кормчей можно найти немало примеров «нового ятя», как и других южнорусских языковых черт, общих как западным галицко-волынским, так и восточным памятникам (мена «ь» и «и», мягкость шипящих, окончание с мягким знаком вместо «и»). Однако в какой степени эти признаки являются характерными только для киевских памятников, а не более широко — и для черниговских, и для рязанских в XIII в. при отсутствии достаточ-

---

вался в Болгарии и в Древней Руси официальный экземпляр Номоканона, бывший оригиналом для других списков, хотя, вместе с тем, он признает, что в Послании Святослава митрополиту Кириллу последний «как глава русской церкви» зовется «протофрон» (*Троицки С. В.* Спор Старог Рима са Новим на странама словенске крмчиjе. Београд, 1960, с. 22).

[57] *Ягич И. В.* Четыре критико-палеографические статьи. СПб., 1884.

ного числа местных памятников — судить трудно [58]. Рязанская земля была тесно связана с Поднепровьем и заселялась как со стороны вятичей, так и с юга [59]. Вместе с тем В. Ягич обращает внимание и на многие примеры южнославянских черт в Рязанском списке, в частности в правильном (болгарском) и неправильном их употреблении, сербизмы, которые особенно часты в последней части рукописи, с л. 317. Мнение о киевском протографе Рязанского списка принимает и Э. Д. Блохина, которая также показывает, однако, значительные и разнообразные южнославянские, в частности сербские, черты в языке и палеографии рукописи.

Между тем мнение о существовании промежуточного киевского списка между рязанской и болгарской рукописями вызывает значительные возражения. Этому мнению может быть противопоставлено другое, что Рязанский список сделан непосредственно с того самого южнославянского списка, который был прислан на Русь.

Прежде всего важно свидетельство записи писца в конце Рязанского списка. Здесь говорится от имени епископа Иосифа: «Аз ж[е] епископ [Ѣ]сиф рязаньскьи, испросив от митрополита протофронесию, преписах на увѣдѣние разуму и на просвѣщение вѣрным...» «Протофронесией» (это слово вставлено писцом над словом «преписах» и может читаться и до, и после него) писец назвал, вероятно, оригинал кормчей книги, митрополичий экземпляр ее, который епископ Иосиф «испросил» из Киева. Это слово находится в несомненной связи со словом «протоѳроня» (протофронесия) в послании деспота Святослава к митрополиту Кириллу, обозначающее там старшую епископскую кафедру на Руси — Киевскую митрополию [60], но оно было неверно понято рязанским писцом и применено для обозначения понятия «официальный экземпляр кормчей, заверенный авторитетом церковной власти и не подлежащий изменению» [61]. В записи говорится, что из Киева

---

[58] Трудно считать только южнорусскими чертами такие, как перестановка букв: Авлириана вместо Аврилиана и мену «ф» и «х»: Амфилофии вместо Амфилохии. Оба случая встречаются и в северо-восточных и северо-западных памятниках. Что касается общего впечатления от оформления кодекса как произведения, в котором «проглядывает школа киевская» (*Ягич И. В.* Четыре критико-палеографические статьи, с. 101), то это несомненно: местные южнорусские школы книгописания XIII в. еще не выявлены, но все они, конечно, находились под большим влиянием именно киевского книгописания и развивались из него, хотя нельзя сбрасывать со счета и более широкую общность черт оформления кириллической книги в славянских странах и особые сербские черты в оформлении букв и других элементов, на которые обратила внимание Э. Д. Блохина.

[59] *Кузьмин Г. А.* Название «Рязань» в связи с некоторыми проблемами истории района средней Оки в X—XI вв.— «Ученые записки Рязанского пединститута», 1969, т. 62, с. 290—305.

[60] «Пишю тебѣ възлюбленный богом архиепископе Кириле, протоѳроню, да ся словом твоим вселенная руская просвѣтить, а писаниемъ сию Зонару да ся нигдѣ не пропишеть...» (*Срезневский И. И.* Обозрение . с. 61).

[61] Об этом значении слова «протофроня» см.: *Троицки С. В.* Спор.., с. 51.

была испрошена «протофрония», а не список с нее, и именно она была скопирована в Рязани.

Важный материал в пользу южнославянского протографа Рязанского списка дают и результаты палеографического и лингвистического его изучения. Еще И. И. Срезневский обратил внимание на обилие южнославянских лигатур на его листах («вязь» в сплошных строках и в заголовках, по его выражению) и считал это «образцом подражания чужому письму» [62]. Наблюдения Э. Д. Блохиной в противоречие ее выводу особенно наглядно показывают, что оригиналом у рязанских писцов был южнославянский список. Исследовательница отмечает у некоторых писцов Рязанского списка черты письма и языка, палеографические особенности оформления концов столбцов и прочее, характерные для южнославянских рукописей XIII в., которые на Руси появляются лишь в XIV или даже в XV—XVI вв. и которые она считает «результатом влияния южного письма». Однако априорное признание существования киевского, а не южнославянского оригинала Рязанского списка заставляет ее искать объяснение соединения южнославянских и древнерусских черт в палеографии и языке в предположении о существовании в Рязани русских писцов, прошедших южнославянскую школу письма и даже двух южнославянских писцов (сербов), которые. однако, копируя древнерусский киевский список, делали ошибки и в своем сербском письме допускали древнерусские написания.

Между тем значительно легче объяснить все особенности Рязанского списка тем, что его переписывали местные писцы с южнославянского оригинала, списка, который был окружен ореолом авторитета («протофронесия»!) и который они старались, в меру своих возможностей, переписать как можно точнее. Работа была срочной (ее разделили на 5 частей), так как оригинал нужно было вернуть в Киев, и ее выполняло несколько писцов (Блохина насчитывает их 10), которые не только были носителями различных, как она считает, среднерусских диалектов, но и по-разному относились к своей задаче. Одни из них (писцы I, VI, VII, VIII и IX) в большей или меньшей степени сохранили свой традиционный почерк, заимствовав из оригинала отдельные декоративные буквы, другие (писцы II, III, IV) — сильнее переняли оригинальные написания южнославянских писцов, сохранив, однако, естественно, черты своего языка, а третьи (писец V, которому пришлось переписать лишь 7 + 17 строк, и писец X, переписавший 8 страниц) могли копировать небольшие части оригинала вместе с их языковыми особенностями, так что в переписанном ими тексте оказалось соединение сербских особенностей (насильньИми законьИ X 318 б-в; помЕнеть V 324 а; остатисЕ, тЬкьмо X 318 а-б; домЬ X 318 б; обратЫт се X 318 а; лючЕше X 321 а; сотвороу X 320 в) [63] с русскими (творяще

[62] *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 47.
[63] *Блохина Э. Д.* Палеографическое и фонетическое описание . . , с. 60.

V 324; ВЕРтограда X 319 г; дЕРЖа X 321 г; пЕРЬвее X 319 б; без всякОю X 321 а: единОю X 321 а)[64]. В почерке писца X нет важных графических особенностей, выделяющих его из числа других, местных. Отмеченное Э. Д. Блохиной сохранение им сербских особенностей писать «ы» и «ьи» вместо «ъı» только на трех первых столбцах текста и отсутствие их далее также легче объяснить слепым копированием им текста вначале и постепенным сползанием на правильные нормы далее. Противоположное мнение приводит исследовательницу к искусственному предположению о том, что писец-серб должен был впервые усваивать русский извод языка именно на первых столбцах выделенных ему 8 страниц нашей рукописи, копируя киевский оригинал и усвоив его, он утратил здесь же свое сербское «ы»[65].

Оценка Рязанского списка как копии 1284 г. с южнославянской рукописи 1262 г. должна привлечь особое внимание к этому списку, позволяющему изучать вопрос о непосредственных контактах на Руси второй половины XIII в. с южнославянскими памятниками по первоисточнику не только в плане историко-правовом и литературном, но и в плане языковом, так как это делается на многочисленных материалах XIV—XV вв.

ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ МИТРОПОЛИТОМ КИРИЛЛОМ И ДЕСПОТОМ СВЯТОСЛАВОМ И ПРИСЫЛКА НА РУСЬ КОРМЧЕЙ КНИГИ

Теперь, после изучения восточнославянских рукописей Сербской редакции, можно представить себе, каков был тот южнославянский список, который лежал в основе всех этих рукописей и был прислан в Киев из Болгарии. Он содержал основной, старший состав сербских списков редакции — тот же, какой имеют Иловицкий и Рязанский списки. В вводной части — это сказания о соборах в начале, «Истолкования молитв», два предисловия, 14 титулов, перечень содержания — оглавление с указанием шести вводных статей. Основные части завершались главой 64, III, чином приема от сарацин, и дополнительных статей и таблиц не было.

Добавочными, сравнительно с сербскими списками, были тексты записи писца Иоанна-Драгослава и послания Якова-Святослава, поставленные внутри правил Карфагенского собора. Очевидно, это было сделано на чистых столбцах последнего листа одной из тетрадей, возможно, на стыке первой и второй (из трех) частей рукописи, на которые была она разделена для переписки.

Запись Драгослава и послание Святослава свидетельствуют, что список Сербской редакции был прислан в Киев из Болгарии: она переписана «во дни благовѣрнаго царя Костянтина, предержаща стол болгарский», повелением Святослава, «деспотѣ болгаром»

---

[64] *Блохина Э. Д.* Палеографическое и фонетическое описание.., с. 373.
[65] Там же, с. 62.

и послана в Киев последним. Однако языковый анализ Рязанского списка, наиболее близкой по времени копии с присланной рукописи, к тому же, как показано выше, вероятно, непосредственной копии с этой рукописи, говорит о том, что в нем при отдельных болгарских чертах очень сильны сербские черты [66]. Э. Д. Блохина считает, что это сочетание объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что в переписке Рязанского списка участвовали писцы-сербы и писцы, прошедшие южнославянскую школу письма, и, во-вторых, тем, что в основе болгарского списка, присланного в Киев, лежал сербский оригинал. Как было показано выше, первое из них не представляется достаточно обоснованным. Зримые сербские черты в болгарском списке — протографе Рязанской кормчей можно объяснить условиями его создания в Болгарии.

В XIII в. кормчая Сербской редакции неоднократно переписывалась на территории Сербии. Как было показано, архетип древнерусских списков представлял ранний текст, не имевший еще глосс и добавлений, характерных для обработок середины XIII в. и отразившихся в сербских списках, даже в самом раннем из них, Иловицком 1262 г. В Тырновской патриархии, откуда Святослав выписал протограф своего списка, находился, следовательно, сербский список, который и был переписан при дворе Святослава.

Чем объяснить сохранение значительного числа сербских языковых черт в этом новом списке? Это может найти объяснение в том, что писцы Святослава были носителями сербской книжной школы, но, возможно, что ответ на этот вопрос может дать непрофессионализм болгарских писцов, непринадлежность их ни к какой установившейся школе правописания. Старший писец болгарского списка Драгослав, оставивший в нем запись-рассказ об организации работы, свидетельствует, что он «не бѣхъ до тамо писець». Писал он не один, писцов было не менее трех («Мы же, раздѣливше на 3 части, списахом за 50 дний...»), но естественно, что оставивший свое имя был старшим и самым опытным писцом. Возможно, что именно таким непрофессионализмом болгарских писцов объясняется и сохранение в болгарском списке сербских черт языка, которые писцы просто копировали близко к оригиналу. С этим же может быть связано и большое количество лигатур, сокращений слов несакрального характера и других особенностей письма, которые не допустили бы книжные писцы-профессионалы, занимавшиеся перепиской в основном литургических текстов. В таком случае Драгослав мог быть или священнослужителем, или деятелем канцелярии деспота. Скорее нужно предполагать последнее: функционирование государственного управления XIII в. в Болгарии без такого рода специалистов невероятно. При этом запись Драгослава оформлена по типу грамот-хрисовулов, выходя-

---

[66] К болгарским чертам Э. Д. Блохина относит «большой юс» в значении «а» и «у» (кончашѫсѧ, прикюшѫ, мтвѫ сиѫ), зеркальное написание буквы «ю».

щих из такого рода канцелярий, в ней имя и титул деспота выделены размером букв, их написанием и киноварью по образцу византийских и южнославянских грамот.

Кроме того, запись Драгослава в трех списках [67] кормчих сохранилась с началом на греческом языке, опущенном в других списках (в некоторых из них для этого начала оставлено чистое место — одна-две строки). Текст искажен писцами, не знавшими греческого языка, и почти не читается, но в нем можно заподозрить слова Δωξω ση κ̄ ε... θεωτοχο ματημος (?) (верую тебе, господи... богородица научи?). Очевидно, это молитва, употребленная на месте инвокации.

Яков-Святослав был феодалом русского княжеского происхождения. Он попал в Болгарию, очевидно, еще при царе Иване Асене II, который в ходе политической борьбы жил в эмиграции в Южной Руси и после своего воцарения и татаро-монгольского нашествия на Русь смог принять у себя древнерусских князей — некоего Ростислава и интересующего нас Святослава. Он имел владения в западной части Старой планины, с юга они граничили с Македонией, а с севера — с Венгрией. В записи Драгослава и у Пахимера он имеет почетный титул деспота, что говорит о его родстве с царской фамилией (он был зятем императора Иоанна IV Ласкариса и свояком царя Константина Асеня). В грамоте венгерского короля Стефана V от декабря 1270 г. он титулуется Zuetislaus Bulgarorum imperator, что показывает изменение его положения в политической системе Болгарии и независимость от тырновского царя. Царем называется он и в местных Боянском и Погановском помянниках («Иакова деспота царя» и др.) [68].

В записи Драгослава, воспроизведенной во многих русских и украинских списках XV—XVII вв., находится противоречивая дата, по-разному толкуемая исследователями: «Написана же бысть сия Зонара в лѣто ѕ҃.ѱ҃.ои҃. ендих въ дни благовѣрнааго царя Костянтина... и далее: «...списахом за ѻ҃ дни почавше месяца ноября і҃ днь кончяна же бысть месяца генваря з҃ днь» (Увар. 205).

---

[67] Лаврский, Барсовский III (Сербской редакции) и ГБЛ, Рум. 233 (Лукашевичской редакции).

[68] О Якове Святославе пишет Пахимер: *Georgii Pachymeris* de Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII, vol. I. Bonn, 1835, p. 181, 430, 477; см. также: *Ников П.* Българо-унгарските отношения от 1257 до 1279 година.— В кн.: Сборник на Българската академия на науките, кн. XI. София, 1920, с. 114—118; *Златарски В.* История на Българската държава през средните векове. София, т. III, 1972, с. 498 и след.; *Тихомиров М. Н.* Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига.— В кн.: *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 177—178; *Ангелов Б. С.* Из старата българска, руска и сербска литература. София, 1958, с. 191—194; *Маргос А.* Един нов екземпляр монета от деспот Яков Святослав.— «Известия на Народни музей». Варна, т. 4 (19), 1968, с. 225—229; *Ганчев Д.* Обозрение на сношетията между руската и българската църкви.— «Наука», т. 2, 1882, № 1, с. 75—76.

В некоторых списках дата указывается как «в лѣто ҂ѕѱо индикта е» (краткая запись в кормчей Рогож. 252, л. 582 об., восходящая также к записи Драгослава), как «҂ѕ.ѱ-ное ои» (Барс. 157) и даже «ѕ.ѱ.о. ѡсмое» (Львовский XVII в.)

Эта дата может быть прочитана и как 6770 год [69], и как 6778 г. [70] Хотя в сохранившихся позднейших списках XV—XVI вв. написание даты более близко к 6778 г. и воспринималось поздними писцами (например, Львовским), определенно как 6778 г., другие, более достоверные, данные говорят в пользу 6770 г. Несомненно, что в дате указано и число индикта, а там где оно сохранилось в Уваровском и особенно ясно в Рогожском списке) присутствует цифра є. Пятый индикт соответствует 6770 г., в то время как 6778 г. имел 13-й индикт.

Важной оказывается и хронология титулов Святослава. В записи он обозначается как «деспот болгаром», это соответствует его титулу до 1270 г., а именно в этом году он именуется императором-царем, что должно было бы найти отражение в записи [71].

На 1262 (6770) г. указывает также дата начала работы писцов — 10 ноября. В 6770 г. 10 ноября приходилось на четверг: в 6779 г.— на воскресенье [72], когда работать было запрещено.

Привлекают внимание некоторые термины послания Святослава к митрополиту Кириллу, которые нашли в литературе необоснованное толкование. Я имею в виду прежде всего слово «протоѳроню» [73], которое в записи рязанского писца кормчей 1284 г. получило новое написание «протофронесию» и новое значение как официальный экземпляр кормчей, оригинал для переписки. С. В. Троицкий считал, что «в болгарской церкви такой экземпляр, поскольку он сохранился у главы этой церкви, епископа первого престола «прототрона» назывался «протофронесия» [74]. Но последнее слово

---

[69] *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1841, с. 291—292; *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 60; *Павлов А. С.* Первоначальный.., с. 66—67; *Ников П.* Българо-унгарските отношения.., с. 115—116; Архив АН СССР (ЛО), ф. 192, оп. 1, № 57, с. 60—61; (*Бенешевич В. Н.* Миражи в истории южных славян и древней Руси); *Златарски В.* История на Българската държава.., т. III, с. 499: *Дуйчев И.* Из старата българска книжнина, кн. 2. София, 1944, с. 353—354.

[70] *Розенкампф Г.* Обозрение кормчей книги в историческом виде. М., 1829, с. 56; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви, т. II, пол. 1. М., с. 63; *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв., с. 177; *Ангелов Б. С.* Из старата българска, руска и србска литература, с. 192.

[71] *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 64.

[72] Вруцелето 6770 г.— 6, 6778 г.— 2. Указанные дни недели определены при сентябрьском стиле годов по таблицам: *Черепнин Л. В.* Русская хронология. М., 1944, табл. IX, X.

[73] Так в большинстве списков. В некоторых из них варианты: «прототроню» (Барсовский IV, Львовский), «протофроню» (Егоровский I), «простоѳроню» (БАН, Белокр. 1).

[74] *Троицки С. В.* Спор.., с. 22.

известно только в рязанском документе и не может быть отнесено к болгарским терминам. Оно было понято рязанским писцом, не знавшим греческого языка, как обозначение книги («протофроню сию»), присланной из Болгарии в Киев, а оттуда в Рязань, причем добавлено им к записи в процессе ее редактирования (стоит над строкой), для подчеркивания значения подвига епископа Иосифа и труда переписчиков, давших Рязанской земле такую книгу.

Термин «прототронос» (πρωτόθρονος) — «первопрестольный» обозначал епископа наиболее старшей по стажу кафедры в данной стране. Относительно митрополитов в славянских странах он применялся в XI в. к Киевской кафедре [75], в XIII—XIV вв., во время существования Тырновской патриархии, к болгарскому митрополиту в Преславе [76], в конце XVI в.— в Речи Посполитой к епископу Владимира Волынского и затем Киевскому униатскому митрополиту Ипатию Потию [77]. Этим титулом Святослав обозначил Киевского митрополита (он называет его архиепископом) как старшего в ряду древнерусских кафедр.

В архетипе восточнославянских списков, как и в большинстве списков вообще, было немало ошибок, описок, искажений текста. Искажений отдельных слов, значительных и мелких, очень много (например, в именах: Петра, архиепископа Александрьского, вместо Антиохийского — заглавие главы 43). Из более значительных отклонений от архетипа сербских списков нужно отметить два: перестановка главы 31 и вставка в главу 59.

Глава 31 — отрывок из послания Афанасия Великого к епископу Руфиниану — в большинстве восточнославянских списков, в том числе в Рязанском, находится не на своем месте, а после главы 33 (правил Григория Нисского), при этом перед заглавием главы дается указание на эту перестановку: «Глава 31 здѣ того ради поставлена есть, понеже забъвением не поставихом се на ряду». В некоторых списках (Пинском 1634 г., Киево-Софийском, Барсовском I XVI в.) эта глава возвращена на место, в других — совсем опущена (Акиндиновский 1551 г). Эта ошибка была сделана болгарским писцом, вероятно, самим Драгославом или одним из его сотрудников — в сербских списках она неизвестна, в восточнославянских она наблюдается в тех, которые текстологически восходят к общему архетипу.

То же можно сказать о вставке в текст Соборного решения 920 г. о запрещении четвертого брака (глава 59) отрывка, не связанного с ним своим содержанием [78]. Он вставлен в отмеченном

---

[75] *Soloviev A. V.* Zu den Metropolitensiegeln des Kiewer Russland.— BZ, 1963, Bd. 56, Nr. 2, S. 317—320.

[76] *Jireček C. J.* Geschichte der Bulgaren. Prag, 1876, S. 168, 395.

[77] *Fijałek J.* Średniowieczne biskupstwa kościoła wschodniego na Rusi i Litwie.— «Kwartalnik historyczny», t. 10, 1896, S. 494.

[78] Об этом тексте в составе соборного решения см.: *Павлов А. С.* Номоканон при большом требнике. СПб., 1897, с. 174; *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений, т. VI, СПб., 1859, с. 424, прим. 66; РИБ, т. VI, с. 407—408 (издание текста Бенешевичем); *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 91.

месте во фразе «но таковой убо сущей вещи искони и ныне не престает лукавнаго мятежная злоба || и священное церковное смущающе исполнение...», и начинается словами «священны и богогласны апостолы и ученики его...» и кончается — «то убо будешь зверем входити и восхищати паству христову».

По содержанию — это дисциплинарное постановление от очень авторитетного имени,— судя по выражению «царство наше»,— императора, об обязанностях епископов, назначениях их на кафедры, в частности о «праздных епископах»: «Аще убо кто таковых свою церковь оставит нищеты ради... извергати повелеваем и от общения отлучати...; иже поставлен был и послан дважды или трижды со крещением... таковых возводити на престол вдовствующия церкве повелеваем...; Аще ли от тех обрящутся нецни... словом же и делом и житием целомудрени, таковых на большии и лучшии степень возводити повелеваем...» [79]

Этой вставки нет в сербских списках, но она присутствует во всех известных восточнославянских списках, в том числе в Рязанском, и в печатных изданиях кормчей. Это не позволяет согласиться с предположением С. В. Троицкого, знавшего ее только по печатным изданиям, что «эта интерполяция сделана русскими редакторами Печатной кормчей» [80]. Маловероятно и предположение В. Н. Бенешевича, что вставка сделана «на Руси или для Руси». Очевидно она находилась еще в южнославянском списке, присланном на Русь, и попала в него, вероятно, или при его изготовлении в Болгарии, или, скорее, была включена еще в тот сербский список, хранившийся в Тырнове, который послужил протографом для списка Драгослава. Греческий источник этого южнославянского перевода, очевидно, может быть найден.

Определенные данные для характеристики архетипа дают также наблюдения над языком, орфографией и палеографией Рязанского списка. Э. Д. Блохина неоднократно отмечает южнославянские черты в рукописи 1284 г. Особенно выразительны слова исследовательницы об особенностях палеографии рукописи, которыми памятник отличается от других русских рукописей XIII в. и которые либо выводят его за пределы XIII в., либо вводят в область нерусской палеографии — наличие вязи и лигатур, формы колофонов, начертания отдельных букв и многовариантность написания букв. В орфографии она отмечает наличие знака, контоминирующего большой и малый «юсы» в значении «а» и «у», характерного для среднеболгарских рукописей XII—XIII вв., обратное написание букв «ю», «а», «ѣ», «ь» [81]. Однако среди южнославянских особенностей рукописи Э. Д. Блохина считает преоблада-

---

[79] С. В. Троицкий называет этот отрывок «очень резким поучением епископам» («Како треба издати...», с. 91), но приведенные распоряжения говорят, что элемент поучения в этом памятнике играет не основную роль.

[80] *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 91.

[81] *Блохина Э. Д.* Палеографическое и фонетическое описание Рязанской кормчей 1284 г. Канд. дис. Л., 1970, с. 101—103.

ющими сербские (замена малого ѧ на «е», употребление «ь» вместо «ѣ» и «ъ» смешение «ы» и «и», замена «оу» на «ю» у двух писцов V и X).

Все эти южнославянские черты в Рязанском списке можно возводить к тому южнославянскому протографу, который был прислан в Киев, а оттуда в Рязань.

Сербская кормчая была выписана на Русь митрополитом Кириллом, хотя здесь давно и хорошо была известна Древнеславянская кормчая. Чем было вызвано такое желание Кирилла?

В литературе отмечается одна из причин этого — утрата в связи с монгольским разорением большого числа книг, в том числе списков кормчей книги [82]. Несомненно, что она была очень важной, особенно для восточных и южных княжеств, в частности Рязани, Владимира Суздальского, Киева, Владимира Волынского, Галича — крупных культурных центров и кафедр, значительно пострадавших во время монгольского нашествия.

Судя по записи писцов Рязанской кормчей 1284 г., местная епископия не имела ни одного экземпляра правил, что препятствовало отправлению церковной организацией ее функций. Однако кормчие книги на Руси продолжали существовать и переписываться и после 1237—1240 гг. в Новгороде и, вероятно, некоторых других церковных центрах. О новгородских списках и сокращениях Кормчей 14 титулов без толкований говорилось в разделе об этой кормчей на Руси. И в дальнейшем, в 1260—1270-х годах, при создании Русской редакции была использована эта древняя кормчая в качестве одного из источников нового кодекса канонического права.

Важной причиной большого внимания к присланной кормчей книге и самого обращения в Болгарию за ней было различие в характере старого кодекса, содержащего только ранние памятники, до X в., в полных и противоречивых текстах и несовершенных переводах, и нового, включившего новейшие установления XI—XII вв., имевшие удобный сокращенный текст, снабженный комментариями XII в., связывавшими ранние нормы с практикой нового времени, причем в хороших, ясных переводах.

Таким образом, Сербская редакция кормчей представляла новый значительный этап в составлении корпуса церковного права на славянском языке и именно такой корпус мог быть полезен на Руси при восстановлении и укреплении древнерусской церковной организации во второй половине XIII в.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СЕРБСКОЙ РЕДАКЦИИ НА РУСИ

Кормчая Сербской редакции получила большое распространение на Руси как в первоначальном виде, так и с бо́льшими и ме́ньшими изменениями и в переработках. Хотя ее переписывали и ею пользовались уже в XIII в., свидетельством чего являются Рязан-

---

[82] *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв., с. 177; *Ангелов Б. С.* Из старата българска, руска и србска литература, с. 192.

ский список 1284 г. и использование ее при создании Русской редакции, особое распространение она получила, очевидно, позднее, после вхождения юго-западных и западных земель Руси в состав Польского и Литовского государств и разрыва государственных и церковных связей между отдельными частями Руси, сопровождавшегося формированием особых церковных организаций на этих землях.

Большая часть восточнославянских списков XV—XVII вв.— украинского и белорусского происхождения. В XV в. кормчая имела распространение на южнобелорусских землях (Туров и Пинск), в XVI в.— в районе Владимира Волынского, Холма и Белостока, на территории «митрополии Киевской и Галицкой» вообще, в XVII в.— в Правобережной Украине (Межигорский монастырь, Красный Кут), в Западной Украине (Львов), в Белоруссии (Пинск, Жировицкий монастырь).

Эта популярность Сербской редакции на украинских и белорусских землях может найти объяснение в том, что именно здесь в качестве глав церкви подвизались в XIV—XV вв. южнославянские деятели: Киприан, Григорий Цамблак, Григорий Болгарин [83], которые, вероятно, хорошо знали этот сборник. Однако при этом следов вторичного появления на Руси южнославянских текстов кормчей нет, все они восходят к списку, переписанному Драгославом.

Эта кормчая была известна и на территории Русского государства, и в Новгороде (середина XVI в.), но в значительно меньшей степени. Русские (великорусские) списки Сербской редакции восходят не к раннему архетипу памятника, общему с Рязанским списком (в составе 64, III глав), а к более позднему, общему с юго-западными списками (в составе 64, II глав). Следовательно, в Северо-Восточной Руси к XVI в. не сохранился ранний список кормчей, бывший источником для русских редакций, а были известны лишь более поздние тексты XIV—XV вв. Текст такой кормчей хранился в начале XVI в. в библиотеке Суздальской епископии и именно он послужил источником для известных пяти списков северо-восточного происхождения. Об этом свидетельствует указание в конце списков Погодинского I, Воскресенского и Егоровского I: «Доселе с [С]оуздальских [правил]».

Самостоятельная Суздальская епископия была открыта, вероятно, в первой половине XIV в. [84], и список кормчей этого времени мог попасть в ее библиотеку вскоре. Но больше оснований относить появление кормчей и архетипа группы русских списков к Суздалю в третьей четверти XV в. Известно, что вскоре после 1460 г. на Суздальской кафедре появился епископ Евфимий, бежавший в Москву из Литовского великого княжества с Черниговской и

---

[83] Новый документ 1467 г., касающийся поставления Григория Болгарина киевским митрополитом, см.: Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики, [ч.] II. М., 1976, с. 145—147.

[84] *Голубинский Е. Е.* История.., т. II, пол. 2, с. 29.

Брянской кафедры от митрополита римской ориентации Григория [85]. Возможно, что он и принес с собой с Украины эту кормчую.

В конце XV в. кормчая уже была известна в Москве — список ее (с болгарскими записями XIII в.) использовал при создании своего церковно-юридического сборника (Мерила Праведного) юрист и дипломат Иван Волк Курицын, известный как еретик, казненный в 1504 г. [86] Источник знакомства Курицына с этой кормчей невыяснен, но важно, что из Суздаля списки кормчей попали в Иосифо-Волоколамский монастырь, где над этой кормчей работал (до 1522 г.) игумен, будущий митрополит Даниил, затем на Оку — в Рязань (в XVI в., до 1585 г.) и Коломну (1622—1623 гг.). Рязанский епископ Леонид, поставленный в 1573 г., был постриженником Иосифо-Волоколамского монастыря [87]. Возможно, что кормчая была принесена в Рязань вторично им. В Москве в 1649 г. патриархом Иосифом список этой редакции был положен в основу первого типографского издания кормчей, что привело к довольно быстрому вытеснению ею других русских редакций [88].

Как при своем появлении на Руси в XIII в., так и в более позднее время, в XIV—XVI вв., кормчая Сербской редакции не полностью могла удовлетворить нужды местных церковных юристов, администраторов и идеологов. Это относится как к Юго-Западной и Западной Руси, так и к Северо-Восточной. Она дополнялась другими, известными на месте, памятниками, подвергалась сокращениям и более значительным переработкам.

Наиболее ранней такой обработкой, принадлежащей еще XIII в., является Русская редакция кормчей. Эта редакция построена на основе материалов Сербской кормчей, но в ней широко использованы переводы древнеболгарской кормчей, известные на Руси с XI в., а также местные и переводные памятники. Русской редакции ниже посвящена особая глава.

Одновременно с созданием Русской редакции или очень скоро после этого, в конце XIII в. [89], материалы Сербской кормчей были включены в русский сборник Мерило Праведное — руководство и пособие для княжеского суда. Во вторую его часть, содержащую отдельные апостольские, соборные и отеческие правила, императорские установления и синодальные решения, а также южнославянские и древнерусские юридические памятники, из Сербской редакции вошли новеллы Юстиниана и Алексея Комнина, Закон Моисеев, Прохирон и многие другие произведения. Важно отметить, что в Мерило Прохирон вошел целиком, без сокращений, в то время как

---

[85] РИБ, т. VI, стб. 657—670; *Голубинский Е. Е.* История.., т. II, пол. 2, с. 29—30.

[86] ГБЛ, МДА Фунд. 187.

[87] *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, с. 15.

[88] О печатном издании 1649—1653 гг. см.: *Žužek I.* Kormčaja Kniga. Roma, 1964.

[89] *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде, с. 97.

в Русскую редакцию кормчей из него было заимствовано только пять титулов, трактующих о вопросах, принадлежавших на Руси церковной юрисдикции.

Такое содержание Мерила Праведного в обеих его частях — и в первой, где находятся поучения к князьям и властелям о справедливом суде, и во второй, куда включены правила и юридические компиляции, которые могли использовать в своей судебной деятельности представители светской власти, вместе с обращением к «великому князю» в введении к сборнику — указывает на то, что сборник был составлен именно для княжеского, светского судьи, хотя его составителем был церковный деятель. Исследование состава и оформления его старшего списка XIV в. позволило связать происхождение троицкой пергаменной рукописи с Тверью и, предположительно, епископом Федором [90]. Однако светское назначение сборника, явственно выступающее и в последних исследованиях Троицкого списка (миниатюра с изображением царя Соломона в качестве праведного судьи) не позволяет видеть в лице, для которого был изготовлен и Троицкий список, епископа. Скорее последний мог выступать в качестве заказчика книги для современного ему великого князя.

Полный текст Прохирона, включающий 39-й титул «О казнях», был одним из источников при создании Пространной редакции Закона судного людем. М. Н. Тихомиров установил заимствование в составе этого русского памятника из нескольких статей 39-го титула [91]. Возникновение Пространной редакции Закона исследователь относит к XIII — началу XIV в. Появление на Руси полного текста Прохирона в составе Сербской кормчей во второй половине XIII в. может сузить датировку памятника: он возник не ранее 70-х годов XIII в.

БАРСОВСКИЙ ИЗВОД КОРМЧЕЙ БЕЗ ТОЛКОВАНИЙ

Особая обработка кормчей находится в единственном списке второй половины XVI в.— Барсовском IV. Она не имеет аналогий среди всех других кормчих XIII—XVII вв. Барсовский извод отличает отсутствие толкований к апостольским и соборным правилам, т. е. той важнейшей составной части кормчей Сербской редакции, которая наряду с другими ее качествами способствовала столь быстрому и широкому распространению в славянских странах.

В кормчей нет истолкования стиха «Господи... помилуй нас. Аминь», символа веры и молитвы «Отче наш», находящихся в Серб-

---

[90] *Айналов Д. В.* Миниатюры древнейших русских рукописей в музее Троице-Сергиевой лавры и на ее выставке.— В кн.: Памятники древней письменности, № CXC, Л., 1925, с. 33; *Вздорнов Г. И.* Из истории искусства русской рукописной книги XIV в.— «Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, с. 162—171.

[91] Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции. М., 1961, с. 14—15.

ской редакции между Сказаниями о соборах и дофотиевым предисловием к Синтагме 14 титулов, нет шести добавочных глав в конце оглавления. Все толкования к апостольским и соборным правилам опущены, хотя в одном из заглавий кормчей «Изложение правилом апостольским и отеческим, имѣа протлъкование Алексиа диакона и законохранителя Аристина» указания на толкования были сохранены.

Барсовский IV список переписан с дефектного протографа, в котором были утрачены листы с окончанием (частью главы 47 и главами 48—87) Собрания в 87 главах (глава 45 кормчей) и следующих далее ее глав. В списке глава 47 этого Собрания недописана и оставлена свободной часть листа. Обработка кормчей, следовательно, не принадлежала ни писцам этого списка, ни, очевидно, тому культурно-историческому кругу, в котором они работали: к ним попал уже дефектный список, имевший до того свою особую судьбу.

Зависимость Барсовского извода от кормчей Сербской редакции с толкованиями, распространенной на территории Руси, несомненна. На то, что источником переработки была именно такая кормчая, а не какая-либо древняя кормчая, не имевшая толкований, указывает ряд свидетельств. В Барсовском IV списке есть обе болгарские вставки XIII в. с именами Святослава и Драгослава, причем находящиеся на обычном месте, среди правил Карфагенского собора; о ссылке на «протолкование Алексия... Аристина» уже говорилось. В одном замеченном нами случае (85-е апостольское правило) толкование Зонары все же было оставлено, но оно дается как текст правила [92]. Очевидно, в списке — источнике переработки перед этим текстом было опущено обычное указание «тлькь» (толкование) и редактор не понял его значения.

Кроме пропуска толкований к правилам в Барсовском IV списке отсутствуют и несколько статей — сочинений отцов церкви. Это три группы глав Сербской редакции: глава 24—25: поучения Василия Великого к пресвитеру (глава 24): а) о службе в церкви, б) о ежедневном причащении и в) об исправлении тех, кто отказывается от публичной епитимии [93]. Послание Василия Великого к Григорию Богослову (Назианзину) о монашестве (глава 25); затем часть глав 30 и 32 с тремя перечнями «истинных» книг Ветхого и Нового завета и, наконец, главы 41—42 о ересях. Выпись из сочинения Димитрия Синкелла, митрополита Кизического, о еретиках — яковитах-евтихианах и о «хацицарах» — армянах, обожествляющих крест; глава 42 — небольшое полемическое сочинение против мессалиан — богомилов, кратко повторяющее обвинения против них в «Главах месалийского злочестивого повеления»

---

[92] «Заповѣдавше чсnии апсли како подобает вѣрным жити... книг обрѣтаютсе» (Кормчая. Напечатана с оригинала патриарха Иосифа, л. 24).

[93] А) «Потщися, о прозвитере...»; б) «Аще на всяк день причащатися ..»; в) «О нерадящих епитимиях, рекше о запрещениях».

(глава 61 кормчих Сербской редакции), глава 43, состоящая из двух отрывков: 1) из послания Петра III, архиепископа Антиохийского к Доминику, архиепископу Венецианскому (после 1040 г.) с опровержением претензий его кафедры на титул патриархии и против службы с опресноками и 2) из сочинений Леонтия, архиепископа Болгарского (около 1050 г.) о сравнении празднующих субботы с опресноками с черно-белой рысьей шкурой.

Основной вопрос в изучении переработки кормчей, представленной списком, это ее смысл: для чего, когда и где она была сделана? На настоящей стадии исследования ответ может быть очень общим, а что касается отдельных деталей — только приблизительным.

Важнейшее достижение средневековой восточнохристианской канонической науки и практики XII в.,— комментарии византийских канонистов к древним правилам, носившим авторитетные имена апостолов, отцов церкви — участников соборов,— со временем на Руси в иных общественных и политических условиях изменили свое значение. В ходе общественно-политической борьбы, шедшей на Руси в XV—XVI вв. в связи с вопросами о церковном землевладении, с реформационным движением, критикой учения и практической деятельности господствующей церкви, среди сторонников укрепления престижа церкви путем некоторого пересмотра ее практики появились тенденции к «критическому осмыслению огромного наследия святоотеческой литературы» [94]. Стремление подкрепить свои социально-политические требования авторитетом апостольских, соборных и отеческих правил вызывало у некоторых русских идеологов XVI в. критическое отношение к традиции, сопровождавшей эти правила в известных рукописях.

Как говорилось уже в разделе о причинах распространения списков кормчей Ефремовской редакции (без толкований) на Руси в XV—XVI вв., это отношение заметно у представителей различных политических ориентаций — и наиболее радикального антифеодального движения (Феодосия Косого), и сторонника идеологии господствующей церкви, правда, стоящего особняком, связанного с Максимом Греком и преследовавшегося великокняжеской властью — Зиновия Отенского. Критическим является отношение к изложению соборных решений «в наших русских правилах» и у представителя оппозиционного нестяжательского лагеря Вассиана Патрикеева, который видит в них искажение «божественного писания», запрещающего монастырям владеть селами [95]. Таким образом, можно думать, что возвращение интереса к правилам апостолов и

---

[94] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 452.

[95] «О сем же, что в русских наших правилах, 4-го събора правило 24 и Седмаго събора правило 12 и 18 писано к монастырем села, и сие есть блазнено по божественному писанию: кто будет сии святая писания подписал ложно в наших русских правилах, что монастырем села держати» (*Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев. М.— Л., 1960, с. 234).

соборов без толкований в ранних славянских переводах сочеталось в конце XV—XVI вв. с вновь возникшим интересом к правилам в существующих переводах, но без искажающих их толкований. Наряду с этим русские мыслители этого времени стремились познакомиться и с греческими текстами правил и дать их новые переводы [96].

Мы привязали возникновение Барсовского извода кормчей к известным фактам в истории русской общественной мысли XVI в. лишь условно. Эта условность связана с тем, что единственный список такой кормчей второй половины XVI в. является не русским, а юго-западным, украинским или молдавским. Хотя в Барсовском IV списке (в основной его части, содержащей кормчую) нет прямых свидетельств, где он переписан и тем более указаний на место появления переработки, ряд косвенных данных позволяет считать его происходящим из южных земель Речи Посполитой. Рукопись писана полууставом с не великорусскими, а украинскими, даже молдавскими чертами (буквы «м» с низкой полукруглой серединкой, «земля» с низким хвостом и др.); в ее языке есть южнославянские элементы (произнесение θ как Т: в Картагенѣ, θимотея архіепископа; в Картфагенѣ; Атанасия; Нила чръноризца; вънидѫтъ).

Что касается бытования рукописи в XVII—XVIII вв., то, судя по многочисленным маргиналиям и наиболее ранним, и более поздним, она читалась и дополнялась на Украине. На полях кормчей много заметок к тексту украинскими полууставом и скорописью, среди которых «зри пилно» (л. 122, 126, 132 об. и др.), «а не з грош[ей] (л. 137); зритѣ и учѣтся добре», «зрѣт[ѣ], епис[копе]» (л. 115 об., 116). На чистом листе 198 — украинские пробы пера с упоминанием «моцѣвого пана Василия» и «маршалка двору» и др. Наконец, к кормчей приплетена украинская рукопись XVII в. содержащая толкования христианских символов и образов.

Таким образом, есть основания видеть в Барсовском IV списке памятник западноукраинской или молдавской письменности. Что же касается переработки кормчей, находящейся в этом списке, то вопрос о месте ее возникновения остается открытым. Дефектность протографа списка, в котором утрачены главы начиная с середины 45-й, то, что кормчая Сербской редакции была известна в Северо-Восточной Руси и во второй половине XIII в. и в конце XV в. и позднее, наконец, собранные факты о критическом отношении в России в XVI в. к толкованиям правил позволяют связывать ее возникновение с территорией не только Украины, но и Рсссии.

---

[96] О новых переводах и греческих текстах правил, ставших известными в России в XVI в., см.: *Павлов А. С.* О кормчей князя — инока Вассиана Патрикеева.— «Ученые записки Казанского университета», 1864, т. I, с. 489—498; *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев, с. 236; *она же.* Очерки по истории русской общественной мысли. Л., 1970, с. 135.

IV

ГЛАВА

РУССКАЯ РЕДАКЦИЯ КОРМЧЕЙ XIII В.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

История создания Русской редакции кормчей, более всего отвечавшей интересам местного общества, включавшей древнерусские памятники права, имевшей значительное распространение на Руси и в некоторых соседних странах, к тому же бывшей основой для создания в XIV—XVI вв. ряда новых русских и украинских редакций, представляет первостепенный интерес.

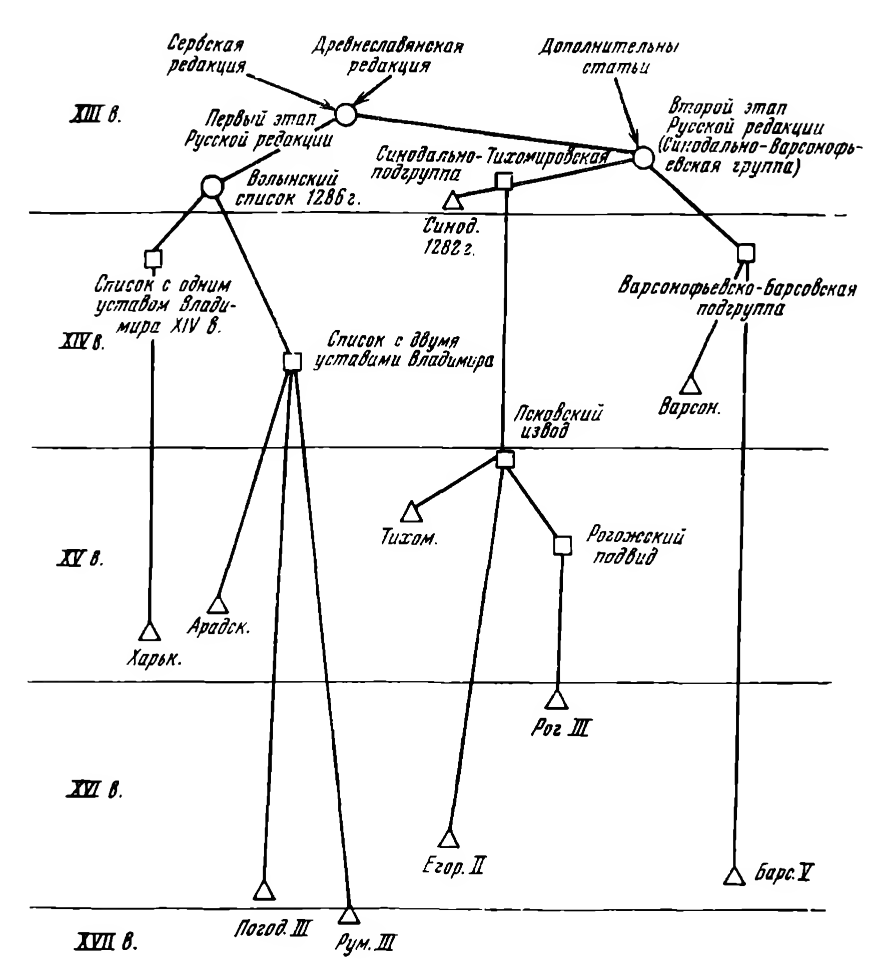
Старший, Синодальный, список кормчей был введен в науку в начале XIX в. Н. М. Карамзиным и К. Ф. Калайдовичем [1]. Евгений Болховитинов впервые определил то основное, что отличает связанный с нею «род списков» от другого, известного ему — Рязанского (Сербского) — это наличие в нем русских статей [2] А. С. Павлов, привлекший к исследованию открытый В. М. Ундольским Ефремовский список кормчей и ряд списков других редакций, смог сделать первые важные наблюдения над составом этой кормчей. Он характеризовал этот «Софийский» список как сложное сочетание нескольких редакций кормчих: во-первых, первоначального славяно-русского номоканона, сохранившегося в Ефремовском списке, и, во-вторых, нового номоканона, присланного в 1270 г. (?) из Болгарии, к которым во время создания этой «Софийской» редакции были добавлены русские статьи. Другую часть русских статей и Закон судный людем А. С. Павлов считал вошедшими в эту кормчую вместе со статьями первоначального номоканона [3]. Выводы А. С. Павлова о зависимости «Софийской» редакции от Рязанской, о трех основных источниках первой (Ефремовской редакции, Рязанской редакции и русских дополне-

---

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. II. Пб., 1816, прим. 65, 67, 72; *он же.* Письмо к М. Н. Муравьеву. 1806 г. — *Карамзин Н. М.* Соч., т. III. СПб., 1848, с. 698; *Калайдович К. Ф.* Предисловие к изданию Правды Русской.— «Русские достопамятности, издаваемые ОИДР», ч. I. М., 1815, с. 18—22.

[2] *Евгений* [*Болховитинов*]. Ответ барону Розенкампфу, 1822 г.— В кн.: Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии. Киев, 1825, прилож. № 42, с. 239.

[3] *Павлов А. С.* Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869.

Русская редакция кормчей

ниях) подтверждаются также результатами и настоящего исследования.

И. И. Срезневский, как и А. С. Павлов, считал, что этот тип кормчей («3-го разряда») имеет три основных источника — кормчие 1-го и 2-го «разрядов» и дополнительные русские статьи [4] В своей незаконченной работе об истории древнейших кормчих он дал ценные конкретные указания об источниках тех или иных статей этих сборников. Включив в исследование наряду с Синодальным также Варсонофьевский список, он установил, какие статьи в них восходят к кормчей Рязанского типа, какие даны в

[4] *Срезневский И. И.* Обозрение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1897, с. 12, 85—112.

переводе Ефремовской кормчей, какие «взяты из особого источника». И. И. Срезневский выяснил, что архетип обоих списков был составлен в промежуток времени между созданием последней из общих статей и перепиской самой Синодальной рукописи (1276—1280 гг.).

Попытка пересмотреть вывод А. С. Павлова и И. И. Срезневского об источниках текста «Софийской» редакции кормчей была предпринята в оставшихся неопубликованными работах В. Н. Бенешевича. Исследователь провел текстологическое сличение Рязанского списка с Синодальным списком кормчей и с греческими текстами некоторых статей и обнаружил, что в ряде случаев Синодальная кормчая, созданная на Руси и использовавшая древние переводы, известные в этой стране до XIII в., правильнее передает греческий оригинал, чем Рязанская кормчая, представляющая собой новый перевод, попавший на Русь незадолго до возникновения этого списка.

Это привело Бенешевича к предположению, высказанному затем более определенно, о том, что соборные и отеческие правила использованы в Кирилловской кормчей по переводу, отличному от южнославянских Сербской и Ефремовской кормчих и сделанному также у южных славян [5].

Привлечение более широкого круга русских списков Сербской редакции, однако, показывает, что большая часть чтений Рязанского списка, отличающихся от Синодального и от греческого оригинала, является особенностью только этого списка и не повторяется в других русских списках той же редакции. Так, например, в Рязанском списке говорится о том, что на VII собор папа Адриан прислал вместо себя одного «Петра благовернаго прозвутера и игумена иже в Риме честнаго монастыря святого Савы», а в других списках Сербской и Русской редакций речь идет о двух лицах: «Петра благовернаго первого презвитера св. римские церкви и другаго Петра презвитера и игумена иже в Риме честнаго монастыря святого Савы». Глава 2 титула 2 в 14 титулах в Рязанском списке ошибочно говорит о «покланянии святых *икон»*, в то время как в других списках — *«колен»* (περὶ γονυκλισίας, о покланяніи колѣнъ — Лаврск., л. 32). Ошибки не всегда бросаются в глаза, но важны по существу. Глава 35 титула 1 в 14 титулах Рязанского списка гласит: «О том, яко *не* подобает под епискупом того града быти», но этого *не* нет ни в греческом тексте, ни в Синодальном списке. Тоже с пропуском 74-го апостольского правила в Рязанском списке: оно есть и в Русской, и в Сербской редакциях.

Соотношение текста этих списков *прослеживается* в главе 3.

---

[5] Архив АН СССР (ЛО), ф. 192, оп. 1, № 41 («Сличение Рязанской кормчей с Новгородской», 1900—1901 гг.); там же, ф. 192, оп. 2, № 57 («Миражи в истории южных славян и древней Руси»). См. сноску 57 на с. 29 настоящего издания.

Историческое значение создания русских юридических и канонических сборников второй половины XIII в. и среди них Софийской кормчей изучал М. Н. Тихомиров. Ему принадлежат исследования как важнейших памятников в составе древнейших кормчих — Правды Русской, Закона судного людем, Летописца вскоре, так и места кормчей в истории русской письменности XIII в. вообще [6]. Исследователь оценивает создание в последней четверти XIII в. ряда списков кормчей, а также правил собора 1274 г. как показатель работы по восстановлению церковно-юридических памятников в пору монгольского ига, приспособления переводных памятников к местным условиям и создания новых кодексов, соединивших русские юридические произведения с традиционными авторитетными памятниками права. М. Н. Тихомиров считал, что кормчая, лежавшая в основе Синодального и Варсонофьевского списков, была, по всей видимости, написана в новгородских пределах не ранее 1274 г., она не включала еще Русской Правды (последняя появилась лишь при создании Синодального списка в Новгороде) [7], как и Закона судного людем [8].

Варсонофьевская кормчая, по Тихомирову,— Владимиро-Суздальский памятник. Устав Владимира в ее составе имеет характер более древний, чем в Синодальной, и заменен в последней более полным [9].

Исследование других произведений, входящих в состав Синодальной и Варсонофьевской кормчих (Устава Владимира, Летописца вскоре), а также расширение круга кормчих, подлежащих сравнительно-текстологическому изучению, позволяет предложить некоторые другие решения поставленных исследователями задач, более детально проследить историю создания и развития местной кормчей, лежащей в основе и Синодального, и Варсонофьевского списков.

Однако среди списков кормчих книг, содержащих правила с толкованиями в переводах как Сербской, так и Ефремовской кормчих, включающих древнерусские памятники, т. е. списков, имеющих основные характерные черты русской обработки, можно выделить не одну, «Кирилловскую», а несколько обработок. Индивидуальными чертами обладают такие группы кормчих, как Чудовская (соединенная с Мерилом), Новгородско-Софийская, Мясниковская, Толстовская, украинская Лукашевичская и многие другие, которые все имеют те же общие черты, определяемые их общим источником,— текстом кормчей ранней древнерусской обработки XIII в.

---

[6] *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.— Л., 1941, с. 81—88; *он же.* Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 173—184; Закон Судный людем Краткой редакции. Подг. к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. М., 1961, с. 7—26.

[7] *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде, с. 84.

[8] Закон Судный людем Краткой редакции, с. 10—11.

[9] *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде, с. 85.

Из изученных 180 списков русских редакций было выделено девять рукописей XIII—XVII вв., которые лучше всего сохранили черты раннего архетипа. Они и легли в основу изучения истории создания Русской редакции наряду со списками других (Софийской, Лукашевичской и пр.).

СОСТАВЛЕНИЕ КОРМЧЕЙ В 60—70-х ГОДАХ XIII В.

ДВА ЭТАПА РАБОТЫ ПО СОЗДАНИЮ РУССКОЙ КОРМЧЕЙ

Для рукописей, которые принадлежат XIII—XIV вв. или имеют указания на ранний протограф (Синодальный XIII в., Варсонофьевский XIV в., группа, восходящая к Волынской кормчей XIII в.), наиболее важной, определяющей чертой является оглавление в 70 главах и основной состав, который имеет прямое соответствие этим 70 главам. Оглавление («Изложение сущаго в книгах сих...») включает апостольские, соборные правила (в общем хронологическом порядке), правила Василия Великого, Юстинианово и Моисеево законодательство, правила и послания отцов церкви, истолкования молитв и служб, статьи о браках, пять глав из Прохирона, два предисловия к Сербской кормчей и, наконец, три древнерусские статьи: 68. Правила Иоанна, митрополита Русского; 69. Вопрошание Кирика и 70. Правила митрополита Кирилла Русского [10].

Что касается состава статей, то списки, восходящие к Волынской кормчей, содержат главы — правила и установления, почти полностью соответствующие этому оглавлению. Исключений немного: отсутствует сочинение Иоанна Трифеита «О естестве и составе» (в главе 39), главы 40—42 (сочинения о правилах приема иноверцев Тимофея презвитера Великой церкви; новеллы 133 о монастырском устроении, 137 — о епископах, Послание Афанасия Александрийского к князю Антиоху), главы 69 и 70 (Вопрошание Кирика и Правило митрополита Кирилла). В текст после главы 16 вставлен текст Устава Владимира Волынской редакции (полный). После главы 68 (Правила Иоанна митрополита) находится еще несколько статей: Соборное постановление о правилах общежительства в монастырях под названием «О соединении святого собора устав и завет мнишеского жития...», воспроизведенная с архетипа запись о написании кормчей 6794 (1286) г., выпись из правила о мирских властелях («Правило 1-е Седьмого вселенского собора»), дефектный (второй) текст Устава Владимира той же редак-

---

[10] Оглавление по Синодальному списку опубликовано: *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 86—90. Оно есть во всех списках: Синодальном, л. 1 об.— 4; Чудовском, л. 1 об.— 3; Арадском, л. 1—3 об.; Погодинском, л. 7—9 об.; Егоровском, л. 1—3 об.; Тихомировском, л. 1—1 об. (без начала). В Барсовском V, Рогожском III и Румянцевском III начало списков с оглавлением утрачено.

ции и заключительная приписка («Слава свершителю богу... Аминь»), после которой в Румянцевском списке следуют дополнительные статьи.

Другие списки наряду с указанными 70 главами имеют большое количество добавочных статей, отсутствующих в оглавлении. Часть этих статей вставлена в текст кормчей между ее главами: Закон судный людем Краткой редакции с сопровождающими статьями: «Еретицы хулять», «Почему не подобает жену звать госпожой» и «Вопрос к Федору Сикевоту» (после главы 23); две статьи под именем Афанасия Иерусалимского: «Написание о древе добра и зла» и «Поучение о наузах и стрелках громных» (после главы 38); «Поучение о тугом перепоясании», «Заповедь Моисея» с толкованием (после глав 51—52); запрещение рисовать кресты на земле и на льду (после главы 53); 7-й титул Прохирона в древнеславянском переводе в сопровождении русских уставов о браках (после главы 55), древнерусские правила Ильи, архиепископа Новгородского; правила епископам и чернецам (после главы 67). Кроме того, большое число статей добавлено вслед за 70-й, последней, главой. Здесь их, по нумерации И. И. Срезневского, насчитывается еще 25 (71—95): Летописец вскоре патриарха Никифора в древнерусской обработке, перечень епископов Константинополя, «Сказание хитро о чувствах телесных», устав монастыря Феодора Студийского, символические толкования слов и службы, «Сказание о черноризском чину» Кирилла Туровского. Последней статьей, общей для этой группы списков, является «Чин погребения братии по Студийскому уставу».

Таким образом, существует две группы списков раннего состава: Волынская (Волынский извод), лучше сохраняющая ранний состав кормчей, и Синодально-Варсонофьевская, содержащая этот состав с дополнениями. Внутри второй группы, в свою очередь, можно выделить подгруппы и изводы, отличающиеся и дополнительными статьями, и (как это будет показано ниже) местом происхождения. Это, во-первых, Синодально-Тихомировская подгруппа, включающая Синодальный извод (Синодальный список с новгородскими статьями, переписанный в Новгороде) и Тихомировский извод (Тихомировский и Рогожский списки с приложением посланий иерархов, адресованных в Псков). Во-вторых, Варсонофьевско-Барсовская группа списков, содержащих владимиро-суздальские статьи. Она включает Варсонофьевский извод (список) и Барсовский извод (список), различающиеся особыми дополнительными статьями. Наконец, последнюю группу составляет один Егоровский список (извод), не имеющий ни владимирских, ни (в первоначальном своем составе) новгородских статей.

Две группы списков Русской редакции отражают два этапа в создании этого сборника: первый — отбор правил и толкований и объединение их в одной рукописи с оглавлением в 70 главах, соответствующим этому составу, и второй — дополнение этого сборника добавочными статьями.

Важнейшая, основная работа по созданию новой кормчей книги, определившая ее новое качество, была проделана на первом этапе. Каково содержание этой работы? Для лучшего понимания места этой кормчей среди более ранних и более поздних и вклада древнерусских юристов-компиляторов в историю культуры своей страны в XIII в. можно выделить три, тесно связанные между собой, составные части их труда: отбор в источниках статей (глав и их составных частей) для включения в кормчую; выбор того или иного перевода правил при снабжении их готовыми комментариями и, наконец, расположение статей в определенном порядке. Рассмотрим каждую составную часть этой работы отдельно.

Существование двух последовательных этапов работы над созданием новой русской кормчей, относящихся к 20-летию между 1262 и 1282 гг., находит подтверждение в ряде свидетельств: в существовании двух групп списков — Волынской и Синодально-Варсонофьевской, имеющих общую основу — архетип, в оглавлении во всех списках Русской редакции, содержащем 70 глав, и заглавиях глав в кормчих, соответствующих этому оглавлению, наконец, в различии источников, использованных на каждом из этих этапов.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СОСТАВ КОРМЧЕЙ

Древнерусская кормчая в первой, ранней обработке представляла собой сборник церковного и светского права, регулирующего внутреннюю жизнь церкви, ее место в обществе и многие догматические и обрядовые вопросы, который включал памятники византийской письменности и основные древнерусские произведения XI—XIII вв. Включение важнейших из местных авторских сочинений — киевских правил митрополита Иоанна, новгородских епископа Нифонта и правил собора, созванного митрополитом Кириллом в 1273 г., наряду с особым отбором и компоновкой переводных памятников выделяли эту новую кормчую из числа других сборников церковного права XIII в.

Каково содержание этого сборника?

В его составе условно можно выделить несколько частей, различных по объему и, отчасти, по источникам. Проследим его состав в сравнении с этими основными источниками.

Первую, вводную, составляют оглавление в 70 главах с заглавием к кормчей в начале, сказание о всех вселенских и поместных соборах («И еще о всех святых соборах») и 14 титулов. Составитель очень последовательно отбирал для нее материал: из двух сказаний о соборах взял то, где говорилось о *всех* соборах, и вселенских, и поместных, и опустил то, где говорилось только о вселенских (однако оно попало затем в середину кормчей). Не были включены в эту часть два предисловия к кормчей и толкования молитв (все это также попало в середину кормчей). При подборе вводных статей составитель был очень требователен, включая, кажется, только максимально необходимое.

Основная часть кормчей неоднородна по содержанию и подбору источников. Внутри ее выделяются два комплекса статей, подобранных по различным принципам: главы 1—23 (или 24) представляют собой выборку важнейших правил и установлений из Сербской кормчей, сделанную в порядке глав этого источника (но с большими пропусками): 1—20, 45—48, 59?, и компиляцию их с правилами Ефремовской; главы 25—67 являются выборкой, сделанной уже иначе, без строгой системы. Русские статьи (главы 68—70) завершают второй комплекс.

Первые 18 глав первого комплекса — это апостольские и соборные правила, в том числе тех соборов 867 и 880 гг., которых еще не было в Ефремовской кормчей. Однако апостольские правила взяты не все. В Сербской кормчей находилось четыре собрания апостольских постановлений, из которых заимствовано два (85 апостольских правил, 17 правил апостола Павла). Полностью опущены: «Всех апостол 2 правила» с запретом непослушания и незаконного поставления священников и большая часть (15 из 17) «Правил обоих апостол». Из этого собрания заимствованы только правила об отпевании мертвых и с осуждением пьянства светских и церковных властелей. Далее следуют Правила Василия Великого (главы 19—20) также с добавлением епитимийных правил (в компиляции, возможно, Иоанна Схоластика), отсутствовавших в Ефремовской редакции. Последнюю часть этого комплекса составляют три важнейшие юридические компиляции. Это, во-первых, Собрание в 87 главах (с добавочными главами без номеров) Иоанна Схоластика, оно заимствовано не из Сербской кормчей, а из Ефремовской и приписано здесь, как и в последней, Григорию Акраганьскому; во-вторых, Собрание постановлений из Юстинианова законодательства (Кодекса, Новелл и Дигест) и, в-третьих, так называемый «Закон Моисеев» — компиляция VIII в. на основе юридического материала библейских книг (обе последних — из Сербской кормчей, главы 22—23). Продуманность и логичность отбора этого комплекса несомненна. Этим он отличается от второго комплекса статей, набранных из различных частей своего основного источника.

В этой мешанине статей и глав также можно заметить элементы подбора близких по содержанию и по прежнему месту статей. Первый комплекс заканчивался главой 24 (по Сербской редакции — главой 59) — соборным решением 920 г. о ликвидации раскола в церкви на основе осуждения четвертого брака, включенным из Сербской кормчей. Главы второго комплекса идут в таком порядке. Вначале следуют три статьи против симонии (главы 25—27 из послания патриарха Тарасия к папе Адриану 790 г., включенные из главы 26 Сербской кормчей и двух текстов Окружного послания патриарха Геннадия 459 г., первый из которых неустановленного происхождения, а второй — глава 38 Сербской редакции, заменившая полный текст послания в Ефремовской). Далее — пять статей о различных случаях деятельности еписко-

пов и священников, в том числе о поллюциях (глава 28 из Послания Афанасия Великого, епископа Александрийского (ум. в 373 г.) к монаху Амону — «Аммону» (глава 30 Сербской редакции), о сравнительной ценности брака и девства (глава 28 А, глава 30 Сербской редакции), о крещении, причащении, посте и прочем (главы 29—31 из сочинений александрийских епископов IV—V вв. Тимофея, Феофила, Кирилла, соответствующие главам 34—36 Сербской редакции — христологическая статья Кирилла Александрийского против несторианства (глава 31 А Русской редакции — глава 37 Сербской). Следующая группа статей — сочинения о правилах покаяния и причащения (главы 32—34) Дионисия, епископа Александрийского, около 248—265 гг., об оставлении поста в великую субботу, молитва над кающимся, поучения Василия Великого о причащении и о воздействии на отвергающих публичное покаяние, соответствующие главам 27, 53, 24 Сербской редакции. Главы 30, 34—37, 27 Сербской редакции не были новостью для русских списков кормчей, эти сочинения в полном виде и древнем переводе входили в Ефремовскую кормчую, но в новую кормчую они были включены именно в сокращенном виде и новом переводе Сербской кормчей. Следующие главы 53 (начало) и 24 (отрывки) не имели аналогий в Ефремовской.

Идущие далее две большие группы глав посвящены полемике против латинства (главы 35—37) и еретичества (38—31). Каждая из глав состоит из ряда отдельных статей. Глава 35 (соответствующая 43-й Сербской редакции) — две выписи из послания Петра, епископа Антиохийского [11], к епископу Венецианскому («Бенетскому») после 1040 г. против присвоения последнему титула патриарха и с изложением теории «пентархии» (пяти патриаршеств) и об опресноках. Глава 36 (выписи из глав 49 и 50 Сербской редакции) — выписи из сочинений Никиты Стифата (вторая половина XI в.) против употребления опресноков [12], стрижения бороды, отращивания волос. При заимствовании этих статей из Сербской кормчей был произведен отбор материала — разделы с осуждением безбрачия священников, соблюдения субботнего поста, ношения священниками перстней и украшенных одежд, причесок и завивок в Русскую кормчую включены не были. Но зато здесь появился из неустановленного источника краткий трак-

---

[11] Во всех русских списках Сербской редакции и в списках кормчих русских редакций XIII—XVII вв. Петр ошибочно назван Александрийским. Поскольку в сербских списках в заглавии искажения нет, ошибка появилась на одном из этапов возникновения архетипного текста древнерусских списков Сербской редакции: в сербском списке, бывшем протографом для болгарского списка писца Драгослава или в самом этом болгарском списке 1262 г.

[12] А. С. Павлов предполагает, что текст в составе «Слова» Никиты Стифата (начало: Εἴ ἔστι σοι σύνεσις, φησὶν ὁ σοφός, ἀποκρίθητι τῷ πλησίον) принадлежит не ему, а Никите Хониату (*Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, с. 72—73).

тат на ту же тему «Почто рече господь: не ростите влас главных, не броснете брад ваших», связывающий эти обычаи с обычаями древних греков, отращивавших у детей волосы, бривших и царапавших лицо и делавших татуировку в знак траура [13]. Глава 37 (глава 51 Сербской редакции) — полемическая компиляция «о фрязях и о прочих латинях» (конец XI в. [14]) с перечислением трех десятков «отступлений» латинян, частью курьезного характера [15].

Группа антиеретических глав содержит выпись из сочинения Дмитрия, митрополита Кизического (первая половина XI в.), о яковитах, не разделяющих две ипостаси Христа, и о хацицарах — обоготворяющих крест («хаци» по-армянски крест), обличение мессалианов, называемых богомилами (глава 38 Русской редакции — 41 и 42 Сербской редакции). Обе эти статьи, новые для кормчих, включены в переводе Сербской кормчей. Из этого же источника взята глава 41 (глава 63, IV Сербской редакции) о мельхиседекианах, феодосиянах и афинганах. Что касается других глав этой группы, то все они здесь представлены в переводах не сербской, а древней Ефремовской кормчей: глава 39 (соответственно 61-я Сербской редакции) сочинения о ересях Епифания, архиепископа Кипрского, в изложении Иоанна Дамаскина (VIII в.), включающие выпись из сочинения Феодорита о мессалианах; сочинение «Иоанна книжника Трифеита глаголемого трудолюбивого» и обличение иконоборцев патриарха Никифора (глава 62 Сербской редакции) и глава 40— трактат Тимофея пресвитера Константинопольского (около 610 г.) о порядке приема в церковь различных еретиков (глава 63 Сербской редакции). Однако все эти сочинения, кроме принадлежащего Иоанну Трифеиту, есть и в Сербской кормчей. Можно думать, что выбор традиционно и давно известного на Руси Ефремовского текста статей о еретиках определялся признанностью здесь этих текстов. Вместе с переводами статей Сербской кормчей была отвергнута и одна ее статья о ересях и ересиархах Софонии, патриарха Иерусалимского (VII в., глава 62, II Сербской редакции), которой не было в Ефремовской.

В новую группу (главы 42—53) могут быть объединены главы, посвященные различным вопросам деятельности епископов и свя-

---

[13] Издан в книге: *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 101.

[14] *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, с. 56—59; *Павлов А. С.* Критические опыты.., с. 64.

[15] В славянском переводе памятника (в сербских и русских списках кормчих) опущен 19-й пункт греческого текста: латиняне неверно утверждают, что нельзя служить богу на других языках, кроме трех: еврейского, греческого и латинского (*Попов А. Н.* Указ. соч., с. 56—69). Не проявилось ли здесь какое-то особое внимание переводчика к славянскому языку? Киевский митрополит Никифор в Послании к князю Ярославу Святополчичу Волынскому (ум. в 1123 г.), используя греческий текст памятника, взял из него и этот пункт (15. «И молвять бо тии, яко не достоить инем языком хвалить бога, но токмо треми языки: жидовским языком, еллинским и римским».— *Макарий.* История русской церкви, т. II. СПб., 1868, с. 152—153).

щенников и жизни монастырей, а также богословским вопросам. Последним посвящены послание Афанасия Александрийского к князю Антиоху о понимании троицы (главы 42, III), заимствованное из Ефремовской кормчей [16] (в Сербской его нет), и толкования двух молитв: слов «Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас. Аминь» и символа веры (главы 49 и 50, соответственно главы 3 и 4 вводного раздела Сербской редакции). О поставлении епископов и клириков, их соборах говорится в главе 42 — новелле 137, заимствованной из Собрания в 93 главах Ефремовской кормчей [17], о приеме в церковь еретиков в главе 45 — Послании Афанасия Александрийского к Руфиниану (после 362 г., глава 31 Сербской редакции), о возвращении христиан, изменивших православию под насилием завоевателей или самостоятельно,— в главе 43 — Послании Григория Неокесарийского 254 г. (глава 29 Сербской редакции), в главе 44 — выписи из Послания Григория Нисского к епископу Литойю (IV в., глава 33 Сербской редакции), в главе 47 — сочинения Петра, епископа Александрийского (между 306 и 311 гг., глава 28 Сербской редакции). Монашеской жизни посвящены глава 42, II — новелла 133, также заимствованная из Собрания новелл Ефремовской кормчей [18], глава 48 — Послание Василия Великого к Григорию Богослову (около 347 г., глава 25 Сербской редакции) и глава 53 — канонические ответы патриарха Николая III Грамматика (1084—1111 гг., глава 57 Сербской редакции). Снисхождения к кающимся грешникам требует в своем послании к пресвитеру Хариклию Нил Синайский (V в., глава 46 Русской редакции, глава 44 Сербской редакции). Четырем ступеням публичного покаяния посвящен трактат «О том, колика и какова суть места епитемьям...», составленный в развитие епитимийных норм правила 75 Василия Великого (глава 51 Русской редакции, глава 23 Сербской редакции). В этой группе, кроме названных статей, заимствованных из Ефремовской кормчей, все остальные взяты из Сербской. При этом в главах 43—45 и 47 текст новой кормчей предпочтен соответствующим главам Ефремовской, а остальные главы (46, 48—53) — новые сочинения, не переведенные прежде.

Различным вопросам посвящены и находящиеся в конце главы, выбранные из Сербской кормчей, очевидно, на одном из последних этапов работы. Это два предисловия к книге (главы 64 и 65 — главы 5 и 6 вводной части Сербской редакции), рассказывающие о правилах и их значении, ответы Никиты, митрополита Ирак-

[16] *Щапов Я. Н.* Новый список Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции.— В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 265—266.

[17] ДСК, т. I, СПб., с. 1906, с. 795—807.

[18] ДСК, т. I, с. 822—837. Статья имеет заглавие в Русской редакции «Тый же Василии Иоану, преблаженому епископу», которое повторяет заглавие в Ефремовской кормчей и является ошибочным переводом слов «Ὁ αὐτὸς βασιλεὺς Ἰωάννῃ...», т. е. «тот же царь Иоанну...» и проч. Ошибка идет от древнеславянского переводчика Ефремовской кормчей.

лийского (Гераклеи) (конец XI — начало XII в.) [19] об отдельных вопросах заключения браков, положения причетников и монахов (глава 66 — глава 58 Сербской редакции), «По вопросам и ответам беседа святого Диадоха откровения» — «῞Ορασις» Диадоха, епископа Фотикийского (V в.; глава 67 — глава 60 Сербской редакции) [20].

Целая группа глав — с 54 по 63 — это установления о браках, как традиционные, из Прохирона (877—879 гг.), так и новые, X—XI вв., изменяющие и дополняющие эти старые нормы, в частности, запрещающие брак в седьмом колене родства и свойства. При этом здесь на первое место поставлены новые установления (главы 54—58), заимствованные из главы 56 Сербской кормчей [21], а текст Прохирона (в Сербской редакции глава 55) — за ними (главы 59—63).

Включив в свой новый сборник Прохирон, популярное византийское руководство по различным отраслям права, составитель, однако, значительно его сократил и превратил в судебник главным образом по делам об обручениях (титул 1), об имущественных отношениях, связанных с этим актом (титулы 2 и 3), о нормах расторжения брака (титул 11) и передаче имущества на правах дара (титул 12). Все остальные 35 титулов этого «Закона градского» были опущены.

Древнерусские памятники составляли три последние главы новой кормчей, причем они расположены в хронологической последовательности: наиболее ранние канонические ответы митрополита грека Иоанна II Продрома (1080—1089 гг.), переведенные с греческого, о различных случаях дисциплинарной жизни мирян, монахов, белого духовенства и епископов [22] (глава 68), Вопрошание Кирика — ответы новгородского епископа Нифонта (1130—

---

[19] *Павлов А. С.* Канонические ответы Никиты, митрополита Ираклийского (XI—XII вв.) в их первоначальном виде и в позднейшей переработке Матфея Властаря.— Византийский временник, т. 2. СПб., 1895, с. 160—176; Сборник неизданных памятников византийского церковного права. Изд. А. С. Павлов. СПб., 1898, с. 9—25.

[20] *Бенешевич В. Н.* «Видение» Диадоха, епископа Фотикийского в Эпире.— «Записки имп. Академии наук», т. VIII, № 11. СПб., 1905, с. 1—9. Это сочинение признается не принадлежащим Диадоху (*Попов К. Д.* Блаженный Диадох (V в.), епископ Фотики Древнего Эпира, и его творения, т. I. Киев, 1903, с. VIII).

[21] В составе главы 54 Соборного решения патриарха Сисиния II 997 г. в Русской кормчей сохранилась вставка отрывка из какого-то поучения к епископу, которая характерна для всех русских списков Сербской кормчей (РИБ, т. VI, изд. 2. СПб., 1908, стб., 407—418). Это подтверждает использование при создании новой обработки именно русского списка Сербской редакции.

[22] РИБ, т. VI, стб. 1—20; греческий текст: стб. 321—346. Об авторе см.: *Неволин К. А.* О митрополите Иоанне II как сочинителе послания к архиепископу Римскому Клименту о опресноках.— «Известия имп. Академии наук», т. II. СПб., 1853, с. 95—101; *Пападимитриу С. Д.* Иоанн II, митрополит Киевский и Феодор Продром.— Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете, т. X. Одесса, 1902.

1156 гг.) и других авторитетных лиц о различных случаях деятельности священника [23] (глава 69) и правило митрополита Кирилла и собора [24] (глава 70).

Создается впечатление, что отбор материала из списка Сербской редакции был произведен в несколько приемов (не менее двух), причем составитель или составители руководствовались в своей работе на каждом из этих этапов отличающимися принципами: сначала были отобраны важнейшие вводные статьи (составлено оглавление, включены сказания о всех соборах, а не только о вселенских, и 14 титулов) и правила и юридические компиляции. Это были правила апостольские, соборные, Василия Великого, Юстинианово законодательство, «Закон Моисеев» (из Сербской кормчей), а также Собрание в 87 главах из Ефремовской кормчей. Затем, во вторую очередь, последовал новый отбор материала из того же источника, сделанный уже не так последовательно (например, два предисловия к кормчей включены почти в самом конце), но более щедро. Эти две стадии различаются и характером работы составителей. Первая состояла в высококвалифицированной работе по отбору правил и установлений из списков Сербской и Ефремовской редакций, усечении некоторых правил Ефремовской редакции по образцу Сербской и снабжении их всех, в том числе и Ефремовских, толкованиями из Сербской редакции. Вторая стадия работы была значительно менее последовательной, несколько менее сложной: здесь как будто нет сочетания правил обеих редакций, но поставлены правила или одного, или другого перевода, иногда с заменой полных правил Ефремовской кормчей сокращенными или усеченными правилами Сербской.

Возможно, что здесь мы имеем дело с работой двух составителей: начавшего эту работу, руководствовавшегося одним принципом отбора (митрополита Кирилла?) и продолжившего ее по другим принципам (одного из епископов?).

ПОДБОР ТЕКСТОВ ПЕРЕВОДА ПРАВИЛ

Если снабжение правил, и старых, Ефремовских, и новых, комментариями и сокращение (усечение конца) Ефремовских правил может быть объяснено стремлением сделать содержание канонического сборника более ясным, доступным, а также более кратким и, следовательно, субъективно более приложимым к местным условиям, то как ответить на вопрос о том, чем вызвано предпо-

[23] РИБ, т. VI, стб. 21—62. Другие тексты: там же, стб. 375—406; *Смирнов С. И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912, с. 1—27. Об авторе см.: *Зубов В. П.* Примечания к «Наставлению как человеку познать счисление лет» Кирика Новгородца.— В кн.: Историко-математические исследования, вып. VI. М., 1953; *Щапов Я. Н.* Кирик Новгородец о берестяных грамотах.— «Советская археология», 1963, № 2, с. 251—253; *Мурьянов М.* О новгородской культуре XII в.— «Sacris erudiri», 1969—1970, XIX, p. 418—422.

[24] РИБ, т. VI, стб. 83—99.

чтение при включении в новую кормчую того или иного текста — старого, Ефремовского, или нового, Иловичского?

Ответ на этот вопрос, очевидно, не может быть однозначным. Среди известных списков Ефремовской редакции, как было показано, несколько таких, в которых отсутствует ряд правил (Уваровский, Плигинский) или содержатся указания на пропуски правил (Ефремовский и его извод). Возможно, что составители новой кормчей имели дело со списком Ефремовской редакции, в котором отсутствовали некоторые правила, и восполняли эти пробелы правилами из новой кормчей. Сравнение текстов пропусков в Уваровской, Плигинской и включение текстов нового перевода в Русской редакции показывает небольшое, частичное совпадение таких правил. Так, в Русской редакции правила Ефесского собора почти все (кроме седьмого) даны по тексту Рязанской кормчей, а в Уваровском списке Ефремовской кормчей все правила этого собора как раз опущены. В Плигинском списке опущены, среди многих других, правила 74, 77, 83, 87, 88, 94, которые в Русской редакции также даются по тексту Сербской, а не Ефремовской редакции. Однако таких совпадений очень немного, хотя можно предположить, что компиляторы нового текста правил имели дело с каким-то списком, не имевшим как раз тех правил, которые оказались вставленными из кормчей нового перевода.

Работа над новой кормчей велась, очевидно, в Киеве, в митрополии, которая обладала в XI—XII вв. большой и богатой библиотекой, включавшей, конечно, и полные списки кормчей. Однако во время гибели Киева в 1240 г. была уничтожена и эта библиотека со всеми ее ценностями. Тогда составителям новой кормчей в 1260—1270-х годах приходилось пользоваться другими, возможно сокращенными, списками, восполняя их из нового болгарского списка.

Другой, вероятно, более важной причиной замены старых текстов правил новыми была различная ценность этих текстов. Мало того, что новая кормчая включала переводы, сделанные примерно на 200 лет позднее, чем старая, и значительно более квалифицированно, причем, частично русскими переводчиками, работавшими на Афоне. Сербская кормчая включала большую часть правил не в полном виде, а в синоптическом, т. е. вместо правила часто стояли их резюме, сделанные для Синопсиса VI в. Стефаном Ефесским с комментариями Аристина, которые значительно более сжато передавали основной их смысл. Вместе с тем в ее составе были и полные правила с толкованиями Иоанна Зонары [25], перевод которых мог конкурировать с древнеславянским переводом только своей новизной и большей ясностью. Можно заметить такое соответствие: иногда в тех случаях, когда в Сербской редакции правило в сокращении (по Синопсису) — в Русской кормчей оно

---

[25] Перечень их см.: *Троицки С. В.* Како треба издати светосавску крмчиjу. Београд, 1952, с. 72.

дается по полному тексту Ефремовской кормчей, а когда Сербская кормчая содержит полный текст, этот текст заимствуется в Русскую редакцию. Так, правила Гангрского собора включены из Сербской кормчей. В одном случае (правила Халкидонского собора) к полным Ефремовским правилам добавлено только одно первое правило по Сербской кормчей, как раз то единственное, которое находится там в полном виде.

В других случаях, когда в Русской редакции сведены и полные, и сокращенные правила, такое соответствие заметить трудно.

Различные формы использования готовых переводов правил при создании Русской редакции видны на следующих образцах, взятых из одного и того же комплекса так называемых апостольских правил (см. с. 174—175).

Здесь видно, что правила 7 и 63 заимствованы в Русскую редакцию из Сербской (в правиле 7 полные тексты Ефремовской и Сербской различаются лишь отдельными словами; в 63-м — полный текст в Сербской более подробен и аргументирован). Правила 9 и 25 заимствованы из Ефремовской редакции (в Сербской они даются в сокращении, а 25-е еще и в перефразировке), правило 15 представляет в начале, в казуальной части, текст Сербской, а в конце компилирует его с Ефремовским текстом, сохраняя санкцию в перефразировке последнего.

МЕСТНЫЕ СТАТЬИ В КОРМЧЕЙ СТАРШЕГО ВИДА

Ответы митрополита Иоанна II черноризцу Иякову были написаны автором по-гречески. Об этом свидетельствует и то, что сам Иоанн был прислан в Киев из Константинополя, и то, что сохранился текст некоторых ответов на греческом языке в византийской письменности. Таким образом, древнерусский текст ответов является переводом. Также в оригинале и переводе известно и другое сочинение Иоанна II — Послание его к римскому папе Клименту III (1080—1099 гг.), но древнерусский текст этого Послания в кормчие XIII в. не вошел [26]. Древнерусский текст ответов по объему значительно шире греческого: он содержит 34 ответа вместо 18. Хотя не может быть исключено, что в греческом тексте сохранились или были отобраны только эти 18 ответов из большего числа существовавших первоначально, можно предложить другое объяснение этого значительного различия. Обращает на себя внимание некоторое отличие в характере ответов, лучше сказать, аргументации автора. Если первые 20 ответов кратки, излагают нормы права без ссылок на правила, без цитат из них (хотя многие ответы основаны на конкретных правилах), то в следующих ответах такие ссылки и цитаты обычны: 21-й ответ — цитаты правил 9 и 18 Василия Великого, 22-й — ссылка на «закон»

---

[26] Об этом послании под именем Петра Александрийского в кормчих Тихомировско-Рогожского извода см. в соответствующих разделах.

Греческий текст	*Ефремовская редакция*	*Сербская редакция*	*Русская редакция*
		Апостольское 7-е правило	
Εἴ τις ἐπίσκοπος ἢ πρεσβύτερος ἢ διάκονος τὴν ἁγίαν τοῦ πάσχα ἡμέραν πρὸ τῆς ἐαρινῆς ἰσημερίας μετὰ ἰουδαίων ἐπιτελέσει, καθαιρείσθω	Аште которыи епспъ ли попъ, ли дияконъ, сватыи день пасхы преже весеньнаaго равьноднъства съ июдеи сътворить, да извьржеться	Аще которыи епископъ или прозвитеръ, или дьякон святыи день пасхы прѣже врѣмене с июдѣи праздьнуеть, да изверж[е]ться (*Рязанский список*)	Аще которыи епископъ или прозвютеръ, или дьякон святыи день паскы и преже времени съ июдѣи празнуеть, да извержеться (*Варсонофьевский список*)
		Апостольское 9-е правило	
Πάντας τοὺς ἐν ἐκκλησίᾳ εἰσιόντας πιστοὺς καὶ τῶν γραφῶν ἀκούοντας, μὴ παραμενόντας δὲ τῇ προσευχῇ καὶ τῇ ἁγίᾳ μεταλήψει, ὡς ἀταξίαν ἐμποιοῦν τὰς τῇ ἐκκλησίᾳ, ἀφορίζεσθαι χρή	Вься въходяшта вѣрьныя и писании послушающа, не прѣбываюшта же до молитвы и святаго приятия, яко бештиния творя отъ церковь отълучати достоить	Да отлучень будет не пребывая въ церкви до послѣднея молитвы, не причащаяся (*Лаврский список*)	Вся приходящая вѣрныа и писании послушающа, не пребывающа ж[е] до молитвы и святого приятиа, як[о] бещинье творяще, от церкви отлучати достоить (*Тихомировский список*)
		Апостольское 15-е правило	
Εἴ τις πρεσβύτερος, ἢ διάκονος, ἢ ὅλως τοῦ καταλόγου τῶν κληρικῶν ἀπολείψας τὴν ἑαυτοῦ παροικίαν, εἰς ἑτέραν ἀπέλθῃ, καὶ παντελῶς μεταστὰς, διατρίβει ἐν ἄλλῃ παροικίᾳ παρὰ γνώμην τοῦ ἰδίου ἐπισκόπου· τοῦτον κελεύομεν μηκέτι λειτουργεῖν, εἰ μάλιστα προσκαλουμένου αὐτὸν τοῦ ἐπισκόπου αὐτοῦ ἐπανελθεῖν οὐχ ὑπέκουσεν. Ἐπιμένων	Иже попъ ли дияконъ, ли всякъ отъ причьта клирическа оставль свое мѣсто, въ ину область идеть и отинудь препьдъ живеть въ инои области чрезъ волю своего епископа, самоу велимъ к тому служьбы не творити; паче же аште призываемъ възвратится, епископа своего не послуша;	Всякъ причетникъ, оставль свою землю и на чюжей живыи, от своего епископа молим и не възвращаеся, не причастень (*Лаврский список*)	Всякъ причетник, оставле свою землю и на чужей живый и от своего епспа молимъ не послушаеть, но пребывая в таковом бещиньи, да извержятся, и яко простый человекъ да причащается (*Тихомировский список*)

τῇ ἀταξίᾳ· ὡς λαϊκὸς μέντοι ἐκεῖσε κοινωνείτω	пребывая въ бечинии, яко прост людин тако да приобьщаеться		

Апостольское 25-е правило

Ἐπίσκοπος, ἢ πρεσβύτερος, ἢ διάκονος ἐπὶ πορνείᾳ, ἢ ἐπιορκίᾳ ἢ κλοπῇ ἁλούς, καθαιρείσθω, καὶ μὴ ἀφοριζέσθω· λέγει γὰρ ἡ γραφή· «οὐκ ἐκδικήσεις δὶς ἐπὶ τὸ αὐτό». Ὡσαύτως καὶ οἱ λοιποὶ κληρικοί	Епископъ, ли попъ, ли диияконъ о блудѣ, ли о клятвѣ, ли о татьбѣ обличенъ бывъ, да извьржеться и да не отълючиться. Глаголеть бо писание: «не отъмьстиши дъва краты о единомь». Тако же и прочии причьтьници	Въ блудѣ бывь святитель, или в татьбе, да изврѣжется, а не отлучится. Глаголеть бо писание: «не отмьстиши дващи въкоупѣ» (*Лаврский список*)	Епископъ, или попъ, или диаконъ, о блоудѣ, ли о клятвѣ, ли о татьбѣ обличень бывъ, да извержется и да не отлучится (*Тихомировский список*)

Апостольское 63-е правило

Εἴ τις ἐπίσκοπος, ἢ πρεσβύτερος, ἢ διάκονος, ἢ ὅλως τοῦ καταλόγου τοῦ ἱερατικοῦ, φάγῃ κρέα ἐν αἵματι ψυχῆς αὐτοῦ, ἢ θηριάλωτον ἢ θνησιμαῖον, καθαιρείσθω. τοῦτο γὰρ ὁ νόμος ἀπεῖπεν. Εἰ δὲ λαϊκὸς εἴη, ἀφοριζέσθω (*Правила святых апостол с толкованиями. М. 1887*)	Иже епспъ, ли поп, ли диакон, или всякъ отъ причьта священичьска ѣсть мяса въ крови, душа его, ли звѣроядину, ли мьртвьчину, да изврьжеться, се бо закон отьрече; аще ли людинъ будеть, да отълучиться (*Ефремовский список*)	Аще которыи епископь, или презвитерь, или дьяконь, всякь священническая чина, снѣсть мяса въ кръви сущи души его, еже есть давленина, всякому бо животу въ душу мѣсто в нем есть. Да аще кто ясть давленину, или звѣроядину, или мертвечину, да изверъжень будеть от сана. Се бо и Моусеовь законь отрекль есть; аще же мирьскии человекь, да отлучится (*Лаврский список*)	Аще которыи епископъ, или презвитерь, или дьяконь, всяк священическаго чина; снѣсть мяса в крови сущи души его, иже есть давленина, всякому бо животну съ души мѣсто кровь в нем есть. Да аще кто ясть давленину, или звѣроядину или мертвечину, да извержен будет от сана. Се бо и Моисѣвь закон отреклъ есть; аще же есть мирьскыи человекь, да отлучится (*Тихомировский список*)

и цитата из него, ссылки на притчу о Сапфире и Анании; 23-й — ссылки на «внѣшнии закон» и изложение изменяющего его соборного свитка патриарха Сисиния; 24-й — изложение 22-го правила Никейского собора; 25-й — изложение 4-го правила Халкидонского собора; 26-й — цитаты из 49-го правила Василия Великого и Второзакония; 29-й ответ содержит ссылки на «закон церковный» [27].

Это позволяет предположить, что ответы 21—34, а вместе с ними и ответы 14 (о кожаных одеждах), 16 (о пирах, где есть и ссылка на повеления святых отцов) и 17 (с запретом третьего брака), также отсутствующие в греческом тексте, появились в собрании ответов позднее, чем остальные. Вместе с тем и в этих, не имеющих соответствующих греческих текстов ответах, есть черты, которые указывают на зависимость их от греческого оригинала. Это и общие указания на порядки «в Грьцих ни в Руси» (ответ 14) и употребление термина «прьвопрестолнику» (или «первому столнику»), соответствующего греческому «πρωτοθρόνῳ» (ответ 32), и многие ошибки в древнерусском синтаксисе, которые оказываются соответствующими греческим оборотам: «до 9 правила» (ответ 21) вместо «по 9 правилу» (κατὰ τὸν θ′ κανόνα); «от сего» (ответ 26) вместо «о сем» (περὶ τούτου); «или» (ответ 26) вместо «неже» — «чем» (ἤ) и неточный перевод отдельных греческих слов: λαϊκός («мирянин») переведено как бѣлѣць (ответы 9 и 24); διαμερίζειν («разделять на части») — как «участити» (ответ 32)[28].

Можно предположить, что известные в древнерусском тексте Ответы написаны не одним Иоанном II, а двумя (не менее) разными лицами, а так как оба писали по-гречески и на Руси — то значит греками — киевскими митрополитами. Один из них начал этот учительный канонический труд и дал 18 своих правил-ответов, второй — продолжил его, добавив еще 14.

Который из них был Иоанном II? Содержание Ответов (в их первой части, имеющей греческий оригинал), точнее, умеренный тон в антилатинской полемике их автора (ответ 4) [29], как отмечал А. С. Павлов, соответствует тенденции другого сочинения Иоанна II — его послания к Клименту III, папе римскому [30]. Это позволяет как будто связывать с ним именно первую часть Ответов, чему противоречат другие свидетельства. Греческий текст, изданный А. С. Павловым, не знает имени автора. Он называется

---

[27] Ссылку на «божественный устав и мирьскый закон» имеет также ответ 13, который есть в греческом списке, но сама эта ссылка оказывается особенностью древнерусского текста, в греческом ее нет (ср.: РИБ, т. VI, стб. 7 и 341—342).

[28] РИБ, т. VI, стб. 7—19 (сноски с языковыми параллелями А. С. Павлова).

[29] Ср., однако, ответ 13(14) с запретом выдавать замуж княжеских дочерей заграницу— «в ину страну, идеже служать опрѣснокы...» (РИБ, т. VI, стб. 7, 342).

[30] *Павлов А. С.* Критические опыты.., с. 61; см. также: РИБ, т. VI, стб. 327, сн. г.

просто «Церковные ответы митрополита России» (Ἐρωτήματα ἐκκλησιαστικὰ πρὸς τὸν μητροπολίτην Ῥωσσίας). Учитывая это, а также тот факт. что пространный (русский) текст ответов имеет указание и на автора (Иоанна II), и на обстоятельства появления произведения (правила «от святых книг вкратьцѣ», адресованные «Якову черноризьцю»), можно сделать вывод, что Иоанну II скорее принадлежит вторая часть ответов. В этом случае первоначальные 18 правил были написаны киевским митрополитом, находившимся на кафедре до Иоанна II. Значительно разрывать деятельность двух предполагаемых авторов во времени нет основания — содержание ответов укладывается в канонические нормы XI в. [31] Иоанн II, судя по отзыву о нем летописца [32], был выдающейся фигурой среди греческих иерархов в Киеве. Его труды заслуживают специальных исследований, до которых вопрос о принадлежности ему той или иной части Ответов оставляем открытым.

Многочисленные ошибки в древнерусском переводе второй части Ответов, показанные выше, могли бы вызвать предположение о том, что дополнительные ответы, отсутствующие в греческом тексте, не переводились с греческого, а прямо писались по-древнерусски греком, плохо знавшим местный язык. Но для этого мало данных. Ошибки в переводе есть не только во второй, но и в первой части (συνεσταλμένον — «сокращенного» переведено как «повелѣвающе», ответ 1), некоторые из них могут быть объяснены написанием в оригинале (например, перевод «же» вместо «должно» из-за чтения в греческом оригинале δέ вместо δεῖ, как стоит в одном из греческих списков) [33]. Кроме того, перевод слова λαϊκός как «бѣлѣць» находится и в первой части ответов (ответ 9), и во второй (ответ 24). Это говорит о том, что весь текст переводил один человек. Переводчик, автор древнерусского текста, скорее плохо знал греческий язык, чем древнерусский.

Перевод цитат из греческого номоканона не повторяет переводы Ефремовской кормчей или Устюжского сборника. Это видно из образцов перевода 18-го правила Василия (см. с. 178).

Древнерусский перевод Ответов был сделан независимо от существования славянских текстов правил вскоре после пополнения памятника и придания Ответам окончательного вида, очевидно, не только для передачи его адресату, но и для более широкого его распространения в качестве авторитетных правил, прилагающих канонические нормы к местным, русским условиям.

Древнерусский текст, сохранившийся в кормчих книгах, в основном соответствует греческому оригиналу. Однако различие

---

[31] А. С. Павлов обратил внимание на то, что «совершенно в том же смысле отвечал на этот вопрос (имеется в виду вопрос о разрешении матери кормить новорожденного, но уже крещеного младенца.— *Я. Щ.*) современник Иоанна II, хартофилакс Великой церкви Петр» (РИБ, т. VI, Приложения, стб. 325—326, сн. 6).

[32] ПСРЛ, т. 1. М., 1962, стб. 201.

[33] РИБ, т. VI. стб. 2, сн. 10.

Греческий текст	*Ответ 21 Иоанна II*
Ὥσπερ οὖ τὸν ἀλλοτρίᾳ γυναικὶ συνιόντα μοιχὸν ὀνομάζομεν. οὐ πρότερον παραδεξάμενοι εἰς κοινωνίαν, πρὶν ἢ παύσασθαι τῆς ἁμαρτίας, οὕτω δηλονότι καὶ ἐπι τοῦ τὴν παρθένον ἔχοντος διατεθησόμεθα (ДСК, т. I, с. 481—482)	Яко же бо и съ чюжею женою пребывающа любодѣя нарицаемъ. Не принимаемъ въ причащенье, дондеже престануть от грѣхъ; тако и жену не дѣвицю имѣющю створи (РИБ, т. VI, стб. 10, ответ 21)
Ефремовская кормчая	*Устюжский сборник*
Яко же бо чюжаага с чюжею женою прѣлюбодѣиця именуемъ. Не пьрьѣе приимъше въ обьщение, прѣже даже не прѣстанущемъ отъ грѣха; тако явѣ яко и на имущая дѣвы полагаемъ (ДСК, т. I, стб. 481—482)	Яко же убо чюжей женѣ прилѣпляющаго ся нарицаемъ прелюбодѣицю, тако вѣсто и поемлющимъ дѣву завѣщаваемъ (*Срезневский И. И.* Обозрение... Прилож. с. 41)

между ними есть. Так, вставкой в 15-м ответе можно считать выделенный текст: «И еже *жруть бѣсомь, и болотомъ, и кладеземъ, и иже поимаються без благословенья, счетаються и жены отмѣтаються и* своѣ жены пущають и прилѣпляються инѣмъ...»[34], судя по отсутствию его в греческом оригинале ответа: τοὺς δὲ καταλιμπάνοντας τας ἰδίας γαμετὰς καὶ κολλωμένους ἑτέραις... Возможно, что здесь мы имеем дело со вставленной в текст древнерусской маргиналией к ответу, посвященному различным нарушениям основ христианской жизни — очень уж местными, а не переводными звучат слова: «жруть бѣсомь...». Вместе с тем добавление к «церковному запрещению» в древнерусском тексте ответа 13(14), говорящего о выдаче княжеских дочерей замуж за иностранцев с предписанием выдавать за единоверцев, позволяет заподозрить скорее пропуск в сохранившихся греческих списках[35], чем такую же древнерусскую маргиналию:

[Ὁ ὀρθοδοξώτατος ἄρχων] (εἰ) τοιαῦτα ποιήσεται τὰ τῶν οἰκείων παίδων συνοικέσια, ἐκκλησιαστικῶς παιδευθήσεται[36]	[Правовѣрпому князю] се сътворити своимъ дѣтемъ сочетание божественныи устав и мирскыи закон иже поимаются тоя же вѣры благовѣрьство повелѣваеть поимати ибо поимание божественное и човѣчеству повелѣние общение съчтание[37]

[34] РИБ, т. VI, стб. 7, Приложения, с. 341—342. В списке ГПБ, Погод. 234 вставка обширнее: «...бес благословенья съчтание *и много поимають от жены, иже отметаются, иже своих жен пущають* и жены отметають-ся...» (там же, стб. 8).

[35] А. С. Павлов реконструирует славянский текст: «Ибо понимание есть божественного и человеческого повеления общение и сочетание» — θείου τε καὶ ἀνθρωπίνου δικαίου κοινωνία (РИБ, т. VI, стб. 7).

[36] РИБ, т. VI, Приложения, стб. 341—342.

[37] Там же (по списку ГПБ, Погод. 234) и стб. 7 (реконструкция).

Таким образом, и древнерусский текст Ответов, и греческий их текст со времени создания памятника и до включения в известные рукописи (в частности, до включения перевода в кормчую Русской редакции XIII в.) претерпели определенные изменения.

Судя по вариантам, подведенным в издании «Русская историческая библиотека», древнерусский текст, наиболее близкий к греческому подлиннику, находится в списке ГПБ, Погод. 234 XVI в.[38] Это список Волынской кормчей 1286 г., который, как доказывается в настоящей работе, вместе с двумя другими сохранил ранний текст и состав кормчей Русской редакции (1274—1282 гг). Такие же или близкие чтения имеет Харьковский и Румянцевский списки. Очевидно, основные варианты раннего Варсонофьевского списка XIV в. связаны с несколькими переработками этой кормчей конца XIII в., которых избежала Волынская кормчая в списках XV—XVII вв.

ВОПРОШАНИЕ КИРИКА

Вопрошание Кирика, обращенное к Нифонту, епископу Новгородскому (1130—1156 гг.) и «иным», как сказано в его заглавии,— второй памятник местного, древнерусского канонического права, включенный в Русскую редакцию кормчей. Это произведение, остающееся в значительной степени неизученным и в источниковедческом, и в историко-правовом плане, представляет большой интерес. В древнерусской литературе, как и в византийской, и в литературе европейского средневековья вообще, были распространены такого рода беседы с вопросами относительно тех или иных сторон практической деятельности священника и ответами-разъяснениями авторитетного лица. Есть такие переведенные с греческого сочинения и в Древнеславянской и Сербской редакциях кормчих. Вопрошание Кирика выделяется из этого круга, может быть, только отражением местной новгородской жизни XII в. Исследователями отмечено, что Кирик был незаурядным человеком своего времени, «доместиком» (регентом хора) в Антониевом монастыре, известны его математические и хронологические опыты, отразившиеся в летописных памятниках и в отдельном сочинении «Учение, им же ведати человеку число всех лет». Вопрошание показывает его ревностным служителем церкви, опекуном своей паствы, не утратившей еще многих языческих привычек, строго следящим за выполнением всех правил не только своими «духовными детьми», но и самим собой.

И Нифонту, и Кирику были известны цитируемые в Вопрошании кормчая Древнеславянской редакции и ранние епитимийники, в частности, Правила Иоанна Постника, анонимные заповеди святых отец и др.[39]

---

[38] РИБ, т. VI, стб. 8, сн. 14; стб. 9, сн. 5, 10, 15, 23.

[39] *Смирнов С. И.* Материалы.., с. 271—281.

В памятниках письменности отразилась постепенность составления этого трехчастного памятника, а именно существование его текста, включавшего только вопросы Кирика и «Савины главы» и отсутствие еще части, имеющей заглавие «Ильино». Именно из такого состава памятника заимствован материал в правило «Аще двоеженец кается» [40] и в «Правило святых апостол о церковном устроении», как показал С. И. Смирнов,— новгородскую компиляцию XIV в. [41]

Текст Вопрошания известен в двух редакциях: редакции кормчих (полностью изданной Павловым [42]) и редакции сборников (изданной Смирновым) [43]. Первая редакция сохранила наиболее ранние черты в расположении вопросов и ответов, в полноте текста, наконец, в имени автора (во второй редакции он называется Кириллом, как и в поздних списках первой редакции). В то же время, как показал Смирнов, вторая редакция представляет переработку текста, являющегося, очевидно, и источником первой редакции. Таким образом, Вопрошание, как и Ответы Иоанна II, были включены в кормчую не в первоначальном виде, а, очевидно, в том, какой они имели к 1270-м годам в рукописях, пользовавшихся распространением на Руси.

Памятник пользовался в XII—XIII вв., несомненно, известностью и вызывал при этом, очевидно, определенные споры. О первом говорит рекомендация епископа Новгородского Ильи в Поучении 1166 г. попам «держать у себя устав блаженного Нифонта» [44], а также включение его в состав кормчей книги. Что касается второго, то не на всеобщее признание авторитета этого памятника указывает его судьба в рукописях. «Устав блаженного Нифонта», недавно включенный в кормчую, оказался выброшенным из нескольких ее обработок, происходящих из очень отдаленных друг от друга мест вне Новгорода,— из Варсонофьевской кормчей, связанной своим возникновением с Северо-Восточной Русью, и из Волынской кормчей. Возможно, что причиной такого критического или отрицательного отношения к этому новгородскому памятнику является то упрощение, граничащее с искажением, византийских христианских ритуалов и морали, которые Нифонт предлагает в своих ответах на вопросы, стремясь облегчить усвоение местным населением основ проповедоваемого им учения.

---

[40] *Пихоя Р. Г.* Опыт изучения ранних новгородских памятников церковного права (Правило «Аще двоеженец» и Вопрошание Кириково).— «Вспомогательные исторические дисциплины», сб. 1. Свердловск, 1974, с. 13.
[41] *Смирнов С. И.* Материалы.., с. 359.
[42] РИБ, т. VI, стб. 21—62.
[43] *Смирнов С. И.* Материалы.., с. 1—27.
[44] РИБ, т. VI, стб. 358.

ПРАВИЛА МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА И ВОПРОС О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ СОБОРА, ПОСТАВИВШЕГО ЕПИСКОПОМ СЕРАПИОНА ВЛАДИМИРСКОГО

Правила митрополита Кирилла и собора епископов по некоторым вопросам деятельности священников [45] — это третье древнерусское каноническое произведение в кормчей, имевшее на Руси общецерковное значение. Правила в различных списках имеют неодинаковый объем. В списках Русской редакции, изучаемых в настоящей работе, они имеют введение и шесть пунктов (в некоторых, например в Барсовском V, без конца). Только в кормчих Волынского извода этот памятник опущен совсем. В более поздних редакциях кормчей Мясниковского и Чудовского (в соединении с Мерилом Праведным) типов в конце правил находятся еще два пункта: 7 и 8 [46], однако начало памятника (введение и пункт 1) опущены. А. С. Павловым были высказаны два, взаимно исключающих друг друга, объяснения этого различия, вначале (1869 г.) как позднейшего добавления к правилам [47] и затем (1881 г.) как намеренного пропуска, дела «своего рода цензуры», опустившей введение вместе с первым правилом [48].

Правила выпущены от имени митрополита всея Руси Кирилла вместе «со святым събором и с преподобными епископами», который видел и слышал неустроение в церквах своей епархии, много разногласий в порядках, которые приняты в них, и «грубости», т. е. нарушения норм, что объясняется отсутствием или неквалифицированностью попов, неправильными обычаями, непосещением епископами своих епархий, непонятными церковными правилами. Отныне старые правила заменены новыми, понятными, имеющими толкования.

Далее следуют шесть пунктов Правил, посвященных таким вопросам, как: 1) запрет «урока» за поставление в священники и дьяконы, в игумены, наместники и десятинники, требования к поставляемым и распространение на епископии порядка, принятого в Киеве,— установление единой пошлины за поставления в дьяконы и попы (вместе) в пользу клирошан епископской кафедры; 2) правила крещения; 3) запрещение языческих ритуальных игр, традиционных турниров и т. д. Следующие три установления касаются нарушений, принятых в Новгородской земле: 4) соблюдение функций священников при службе, которые не должны переходить к дьяконам; 5) пьянство священников; 6) запрет служить в церкви не имеющим посвящения. Дополнительные пункты говорят о запрете языческих обычаев: 7) принятого в «новгородских пределах» обычая «водить к воде» невест и 8) языческого праздника в субботний вечер.

[45] РИБ, т. VI, стб. 83—99.
[46] Там же, стб. 99—100.
[47] *Павлов А. С.* Первоначальный.., с. 57 и след.
[48] РИБ, т. VI, стб. 83—84.

Ни дата, ни место собора, принявшего Правила, в них не указаны. По содержанию Правила связаны с двумя обстоятельствами: во-первых, с конкретными нарушениями христианских норм как мирянами, так и священниками и епископами и необходимостью их исправления и, во-вторых, с принятием новых, истолкованных правил — новой кормчей.

Для нашей темы сейчас особый интерес представляет второе. В Правилах Кирилла содержатся наиболее ранние ссылки на новую кормчую и цитаты из нее [49]. Кроме того, во введении при аргументации в пользу новых правил воспроизводятся слова из записи в архетипе сербских списков XIII в. Сербской редакции кормчей о значении нового перевода кормчей с толкованиями.

Правила митрополита Кирилла	*Запись сербских списков*
...несъгласия многа и грубости... от неразумныхъ правилъ церковьныхъ. Помрачены бо бѣаху преже сего облакомь мудрости елиньскаго языка, нынѣ же облисташа, рекше истолкованы быша и благодатью божиею ясно сияють, невѣдения тму прооттоняще и все просвѣщающе свѣтъмь разумьныхъ и от грѣхъ избавляюще [50]	...богодьхновенные сие книгы, нарицаемые номокапонь. Помрачены бо бѣху прежде сего облакомь мудрости елиньскаго языка, ныня же облисташе, рекше истльковань быше, и благодѣтию божиею ясно сияють, невѣдения тму отгонеще и все просвѣщающе свѣтомь разоумнымь и от грѣхь избавляюще [51]

Это использование в Правилах записи сербских списков свидетельствует о том, что Кирилл при их составлении пользовался южнославянским списком, полученным из Болгарии, в котором находилась эта конечная запись. Тем самым мы имеем свидетельство, что при составлении Правил источником их был текст Сербской редакции, еще без компиляции его с текстом Ефремовской редакции.

Вместе с тем использование во введении текста южнославянского списка заставляет связывать возникновение этого введения с составлением всего Правила, а не относить его к более позднему времени, как предполагал А. С. Павлов. В таком случае второе

49 *Павлов А. С.* Первоначальный.., с. 63; РИБ, т. VI, стб. 89, сн. 10; 93, сн. 6; 98, сн. 20. Среди цитат есть толкование на 15-е правило Лаодикийского собора в ошибочном переводе Сербской кормчей. Здесь слово διφθέρα, имевшее два значения (кожа, пергамен, книга и род священнического одеяния), неверно переведено во втором смысле («малая ризица», фелонь), в то время как в контексте оно имеет смысл книги. Такой же неверный перевод этого толкования приведен и в Правилах митрополита Кирилла (*Гранстрем Е. Э.* Diphthera — диффера — «малая ризица» или «книга»? — «Античная древность и средние века», сб. 10. Свердловск, 1973, с. 158—160). Этот термин не был известен на Руси по тексту Ефремовской кормчей: в славянском переводе этой кормчей соответствующие слова (καὶ ἀπὸ διφθέρας) оказались не переведенными (ДСК, т. I, с. 270), поэтому ошибочный перевод не мог быть исправлен и вошел во все тексты русских кормчих и правил, а также в печатную кормчую.

50 РИБ, т. VI, стб. 85.

51 *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 81—82.

его предположение о пропуске введения вместе с первым правилом, объясняемое частичным признанием в нем симонии, учитывая осуждение его в памятниках XIV в., более вероятно.

Если содержание Правил говорит только о двух обстоятельствах, почему они были приняты, то заглавие их расширяет круг связанных с ними событий: перечислены четыре участвовавших в соборе епископа (Далмат Новгородский, Игнатий Ростовский, Феогност Переяславский и Симеон Полоцкий) и названа цель собора — поставление епископа Серапиона Владимирского.

Церковный собор, на котором были приняты Правила митрополита Кирилла и поставлен епископ Серапион, в науке традиционно связывается с 1274 г. и с г. Владимиром [52]. Это делается на основании сообщения Симеоновской, Троицкой и других летописей, а также Московского свода конца XV в., где под 6782 г. содержится сообщение: «Того же лета приде ис Киева митрополит Кирил и приведе с собою архимандрита печерского Серапиона и постави его епископом Володимерю, Суждалю и Новугороду Нижнему» [53].

Однако отнесение всех этих реалий к одному времени и месту, к собору, бывшему во Владимире в 1274 г., наталкивается на определенные противоречия. Летописи северо-восточного происхождения, сообщающие о приезде Кирилла и Серапиона во Владимир, ничего не говорят о приезде в него других иерархов и соборе в этом городе [54].

Новгородский епископ Далмат умер еще до приезда во Владимир митрополита Кирилла. В Новгородской I летописи его смерть указана под 6782 г. (октября 21 в субботу) [55]. Бережков определил, что содержание статьи 6782 г. относится к 1273/74 (6781) мартовскому году [56], т. е. Далмат умер 21 октября 1273 г. В Московском летописном своде конца XV в. смерть Далмата также дается в статье 6782 г., но и в этом случае она указана ранее приезда во Владимир митрополита [57]. Действительно, в 6781 мартовском году (вруцелето 6) 21 октября было в субботу, а в 6782 — (вруцелето 7) эта дата приходилась на воскресенье [58]. Еще до смерти Далмата преемником ему был избран Климент, посланный затем на поставление в Киев к Кириллу.

Таким образом, смерть Далмата и поездка Климента были в конце январского 1273 г. По сообщению Новгородской I летопи-

---

[52] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви, т. 2, пол. 1. М., 1900, с. 65; РИБ, т. VI, стб. 83—84.

[53] ПСРЛ, т. 25. М.— Л., 1949, с. 151; т. 18. СПб., 1913, с. 74; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. М.— Л., 1950, с. 332.

[54] Как сообщается, например, о сборе в Переславле епископов в 1280 г. (ПСРЛ, т. 25, с. 153; Троицкая летопись, с. 338).

[55] Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов, М.—Л., 1950, с. 322.

[56] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, с. 288.

[57] ПСРЛ, т. 25, с. 151; Новгородская Первая летопись.., с. 323.

[58] *Черепнин Л. В.* Русская хронология. М., 1944, табл. IX, X.

си, Климент был поставлен на Новгородскую архиепископию «того же лета на зиму», т. е. в конце 1275 г.— начале 1276 г. (6783), а вернулся он из Киева в августе 6784 г., т. е. 1276 г. [59] Следовательно, в 1274 г. архиепископ Далмат не мог принимать участия в соборе.

Нужно признать, что церковно-политические события на Руси, происходившие в годы святительства Кирилла, нашли лишь частичное отражение в летописях и то только те, которые имели место в Северной, а не Южной Руси. Возможно, что известные нам события, отнесенные исследователями к 1274 г.,— собор с участием Далмата, принявший Правила и поставивший Серапиона и приезд Кирилла во Владимир,— происходили в разное время. Н. Г. Бережков, столкнувшись с противоречием этих сообщений, предложил несколько взаимоисключающих выходов из него: считать, что Далмат умер позднее, тогда летописная статья о его смерти должна соответствовать 6782 (1274/75) мартовскому году; что поставление Серапиона в 6782 г. было не во Владимире, а в Киеве, а во Владимир он приехал с митрополитом уже после поставления; что съезд иерархов также был не во Владимире, а в Киеве, и, может быть, раньше 6782 мартовского года; наконец, что имя Далмата в заглавии Правила ошибочно и оно было включено в перечисление участников собора более или менее значительное время спустя после события и сделано по домыслу [60].

Распространенное заглавие Правила представляет собой, по существу, первую часть его формуляра и содержит такие важнейшие составные элементы соборного правила, как указания на его участников и на основную (возможно, первую в повестке дня) цель этого съезда. В этом случае само отсутствие в этой части Правил и указания на какое-то особое, отличное от традиционного Киева, место проведения собора могло бы быть свидетельством, что собор был в традиционном центре митрополии [61]. Предполагаемая Н. Г. Бережковым позднейшая вставка имени Далмата, епископа Новгородского, невероятна. Правило сохранилось в обработках кормчих и в Синодальном списке 1282 г., очень близких по времени к его принятию, когда состав участников собора был еще хорошо известен.

Собор, принявший Правила и одобривший применение новой толковой кормчей, состоялся, очевидно, летом или в начале осени 1273 г.: далеко относить вступление Серапиона в исполнение своих функций во Владимире от его поставления нет оснований. В этом случае сообщения источников находят свое объяснение: Далмат умер вскоре после собора, будучи, очевидно, больным; этим объясняется назначение преемника еще при его жизни.

---

[59] Новгородская Первая летопись.., с. 323; *Бережков Н. Г.* Указ. соч.
[60] *Бережков Н. Г.* Указ. соч., с. 344.
[61] М. Н. Тихомиров отмечал, что «собор 1274 г. был для Северной Руси явлением исключительным» (*Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 182).

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СТАРШЕГО ВИДА РУССКОЙ КОРМЧЕЙ

Русская редакция кормчей, соединившая тексты правил по Ефремовской и Сербской кормчей с новыми правилами, и толкованиями последней и с русскими, местными, каноническими памятниками, была создана на Руси в последние годы деятельности митрополита Кирилла.

Время, в течение которого могла быть сделана эта работа, от получения болгарского экземпляра кормчей до даты старшего Синодального списка Русской кормчей, 1262—1282 гг., может быть сужено до семи лет, от даты собора 1273 г. (а не 1274 г.), правила которого включены в нее, до, примерно, 1280 г. Однако основную работу по подбору и компиляции правил нужно отнести, очевидно, к более раннему времени, вскоре после получения списка Сербской кормчей, когда в процессе знакомства с ней и сличения текстов правил с известными на Руси списками возникла сама идея сделать эту большую и ответственную работу. Включение в новую кормчую Правил митрополита Кирилла могло завершить этот труд вскоре после собора.

Кормчая составлялась, несомненно, в Киеве, при кафедре, с использованием ее канонической библиотеки и привлечением к работе местных книжников-юристов, способных к такому квалифицированному труду. Как было показано, подбор правил происходил в несколько приемов и по несколько разным принципам, что свидетельствует о работе над кормчей нескольких лиц, очевидно, самого Кирилла и его сотрудников. Включение в кормчую трех важнейших местных памятников не изменило канонического характера кодекса. Здесь были соединены апостольские, соборные, отеческие правила и установления византийских императоров, имевшие характер источников права в древнерусской церкви, бывшей диоцезом Константинопольской, с правилами и каноническими ответами местных, древнерусских иерархов. Но сюда не были включены никакие княжеские установления, не только относящиеся к светскому праву (например, Русская Правда), но и к церковному (княжеские уставы).

Новая Киевская кормчая 1270-х годов вскоре же получила распространение на территории диоцезии. Этот старший ее вид был принят местным князем во Владимиро-Волынском княжестве и переписан в 1286 г. На других территориях Руси эта кормчая была принята в несколько более поздней обработке.

ВТОРОЙ ЭТАП СОЗДАНИЯ КОРМЧЕЙ КОНЦА 70— НАЧАЛА 80-х ГОДОВ

Сербская редакция, выписанная на Русь и воспринятая первоначально очень благожелательно как новый кодекс правил, который может заменить прежний, устаревший, очень скоро в определенной мере перестала удовлетворять местным нуждам,

что вновь вызвало интерес к текстам традиционной Древнеславянской кормчей.

Не прошло еще и 10—15 лет, как многие правила Сербской кормчей были заменены на традиционные, давно известные на Руси. Однако и это не удовлетворило местных канонистов. Вне круга правил, установлений, ответов, вошедших в кормчую, осталось еще немало других известных и признанных произведений, которые не получили в ней место, а без этих правил новая кормчая не могла стать общераспространенным кодексом церковного права, который заменил бы прежние такие кодексы.

Так нужно объяснить новую большую работу по дальнейшему расширению состава статей Русской редакции, которая последовала вскоре за созданием старшего ее вида. Эта следующая обработка кормчей не нашла отражения в рукописях, восходящих к волынскому протографу 1286 г. Погодинского, Румянцевского, Харьковского и Арадского списков, но только в северо-западных и северо-восточных списках XIII—XVI вв. (Новгородском, Синодальном, Варсонофьевском, Тихомировском, Рогожском, Егоровском и Барсовском), а также в новых русских редакциях, появившихся в XIV—XV вв. (Софийская, Мясниковская, Чудовская и др.).

Кормчая была пополнена новыми, значительными по числу, но не по объему, статьями: таких статей насчитывается до 40.

По содержанию их можно объединить в несколько групп: 1) юридические памятники, посвященные уголовному, гражданскому и брачному праву; 2) правила церковной службы; 3) чин поставления в священники; 4) монашеские уставы и правила, а также поучения к монахам; 5) аскетическо-мистические сочинения; 6) поучения против языческих отклонений в христианстве и близкие к ним толкования; 7) толкования библейских и новозаветных реалий и символики; 8) исторические и биографические сочинения; 9) поучения к епископам о соблюдении правил кормчей.

ЮРИДИЧЕСКИЕ И ЛИТУРГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

К юридическим памятникам можно отнести Закон судный людем с двумя следующими за ним статьями, касающимися брачных и семейных вопросов (краткий трактат Козмы Халкидонского «Яко не подобает жены звати госпожею» и оправдание праотцев, бывших многоженцами), а также два сочинения, определяющих круг дальних родственников, которые имеют право быть повенчанными.

Закон судный людем по древнейшим спискам кормчих XIII—XIV вв., Мерилу Праведному и новым редакциям кормчих XIV в. изучался М. Н. Тихомировым. Его выводы подтверждаются результатами настоящего исследования. Исследователь установил, что текст Закона не входил в состав первоначального оригинала

кормчей, положенного в основу Новгородского списка, он мог попасть в его состав из дополнительного источника, поэтому Закон не обязательно связан с текстом кормчей. Текст всех трех древнейших списков (Новгородского, Варсонофьевского и Устюжского) возник независимо друг от друга и восходит к общему протографу, передавая первоначальный оригинал Закона довольно близко. Что касается соотношения текста Мерила Праведного с другими ранними рукописями, то М. Н. Тихомиров предполагал, что в основе первого лежит оригинал даже более ранней редакции, чем в кормчих, и без последней статьи «О малжену», которая, возможно, появилась в кормчих вторично. Однако Закон (как и Правда Русская) в Мериле Праведном подвергся позднейшим осмыслениям с целью облегчить его понимание как произведения, «которое имело какое-то значение в русской юридической практике» [62].

Закон судный Краткой редакции находится во всех шести рукописях, представляющих второй этап сложения Русской редакции. Таким образом, при изучении Древнейшего, как он назван М. Н. Тихомировым, извода Закона следует принимать во внимание эти все, хотя и разновременные, но восходящие к одному, древнейшему архетипу, списки [63]. Вместе с тем сохранение этого Древнейшего извода в рукописях разного состава — в кормчих 14 титулов с толкованиями Русской редакции и в Устюжском сборнике ведет к выделению в составе этого извода двух видов, различающихся своими архетипами. Отличия текста Закона между использованными в последнем издании двумя списками, в Синодальной и Варсонофьевской кормчих, с одной стороны, и Устюжском сборнике, с другой, если не более значительны, то более многочисленны: из 24 разночтений четырех древнейших списков XIII—XIV вв., принятых во внимание при создании реконструкции текста памятника, особенных чтений Устюжского списка, отличающихся от всех других,— 11, в то время как особенных чтений Новгородского — только 4, а Варсонофьевского — 1 [64].

Правилам определения степеней родства и свойства, являющимся препятствием к браку, посвящены две статьи различного происхождения. Статья «О возбраненых женитвах» является переводом глав 1 и 7 титула 7-го Прохирона и главы 2 титула 2-го Эклоги. Все три раздела находятся в этой кормчей в том же переводе, что и в Ефремовской кормчей, но отличаются текстом. В Древнеславянской включены 28 глав этого титула Прохирона, а выпись из Эклоги имеет дополнительное заглавие «От иного закона глава о възбраняемых женитвах», которое опущено здесь.

---

[62] Закон судный людем Краткой редакции, с. 10—11, 14, 17—18.
[63] В издании Закона судного людем Краткой редакции использованы два списка из них — Новгородский синодальный и Варсонофьевский.
[64] Закон судный людем Краткой редакции, с. 104—109.

Русская кормчая	*Древнеславянская кормчая*
И от нас сходящеи кыиждо чин сродьства... Елико рожства, толико и степени. Подобает бо чисти роды на вознскаемое лице в свои чин считавая степене яко же се: аз родих сына, сын внука. Се два рода, два степени свершиша и тако прочая. И на правнучата и... правнучате, тако и на въсходящая...	Глава 1... От сих съходящеи кыиждо чин сродства различныи имать и многообразны степени, нъ на въсходящиих и исходящиих простѣише нѣкако степени коеждо подобно таковыих лиц, ряд съвершает и просто: елико рожьства толико и степени. Любѣише же и неудобь простижимо есть от срѣдних степен обретениа. Подобает бо нам не абие тещи к лицю еже от страны, нъ первѣе твори въсход на въсходящая, дондеже поставим нъ тому винному рожениа иже от страны по сем сеи обрѣтшем сънити на възискаемое лице от страны и тако ищести роды събирающаяся се убо на въсход, ово же на съхожение, кыиждо бо род в свои сущи исъчетивая степень твори число и на съходящиих убо добь се. Яко же сын мои, коего есть степене?. Аз родих, се один род, един степен съверши, ибо не перваго ли есть степене. Внук коего? Аз родих сына, сын внука, се два рода, два степени съвершиста. То не внук ли втораго есть степени? То еже и на прочее, и на правнучата и от правнучате. Тако же и на въсходящиих...
Сниди же и к брату: мене роди отець, и брата моего. Се два рода, два степени	Аще бо кто тя въпросит, брат коего есть степене? Глаголи: втораго. Чесо ради? Въсходит къ отцю, се един род. От отца на тебѣ един степень съверши. По сем понеже обрѣте винное рожества лица, сниди к брату приложив, сде другый род. Се два рода, два степени съвершиста. То не добре ли речено есть, яко брат втораго есть степене?
Проходити же и приближенье лишь от брака нам свойство составлена сродства по крови кроме, еже есть сватьство. Якоже се: тесть, теща, шюрин, свесь и тѣх близоци	Глава 7. Суть нѣции не закона ради сродство, своиства же не проходяще. Приближение то есть свойство лиц, от брака нам съставлено сродства кроме... (*Щапов Я. Н.* Новый список..., с. 266)

Текст Прохирона в кормчей Русской редакции значительно сокращен и упрощен за счет пересказа содержания казусов без каких-либо добавлений. В таком новом виде сложные и многослов-

ные периоды превратились в краткие и дельные парадигмы с выводами [65].

В отрывке из Эклоги говорится о духовном родстве, возникаемом в процессе крещения между крестными родителями и детьми и их родственниками, которое является препятствием к браку.

Текст также несколько сокращен, но есть и некоторые обобщения частных положений, например, дается такое определение: «Братья суть по духовному совузу» [66].

С выписями из Прохирона и Эклоги тесно связан поставленный непосредственно за ними «Устав о брацех». В отличие от этих выписей здесь нет определения понятия степени — «колена», но дается запрет заключения брака до шестой степени родства включительно (в конце статьи 4 запрещен брак и в шестой степени) и путем парадигм указываются те варианты браков, которые могут иметь место. А. С. Павлов с большим основанием отнес этот архаичный памятник к числу русских и очень древних, на что указывают древнерусские имена в нем (Янь, Яна, Василь, Елисава, к которым можно добавить еще и Олену), употребление термина «колено» вместо «степени» и др. [67] Однако в основе его лежит, несомненно, греческий текст — по своему содержанию «Устав о браках» не имеет отличий от современных ему византийских норм. Возможно, что древнерусский текст принадлежит еще первой половине XI в.: «Свиток» патриарха Сисиния 996 г. отменил брак в шестой степени родства, но он стал известен на Руси в полном виде только вместе с Сербской кормчей, во второй половине XIII в. [68]

Сочинений, специально посвященных регулированию литургической деятельности в церкви, среди добавлений в кормчую очень мало. Это разъяснения новгородского архиепископа Ильи (1165—1186 гг.) и анонимного белгородского епископа, связанные с двумя «чрезвычайными происшествиями» при совершении ли-

---

[65] М. И. Горчаков (О тайне супружества. СПб., 1880, с. 149—150) и за ним В. Н. Бенешевич («Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика». СПб., 1914, с. 205) считали, что слова «Сии [сниди] же и к брату: мене роди отец и брата моего. Се два рода, два степени...» являются вставкой, которая отсутствует в греческом Прохироне и которая «служит доказательством, что отрывок, взятый из Прохирона, подвергся еще в греческой церкви некоторым переделкам» (*Горчаков М. И.* Указ. соч., с. 149). Однако показанная здесь зависимость текста Русской редакции от Ефремовской говорит о том, что эта переделка сделана на Руси, а не в Византии. То же можно, очевидно, сказать и о тексте главы 7 («Проходити же..., и тех близоци»).

[66] Как определил М. И. Горчаков, это перевод главы 2 титула 2 Эклоги не с официального текста, который входит в состав Сербской кормчей, а с Частной эклоги и Эклоги, измененной по Прохирону (*Горчаков М. И.* Указ. соч., с. 149).

[67] РИБ, т. VI, стб. 143—144.

[68] Текст Устава в Новгородской Синодальной кормчей имеет сравнительно с текстом в других списках Русской редакции (Варсонофьевском, Тихомировском) и в списках Мерила Праведного пропуск статьи о запрете брака внука с правнучкой.

тургии: когда в потир забыли влить вино и когда «агнец» на дискосе был погрызен мышами. В обоих случаях содержатся практические советы, как выйти из затруднительного положения [69].

При разъяснении первого случая в этом памятнике, между прочим, принята литургическая норма совершения проскомидии дьяконом наравне со священником, изложенная в Студийском уставе и принятая на Руси в раннее время [70]. Правила митрополита Кирилла и собора (так называемые Правила Владимирского собора 1274 г.) осуждают практику совершения проскомидии дьяконами без священника, как новгородское отклонение от Правил [71]. Вопрос о роли дьякона в этом действе продолжал быть актуальным и в XIV в.— митрополит Киприан запретил исполнять проскомидию дьяконам [72].

Представляющееся на первый взгляд странным сочетание двух авторов Правил объясняется особой ролью белгородского епископа в XII в., бывшего не только церковным главой своей епископии, но и викарием митрополита Киевского, замещавшим его в его отсутствие. Возможно, как предполагает С. И. Смирнов, что Правила являются фрагментом соборных постановлений в Киеве, под руководством временно возглавлявшего митрополию белгородского епископа и при участии Ильи Новгородского. Известно о поездке Ильи в Киев для участия в соборе и каких-то «исправлениях», очевидно, в 1165—1168 гг. [73] Возможно, с этой или другими поездками и связано возникновение нашего памятника [74].

С. И. Смирнов связывал включение в кормчую Правил двух епископов с деятельностью составителя Новгородской кормчей 80-х годов XIII в., который выбрал из обширного собрания их установлений только некоторые и подверг их обработке [75].

Однако считать, что эти Правила попали в кормчую в Новгороде нет оснований. Новгородским является Синодальный список 1282 г., а этот памятник появился в составе кормчей ранее, на предыдущем этапе ее развития. Однако можно утверждать, что это было сделано не в Киеве — здесь имя белгородского епископа должно было быть известно лучше, чем имя новгородского архиепископа. Оказавшись не внесенным в те киевские юридические сборники и списки кормчих, очевидно, Ефремов-

---

[69] РИБ, т. VI, стб. 75—78; *Смирнов С. И.* Материалы.., с. 107—108.
[70] *Смирнов С. И.* Материалы.., с. 377.
[71] РИБ, т. VI, стб. 96—97, ст. 4
[72] Там же, стб. 257.
[73] *Смирнов С. И.* Материалы.., с. 368.
[74] Исследователями предположительно называется и имя этого неизвестного белгородского епископа — Максим или Григорий (*Соболевский А. И.* Два русских поучения с именем Григория.—«Известия Отделения русского языка и словесности», т. XII, 1907, ч. 1, с. 100; *Смирнов С. И.* Материалы.., с. 368.
[75] *Смирнов С. И.* Материалы.., с. 364—366.

ской редакции, которые получили распространение по Руси в течение второй половины XII—XIII вв. [76], эти Правила в более полном виде и с более точным указанием на их «авторов» оказались утраченными в Южной Руси, возможно, в связи с монгольским разорением середины XIII в. и сохранились фрагментарно в каких-то сборниках на севере.

ПОУЧЕНИЯ, МОНАШЕСКИЕ ПРАВИЛА И ТОЛКОВАНИЯ ВЕТХОЗАВЕТНОЙ И НОВОЗАВЕТНОЙ СИМВОЛИКИ

Вслед за двумя Правилами епископов в кормчей следует анонимное Правило епископам — краткое поучение о соблюдении «священных правил». В нем говорится, что архиепископы и епископы ответственны за выполнение священных канонов и рассчитываются за это в «он день», что от несоблюдения правил бывают различные нарушения («преступленья»), многие казни и «последний суд» и что их не соблюдают или из-за «некоей страсти», или по непониманию, или из-за небоязни высшего суда.

Это Правило как-то связано с кормчей книгой, судя по ссылке на непонимание правил («или по неразумию»; понятные, не требовавшие толкований правила обозначались «се правило разумно» — у Зонары «σαφής») — скорее с древней Ефремовской кормчей, чем с новой Сербской или Русской редакциями. Оно появилось, очевидно, в XII — первой половине XIII в., до получения на Руси новых толковых текстов правил и их распространения, и должно было способствовать усвоению традиционных переводов канонов. Императив в первых строках правила, обращенных к архиепископам и епископам, говорит о том, что это какое-то общерусское, следовательно, киевское постановление, причем, если не считать слово «архиепископы» позднейшей вставкой, относящееся ко времени, когда на Руси появились архиепископы. А как известно, таковыми были на новгородской кафедре Нифонт (1131—1156 гг.), Илья (с конца 1165 до 1186 г.) и его преемники [77]. В дальнейшем новые архиепископские титулы появились на Руси только в 1380-х годах [78]. Следовательно, Правило епископам, если оно имело местное, древнерусское происхождение, обращалось прежде всего к новгородским иерархам XII—XIII вв.— «архиепископы» поставлены в этом обращении на первое место.

К. Ф. Калайдович, а затем и С. И. Смирнов считали, что Правило епископам представляет собой часть Правил Ильи и белго-

---

[76] Соловецкий ее список, судя по наиболее поздним статьям, пополнен в XIV в. и сам принадлежит XVI в.

[77] Есть сомнение в том, что архиепископом именовался с начала деятельности Мартирий — 1193—1199 гг. (*Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XI вв., т. I. М. 1970, с. 56).

[78] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви, т. 2, пол. 1, с. 37.

родского епископа [79]. Это мнение основывается, главным образом, на археографических данных: во многих списках кормчих Правило епископам следует непосредственно за Правилами двух иерархов, а в некоторых из них (например Соловецкий список Ефремовской кормчей) даже объединено с ними нумерацией глав [80]. Это не помешало, однако, А. С. Павлову считать Правило епископам отдельным произведением, поставленным рядом с первым на основе некоторых случайных внешних обстоятельств [81]. Смирнов считал оба памятника отрывками не дошедших до нас обширных Правил двух иерархов [82]. Первоначальный их состав он стремился восстановить по другому русскому сочинению конца XIII—XIV в.— «Правилу святых апостол о церковном устроении». Там цитированы оба Правила Ильи и даны другие установления (о чистоте в церкви, о случайном происшествии на литургии — когда разлилось вино и др.), которые Смирнов также предполагает взятыми из Правила двух епископов, но Правила епископам там нет.

Приведенных доводов в пользу объединения Правил епископам с Правилами двух иерархов недостаточно. Археографические свидетельства спорны: то, что они стоят рядом в таком компилятивном и многослойном памятнике, как кормчая, не может служить доказательством для этого. И в Соловецком списке Ефремовской кормчей включено много переводных и древнерусских сочинений XII—XIII вв., причем многие в поздней традиции конца XIII—XIV в. (из Сербской кормчей). В Правиле епископам по этому списку есть разночтения, которые показывают позднейшую утрату и искажения сравнительно со списками Русской редакции (пропуск слова «епископи» в начальной части правила; изменение «горе» на «рече» в последней части, своеобразной санкции).

По содержанию Правило новгородского и белгородского иерархов и Правило епископам очень различны. В последнем говорится о соблюдении епископами «священных правил», «священных канонов», что должно подразумевать, конечно, правила апостольские и соборные, причем по различным важным вопросам христианской веры и жизни, а не разъяснения местных древнерусских епископов, касающихся отдельных казусов в литургической практике, чем являются наши Правила. Именно с таким широким значением Правила епископам связано включение его

---

[79] *Калайдович К. Ф.* Памятники российской словесности XII в. М., 1821, с. 222; ср. также: *Филарет.* Обзор русской духовной литературы, изд. 3. Пб., 1884, с. 38; *Смирнов С. И.* Материалы.., с. 363.

[80] ГБЛ, Солов. 1056/1165, л. 329, об.

[81] РИБ, т. VI, стб. 127—128.

[82] С именем архиепископа Ильи известно поучение к попам 1166 г. (РИБ, т. VI, Приложения, стб. 347—375), с каким-то белгородским епископом — «Поучение философа, епископа белгородского» (*Соболевский А. И.* Указ. соч., с. 250—262).

в качестве «Третьего предисловия» в состав печатной кормчей XVII в. [83]

И в то же время связь этого Правила с деятельностью Ильи, новгородского архиепископа, в Киеве в 1165—1168 гг. не исключена, как не может быть отвергнуто и приурочивание его к подобной же деятельности и других, более поздних новгородских архиепископов совместно с другими епископами и митрополитом или его местоблюстителем, заботившихся о большем применении вселенских и византийских норм канонического права на Руси.

В кормчую был внесен ряд произведений, связанных с регулированием норм жизни и деятельности монашества. Это прежде всего дисциплинарный (епитимийный) Устав Студийского монастыря, основанного Феодором Студитом («О останьцѣх церковных канон» — ἐπὶ τῶν παραλειπόντων ἐν τῇ εκκλησίᾳ εἰς τῶν κανόνα [84]), правила погребения монахов по Студийскому уставу и второй, более поздний, типик XII в. монастыря святого Иоанна в Пателарии (Пантеллерии — на острове в Средиземном море около Туниса) [85].

Из монашеских правил и поучений в кормчую вошли переводные «Правило черноризцам», епитимийник с заглавием «Василия о епитимьях», рассказ из жития Феодора Сикеота (ум. в 613 г.), известного своим аскетизмом, об отказе его мыться в дни причастия [86] и древнерусские произведения — поучения Кирилла Туровского и «О черноризцах правило».

«Правила святого Василия о епитимьях» представляют собой компиляцию на основе двух пенитенциалов Василия Великого —

---

[83] Кормчая напечатана с оригинала патриарха Иосифа, л. 25—25 об. См. такую его характеристику: *Žužek I.* Kormčaja kniga. Roma, 1964, p. 67.

[84] Греческий текст: PG, т. 99, p. 1733. Находится в Устюжском сборнике (л. 130—137). По Иоасафовскому списку издано: *Казанский П. С.* История православного русского монашества. М., 1855, с. 198—202. Старший список (начальный фрагмент): ГИМ, Син. 330, XII в., в приложении к Студийскому уставу.

[85] Издано по Иоасафовскому списку Устюжского сборника: *Мансветов И.* Церковный устав (Типик). М., 1885, с. 442—445; *Beck H. G.* Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, p. 649. Этот устав также находится в Устюжском сборнике, л. 126—130 об. (*Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 127). Что касается Иоанна Пателарийского, то Голубинский считал, основываясь на эпитете этого святого «исповедник», что он жил при иконоборцах (*Голубинский Е. Е.* История русской церкви, т. I, пол. 1, с. 652—653; т. I, пол. 2, с. 376—377). В начале IX в. в этот монастырь был сослан святой Евфимий исповедник, епископ Сардский (*Бенешевич В. Н.* Синагога.., с. 208). Существует канон Иоанну, игумену Пателарии, принадлежащий Феофану (*Сергий, архиеп.* Полный месяцеслов православного Востока, т. I. М., 1876, с. 165; т. II. М., 1876, с. 236, 431).

[86] О Феодоре Сикеоте, бывшем епископе Анастасиуполиса около Анкиры и житии его, написанном его учеником Георгием Элевсиосом, см.: *Krumbacher K.* Geschichte der Byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 191; *Ehrhard A.* Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur. Leipzig, 1937, I, 1, S. 424, 612; *Bardenheuler O.* Geschichte der altkrichlichen Literatur, Bd. V. Freiburg, 1932, S. 141. Bibliotheca hagiographica graeca, ed. 3. Bruxelles, 1957, nr. 1748.

для монахов и монахинь. Как установил И. Жужек на основе текста печатной кормчей, одиннадцать первых правил русского текста соответствуют тем же правилам греческого [87], а следующие затем еще десять (12—21) заимствованы из «Правил того же Василия о инокинях», в свою очередь также представляющих перевод с греческого [88]. Эта же компиляция в том же составе и переводе находится в Устюжском сборнике, где она, однако, не имеет заглавия, но следует за вопросо-ответом Василия об епитимьях [89]. Соотношение текста в обоих сборниках не выяснено.

«Сказание о черноризском чину» Кирилла Туровского (ум. не позже 1182 г.)—одно из основных сохранившихся его произведений, представляющее иносказательное, основанное на искусном применении и толковании текстов Ветхого и Нового завета объяснение сущности монашества и символики монашеских одежд и других предметов. Нужно согласиться с И. П. Ереминым, что этот памятник еще далеко не исследован [90]. Сам И. П. Еремин выделил среди текстов Сказания три группы и издал их по некоторым спискам, причем указал, что списки первой группы (в кормчих) отличаются от списков второй (в сборниках) утратой в конце: они обрываются на словах «сънимать монатку с плечю». Возможно, что это результат случайной, механической утраты: далее продолжаются указания о порядке службы в монастыре. В таком случае можно предположить, что в руки составителя кормчей, работавшего над ней на втором этапе, попал уже дефектный список этого сочинения Кирилла. В то же время в отличие от двух первых групп список третьей группы XVI в. имеет дополнительную главу «Об ангельском образѣ мнишестѣм указ». Однако характер связи этой главы с остальным произведением остается неисследованным.

---

[87] PG, t. 31, p. 1306—1314.

[88] Там же, р. 1314—1315. Здесь правила в нашей кормчей соответствуют правилам греческого текста этого второго пенитенциала: 12-е правило в славянском переводе соответствует 6-му греческому правилу и соответственно 13-е — 8-му; 14-е — 9-му; 15-е — 10-му; 16-е — 11-му; 17-е — 12-му, 18-е — 13-му; 19-е — 18-му; 20-е — 16-му; 21-е — 19-му (*Žužek I.* Kormčaja kniga, p. 97).

[89] ГБЛ, Рум. 230, л. 61 об.; *Бенешевич В. Н.* Синагога.., с. 202—210.

[90] *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского.— ТОДРЛ, т. 11. М.— Л., 1955, с. 346—347. О Сказании специально писали: *Сухомлинов М. И.* О сочинениях Кирилла Туровского.— В кн.: Рукописи графа А. С. Уварова, т. II. СПб., 1858, с. IX; *Воронцов Е.* Мысли об иночестве св. Кирилла Туровского.— «Вера и разум», 1900 № 11; *Gotz L.* Die Echtheit der Mönchsreden des Kyrill von Turov.— «Archiv für slavische Philologie», 1905, Bd. 27, S. 191; *Пономарев А. И.* Святой Кирилл, епископ Туровский и его поучения.— Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 1. СПб., 1894. Сказание в переводе на русский язык см.: Творения святого отца нашего Кирилла епископа Туровского. Изд. Евгения, епископа Минского и Туровского. Киев, 1880; *Виноградов В.* О характере проповеднического творчества Кирилла, епископа Туровского.— В кн.: В память столетия Московской духовной академии, ч. 2. Сергиев Посад, 1915; *Vaillant A.* Cyrille de Tourov et Grègoire de Nazianze.— «Revue des études slaves», 1950, t. 26, f. 1—4.

При изучении текста Сказания в составе кормчих важен не только старший Синодальный его список 1282 г., единственный, привлеченный к изданию И. П. Ереминым из этой группы, но и весь изучаемый здесь круг списков Русской редакции 1270-х годов, во многих случаях сохранивших более ранний текст.

Анонимный монашеский епитимийник под заглавием «О черноризцех правила» [91] — древнерусская компиляция из двух отдельных епитимийников, правила «О калугерях» и «Номоканона святых отец никейских и халкидонских». Как установил С. И. Смирнов, каждый из этих памятников основан на византийских источниках, но составлен славянским редактором. Исследователь включил в состав первого произведения краткий апокриф о беседе Христа с апостолами, находящийся перед ним в старшей рукописи — Троицком сборнике XII в. [92] Однако в этой рукописи заглавия епитимийника нет и слишком мало данных для такого соединения двух отдельных произведений. В Устюжском сборнике оба епитимийника имеют свои заглавия, а апокриф отсутствует. Очевидно, это и есть их форма до объединения. Троицкий сборник позволяет датировать возникновение компиляции несколько более поздним временем, чем его дата, т. е. XIII в. до времени создания Русской редакции кормчей.

Наряду с сочинениями и компиляциями, содержащими конкретные нормы деятельности, поведения и наказания, созданные в различных условиях, в русскую кормчую были включены византийские философские, аскетико-мистические сочинения. Это, во-первых, краткое философское «Сказание хытро о чювствех телесных и о душевнем свойстве», в котором говорится о четырех видах осквернения души, о четырех причинах затемнения ума, опустошения души, блуда у чернеца, о четырех причинах появления гнева и способах умиротворения души. Во-вторых, это более пространное и многочленное «Сказание о образѣ грѣховьнѣм» с изложением также четырех причин греха и епитимийными указаниями в этой связи [93], а также рассуждения о трех силах души и пяти чувствах человека.

В кормчих Русской редакции эти сочинения анонимны, причем в Синодальном списке сильно сокращены. Но в Рогожском списке Ефремовской редакции указано, что они принадлежат Максиму Исповеднику [94]. В сборнике XVI в. эти Сказания, также

---

[91] Издан по русской кормчей (в вариантах к Устюжскому сборнику). *Смирнов С. И.* Материалы.., с. 32—38; по другим рукописям: *Горчаков М. И.* [Рецензия на книгу А. С. Павлова «Номоканон при Большом требнике»]. — Отчет о XVI присуждении наград гр. А. С. Уварова. СПб., 1874, с. 164—168; *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной церкви, т. III. Одесса, 1894, с. 271—274.

[92] *Смирнов С. И.* Материалы.., с. 299—309.

[93] Наряду с молитвами и поклонами здесь выступают «чаши пелына» — полыни.

[94] *Щапов Я. Н.* Новый список.., с. 279: «Максима Исповедника сказание хитро...», «Того же святого Максима сказание о образѣ грѣховнѣм».

с именем Максима, находятся среди его сочинений (после его 400 глав к Элпидию «О любви», сочинения о трех душевных силах и др.)[95].

Максим Исповедник — крупный византийский философ-богослов VII в. (580—662 гг.), последователь евагрианской мистики, с именем которого связано ее значительное развитие. Исследователь византийской общественной мысли называет его, «вероятно, последним самостоятельно мыслившим теологом византийской церкви»[96]. Наряду с догматическими вопросами он активно занимался разработкой путей «духовного возвышения» человека. Этим темам и посвящены его философские трактаты, включенные в русскую кормчую в XIII в.[97]

Что касается включенных в кормчую поучений, то они посвящены «языческим» отклонениям в христианстве, деятельности новопоставленного священника и другим вопросам. Краткое поучение «Афанасия мниха Иерусалимского» «о наузех и о стрѣлѣ громней» призывает не пользоваться для излечения «стрелками и топорами громными» — неолитическими орудиями, хотя они и оказывают помощь, поскольку эта помощь оказывается не божественной, а бесовской[98]. Славянским по происхождению и, судя по реалиям, очевидно, древнерусским, является анонимное поучение «О крестѣ, иже на земли и на леду пишють», в котором запрещается «писать» кресты во время освещения воды в крещение на земле и на льду, пользоваться для этого многими, связанными друг с другом крестами, носить кресты до восьми дней и пр. Поучение борется с языческим заблуждением, согласно которому не крест освящает воду, а вода оказывает чудесное воздействие на погружаемые в нее кресты. Судя по заключительным словам («Отселѣ не буди тако, аще ли — то проклинати повелѣваем»), это поучение принадлежит авторитетному органу церковной власти. А. С. Павлов счел это поучение составной частью Правил митрополита Кирилла и собора (1274 г. г. Владимир) и издал его в приложении к этим Правилам[99]. Однако ни в одном из списков, как указывает и сам Павлов, это краткое поучение не соседствует с Правилами митрополита Кирилла, а выявленные нами различия во времени включения в кормчую митрополичьих Правил

---

[95] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели русской земли». М.— Л., 1965, с. 203.

[96] *Beck H. G.* Op. cit., S. 436.

[97] Хотя темы наших сказаний с именем Максима напоминают известные его сочинения, мне не удалось найти греческие оригиналы этих славянских текстов в публикациях сочинений Максима: PG, т. 90, 91; *Епифанович С. Л.* Материалы к изучению жизни и творений преподобного Максима Исповедника. Киев, 1917.

[98] Издано: *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 101. Это поучение под названием «Правило Афанасия Иерусалимского мниха о наузѣх и о стрѣлѣ громнии» есть и в Соловецком списке Ефремовской кормчей (прилож., л. 350, глава 43), и в списках позднейших русских редакций кормчей.

[99] РИБ, т. VI, стб. 100—102.

(при первой обработке кормчей) и поучения о крестах (при второй обработке) не позволяют связывать эти произведения воедино. Поучение о крестах могло появиться под пером древнерусского, причем, очевидно северного иерарха, и не только во второй половине XIII в., но и значительно раньше, например в XII в. [100]

В древнерусский церковно-правовой кодекс включено правило 75 Трульского собора о пении в церкви в полном виде, снабженное особым толкованием. Хотя само это правило входит в состав основной части кормчей, оно оказалось внесенным вторично, вероятно, благодаря этому своему анонимному толкованию, представляющему собой пространное и художественно построенное поучение о красивом пении. Правило попало в дополнительные статьи не из основной части кормчей, об этом говорит приписка к нему: «Паче мнихом недостойно есть возвышати глас в пѣниях», свидетельствующая о том, что по пути в кормчую правило побывало в монашеской среде.

Кроме поучений и правил общего значения, без конкретных адресов, в сборник вошли местные древнерусские произведения, адресованные конкретно попам и епископам. Первое предназначалось священнику и, судя по тексту, передавалось ему в виде свитка после хиротонии от имени совершавшего ее епископа, причем имя последнего указывалось в этом свитке [101]. Поучение довольно подробно говорит о назначении новопоставленного, его обязанностях и запретах, стоящих перед ним — перечни последних особенно ценны как исторический источник для характеристики социальной психологии древнерусского общества. Поучение новопоставленному — сочинение древнерусского автора-иерарха довольно раннего времени. Судя по тому, что в некоторых его списках, например Синодальном [102], упоминается шесть вселенских соборов, а не семь, ранний текст поучения может восходить к концу XI—XII вв. В господствовавшей в это время на Руси Ефремовской редакции кормчей находились Сказания именно о шести вселенских соборах, хотя в саму эту кормчую правила

---

[100] Павлов обратил внимание на сходство этого поучения и особенно его заключительных слов с двумя дополнительными статьями митрополичьих правил (7 и 8), которые, однако, отсутствуют в списках Русской редакции XIII в. Происхождение этих дополнительных статей может быть выяснено, очевидно, при изучении кормчих Чудовской и Мясниковской редакций XIV в., в которых они появляются.

[101] В сохранившихся списках, восходящих к изучаемой нами обработке кормчей, свиток не имеет имени, но дан в виде формуляра («Свиток законный, рукоположение епископа имярек»). РИБ, т. VI, стб. 101—110. О свитке как памятнике XIII в. или более раннего времени см. также: *Žužek I*. Op. cit., p. 96. В работе Ю. Герича «Поучение святительское к новопоставленному иерею» («Logos», т. 13, 1962, с. 105—123) он связывается со временем создания Печатной кормчей без учета археографической традиции, идущей с XIII в., и древнерусских реалий в памятнике.

[102] В Варсонофьевском списке XIV в. уже стоит цифра 7, а не 6.

VII вселенского собора 787 г. уже входили [103]. Один из запретов в поучении («На брак не ходи, иже муж жену пустить, или жена мужа без вины, или в племени поимутся») представляет собой изложение норм «Устава князя Владимира о десятинах, церковных судах и церковных людях». Точнее определить редакцию и извод этого источника не удается [104].

С другим княжеским уставом, князя Ярослава о церковных судах, связан запрет попу нарушать границы прихода («А в чюжом пределе не служи, не взем от епископа грамоты»). В Пространной редакции Устава Ярослава эта норма изложена так: «Иже поп дети крестит в чюжом уезде инаго попа, развеи нужа или при болезни, а что створит крещенское не в своем уезде — митрополиту в вине» [105]. Пространная редакция Устава возникла в конце XII — первой половине XIII в. [106] В некоторых ее списках и обработках XV — XVI вв. вместо термина «уезд» употреблен для обозначения церковного прихода тот самый термин «предел», какой находится и в поучении [107].

Значительное место среди новых статей кормчей заняли толкования ветхозаветной и новозаветной символики и различных обычаев. Это «Писание Афанасия, мниха иерусалимского к Панкови о древѣ разумнѣм добру и злу», который неверно учил, что древо, от которого Адам вкусил запретный плод, «вино есть было» (т. е. виноградник). Это иносказательные толкования ветхозаветных традиций: «Почто повелѣ бог жидом приносити агнец, или козу, или горлицю, или голубь, или крупы пшеничны с древяным маслом», где агнецы и козлы толкуются очень конкретно как праведники и грешники, козье молоко как «ученье книжное правые веры» и др.; «Рече господь Моисею: заповежь сыном израилевым, да поимут овца свершено...», где обагрение кровью порога толкуется как помазание ума любовью Христа, а перепоясание чресел как перепоясание мыслей «от земных на небесные» и пр.

Особое толкование «Почто повелѣно туго поясатися» апостолами и всеми святыми объясняет это уже иначе, чтобы монахи лучше выполняли свои обязанности — поклоны, пост, бдение, моление и др. «Хорошо бы, чтобы также делали все христиане», добавляет автор, очевидно, монах по положению. Это опи-

---

[103] Представляют несомненный интерес причины этого отставания знаний некоторых древнерусских авторов о позднейшей истории соборов, лежащие, очевидно, не столько в недостатке материалов, но и в его поступлении на Русь. Возможно, что ранние сказания о соборах (упоминавшие шесть соборов) появились здесь значительно раньше и распространились шире, чем сами правила соборов в составе Ефремовской кормчей.

[104] РИБ, т. 36, вып. 1, с. 6, 16, 32.

[105] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 155.

[106] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси. М., 1972, с. 257.

[107] Соловецкий список 1493 г., список Авраамки 1495 г., Погодинский список XVI в., списки Румянцевской редакции.

сание и толкование «Сени первого закона»— сооружения, построенного Моисеем после возвращения с Синайской горы, которое должно было быть уподоблено «образу мира». Это краткие экзегетические статьи на тему о женах — анонимное толкование фразы «Еретици хуляхуть [ругают] древниѣ святыя мужи, не по закону женитву творящих» — оправдание праотцев, бывших многоженцами и детоубийцами, тем, что это «в первом законе было», с запрещением поступать так же «в благодатнем» законе [108] и обоснование идеи, что «не подобаеть жены своея звати госпожею» с именем толкователя Козмы Халкидонского. Последний памятник построен почти исключительно на цитатах из посланий апостола Павла; он стремится доказать, что «жена, как рабыня своего мужа, не может называться госпожой».

Наконец, это два различных толкования христианской церкви (здания) с ее частями и действиями в ней — одно с именем автора («Максима черноризца чий образ держит сборная церквы»), а другое — анонимное («Толк апостольстѣи соборнѣи церкви») толкования литургии — «божественыя службы», священнослужителей и их действий, священной одежды и др. [109]

РУССКАЯ РЕДАКЦИЯ ЛЕТОПИСЦА ВСКОРЕ И ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Не основное, но важное место среди пополнений кормчей занимают исторические и просопографические статьи, являющиеся в этом типе сборника традиционными (ср. Летописец вскоре и перечни епископов в Древнеславянской кормчей).

Летописец вскоре в Русскую редакцию был внесен именно на этом, втором этапе ее создания, и его анализ может дать важный материал не только для изучения истории этого произведения на Руси, но и для освещения некоторых сторон соответствующей стадии работы над кормчей.

Русская редакция Летописца вскоре привлекала внимание давно и издавалась неоднократно [110], но исследована она очень мало. Специально изучавший памятник Н. В. Степанов, определяя отличия славянского текста (текст К) от греческого, объяснял большую их часть особенностями работы славянского пере-

---

[108] Опубликовано по Комиссионному списку Новгородской I летописи с заглавием «О женитве»: Новгородская Первая летопись.., с. 485.

[109] ГИМ, Синод. 132, л. 600—602.

[110] ПСРЛ, т. I, изд. 1. СПб., 1846, с. 248—252; «Известия имп. Академии наук», сер. I, 1860, № VIII, с. 390—393 (только русское прибавление); ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, с. XVI—XX; переизд. М., 1965; *Белокуров С. А.* Русские летописи. — ЧОИДР, кн. 4. М., 1898; *Степанов Н. В.* «Летописец вскоре» патриарха Никифора в Новгородской кормчей.— «Известия ОРЯС», 1912, т. 17, кн. 3. СПб., 1912, с. 293—320; *Тихомиров М. Н.* Забытые и неизвестные произведения русской письменности. — АЕ за 1960 год. М., 1962, с. 234—239.

водчика, плохо знавшего греческий язык, поэтому опускавшего или переводившего приблизительно сложные греческие фразы, с трудом улавливая смысл. Многие добавления, отсутствующие в греческом тексте, Степанов объяснял вставками, принадлежавшими не переводчику, а позднейшему образованному редактору, работавшему на Руси в XII в. (КК, предположительно Кирик Новгородец). Труд этого редактора сохранился как в списке Новгородской кормчей, так и в Никоновской летописи. Наконец, по Степанову, этот текст был еще раз обработан редактором Новгородской кормчей, результатом чего и является известный нам текст Летописца [111].

Летописцем вскоре занимался А. А. Шахматов при установлении источников Повести временных лет. Летописец вскоре в Новгородской кормчей он отнес ко второй, Распространенной группе русских списков этого сочинения, отличающейся от первой, нераспространенной, к которой принадлежит список в кормчей ГПБ II 250, вставками. Шахматов впервые высказал мысль о том, что Распространенная редакция возникла в результате переработки первоначальной редакции, причем первая составлялась именно в кормчей, поскольку некоторые дополнительные сведения заимствованы также из кормчей. Что касается русских дополнений за X—XI вв. и сведений о византийских императорах после Льва и Александра, то источником и тех и других Шахматов считал Повесть временных лет, содержащую эти сведения [112].

М. Н. Тихомиров издал Летописец вскоре как древнейший список русской летописи [113]. Он интересен для истории Руси XIII в. также тем, что это местная древнерусская компиляция на основе древнеславянского перевода, включающая тексты нескольких переводных и оригинальных памятников.

Летописец вскоре в Распространенной редакции по кормчим, летописным сводам и сборникам специально изучался Е. К. Пиотровской, которая провела сличение текстов дополнительных сведений, использованных составителем обработки, с Хроникой Георгия Амартола, Хронографической палеей и Повестью временных лет, а также отметила сокращения текста этой редакции по сравнению с Ефремовской редакцией [114].

Основной источник — древнеславянский перевод Хронографикона Никифора. Этот источник использован очень значительно, хотя пропусков отдельных позиций и дат немало. Степанов подсчитал, что количество слов греческого текста, опущенных при создании Распространенной редакции (он считал эту редак-

---

[111] *Степанов Н. В.* Указ. соч., т. 17, кн. 2, с. 278; кн. 3, с. 256—291.

[112] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники.— ТОДРЛ, т. 4. Л.,1940, с. 63—64.

[113] *Тихомиров М. Н.* Забытые и неизвестные произведения русской письменности, с. 235—239.

[114] *Пиотровская Е. К.* К изучению «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора.— ТОДРЛ, т. 29. Л., 1974.

цию особым сокращенным переводом) и сохраненных в этом тексте, соотносятся как 38 и 62% [115], т. е. опущено более $^1/_3$ текста.

Н. В. Степанов объяснял большую часть пропусков текста особенностями работы переводчика, который плохо знал греческий язык, многого не понимал и опускал дополнительные рассказы, которые не касались основной схемы Летописца, а расширяли ее. Присутствие всех или почти всех таких мест в Ефремовской редакции не позволяет согласиться с этим мнением. Е. К. Пиотровская считает, что «объяснить причины этого явления (сокращения.— *Я. Щ.*) не представляется возможным» [116].

Сделаем, однако, такую попытку. Компилятор, вероятно, для сокращения опускает некоторые числа годов, например, лета Мафусалы в рассказе о Енохе (3 [117]), возраст младших представителей рода в момент смерти старших. Некоторые пропуски возникли в результате неудачного сокращения текста, исказившего первоначальный смысл. Таково сокращение текста о Навузардане и пленении Иерусалима, при котором, в результате описки хми вместо уми оказалась смещена и искажена дата от создания Иерусалима до пленения (Степанов, 70). Случайны, очевидно, пропуски о восстановлении креста на своем месте — здесь опущенные слова ограничены одинаковыми словами «бысть» (148; Степанов, 84); о том, что при Улиане был мучен арианами святой Дорофей — здесь пропущены слова между похожими именами (Оулиан — Оувалентиниан) (133; Степанов, 73), хотя и прежде было опущено сведение о мучении святого Вавилы в Антиохии, что нет оснований считать столь же случайным (120; Степанов, 67).

Такие пропуски, не имеющие характера случайности, очень важны. Можно согласиться со Степановым, что пропуск указания на такой источник Никифора, как свидетельства семидесяти толковников, переводчиков писания — «от семьдесятныих же не является» (11) «по семьдесятныимъ...» (26), связан, очевидно, с тем, что ссылка на него была непонятна составителю. Трижды опущены сообщения о сарацинах: об опустошениях, нанесенных ими (148; Степанов, 85), об осаде ими Византии (149; Степанов, 87) и о решениях Трульского собора, связанных с ними (150; Степанов, 89). Такое последовательное замалчивание этих фактов, связанных не только с военными действиями сарацинов, но и с осуждением их собором, не может быть случайным.

Сокращение рассказа о времени Фалека, в результате которого «разделение земли», столпотворение и возникновение различия

[115] *Степанов Н. В.* Указ. соч., с. 275.
[116] *Пиотровская Е. К.* Указ. соч., с. 173.
[117] Здесь и ниже при ссылках на текст Летописца вскоре указывается в скобках номер позиций по публикации текста: *Щапов Я. Н.* Византийские хронографические сочинения в Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции.— В кн.: Летописи и хроники, 1976 год. М., 1976. Здесь же в скобках со словом «Степанов» ссылка на текст Летописца по публикации: *Степанов Н. В.* Указ. соч., с. 293—320.

языков были заменены на «разделение языков», Степанов относил к работе не переводчика К, а древнерусского редактора КК, руководствуясь тем, что, по представлениям XII в., «разделение земли» при Фалеке представлялось ересью. Действительно, это изменение принадлежит составителю Распространенной редакции, причем оно полностью соответствует и формуле в «Речи философа» Повести временных лет, возникшей задолго до этой редакции («от потопа до разделения язык лѣт 529»)[118].

О загадочных (если не случайных) пропусках упоминаний о мучениях святых при поздних римских императорах — Вавилы при Деции (120; Степанов, 67) и Дорофея при Ювалии (133; Степанов, 73) уже говорилось — сведения о частых убийствах императоров (в том числе и самого Деция, который «заколен бысть на торгу») не пропускаются. Можно как-то объяснить большие пропуски сведений об Аврааме (19), начале деятельности Христа при Тиверии (952; Степанов, 57) — последний пропуск связан с заменой этого краткого рассказа другим (Степанов, 55), о возвращении апостола Иоанна в Ефес (103). Очевидно, часть пропусков вызвана изменениями композиционного строения произведения, например, подсчета общего числа годов от Адама до смерти Михаила (168; Степанов, 97), поскольку в Распространенной редакции рядом появились другие интервалы, например, до VII собора от Адама (6305 лет) и от Спаса (805 лет).

Летописец был подвергнут определенной языковой обработке, приспособлению к местным нормам и привычкам. Так, «Константинъ градъ» везде заменен на «Царьград» (или «Цесарь градъ»). Термины древнеславянского перевода подверглись кое-где замене. Так, «Пьрьская область» (Περσῶν ἀρχή) заменена на «Пьрьское царство», но «Римская область» (другое понятие: Ῥωμαιῶν πολίτεια) оставлена как «Римьская власть». Имена с согласным «т» на месте греческой «θ», кое-где встречающиеся в Ефремовской редакции (они чаще в перечне епископов), заменены на «ф» — Матусала — Мафусала (7).

Составитель Распространенной редакции не удовлетворился теми сведениями, которые предоставлял ему древнеславянский перевод и значительно дополнил их как относительно событий библейской, римской и византийской истории, так и, что особенно важно, местной древнерусской, причем, продолжая в новых условиях труд Никифора и его последователей, довел его до современных ему событий истории своего княжества, где он работал. При этом, используя дополнительные источники и изменяя кое-где изложение основного источника, он старался подчинить до-

---

[118] Повесть временных лет, ч. 1. М.—Л., 1950, с. 64; *Шахматов А. А.* Повесть временных лет.., с. 112; *Львов А. С.* Исследование «Речи философа».— В кн.: Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968, с. 333—395.

полнительные сведения основной идее и форме сочинения Никифора [119].

Какие дополнительные источники использовал составитель ЛВР?

Прежде всего это статьи, входившие в состав той же кормчей Ефремовской редакции. Это сочинения о вселенских соборах: рассказ о том, чем занимались соборы в «Исповедании веры» Михаила Синкелла и интервалы между соборами в статье «Разум 7 събор».

В Ефремовской кормчей при упоминании вселенских соборов (кроме первого, Никейского) не приводилось никаких сведений о том, рассмотрению каких вопросов они были посвящены. Такие сведения появились только в Распространенной редакции. Н. В. Степанов показал, что эти сведения имеют соответствие со статьей с «описанием предметов соборов», которая находится в рукописи ГБЛ, Рум. 230 [120]. Действительно, в этой кормчей есть Сказание о соборах, которое можно считать источником, использованным составителем этой редакции. Однако это Сказание он использовал, несомненно, не по Румянцевскому списку или его архетипу, а по кормчей той же Ефремовской редакции, где, как было сказано, оно находилось в составе «Исповедания веры» Михаила Синкелла [121].

Интервалы между соборами из статьи «Разум 7 събор», находящиеся в кормчей Русской редакции, Н. В. Степанов считал вставленными славянским переводчиком [122]. Однако их еще нет в Ефремовской кормчей и они были указаны только составителем Распространенной редакции, причем также по кормчей Ефремовской редакции [123].

Занимаясь переработкой и дополнением Летописца, составитель Распространенной редакции не ограничился использованием материалов кормчей книги, но значительно расширил круг использованных источников.

Как установил Степанов, составитель Распространенной редакции использовал Хронику Георгия Амартола. С текстом хрониста совпадают вставки о персидских правителях до разру-

---

[119] *Пиотровская Е. К.* Указ. соч., с. 175.

[120] *Степанов Н. В.* Указ. соч., с. 285—286.

[121] Это Сказание находится во всех списках этой кормчей, кроме Ефремовского, у которого утрачен конец.

[122] *Степанов Н. В.* Указ. соч., с. 284.

[123] Н. В. Степанов считал, что при перенесении сведений о VII соборе из «Разума 7 събор» переписчик по невниманию допустил ошибку и датировал последний годом смерти Константина (там же, с. 290). Однако нет оснований видеть в соответствующем тексте «От 6-го сбора до 7-го лет 122. А от Адама в лето 6305, а от Спаса нашего бога лет 805 Константин убиен бысть на торгу» ошибку. Дата от Адама и Спаса отнесена здесь не к собору, а к смерти Константина; в Распространенной редакции даты соборов (за исключением первого) указаны только с интервалами от предшествующих им соборов, а не от внешних событий.

шения Персидского царства Александром Македонским [124], к чему можно отнести сообщения о наследниках Александра — Селевке и Никаторе, или (как ошибочно обозначен он и у Амартола, и в Распространенной редакции) Никаноре [125]. Исследователь свел в таблицу сведения в этой редакции о праотцах от Иисуса Навина до Давида, заимствованные из греческого текста Хронографикона (т. е. древнеславянского перевода) и из Амартола, которая показывает, что около половины текста Никифора в этой части была заменена текстом Амартола с добавочными именами и событиями [126]. Степанов объяснил это дефектностью текста Никифора, которым пользовался редактор КК (т. е. составитель Распространенной редакции) [127]. С этим, однако, нельзя согласиться. Как показано выше, славянский текст, бывший источником у составителя Распространенной редакции, был более исправен, чем содержащийся в известных нам списках кормчих Ефремовской редакции (в частности, он не имел пропуска между позициями 69 и 70). Очевидно, причиной замен было неудовлетворение редактора теми сведениями, которые содержались в этом источнике, и наличием в его распоряжении других, пользовавшихся распространением в древнерусской письменности, которые он предпочитал первым [128].

Источником дополнительных сведений из библейской истории были, как предполагает Степанов, Палея и другие древнеславянские обработки ветхозаветных книг, а также сообщения, восходящие к Пасхальной хронике. В этой Хронике находит соответствие фраза Распространенной редакции о выводе Навуходоносором после взятия Иерусалима его жителей вместе с Даниилом пророком и тремя отроками в Вавилон. Источник заимствования этих сведений (к тому же с дополнением о том, что пленники «были связаны между собой по тысяче человек») неизвестен, а предположение, что составитель Распространенной редакции был знаком с Пасхальной хроникой, Степанов считал невероятным [129].

В Распространенной редакции Летописца последней записана смерть ростовских князей Бориса (1277) и Глеба (1278) Васильковичей, что говорит о завершении его в эти годы в Ростове.

В кормчей находится два сочинения под именем «Дорофея епископа Турьского (или Туровьского)» о 12 апостолах и о 70 учениках Христа. Это более (в первом случае) или менее (во втором) подробные перечни соответствующих лиц, нумерованных цифрами. Об апостолах сообщается, какие области они обратили в христианство, где погибли и похоронены. Сравнение показывает,

---

[124] *Степанов Н. В.* Указ. соч., с. 260—261.
[125] Там же, с. 263.
[126] Там же, с. 293.
[127] Там же, с. 291.
[128] О параллелях с текстами Георгия Амартола, Палеи и Александрии см. также: *Пиотровская Е. К.* Указ. соч., с. 171—173.
[129] *Степанов Н. В.* Указ. соч., с. 257.

что славянский текст перечня 12 апостолов при всех различиях ближе к греческим текстам с именем Ипполита, а не Дорофея или к анонимным синоксарным текстам [130]. Под именем Ипполита находится перечень (в другом тексте) и в Изборнике 1073 г. [131]

Аналогичный характер имеют и перечни под именем Епифания. В «Епифаниевом сказании о пророцех» перечисляются (с номерами) праотцы начиная с «Первое Адам, 2-е Енох, 3-е Ной. .» и кончая «73. Агав, еже в Деяньях», после чего следуют десять «пророчиц», от «1. Сарра» до «10. Мария богородица»[132]. Второй перечень «Того же о 16 пророк, откуда быша и где изомроша» содержит краткие сообщения о пророках («Первый Осии сын Веиров бе от Велмора племени Исахарова и умре и погребен бысть в своеи земли в миру»), кончая 16-м, пророком Даниилом[133].

Здесь имеется в виду, вероятно, агиограф Епифаний, монах Каллистратского монастыря в Константинополе, автор житий Богородицы и апостола Андрея, живший в IX в. [134]

В отличие от сочинения Псевдодорофея (Псевдоипполита), перечни Епифания находятся в кормчей в том же переводе, что и в Изборнике 1073 г. [135] Это позволяет считать, что Изборник 1073 г. в списках XI—XIII вв. был использован в качестве источника на втором этапе составления русской кормчей.

Сочинения, приписанные Дорофею, Ипполиту и Епифанию, давали средневековому читателю систематизированные сводки сведений о тех лицах и событиях, с которыми он был знаком по библейской и христианской литературе. Естественно, что в них вымысел не отделялся от каких-то элементов действительности.

---

[130] *Schermann Th.* Propheten-und Apostellegenden nebst Jungerkatalogen des Dorotheus und verwandeter Texte. Leipzig, 1907, S. 239; Bibliotheca hagiographica Graeca (далее — BHG), I, nr. 154. Соответственно в статье об Андрее апостоле в славянском тексте нет полемического рассказа о выборе им первого епископа Византии, который характерен для сочинения Дорофея (ср. *Beck H. G.* Op. cit., S. 560). «2. Андрей, брат Петров, многи елины крести в Еладе, в Скуфех, и Фраком проповеда послух в Патре Ахайских от Антупата на масличине распят и погребен ту»). Перечень 70 учеников соответствует греческим текстам Псевдодорофея: *Schermann.* Op. cit., S. 314; BHG, I, nr. 152, S. 53—54.

[131] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г.— Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, t. III. Wiesbaden, 1965, л. 261—262 (с. 521—523).

[132] Близкий греческий текст см.: BHG, t. II, nr. 1591.

[133] Текст близок к указанному в BHG, t. II, nr. 1587, p. 221 (вторая редакция Епифания).

[134] См. о нем: *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 192—193; *Beck H. G.* Op. cit., S. 513; *Dressel A.* Epiphanii monachi edita et inedita. Paris — Leipzig, 1843; *Dräseke J.* Der Monch und Presbyter Epiphanios.— Byzantinische Zeitschrift, Bd. 4, 1895, S. 346—362.

[135] «Епифаниево слово о пророцѣх и пророчицѣх» (Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г., л. 254—254 об., с. 507—508); «Тогожде о 16 пророку отъкоудоу бы или къде измрѣша» (там же, л. 254 об.— 261, с. 508—521).

РОСТОВ И ВЛАДИМИР СУЗДАЛЬСКИЙ КАК ВОЗМОЖНЫЕ ЦЕНТРЫ ЗАВЕРШЕНИЯ РАБОТЫ НАД РУССКОЙ КОРМЧЕЙ В 1279–1280 ГОДАХ

Всего, таким образом, на втором этапе создания Русской редакции в ее состав было добавлено до 40 отдельных произведений. Меньшая их часть оказалась вставленной внутрь текста, после близких по содержанию статей. Так, Закон судный людем был поставлен в группу памятников светского законодательства, после Собрания в 87 главах, Собрания новелл и «Избрания от закона Моисеева» (главы 21—23). В свою очередь, за Законом было приписано краткое оправдание библейских праотцев, бывших многоженцами и детоубийцами, очевидно, в связи с защитой в обоих памятниках принципа моногамии. Между главами 37—39 о иноверцах и еретиках (Димитрия, митрополита Кизического, анонимного «о месалианех», с одной стороны, и Епифания Кипрского, с другой) были поставлены два сочинения Афанасия Иерусалимского по догматическим вопросам — о дереве грехопадения и о пользовании «нечистой силой» в каменных стрелах и топорах. После группы экзегетических сочинений (главы 48—51) вставлены краткие толкования о смысле тугого перепоясания, христианском осмыслении библейских образов, о значении крещения воды.

Между установлениями о степенях родства (главы 55—56) даны выписи о том же из Прохирона и Эклоги и «Устав о брацех». Перед древнерусскими Правилами митрополитов Иоанна и Кирилла и епископа Нифонта (главы 68—70) вставлены местные же памятники — Правила белгородского и новгородского иерархов, Поучение к епископам о соблюдении канонов и компилятивное «Правило черноризцам».

Но большая часть новых статей была приписана в конце кормчей после Правил митрополита Кирилла. Здесь также можно проследить существование тематических групп статей. Так, о нормах жизни монахов говорят уставы Студийского и Патталариевского монастырей, «О черноризцах правила» и епитимийник с именем Василия; группа исторических и просопографических статей насчитывает 6 статей; до 10 статей объединяются в экзегетическую группу и др.

Все новые статьи в кормчей не получили в ней номеров глав и не нашли отражения в оглавлении. Следовательно, работа по созданию Русской редакции на втором этапе не была оформлена на том же высоком уровне создания книги, какое было достигнуто в Киеве на первом этапе. Вместе с тем именно с этой обработкой связано появление в кодексе нового заглавия и названия его — кормчая — которое оказалось столь удачным, что в течение веков вытеснило другие типовые названия сборников этого типа (номоканон, синтагма, правила и др.) и стало наиболее распространенным не только для восточнославянских книг, но и для южнославянских и даже новогреческих (в форме Πηδάλιον, что является переводом слова кормчая).

Ефремовская редакция кормчей не имела в начале общего заглавия, которым можно было называть этот сборник, но он упоминался под названием «Правила» — обозначением основного жанра (вида) произведений, включенных в его состав. Сербская кормчая имела заглавие «Начинается книгы сия, глаголемые греческим языком номоканун, сказаемыя нашим языком закону правило» (Рязанский список), которое на первом этапе создания Русской редакции было несколько сокращено, судя по его форме в обработке. Волынская кормчая называлась «Книгы глаголемыя гречьскым языком номоканон правило закону, о бозе начинается благочестивым князем Владимиром сыном Васильковым» (Арадский список). Лишь на этом этапе появляется новое заглавие, которое становится затем наиболее принятым для сборников такого рода на Руси, — «Книгы глаголемыя Кърмчия, рекше правило закону, грецьким языком номоканон, о Христе спасители починаем» (Новгородский список).

Таким образом, вторым этапом завершалось создание Русской редакции, ставшей в конце XIII—XVI вв. во многих крупных и мелких переработках важнейшим кодексом церковного, и в определенной степени, и светского права.

На первом этапе создания новой кормчей ее составители провели строгий отбор статей из двух основных источников — вновь полученной Сербской редакции и давно известной Ефремовской. Как было показано, посторонними статьями были только правила местных иерархов. На втором этапе число источников значительно расширилось. Большинство новых статей также были произведениями переводными с греческого, причем многие — в древнеславянских переводах. К несомненно местным переводам (или переработкам) можно отнести такие статьи, как Устав Студийского монастыря и Устав о браках. Неисследованность языка составных частей кормчей препятствует выявлению других древнерусских переводных памятников. Выше указывалось, что отдельные произведения находятся наряду с кормчей также в ранних сборниках, например, Паисиевском (Козьмы Халкидонского о том, чтобы не называть жену госпожой), причем, поскольку они там полнее и ближе к подлиннику, можно говорить о заимствовании их в кормчую из других, имевших на Руси в XIII в. распространение сборников с переводными статьями.

В других случаях те же статьи есть в сборниках, например в Устюжском, и среди добавочных статей в списках Ефремовской редакции (Соловецком, Рогожском), но их взаимоотношение с текстами Русской редакции не ясно — не исключено появление в них общих статей именно из состава кормчей этой редакции.

С какими обстоятельствами и лицами можно связывать эту работу?

Среди вновь включенных древнерусских статей кормчей три имеют более или менее точные указания на место возникновения. Это Правила Ильи Новгородского и белгородского епископа —

фрагмент, как было показано, скорее севернорусского, чем южнорусского (киевского) происхождения, затем — Сказание Кирилла Туровского — памятник южный, но имевший широкое распространение на Руси. И, наконец, обработка Летописца вскоре, принадлежащая ростовскому автору и времени вскоре после 1278 г. Таким образом, если первый этап работы может быть связан с Киевом и временем между 1273 и 1277 гг., то второй — с южной Русью не связан, а происходил, очевидно, в Северо-Восточной Руси между 1279 и 1282 гг.

Основываясь на этих данных, можно связать второй этап работы над Русской кормчей с Ростовом, скорее всего с ростовской епископской кафедрой. В последней трети XIII в., с упадком значения Владимира, центральный очаг сопротивления татарским насилиям переместился в менее разоренную Ростовскую землю. В 1289 г. здесь были вечевые выступления, приведшие к изгнанию представителей захватчиков из города, они продолжались и в 1310-е и 1320-е годы [136]. Таким образом, поддерживая мысль М. Н. Тихомирова о связи работы по восстановлению и созданию кодексов русского церковного права с подъемом антитатарской борьбы и национального самосознания [137], мы можем видеть в этих свидетельствах о политических событиях в Ростове конца XIII— начала XIV в. реальный фон для активной деятельности ростовских книжников по пополнению основного кодекса права древнерусской церкви. Возможная связь этого этапа с Ростовом позволяет заподозрить среди новых анонимных древнерусских статей в его составе существование и других ростовских памятников и местных переводных компиляций, например, «О черноризцах правила» или поучение новопоставленному попу и др. [138].

В нашей работе об основных группах текста Русской редакции 1962 г. [139] было высказано предположение о связи этого второго этапа с Переславским собором иерархов, состоявшемся в 1280 г., на котором присутствовали митрополит Кирилл (он и умер там,

---

[136] ПСРЛ, т. 7. СПб., 1856, с. 179; Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, с. 878.

[137] *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв., с. 173—184.

[138] В какой мере эту работу над кормчей можно связать с деятельностью ростовского епископа того времени Игнатия I (1262—1288 гг.), не ясно. Летописные сообщения не отмечают ничего, что позволило бы заметить его интерес к книжному делу, но показывают его церковным администратором, ездившим в Орду по делам своего причта. Он предпринял против члена ростовского княжеского дома активные действия, повелев вынуть недавно похороненного им же князя Глеба (смерть его — последнее событие в Летописце вскоре) из кафедральной церкви и перенести в его родовой монастырь, за что был наказан митрополитом (ПСРЛ, т. 25. М.—Л., 1949, с. 152; т. 18. СПб., 1913, с. 77; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 337). Стихотворная эпитафия на раке, поставленной в 1796 г., называет его «Игнатий ревностный, священных прав блюститель» (*Титов А. А.* Описание Ростова Великого. М., 1891, с. 10).

[139] *Щапов Я. Н.* К истории текста Новгородской Синодальной кормчей.— В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 300.

во время или после собора, 7 декабря 1280 г.), епископы ростовский и владимирский и архиепископ новгородский [140]. Сохраняем эту гипотезу в том смысле, что распространение второй обработки кормчей в Северной Руси (и неизвестность ее в Южной Руси) могло быть связано с участниками собора 1280 г. Так можно думать на основании того, что архиепископ новгородский Климент после возвращения из Переяславля в Новгород (очевидно, в январе 1281 г.) привез с собой список этой кормчей, на основе которого в 1282 г. был сделан для местной кафедры новгородский список.

РЕЦЕПЦИЯ КОРМЧЕЙ В ФЕОДАЛЬНЫХ КНЯЖЕСТВАХ КОНЦА XIII—XIV В.

ВОЛЫНСКИЙ ИЗВОД 1286 Г. И ЕГО ЮЖНОРУССКИЙ ИСТОЧНИК

Все изводы и списки Русской редакции показывают ее распространение на Руси и приспособление к условиям отдельных княжеств в конце XIII—XIV в.

Изводом, наиболее близким к первому этапу создания кормчей Русской редакции, является Волынский. Выше мы изучали этот извод с целью реконструкции ее основного источника — Киевской кормчей Русской редакции. Теперь обратим внимание на него для определения тех изменений, которые были внесены в Киевскую кормчую на Волыни.

Все три списка этого извода не имеют из состава 70 глав Киевской кормчей двух последних — Вопрошания Кирика и Правил митрополита Кирилла, но после Правил митрополита Иоанна (глава 68) следуют дополнительные статьи и приписка писца с датой 1286 г. При этом в оглавлении кормчей главы 69 и 70 сохранены, а добавочных статей там нет.

Едва ли есть основания объяснять пропуск этих двух древнерусских памятников случайностью, например, утратой конца списка, который попал во Владимир Волынский: правила митрополита Иоанна оканчиваются без утрат, а между изготовлением кормчей в Киеве и ее перепиской во Владимире прошло не так много времени. Очевидно, пропуск этих двух памятников нужно объяснить их содержанием. Так, епитимийные нормы ответов на вопросы Кирика, к которым относились в Новгороде с уважением, на юге не воспринимались как авторитетные и канонические. С. И. Смирнов проследил, что на юге в XII—XIII вв. канонические нормы Вопрошания не были распространены [141]. Что касается

---

[140] ПСРЛ, т. 25, с. 152—153; т. 18, с. 77; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, с. 338.
[141] *Смирнов С. И.* Материалы.., с. 108.

Правил митрополита Кирилла, то критическое отношение к первому правилу о порядке поставления священников с упоминанием ставленнической пошлины («не взимати же у них ничтоже, разве яко же аз уставих в митрополии, да будеть и во всех епископьях: да возмуть клирошане 7 гривен от поповства и от дьяконства, от обоего») хорошо известно. «Власфимия» — трактат против «поставления на мзде» XIV в. осуждает первое правило митрополита Кирилла за то, что «в нем же ересь Симона волхва и Антонина еретика в закон введена. Се правило в начале право, а в конце проклято» [142]. В списках русских редакций XIV—XV в. (Чудовской, Мясниковской, в Соловецком списке Ефремовской кормчей) это компрометирующее весь памятник первое правило опущено, но в некоторых случаях, очевидно, дело доходило до отказа от использования всего этого соборного акта. С таким случаем мы и имеем здесь дело.

Все списки Волынского извода имеют и общие добавления, восходящие к их архетипу или его источнику. Наиболее ранняя вставка, современная пропуску двух последних глав, — это «Устав и завет святого мнишеского жития» — переводное сочинение о монашеской жизни, следующее в конце, за Правилами митрополита Иоанна [143].

В таком виде кормчая была переписана в 1286 г. во Владимире Волынском повелением князя Владимира Васильковича, как об этом сообщают запись писца, находящаяся во всех списках этого извода, и приведенное выше заглавие книги в этом изводе.

Следующая стадия истории волынской кормчей сохранепа в единственном списке, утраченном в годы первой мировой войны и обнаруженном совсем недавно в Харькове [144]. В Харьковском списке XV в. находится дефектный текст Устава Владимира и правило «Аще кто мирских властель», но нет еще полного текста этого устава. Три другие списка — Арадский, Погодинский и Румянцевский — содержат два текста Устава и «Поучение к попам». Полный, но менее архаичный текст Устава (А) вставлен в кормчей между правилами II Никейского (VII вселенского) собора и Константинопольского I—II собора. Второй (Б) находится после приписки 1286 г. и правила «Аще кто мирских властель»; он дефектен, не имеет начала, более архаичен по языку, но имеет добавление, отсутствующее в тексте А. Оба текста не связаны тесно с составом кормчей.

В исследовании этого Устава было высказано предположение, что дефектный текст Б появился в кормчей ранее, чем полный А [145]. Обнаружение Харьковского списка, в котором нет еще текста А,

---

142 РИБ, т. VI, стб. 83—84.

143 А. Х. Востоков обозначил это сочинение, как «устав об общежительстве монастырском какого-то греческого царя» (*Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 302).

144 Благодарю Я. Д. Исаевича за указание на этот список.

145 *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси, с. 55.

подтверждает это предположение. Оба текста были включены в книгу разновременно, в течение XIV или первой половины XV в. [146]

Правило, начинающееся словами «Аще кто мирских властель» [147], имеет указание в заглавии, что оно издано VII вселенским собором. Однако это указание ошибочно. Мы имеем здесь дело, очевидно, с обычным приписыванием авторитету вселенских соборов правовых записей и поучений, с ними не связанных [148]. Вопрос о статусе православных священнослужителей и других клириков на западноукраинских землях в XIV в., когда они вошли в состав Польши и Литвы и в более позднее время, был весьма актуален. Об этом говорит появление в Архивном изводе XV в. Устава князя Ярослава о церковных судах специальной статьи об охране чести священника [149]. Однако и в более раннее время, с усилением местного боярства и ослаблением центральной церковной организации на этих землях в XIII—XIV вв., нормы этого правила могли интересовать составителей сборников уставов и правил.

Мы отнесли пропуск двух последних глав и вставку «Устава и завета мнишеского жития» к числу старших изменений в составе архетипного текста на том основании, что эти же изменения отразились в еще одной обработке кормчей — украинской Лукашевичской ее редакции XIV— начала XV в. [150] В этой кормчей, восходящей в своей основе к первому этапу Русской редакции, после главы «О местах епитимий, рекше запрещений» также следует «Наказание к презвитеру», а после Правил митрополита Иоанна вместо Вопрошания Кирика и Правил митрополита Кирилла находится «Устав и завет мнишеского жития» [151]. Однако Лукашевичская кормчая включает в себя множество статей из позднейших русских редакций кормчих XIV в., в том числе Правило Ильи новгородского 1166 г. , послание Иакова черноризца к ростовскому князю Дмитрию Борисовичу 1281 г., Правила митрополита Максима 1283—1305 гг. и другие, в том числе и пропущенные прежде Правила митрополита Кирилла 1274/73 г. Вместе с тем Лукашевичская кормчая не имеет других добавлений Волынской кормчей — устава Владимира, правила «Аще кто мирских властель» и волынской записи 1286 г., что говорит о том,

---

[146] Там же, с. 53—68.

[147] «Правило 17-го собора. Аще кто мирских властель, преобидев божественая церковная повелениа и посмеався церковным уставом, дерзнет епископа бити, или попа, или диакона, или во темницу всадить, или сплетет никаку вину, да будет проклят» (ГБЛ, Рум. 235, л. 269 об.).

[148] Таковы, например, так называемые правила 165 святых отец V вселенского собора в защиту церковной собственности и ее привилегий (РИБ, т. VI, стб. 145—146).

[149] «Аже кто биеть священника, за срам 5 гривен золота» (*Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси, с. 209).

[150] Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича. Описание. Сост. Я. Н. Щапов. М., 1959, с. 16.

[151] Там же.

что эти общие с Лукашевичской кормчей пропуски и добавления принадлежат промежуточной стадии в истории текста первого этапа Русской редакции, между Киевской кормчей 1273—1278 гг. и Волынской кормчей 1286 г. Именно с этой, протоволынской и протолукашевичской обработкой связаны эти ранние изменения.

Трудно сказать что-либо определенное о месте создания этой кормчей. Это Южная Русь, возможно, тоже Киев. Если связывать кормчую с Киевом, то она может быть результатом первых лет деятельности наследовавшего Кириллу митрополита Максима (1283—1305 гг.) — именно он мог опустить из ее состава две местные главы сомнительной канонической ценности.

Волынский извод кормчей конца XIII—XIV в. имел на территории Руси распространение, судя по немногим сохранившимся спискам XVI—XVII вв., ограниченное территорией украинских и белорусских земель Речи Посполитой: Харьковский список был вложен вскоре после изготовления в полоцкий Иоанно-Богословский монастырь и, вероятно, происходит из Полоцкой земли; Погодинский также имеет упоминание Полоцка в маргиналии; Румянцевский происходит с более южной, украинской части Руси (упоминание митрополита Киевского и Галицкого). Значительно большим распространением здесь пользовалась названная Лукашевичская редакция, соединившая этот ранний текст XIII в. с более поздними его обработками XIV— начала XV в. (известно 15—16 списков Лукашевичской кормчей сравнительно с четырьмя Волынской).

Однако ее возникновение и распространение на западнорусской территории было причиной выхода этой кормчей за пределы Руси и проникновения ее в качестве кодекса церковного права в соседнюю Молдавию. Арадский список XV в., как указывают исследователи, знакомившиеся с ним на месте, писан молдаванином, владевшим славянским языком, при господаре Стефане Великом[152], его орфография — среднеболгарская с сильными искажениями и русизмами; список снабжен маргиналиями на молдавском языке с кратким изложением правил [153]. До возникновения в Молдавии в 1380-х годах митрополичьей кафедры, а в значительной степени и после этого формального ее учреждения, вплоть до начала XV в., Молдова в церковном отношении находилась под управлением галичского епископа (временами носившего титул митрополита). В конце XIV в. между молдавской и галичской церковными организациями существовали тесные административные связи, а молдавский епископ Иосиф, ставший с 1401 г. митрополитом, был прислан галичским митро-

---

[152] Любезное сообщение Н. Смокины из Бухареста.

[153] *Iufu I.* Manuscrisele slave în bibliotecile din Transilvania şi Banat.— «Romanoslavica», t. VIII, 1963, p. 452—453, 464—466; см. также: *Смокина Н. П.*, *Смокина Н. Н.* Вновь найденный фрагмент древнего евангелия.— В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 68—79.

политом Антонием [154]. С этими акциями и может быть связано появление юго-западной Волынской кормчей в Молдавии.

Другие, кроме Волынского, изводы Русской редакции объединяются в Синодально-Варсонофьевскую группу и восходят ко второму этапу создания редакции, который мы датировали 1279—1281 гг. Здесь можно выделить две подгруппы: Синодально-Тихомировская включает Синодальный извод (список), Егоровский извод (список) и Тихомировский извод (Тихомировский и Рогожский списки). В Варсонофьевско-Барсовскую входят Варсонофьевский и Барсовские изводы (списки).

Группы различаются общими добавочными статьями к тому основному составу, который вышел из-под пера книжника, работавшего на втором этапе. Они принадлежат уже третьему этапу составительской деятельности, но поскольку эта деятельность была направлена на внесение в состав списков кормчей местных и известных в отдельных центрах статей и вела к возникновению ряда новых, параллельно существовавших форм, эти изводы и их группы рассматриваются не в качестве третьего этапа истории создания Русской кормчей, а как начальный, первый этап нового периода ее существования на местах, в отдельных феодальных центрах.

Для всех изводов Синодально-Тихомировской подгруппы характерно присутствие в списках двух переводных календарных статей «Иоанна Дамаскина о македонских месяцах» и «Книжника Антиохийского о каландах, нонах и идах» и отсутствие статей, характерных для другой подгруппы. Особенностью Варсонофьевско-Барсовской подгруппы является комплекс статей, включающий поучение к собору епархиальных попов, послание владимирского епископа к местному князю, «Другое слово» о церковных судах и поучение к епископам о соблюдении правил, при отсутствии статей, характерных для первой подгруппы.

ВАРСОНОФЬЕВСКИЙ И БАРСОВСКИЙ СПИСКИ, ВОСХОДЯЩИЕ К ВЛАДИМИРСКОЙ КОРМЧЕЙ НАЧАЛА XIV В.

Каждый из этих списков, кроме общих вставок, идущих от их архетипа, имеет свои индивидуальные особенности и дополнения. Так, в Варсонофьевском списке опущено новгородское Вопрошание Кирика, которое есть в Барсовском. Вместе с тем Варсонофьевский список включает группу поучений монахам, автором четырех последних из которых назван Василий Великий. Это говорит об изготовлении протографа кормчей в монашеской среде, возможно по заказу игумена одного из монастырей.

Уже после окончания переписки с протографа на чистых листах и столбцах, на стыках частей рукописи, на листах 134 об. и

---

[154] *Голубинский Е. Е.* Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской, румынской и молдо-валашской. М., 1871, с. 372—383.

168—168 об. примерно в то же время вписаны два отрывка из Номоканона Иоанна Постника.

В Барсовском списке опущен целый комплекс статей, появившихся в кормчей на втором этапе ее создания. Это Летописец вскоре, две статьи Епифания о пророках, две статьи Дорофея об апостолах и учениках и перечень епископов Никифора патриарха, но вместо них вставлено распространенное в русской письменности «Правило 165 святых отец» — переводной трактат в защиту церковного и монастырского имущества, духовной иерархии и церковного суда, приписанный V вселенскому собору. Причина этого пропуска случайна. Так можно думать в связи с тем, что предшествующие статьи Максима черноризца «О чувствах телесных», «О черноризцах правила» и Уставы Пателариева и Студийского монастырей (л. 253 об.—265 об.) ошибочно вставлены внутрь Вопрошания Кирика, т. е. налицо следы выпадения в протографе списка многих листов и вставки части их не на место. Не было в протографе Барсовского списка и его конца — Сказание о черноризском чину Кирилла Туровского обрывается на разделе «В 1-ю меру о самовластье чернец, от закона» и следующего раздела [155] не имеет. А между тем состав заключительных статей этого протографа для нас очень важен. Судя по Варсонофьевскому списку, в этом протографе после сочинения Кирилла Туровского должны были идти «Чин погребения» по Студийскому уставу (последняя статья из числа появившихся на втором этапе создания Русской редакции) и Устав Владимира. Утрата концов и самого Барсовского списка и его протографа не дает нам прямого свидетельства, что Устав Владимира находился в архетипе обоих списков. Однако другие данные позволяют утверждать, что устав не был вставлен только в протограф Варсонофьевского списка, а находился и в архетипе Барсовского. Устав Владимира — произведение церковно-юридическое, трактующее о правах и привилегиях государственной церковной организации. Устав как таковой значительно отличается от монашеских правил, которые монастырский книжник, работавший над пополнением протографа Варсонофьевского списка, счел нужным в него добавить.

Важное свидетельство о раннем появлении в кормчей Устава дает и изучение Софийской редакции кормчей — еще одной компиляции, основанной на тексте Русской редакции. Эта кормчая (она включает Софийский извод Русской Правды и известна во многих списках XV — XVI вв. [156]) из всех изводов Русской редакции наиболее близка именно к Барсовскому изводу и находится с

---

[155] *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского, с. 357.

[156] О Софийской редакции кормчей и тексте Русской Правды см.: «Правда Русская», т. I. М., 1940, с. 46—47, 135—147; *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде, с. 138—143; *Щапов Я. Н.* Южнославянский политический опыт на службе у русских идеологов.— В кн.: Byzantinobulgarica, t. II, Sofia, 1966, c. 210—211; *он же.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси, с. 71—73.

ним в непосредственной связи. При этом в составе Софийской кормчей Устав Владимира находится в той же Варсонофьевской редакции и на том же месте, как в Варсонофьевской кормчей. Это также свидетельствует, что этот Устав был в протографе Барсовского списка и архетипе этого и Варсонофьевского списков [157].

Добавление к кормчей (сочинения Афанасия Александрийского «О различных образех спасения и покаяния» и «Яко бог живет в совершенном христианине» и чины приема от сарацин и еретиков, вставленные после сочинений Афанасия, бывших в 70-главой кормчей) появились здесь, очевидно, из кормчей Сербской редакции. По крайней мере чин приема от сарацин находится здесь в полном виде, без утрат, которые есть в позднейших русских списках этой редакции. Здесь использован, следовательно, исправный или ранний список Сербской редакции, бывший на Руси в XV—XVI вв. редкостью. Конечные добавочные статьи в кормчей — епитимийного содержания. Это «Око церковное» — постнические правила Василия Великого (1—53) и его же правила для монахинь (54—63, обрываются) [158]. Барсовская кормчая XVI в., как и Варсонофьевская XIV в., следовательно, бытовала и переписывалась в каких-то монастырских кругах.

Общие для двух списков статьи дают материал для восстановления их архетипа, особенно важного для интересующей нас темы.

В Варсонофьевской и Барсовской кормчих находятся два комплекса общих добавочных статей — в середине и в конце списков. В середине, на л. 189—191 Варсонофьевского списка, после одного из спутников Закона судного людем — вопросов к Федору Сикеоту — здесь находится целая группа статей, отсутствующих в Синодальном и Егоровском списках. И. И. Срезневским указана только первая статья этого комплекса «Поучение к попам святого великого Василия» (начало: «Слышите, иереискыи преподобный зборе...»). На самом деле далее следует вторая статья — послание владимирского епископа к местному князю (начало: «Милостью божиею и святыя богородица...») вместе с третьей статьей, начинающейся словами «А се пишю ти другое слово...», и четвертая статья «Заповеди святых» к епископам о соблюдении правил (начало: «Всею силою и всею мощью...»). За последней статьей архетипа — «Чином погребения по Студийскому уставу» — следует второй комплекс. Это Устав Владимира о церковных людях и десятинах в особой, Варсонофьевской редакции (л. 321 об.—322) и Правило Василия Великого к попу (начало: «Потщися, о презвитере...», л. 322—322 об.).

---

157 Судя по составу и расположению статей в кормчей Софийской редакции, «Слово о презвитерах» (начало: «Потщися, о презвитере...»), находящееся в Варсонофьевской кормчей перед группой добавочных статей о монахах, входило и в архетип Варсонофьевской и Барсовской кормчих.

158 Греческий текст: PG, t. 31, p. 1304—1315.

Наибольший интерес представляют для нас русские статьи: Поучение к собору духовенства, Послание владимирского епископа с включенным в него «Другим словом» и Устав Владимира [159], которым посвящено наше специальное исследование [160].

Мы пришли к выводу о зависимости «Другого слова» от Правила о церковных людях, известного по спискам Мерила Праведного, кормчим и сборникам.

Возникновение Правила о церковных людях может быть связано с такими церковными центрами Северо-Восточной Руси конца XIII — первой четверти XIV в., как Ростов и Владимир. Это историко-канонический трактат в защиту значительных материальных средств, которыми располагали церковные кафедры, — земельных владений, денежных и других вкладов, судебных и торговых пошлин [161].

«Другое слово» представляет собой компиляцию на материалах этого Правила на одну определенную тему. Это сочинение в пользу церковного суда, для успешной защиты которого в «Другое слово» включен несомненно производивший большое впечатление на читателя перечень многих так называемых богоугодных дел церкви.

Установление содержания и источников «Другого слова» позволяет отделить этот памятник от «Послания владимирского епископа». Это Послание является оригинальным, вызванным конкретной действительностью памятником, а текст, начинающийся словами «А се пишю. . .», — это компиляция, построенная на готовом материале. В Послании епископа нет никаких заимствований из Правила. Мы не можем говорить о том, что эти два различные произведения принадлежат одному автору, столь различен в них стиль работы и понимание авторами их литературного труда. Возможно, что эти два памятника были поставлены рядом составителем «Другого слова». Различие между ними подчеркивается и палеографически: и Послание, и «Другое слово» начинаются одинаково киноварными инициалами.

Три первые из четырех статей комплекса являются владимирскими памятниками конца XIII— начала XIV в. Что же касается четвертой статьи, «Заповедей святых», то она кроме указанного комплекса входит также в число тех статей, которые появились в переславльской обработке 1280 г. Таким образом, все статьи связаны своим происхождением или появлением в известных рукописях с Владимиром и Переславлем.

Устав князя Владимира во втором комплексе общих статей в Варсонофьевской и Софийской кормчих находится в особой редакции, которая представляет собой переработку текста устава,

---

[159] РИБ, т. VI, стб. 111—118.

[160] *Щапов Я. Н.* Варсонофьевская кормчая.— АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 93—101.

[161] *Щапов Я. Н.* Правило о церковных людях.— АЕ за 1965 год. М., 1966, с. 80—81.

бывшего архетипом и для Синодальной Новгородской редакции второй половины XIII в. Варсонофьевская редакция устава Владимира представляет значительное сокращение архетипа, общего с Синодальной редакцией [162]. Здесь оказались выброшенными подробный перечень видов десятины, принадлежавшей церкви, генеалогия князя, указание на первого митрополита. Для редактора этой обработки, очевидно, не были важны события начальной истории христианства на Руси, а источники материального обеспечения церкви к XIV в. значительно изменились, и десятина не играла уже той роли, как несколько столетий назад. Представляет интерес, что в двух случаях из трех редактор опустил упоминание митрополита, в частности, то, где указывается принадлежность ему иммунитета («дах те суды церквам всем епископьям. .» — в Варсонофьевской, «дал есмь тыя суды церквам, митрополиту и всем епископом» — в других текстах Синодально-Волынской группы). Вместе с тем в уставе сохранилось третье упоминание митрополита («То люди церковные, богоделные; митрополит или епископ ведает межи ими суд. .»). Возможно, что это сокращение указывает на связь обработки с епископской кафедрой, обладавшей значительной самостоятельностью по отношению к митрополии в силу ли политического конфликта между главами общерусской и местной церкви или вследствие вакантности митрополичьей кафедры. И те и другие случаи в первой половине XIV в. были не редкостью на Руси.

Варсонофьевская редакция устава не имела широкого распространения. Благодаря проникновению кормчей с этим текстом в Новгород и созданию там Софийской кормчей он получил некоторую известность в этом городе, где был, однако, широко распространен местный новгородский текст Синодальной редакции, использованный и для Устава князя Всеволода.

Но сам архетипный текст и Устава, и кормчей возник не в Новгороде, а судя по владимирским статьям конца XIII в., в Северо-Восточной Руси в первой половине XIV в. Дата создания ее не может быть позже первой половины этого века, поскольку к середине его может быть отнесено создание новой северо-восточной обработки Русской редакции — так называемой Чудовской кормчей в соединении с Мерилом Праведным.

НОВГОРОДСКАЯ КОРМЧАЯ 1282 Г.

Вторая ветвь списков кормчей связана с Новгородом и Псковом.

Новгородский Синодальный список является среди других списков кормчей Русской редакции наиболее ранним, хронологически ближе всего стоящим ко времени сложения этой редакции. Уже этим определяется особый интерес к нему, соответственно, самыми старшими являются и входящего в его состав списки

---

[162] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси, с. 69—72.

Русской Правды, Устава Владимира, Закона судного людем, Сказания Кирилла Туровского, русской обработки Летописца вскоре, Правил митрополита Кирилла, Устава князя Святослава и всех других памятников, входящих в Русскую редакцию. Вместе с тем это уникальный, единственный список особой ранней новгородской обработки этой редакции, относящийся ко времени, когда в Новгороде уже сложился свой собственный конституционный строй феодальной республики с отличным от других древнерусских земель положением высших органов государственной власти, городских верхов, владыки. Эти особенности получили отражение в кормчей.

В работе об истории текста Синодальной кормчей мы проследили существование четырех ступеней ее создания[163]. Обратимся вновь к последним из них, поскольку о двух первых этапах в сложении Русской редакции подробно говорилось раньше. При этом можно привлечь для сравнения новые списки: два — связанные со Псковом (Тихомировский XV в. и Рогожский XVI в.) и один (Егоровский) — также вероятно, псковского происхождения, восходящие вместе с Синодальным к одному архетипу. В этом случае анализ состава кормчей и история его изменения оказываются более детальными и точными.

Рукописи этой группы сохраняют архетипный состав второго этапа редакции без значительных сокращений: и в Синодальном, и в Рогожском списке общие статьи оканчиваются «Чином погребения по Студийскому уставу», после которого следуют дополнительные статьи, особые в каждом случае. Тихомировский список имеет значительную утрату в конце, после статьи «О сени первого закона», и для исследования конечных статей использован быть не может.

Новыми, общими для всей группы статьями являются здесь две календарные статьи, переведенные с греческого: «Иоанна Дамаскина о македонских месяцах» и «Великого книжника антиохийского о календах, нонах и идах». Эти статьи представляют вставку в архетип, а не опущены в Варсонофьевско-Барсовской группе, как можно было это предположить прежде[164]: в Софийской кормчей, восходящей к тому же Варсонофьевско-Барсовскому архетипу, этих статей на соответствующем месте нет, но они добавлены в конце из Новгородской кормчей[165].

---

[163] *Щапов Я. Н.* К истории текста Новгородской Синодальной кормчей, с. 295—301.

[164] См., например: *Щапов Я. Н.* О составе Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции.— В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 300.

[165] В Егоровском списке эти две статьи находятся на том же месте, после Студийского устава и перед Летописцем вкратце, но они переписаны другим почерком (каким писано и начало рукописи) на особой, вставленной в рукопись, тетради того же времени. Возможно, что здесь мы имеем дело с пополнением списка, содержавшего архетипный текст кормчей, но с утраченным началом, по полному списку, включавшему уже две календарные статьи.

И в Синодальный, и в Рогожский списки входит в конце Правда Русская. Однако хотя оба списка (наряду с Софийским видом) принадлежат одному «звену» (по терминологии В. П. Любимова), различия в них таковы, что не позволяют считать их между собой родственными в большей степени, чем с Софийским видом. В Синодальном списке Правды известны значительные перестановки статей во второй ее части, не имеющие аналогий в других рукописях. После общей статьи архетипа — «Чина погребения» — в Рогожском списке на л. 652—676 следует еще три дополнительные статьи и только после них поставлена Русская Правда, а в Синодальном она стоит после другой дополнительной статьи («Речь жидовского языка»). В Егоровском списке Русской Правды нет. Все это свидетельствует о том, что Русская Правда вошла в состав обоих списков кормчих не из из архетипа Русской редакции, а в каждом случае самостоятельно, из особых, хотя и родственных между собой, источников.

Таков был состав кормчей книги, с которой были списаны копии в Новгороде, во Пскове и Егоровский список. В какой момент на пути из Ростова, Владимира или Переславля 1279—1280 гг. в Новгород в 1282 г. мог возникнуть этот архетип с двумя календарными статьями?

Сочинение «Великого книжника антиохийского» — фрагмент компиляции астронома VI в. Ритория — входил в состав кормчей Ефремовской редакции (и находился там также перед Летописцем вскоре Никифора патриарха). Он был известен на Руси очень рано, с XI в., но вне кормчих не получил распространения, поскольку древнеримский календарь с минусовым значением чисел не был широко известен на Руси [166]. Во всех списках группы он находится в том же полном виде, с таблицами соответствия календ, нон и ид общераспространенному календарю, только в Синодальном эта статья значительно сокращена, в ней выпущены эти таблицы и оставлено только введение с рассказом о древнеримском календаре [167]. Выше было отмечено, что единичные случаи применения этого календаря на Руси в XII в., не в переводных, а в оригинальных произведениях, наблюдаются в Новгороде в летописных статьях, которые связывают с деятельностью Кирика. Хотя совершенно исключать возможность внесения календарного трактата в новую кормчую из старой Ефремовской кормчей в Северо-Восточной Руси нет оснований, скорее, он мог привлечь внимание составителей в Новгороде, где были лучше известны традиции и обычаи, распространенные в западноевропейских странах и где Ефремовская редакция кормчей сохранялась и переписывалась и в XIII в., и позднее.

---

[166] См. настоящую работу, главу II.

[167] В таком же сокращенном виде произведение входит в списки Софийской редакции кормчей (в конце их). Это указывает на источник заимствования обеих статей в эту редакцию.

Использование кормчей с календарными статьями в Новгороде и Пскове вместе с наблюдениями о календарной статье позволяет с большей вероятностью считать, что эти статьи были внесены в тот экземпляр кормчей, который был привезен из Переславля, уже в Новгороде и с этого экземпляра делались списки и для Новгородской кафедры, и для Псковской.

Синодальный список, кроме календарных статей, содержит в основном составе еще две: «Речь жидовского языка» и Правду Русскую, причем они находятся в самом конце, в виде приложений к архетипному тексту, но переписаны одновременно со всем составом кормчей.

«Речь жидовского языка» — это словарь иностранных слов, встречающихся в переводах книг Ветхого и Нового завета — личных имен и библейской топонимики, а также имен нарицательных и отдельных библейских выражений. Словарь толкует лексику не только еврейскую, но и греческую, и славянскую и представляет собой, как определила специально занимавшаяся его изучением Л. С. Ковтун, компиляцию XIII в. ряда кратких ономастиконов глосс и толкований к толковой псалтири, греческих ономастиконов и других источников. Более краткая и, возможно, более ранняя редакция текста «Речи» сохранилась в рукописях XIII—XIV вв.; по сравнению с Синодальной кормчей в ней отсутствует 20 позиций, среди которых такая, как «бритва-стригольник».

Включение словаря в кормчую ставится в связь с содержанием этого памятника — «Речь» начинается толкованиями священных одежд, чему посвящено и несколько статей в кормчей; основная тема словаря — библейские имена собственные, а собственные имена в составе статей о пророках, апостолах и учениках Христа во многом совпадают с ними. В составе кормчей много статей с толкованием слов как в их заглавиях, так и тексте. Среди отеческих правил и посланий часты сочинения Афанасия Александрийского, которому принадлежат (или приписаны) в основном и толкования в «Речи», заимствованные из Псалтири толковой [168].

К этим наблюдениям хотелось бы добавить немного. Что касается связи «Речи» с содержанием кормчей, то включение этого памятника можно рассматривать в ряду пополнения его другими, если можно так сказать, «монографическими» толкованиями библейских и христианских слов и символов на втором этапе создания Русской редакции. Все эти пополнения несколько расширяли основное содержание кормчей в сторону справочного пособия по чтению переводной христианской литературы, а не только сборника церковно-юридических, епитимийных и административных норм. Включение «Речи» в кормчую на этом, одном из

---

[168] *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963, с. 10—154.

позднейших этапов ее истории, однако, нельзя связывать с наличием в кормчей сочинений Афанасия Александрийского, тем более что в тексте «Речи» он не упоминается. Это совпадение является случайным, но в основе его лежит интерес славянских составителей этого сборника в XII—XIII вв. к произведениям такого рода, как оказывается, вышедшим из-под пера одного автора.

Для установления связи редакции словаря в кормчей с другой редакцией в составе Толстовского и Троицкого сборников важно изучение состава последних. Толстовский сборник XIII в. [169] представляет собой действительно «изборник и от мног отец толкованы», как он себя называет, выписи из различных распространенных в средневековье сочинений с толкованиями (евангелия, пророчеств Исайи об иконном устроении, повести папы Григория о царстве Соломона, Псалтири с толкованиями Афанасия и др.) и составлен с целью объяснения и популяризации христианского учения. Канонических памятников здесь нет, как нет и соответствующей церковно-правовой лексики в статьях обоих словарей — в кормчей и в сборнике. Возможно, что эта компиляция и возникла в сборнике такого типа на основании раннего текста «Речи» и из такого раннего сборника она была в дополненном виде включена в кормчую. Троицкий сборник конца XIV в. [170] иного типа. Это собрание некоторых книг Ветхого завета и появление в нем близкого к «Речи» словаря может быть объяснено, так же как и в кормчей, стремлением снабдить их таким справочным пособием. Сборник такого типа в качестве источника кормчей невероятен.

Русская Правда в Синодальном списке представляет собой особый вид (извод) Пространной редакции, близкий к спискам в Мериле Праведном XIV в., в Рогожской кормчей, в списках Софийской кормчей и других, более поздних кормчих XIV—XV вв. Этот вид отличается особым порядком расположения статей во второй части Правды, который, как признают В. П. Любимов и М. Н. Тихомиров [171], представляет собой перестановку, пропуском статьи о поклепной вире, большой неисправностью — искажениями и пропусками. Если близость к спискам Софийской и Рогожской кормчих, памятникам новгородским и псковским, объясняется распространением всех этих текстов в новгородских пределах в XIII—XIV вв., то принадлежность к тому же звену списков текстов Правды в Мериле Праведном, памятнике Северо-Восточной Руси, имеет другие причины.

М. Н. Тихомиров выяснил, что тексты Правды в Синодальной кормчей и Мериле Праведном восходят к общему источнику

---

[169] ГПБ, Q п. I. 18 (Толст. II. 6.).

[170] ГБЛ, Тр. 2 (2027).

[171] *Любимов В. П.* Списки Правды Русской.— В кн.: Правда Русская, т. 1, с. 45; *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде, с. 87—88.

(одному архетипу), который лучше сохранился не в первом, а во втором сборнике — Мериле Праведном. Это позволило М. Н. Тихомирову предположить, что Русская Правда попала в Новгородскую кормчую вместе с некоторыми памятниками владимиро-суздальского происхождения, такими как Летописец вскоре, Правила митрополита Кирилла и другие, причем в связи с деятельностью великого князя Дмитрия Александровича. Вместе с тем исследователь связывает возникновение Пространной Правды с Новгородом начала XIII в., после 1209 г., и с ним согласен такой знаток истории древнерусского права и текста Русской Правды, как Л. В. Черепнин.

Текстологическое исследование списков кормчей книги Русской редакции не позволяет относить включение всех этих статей к одному времени, одному этапу в истории кормчей. Русская правда в Синодальном списке, хотя она и показывает свое происхождение от общего с Мерилом источника, включена в основной состав кормчей уже в Новгороде. Возможно, что список Правды до того, как войти в состав кормчей, находился в приложении к ней, на добавочных листах, примерно так, как сейчас в Синодальном списке находится тетрадь с Уставами Владимира и Святослава Ольговича [172].

Между сборниками типа кормчей книги и сборниками типа Мерила Праведного в XIII—XIV вв., в пору их создания и использования как руководств в практической судебной и административной деятельности, существовала разница в адресе того читателя, кому они предназначались, что было тесно связано с содержанием этих сборников.

В Мериле Праведном, предназначенном, судя и по его введению, и по содержанию поучительных статей, служить пособием для судебной деятельности княжеской власти, находится полный текст византийского «Закона градского» (Прохирона), содержащий главы, посвященные нормам имущественного, наследственного, залогового, строительного и других сфер права. В кормчую, служившую пособием прежде всего в церковном суде и церковно-административной деятельности, Прохирон вошел в 1270-х годах только отдельными (пятью из сорока) главами, посвященными таким вопросам, как поставление священников, семейное и брачное право, т. е. ограниченными интересами и правами церковной власти на Руси.

Это различие в отношении двух сборников к двум сферам юрисдикции находит подтверждение и в истории появления в них Русской Правды. В Мерило Праведное Русская Правда была включена в Северо-Восточной Руси, и она заняла в этом сборнике подобающее ей, светскому правовому памятнику, место.

---

172 В списке конца XV — начала XVI в. (ГБЛ, Егоров, 472), представляющем собой, вероятно, список с Синодальной рукописи, оба устава уже входят в состав кормчей (*Щапов Я. Н.* Новый список устава Святослава Ольговича, с. 396).

В состав кормчей Русская Правда не вошла ни на юге, в Киеве, ни во Владимире или Ростове, как нужно думать, в связи с тем, что ни митрополит, ни местные епископы не могли применять ее в своей деятельности, на практике. Соединение княжеского правового кодекса XII—XIII вв. со сборником церковного права произошло только в Новгороде, в особых условиях новгородской конституции конца XIII в., когда сфера юрисдикции новгородского владыки расширилась очень значительно и в нее вошли не только традиционно принадлежавшие церкви внутренне-административные и судебные функции, но и внешнеполитические дела, отношения с другими русскими землями, а также большая сфера суда по гражданским делам, прежде никогда не принадлежавшая церкви. Расширение владычной юрисдикции на светский суд в XIII—XIV вв. показывают как письменные, так и сфрагистические источники [173].

С этими явлениями и можно связать включение в Новгороде Русской Правды в состав кормчей книги. Этот опыт соединения в одном сборнике кодексов и церковного, и светского права оказался очень удачным. В дальнейшем многие редакции кормчей, связанные как с Новгородом, например, Софийская, так и с северо-восточными княжествами — Чудовская, сохраняют в своем составе Русскую Правду. Однако к XV—XVI вв., когда эти редакции получили наибольшее распространение, византийские и древнерусские памятники в кормчей имели различное значение в жизни Русского централизованного государства.

Пропуски, отмеченные для Русской Правды в Синодальном списке, характерны и для других его статей. В некоторых из них сокращены, вернее, опущены, большие части текста. Так сделано с упоминавшейся календарной статьей «Великого книжника» (л. 567), также поступил писец со «Сказанием хитрым о чувствах телесных» Максима Исповедника (л. 547), в которых оставлены вводные разделы, а основная часть, в форме таблиц, не переписана. Это не случайные утраты, а намеренные пропуски, стремящиеся, очевидно, сократить обширные древние памятники, но сохранить их в составе кормчей.

Синодальный список датируется обычно широко, 1281—1291 гг., поскольку в рукописи, в официальной записи о ее переписке, указана дата 6700 (҂ѕѱ) со стершимся окончанием. Исследователи, знакомившиеся с рукописью в XIX в., еще видели в конце часть буквы ч (90) и датировали книгу 1282 г. (6790) [174]. В записи указано, что книга написана повелением «благоверного» князя новгородского Дмитрия, на средства «благоверного» архиепископа Климента и положена в Софийской церкви на «почитание священником и на послушание крестьяном». Изучение

[173] Подробнее см.: *Щапов Я. Н.* К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII—XIV вв.— В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 183—184.

[174] *Калайдович К. Ф.* Русские достопамятности, ч. 1. М., 1815, с. 19.

политических отношений Новгорода с князем Дмитрием показало, что в 1281—1283 гг. между ними существовали напряженные и враждебные отношения, сопровождавшиеся военными походами новгородцев на Дмитрия и Дмитрия на новгородцев, во время которых едва ли могло появиться именование князя наравне с архиепископом «благоверным». Это заставило датировать рукопись временем или более ранним, 1276—1280 гг. [175], 1280—1281 гг. [176], или более поздним, 1284—1291 гг. [177]. Ранняя датировка, учитывая существование выявленных этапов истории текста кормчей после конца 1278 —начала 1279 г. (запись о смерти князя Глеба),— окончание работы над архетипом Русской редакции, перенос кормчей в Новгород, пополнение ее календарными статьями, новое пополнение ее Русской Правдой и «Речью жидовского языка» и изготовление Синодального списка — маловероятна. Всю эту работу, в том числе перенос списков из одного центра в другой, за год-полтора сделать было очень трудно. Поэтому реальней датировка более поздняя. Однако не исключено, что правильной является все же традиционная дата, предложенная исследователями XIX в. —1282 г. [178]

В конце рукописи, после Русской Правды, на пергаменном листе счищено девять строк текста. Нам удалось прочесть вторую строку: «Аже который князь или. .», по которой видно, что запись содержала заклятье против похитителя книги или, скорее, нарушителей содержащихся в них установлений [179].

Уже после окончания переписки Синодального списка, в середине или второй половине XIV в., к нему была добавлена пергаменная тетрадь из четырех листов, на которых переписаны новгородские церковно-правовые памятники — Устав князя Владимира Синодальной редакции и уставная грамота князя Святослава Ольговича 1137 г. с двумя территориальными установле-

---

[175] *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв., с. 179.

[176] *Тихомиров М. Н., Щепкина М. В.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952, с. 19; *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н.* Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, с. 16.

[177] *Щапов Я. Н.* К истории текста Новгородской Синодальной кормчей, с. 300—301.

[178] Палеографическое изучение записи показывает, что хотя в настоящее время стертое окончание даты прочесть простым глазом не удается, после цифр ҂ѕѱ на строке столбца при одинаковом расстоянии между цифрами может быть место еще только для одной цифры. Если там читалась цифра ч, то дата может быть ҂ѕѱч. Возникающие в этом случае противоречия с летописными известиями, очевидно, могут быть устранены дополнительными исследованиями как летописной хронологии — хронология Новгородской I летописи младшего извода во второй половине XIII в., как показал Н. Г. Бережков, сбивается на 1—2 года (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания, с. 286—291), так и взаимоотношений князя Дмитрия Александровича с Новгородом.

[179] Нужно надеяться, что применение новых методов чтения потухших текстов позволит прочесть и этот текст и получить дополнительную информацию об этой рукописи.

ниями XIII в. Эти документы (Устав Владимира в новгородской обработке XIII в.) фиксирует соотношение ведомственной и территориальной юрисдикции князя и владыки в их эволюции в XII—XIII вв. [180]

ПСКОВСКАЯ КОРМЧАЯ В ТИХОМИРОВСКОМ И РОГОЖСКОМ СПИСКАХ

К тому же архетипу, что и Синодальный список, включавшему две календарные статьи и Русскую Правду, восходят и два других, более поздних — это Рогожский начала XVI в. и не введенный еще в науку Тихомировский XV в. Рогожский список, принадлежавший в XIX в. Лаптеву, известен благодаря тексту Русской Правды, опубликованному в академическом издании [181]. Изучавший этот текст В. П. Любимов отмечает, что он принадлежит к числу списков одного звена с Синодальным и Софийским списками и списан, очевидно, «с какого-нибудь древнего списка кормчей того же в общем типа, как Синодальный и Новгородско-Софийский» [182].

Рогожский список лучше, чем Синодальный, передает этот общий архетип. Обе сокращенные статьи — и Сказание Максима исповедника, и трактат о древнеримском счете времени Ритория Антиохийского — здесь даны целиком, с таблицами. Кроме того, в этом списке содержатся дополнения, часть из которых связана с Псковом и показывает, что Рогожский список (как и Тихомировский) списан с протографа, принадлежавшего псковской владычной кафедре.

Первый комплекс дополнительных статей не имеет явных связей с местом возникновения обоих списков. Он включает Сказание о семи вселенских соборах, Устав Владимира Варсонофьевской редакции, Послание Петра Александрийского к папе римскому Клименту и «Слово святых апостол и святых отец о церковном приношении» — русское поучение против приема даров от ведущих неправедную жизнь.

Сказание о семи вселенских соборах, входившее в состав кормчей Сербской редакции, было опущено при создании в 1270-х годах краткой русской кормчей, очевидно, потому, что важнейшие сведения об этих соборах содержало включенное в последнюю Сказание о всех, и вселенских, и поместных, соборах. Расширение состава кормчей в конце XIII в., начавшееся еще на втором этапе создания Русской редакции, привело к тому, что

---

[180] Памятники русского права, вып. II. М., 1953, с. 120; *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси, с. 150—165; *Янин В. Л.* Грамота князя Святослава Ольговича 1137 г.— В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 243—251.

[181] Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940, с. 167—178; т. II. М.—Л., 1947, с. 832—839; т. III. М., 1963, с. 123—148.

[182] Правда Русская, т. I, с. 47.

в ее составе появилось и это Сказание. Его текст близок к Сербской редакции (папа Сильвестр указан среди «начальников» I собора и в самом начале), но представляет собой другой перевод и более краткий вид [183].

Полемическое сочинение об опресноках, имеющее в псковских списках название «Послание патриарха Александрийского Петра к римскому папе Клименту» (начало: «Возлюбих о господе любовь твою. . .») хорошо известно в греческих [184] и русских рукописных сборниках [185] как Послание к этому папе древнерусского митрополита Иоанна II, того же автора, которому принадлежит Правило к Иакову черноризцу в составе Русской редакции кормчей, включенное в нее в числе трех местных сочинений на первом этапе ее создания. Это послание посвящено полемике с латинянами об основных пунктах расхождения (служба на опресноках, субботний пост, несоблюдение поста в первую неделю четыредесятницы, безбрачие духовенства, непризнание миропомазания, filioque), причем, как отмечают исследователи, и в Правиле Иоанна II, и в этом Послании заметно отсутствие резких полемических выпадов и тенденций к полному размежеванию со сторонниками этих норм и взглядов [186].

Текстологическое сравнение Послания Петра Александрийского с Посланием Иоанна митрополита русского показывает, что оба памятника содержат один и тот же текст и отличаются, кроме заглавий, только одной фразой, называющей имена их авторов:

Послание Иоанна митрополита русского	*Послание Петра Александрийского*
Цѣлую тя и аз, Иван худый митрополит рускыи и всѣх яже под тобою клирикы же и люди; целують же вас иже с нами святии боголепнии епископи и игумени и [иже с нами [187]] богочестивии цари и велицни людье [188]	Цѣлую тя и аз, патриарх александрийский Петр, и всѣх яже под тобою клирик же и люди; цѣлуют же вы иже с нами святыи боголюбивыи епископы, игумени и богочестивыи цари и велицин людие [189]

---

[183] Сказания о соборах, кроме кормчих Сербской и Русской редакций, известны среди ранних компиляций — в Ефремовской кормчей, в Изборнике Святослава 1073 г. (в составе исповедания веры Михаила Синкелла), в Послании Иоанна II митрополита к папе Клименту XI в., в Повести временных лет, среди поздних — в Воскресенской, Никоновской летописях, Степенной книге и др.

[184] Послание митрополита Иоанна II. Подг. В. И. Григоровичем.— «Ученые записки Второго отделения имп. Академии наук», 1854, кн. 1, Памятники, с. 1—20; *Павлов А. С.* Критические опыты..., Прилож.

[185] Памятники российской словесности в XII в., изд. К. Калайдовичем. М., 1821, с. 209—218.

[186] *Павлов А. С.* Критические опыты.., с. 58—62.

[187] Вставка А. С. Павлова.

[188] *Павлов А. С.* Критические опыты.., с. 186 (ГИМ, Син. 562).

[189] ГБЛ, Рог. 256, л. 205.

Из известных списков Послания Иоанна к тексту Послания Петра наиболее близок ранний пергаменный список в толстовском сборнике XIV—XV вв., опубликованный К. Калайдовичем — в обоих сходные пропуски и изменения [190]. Очевидно, такой список и был источником Послания Петра [191].

Перевод цитат из 64-го апостольского правила и соборных (Гангрское 4-е, Трульское 13-е) правил в Послании Иоанна не связан с переводом их в Ефремовской кормчей, отличаясь специальной терминологией и отдельными выражениями, как, например, «прозвитер», «церковник», «уничижаеть» — в Послании, соответствующие словам: «поп», «причетник», «расмащряет» — в Ефремовской кормчей, πρεσβύτερος, κληρικὸς, διακρίνοιτο — в греческом тексте. Это хорошо показывает сравнение текста 13-го Трульского правила, в переводе которого в Ефремовской кормчей (по всем спискам) есть описка («виною» вместо «женою») или пропуск, отсутствующие в тексте послания.

Греческий текст	*Ефремовская кормчая*	*Послание*
Ὡσαύτως καὶ εἴ τις πρεσβύτερος ἢ διάκονος τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα προφάσει, εὐλαβείας ἐκβάλλει ἀφοριζέσθω, ἐπιμένων δὲ καθαιρείσθω	Такожде же аще кыи попъ или диакъ своею виною благобоязньства ижденеть, да отълученъ будеть; прѣбывъ же, да отъвьрженъ будеть	Тако же иже презвутеръ или дьяконъ или весьма по словеси царковникъ... иже свою жену извѣтомъ изринеть, да отлучится; не каяшеся того-да отвержен будеть

Таким образом, древнерусский текст Послания Иоанна в отличие от его Правил к Иакову черноризцу не связан с переводом правил, находящихся в Ефремовской кормчей, и возник независимо от последних. Это было, очевидно, уже на Руси, не ранее 90-х годов XI в. или в XII в. На такую дату указывает упоминание в русском переводе Послания Иоанна (и Петра) современных ему *епископов* вместо *митрополитов* греческих списков (ср. русский текст выше, на стр. 226): ἁγιώτατοι καὶ θεοφιλέστατοι μητροπολῖται [192]. Именно к 1080—1090-м годам можно отнести закрытие существовавших на Руси при Иоанне II титулярных митрополий в Чернигове и Переяславле, в результате чего церковное управление вновь объединил в своих руках, и фактически, и номинально, киевский митрополит [193].

---

[190] ГПБ, Q п. 1.7 (Толст. III. 65), л. 138 об.—148.

[191] Древнерусский текст Послания Иоанна, как и Послания Петра, имеет сравнительно с известным греческим дополнение с упоминанием «повеления святых апостол», «возглашенного» папой Климом — «первым наместником верховного апостола Петра». Как считал А. С. Павлов, эта вставка уже находилась в греческом тексте, бывшем у переводчика (*Павлов А. С.* Критические опыты.., с. 175).

[192] *Павлов А. С.* Критические опыты.., с. 186.

[193] *Поппэ А. В.* Русские митрополии константинопольской патриархии в XI ст.— «Византийский временник», т. 28. М., 1968, с. 104—105; *Poppe A.* Uwagi o najstarszych dziejach Kościoła na Rusi.— «Przegląd historyczny»,

Поскольку русский текст Послания Петра не отличается от текста Послания Иоанна, имеющего греческий оригинал, можно говорить о том, что это сочинение было приписано Петру Александрийскому на Руси. Это уже не первый встречающийся нам в этой работе случай отнесения к нему не принадлежащих ему посланий. Как было показано в главе о Сербской кормчей на Руси, Послание Петра Антиохийского к архиепископу Венецианскому («Бенетскому»), также касающееся вопроса об опресноках, в древнерусских списках приписано тому же Петру Александрийскому. Таким образом, с именем Петра, епископа Александрийского, одного из наиболее авторитетных отцов церкви, которому принадлежали правила, признанные каноническими VI (Трульским) собором 692 г., в том числе правило о посте в среду и пятницу [194], в древнерусской письменности связывалась антилатинская полемика по вопросам об опресноках [195].

Устав князя Владимира находится в Тихомировском и Рогожском списках в Варсонофьевской редакции, которая близка по происхождению к Синодальной и восходит вместе с ней к одному архетипу. Однако эта редакция принадлежит более позднему времени — XIV в., когда древние установления о десятинах утратили свое значение, а события начальной истории христианства на Руси, в частности в Киеве, уже не были важны. В исследовании этой редакции Устава писалось, что она прочно связана археографической традицией с Софийской редакцией кормчей и заимствована в другие редакции из последней [196]. Настоящее исследование истории изводов Русской редакции позволяет прийти к заключению, что появление Устава в псковских и в Егоровском списках последней не связано непосредственно с Софийской редакцией, но сама она восходит к спискам Русской редакции, особенно Варсонофьевско-Барсовской группы, в ко-

---

1964, t. 55, nr. 4, s. 557—572; 1965, t. 56, nr. 4, s. 557—569; *idem*. Państwo i Kościół na Rusi w XI w. Warszawa, 1968 s. 164—170. Поскольку чтение «епископы» есть и в некоторых греческих списках (например, ГИМ, Син. 366 XIV в.), не исключено, что русский перевод Послания Иоанна был сделан с греческого текста в уже вторичной редакции и, следовательно, позднее, в XII в.

194 *Остроумов М*. Введение в православное церковное право, т. I, Харьков, 1893, с. 201—202.

195 Очевидно, в этом переосмыслении роли деятеля IV в. сыграло роль смешение его с полемистом XI в. Петром, патриархом антиохийским, автором посланий деятелям западной и восточной церквей, посвященных их разделению (*Beck H. G*. Op. cit., p. 535). В русских полемических сборниках XIV—XVI вв. (например, ГПБ, Q п. I. 7 Толст. III. 65) послания Петра Антиохийского и Иоанна митрополита русского об опресноках стоят рядом. В кормчей «Послание Петра Александрийского» связывается со временем царствования Ирины (780—802 гг.) и VII собором («По сем съборе при црьствии благочестивыа Ирини послание бысть патриарха александрьска Петра к папѣ Римьскому Клименту...»). Но, возможно, это заглавие появилось в связи с тем, что само Послание было вставлено в «Сказание о вселенских соборах» после рассказа о VII соборе.

196 *Щапов Я. Н*. Княжеские уставы и церковь в древней Руси, с. 71.

торые Устав Владимира был включен, очевидно, еще в начале XIV в. Связи между Тихомировско-Рогожской и Варсонофьевско-Барсовской группами ограничены их общим архетипом, в котором в каком-то виде (как приложение или приписка) находился и этот Устав.

Устав Владимира появился в группе четырех статей между правилами Карфагенского и Трульского соборов одним из последних. Об этом говорит его место в обоих списках: он вставлен в середину Сказания о вселенских соборах, в рассказ о IV соборе, между словами: «на Еутиѳия архимандрита и на Диоскора александрьска епископа ⟨вставка⟩ глаголющема има яко господня плоть несть подобна нашей»[197]. Зная кодикологические особенности древнерусских рукописей, такое место памятника можно объяснить перепиской его на чистых столбцах и страницах рукописи в конце тетрадей на стыках работы отдельных писцов, т. е. видеть в Уставе Владимира памятник, вставленный в протограф уже после окончания работы над ним[198], так, как добавлены, например, выписи из Номоканона Иоанна Постника в Варсонофьевском списке.

Вторая группа добавочных статей находится в конце, после последней общей статьи архетипа Ростовской кормчей 1279—1280 гг. «Чина погребения по Студийскому уставу». Это древнерусские статьи: «Правило святых апостол и святых отец» об епитимьях (начало: «Аще двоеженец кается. .»), «Сказание об арменской ереси» (с перестановкой отдельных разделов), толкование божественной службы, Русская Правда и большая группа посланий в Псков московских и новгородских иерархов — митрополитов Киприана и Фотия (1392—1427 гг.) и архиепископа Евфимия (1426). Все эти статьи (кроме Послания Фотия 1416 г.) есть только в Рогожском списке, поскольку Тихомировский обрывается раньше, однако совпадение в обоих списках состава первой вставки, наличие в Тихомировском также первого послания Фотия, общность в обработке Устава Владимира (в двух списках) и Русской Правды (в одном) позволяют считать, что в нем были по крайней мере древнерусские добавочные статьи.

Как было выяснено В. П. Любимовым, Русская Правда в Рогожском списке сохраняет много древних черт, характерных для таких ранних списков, как Синодальный, Троицкий (Мерило Праведное), Пушкинский. Вместе с тем в Рогожском списке немало искажений и пропусков, среди последних — пропуск статьи

---

[197] ГБЛ, Рог. 256, лл. 196 об.—197 об.

[198] В Тихомировском списке первая половина Сказания о соборах с началом устава утрачена, но место вставки то же. Егоровский список представляет в этом месте дальнейшую обработку: Сказание о вселенских соборах все переписано в одном месте, а Устав Владимира поставлен после него (л. 146 об.). Однако в Егоровском списке нет «Слова о церковном приношении», которое, следовательно, появилось в архетипе Тихомировского и Рогожского списков уже после того, как с него был списан Егоровский или его протограф.

о «судебных» уроках. М. Н. Тихомиров объяснял аналогичный пропуск статей о «судебных» и «ротных» уроках, конкретных установлений с архаичными для XIV в. терминологией и денежным счетом, тем, что они были непонятны и устарели, по мнению редактора [199]. Также нужно, вероятно, объяснять этот пропуск и в Рогожском списке.

Для изучения эволюции норм русского права и одновременного отражения ее в юридических памятниках разного характера важно изменение, также отмеченное В. П. Любимовым, — «любо брату, любо чаду» вместо «любо братучаду» в ранних текстах [200]. Оно показывает, что древнеславянский термин «братучадъ» (племянник по брату) [201] был в XIV в. малопонятен и вместе с тем роль братьев в жизни того времени (в данном случае — при защите жизни или чести родственника) требовала отражения ее и в правовом кодексе. На это обращено внимание и в обработке Устава Владимира в Тихомировском и Рогожском списках. Здесь, в статье с перечнем дел, принадлежавших церковной юрисдикции, формула «братни ли дѣти тяжются о задници» изменена «братья или дѣти тяжются о задници» [202], т. е. также выделена роль братьев, на сей раз в наследственных конфликтах. Это совпадение направления мелких переработок двух древнерусских правовых памятников в одних и тех же рукописях не может быть случайным и показывает следы работы над ними, очевидно, одного лица.

Правило «Аще двоеженеп кается» — русская епитимийная компиляция, использовавшая материал Вопрошания Кирика, правил «Максим рече. .» и других домонгольских сочинений на эту тему. С. И. Смирнов датировал составление правила «Аще двоеженец кается» первой половиной или серединой XIV в. и относил его к Новгороду [203]. Однако свое мнение он основывал на анализе наиболее обширного текста памятника, включающего 55 статей и находящегося в Чудовском сборнике XV — XVI вв. Между тем в некоторых списках, и данном в том числе, правило более кратко и не имеет ряда статей. Это может быть объяснено не столько позднейшим сокращением текста, сколько существованием нескольких этапов в истории текста до появления его в Чудовском сборнике.

И Тихомировский, и Рогожский списки включают послания во Псков русских иерархов. В последнем они находятся в самом конце рукописи. Здесь их 13 начиная от Послания Фотия 1416 г. и

---

[199] *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде, с. 134.
[200] «Правда Русская», т. I, с. 47, 168 (ст. 1).
[201] Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenice. 4. Praha, 1961, p. 143; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. М., 1958, стб. 172.
[202] ГБЛ, Рог. 256, л. 197; Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 67.
[203] *Смирнов С. И.* Материалы.., с. 350, 352.

кончая Посланием Киприана 1392 г. в Новгород. Послания посвящены различным вопросам деятельности псковского духовенства, отмене уставной грамоты суздальского епископа Дионисия, ереси стригольников.

Послания вписаны не в хронологическом порядке, а очевидно, так, как они попадали в руки составителя этой части рукописи — последним приписано самое раннее послание 1392 г., адресованное Киприаном в Новгород, из которого и попал в Псков его список [204].

В Тихомировском списке находятся два Послания Фотия 23 сентября 1416 г. о постах и службах [205], и без года, 24 сентября (по А. С. Павлову, 1422 или 1425 г.) [206], причем они вставлены в текст кормчей после Правил Константинопольского собора в церкви Софии 879/880 г. Это место грамот показывает, что послания во Псков появились в обоих списках не из архетипа кормчей, а самостоятельно. Вместе с тем наличие у основных частей обоих списков одного архетипа и добавление в них одних и тех же посланий в Псков позволяет связывать с этим городом не только протографы обоих списков, но и архетипный текст кормчей, пользовавшийся там определенным распространением. Тихомировский список принадлежал дьяку (дьякону) церкви Ивана Богослова. Эта церковь на дворе Снетогорского монастыря, на Стене, известна по псковским летописям с даты ее постройки в 1367 г. В 1510 г., при присоединении Пскова к Русскому государству, духовенство этой церкви играло, очевидно, в этом деле какую-то посредническую роль, вечевой колокол с Троицкого собора был снят «и повезоша его на Снятогорской двор ко Иоанну Богослову» [207]

Таким образом, список кормчей, бывший источником и для Синодального Новгородского списка 1282 г., лег в основу особого извода ее текста, получившего в XV — XVI вв. распространение в Пскове. Церковно-политическое подчинение Пскова новгородской архиепископии позволяет считать, что в Псков кормчая должна была проникнуть не непосредственно с северо-востока, а из Новгорода. Тем самым этот общий архетип Синодального и псковского изводов также можно считать новгородским и принадлежащим времени незадолго перед 1282 г.— датой Синодального списка. Когда проник этот архетипный список в Псков — не известно, дополнительные статьи в нем (Устав Владимира, правило «Аще двоеженец кается») датируются XIV в., а явно псковские добавления —1410 — 1420-ми годами, близко ко времени создания Тихомировского списка. Не исключено, что и предыдущие дополнительные статьи

---

[204] Те же послания Киприана, Фотия и Евфимия во Псков содержит также сборник ГБЛ, Рум. 204, л. 401—450.

[205] РИБ, т. VI, стб. 375—384 (№ 43).

[206] РИБ, т. VI. стб. 427—438 (№ 51).

[207] Псковские летописи. Под ред. А. Н. Насонова, вып. I. М.—Л., 1941, с. 95; вып. II. М., 1955, с. 256—296.

тоже появились в рукописи в Пскове. Послания русских иерархов конца XIV — первой половины XV в., посвященные острым и спорным вопросам общественной и церковно-правовой жизни города этого времени, значительно обновляли сборник, приближая его традиционное содержание к новым условиям [208].

ЕГОРОВСКАЯ КОРМЧАЯ И ЕЕ МЕСТО В РУССКОЙ РЕДАКЦИИ

Среди изводов Русской редакции один, Егоровский, в единственном позднем списке 1567 г. занимает особенное место и в плане его связи с общим архетипом, и потому, что он не имеет достаточно явных признаков, указывающих на территорию его распространения.

Егоровский список принадлежит, несомненно, к группе изводов, возникших в результате обработки текста второго этапа создания этой редакции: в нем есть статьи, свойственные этому этапу, причем такие, как «Сказание хитро о чувствах» в полном виде, без сокращений Синодального списка. Владимирских статей, характерных для Варсонофьевско-Барсовской группы, он не имеет и не связан, следовательно, с рассмотренной выше северо-восточной обработкой Русской редакции.

Ряд статей связывает его не с северо-восточными, а с северо-западными изводами. Так, он включает статьи, входящие в псковские списки (Сказание о вселенских соборах, Устав Владимира, Послание Петра Александрийского), причем на том же самом месте, после правил II Никейского собора (л. 145 об.— 152 об.). Однако эти статьи показывают вторичность текста сравнительно с Тихомировско-Рогожской группой: Устав Владимира, вставленный в последней внутри Сказания о вселенских соборах, в Егоровском списке вынесен после текста этого Сказания.

Вместе с тем эта связь с псковско-новгородскими изводами не очень последовательна. В кормчей нет Русской Правды, входящей и в Синодальный, и в Рогожский списки, а две характерные для этих изводов календарные статьи имеют в Егоровском списке следы вставки в текст, сделанной, правда, почти одновременно с его созданием.

Все это делает место Егоровского списка в генеалогической схеме текста не очень ясным. Возможно, что он восходит к раннему Новгородскому списку Русской редакции, источнику и Сино-

[208] В Рогожском списке в статье «Великого книжника антиохийского о календах» находится посторонняя вставка, попавшая в нее из маргиналии протографа. Это, очевидно, местная уставная запись о праве попа, оставившего службу в церкви до установленного срока, на ее оплату («А се уроци рекше о ругах. Аще поп, не достояв любо с нѣделю у церкви года своег[о] умрет, да възмет ругу свою. Аще попа погонят от церкви — да возмет ругу свою. Аще поп поидет от церкви к иной церкви по своей воли — да не возмет ничтоже» — ГБЛ, Рог. 256 л. 598).

дальнего, и двух Псковских на том этапе его создания, когда в нем уже появились добавочно Сказание о вселенских соборах, Устав Владимира и Послание Петра Александрийского. В этом случае вставку календарных статей в список можно объяснить случайным их пропуском, а отсутствие Русской Правды — утратой конца списка в протографе, хотя рукопись не имеет следов такой утраты, но оканчивается после «Чина погребения по Студийскому уставу» и «Сказания об арменской ереси» благодарственными словами («Слава свершителю богу, свершающему. . всяко дело благо Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас. Аминь») и записью писца 1567 г.

Можно также считать состав этого извода сводным, составленным на основе списка раннего состава (без статей псковского извода и календарных) с добавлением этих статей по списку типа Тихомировского или Рогожского, но в таком случае трудно объяснить принадлежность отдельных частей кормчей разным лицам: более поздние статьи псковских списков писаны основной рукой, а календарные статьи и начало рукописи с заглавием, оглавлением и первыми главами 14 титулов (л. 1—9) — рукой другого писца.

Что касается существенного вопроса о месте бытования этого списка (и извода), то ответ на него может дать лингвистический его анализ, а также раскрытие реалий записи его писца — выяснение того, где он работал «повелением князя Ивана Дмитриевича Булгакова» [209].

В любом случае Егоровская кормчая XVI в. интересна тем, что она одна из немногих, сохранивших текст Русской редакции, близкий к северо-западным спискам, оставшихся вне большой работы по переработке кормчих, ведшейся в XV—XVI вв.

---

[209] Князь И. Д. Булгаков-Куракин в 50-е годы XVI в. был дворовым сыном боярским по Переславлю-Залесскому («Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.». М.—Л., 1950, с. 138). См. также упоминание о нем: «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих», ч. I. М., 1787, с. 40.

КОРМЧИЕ КНИГИ НА РУСИ В XI—XIII ВВ.

*

Изучение кормчих книг 14 титулов на Руси в XI—XIII вв. по рукописям, в комплексе всех их списков и редакций, позволяет вскрыть новые важные страницы в культурной и правовой истории Руси этого времени и проследить эволюцию в значении этого памятника в течение первых 300 лет его жизни на Руси.

Можно выделить три периода истории кормчих книг на Руси времени существования Древнерусского государства и феодальных княжеств.

Первый из них охватывает вторую половину XI в. (после появления кормчей в середине XI в.) и какую-то небольшую часть XII в., может быть его начало или первую половину. Он соответствует раннефеодальному периоду истории страны и первым десятилетиям периода развитого феодализма. В этот период происходит первое усвоение, распространение и начальные опыты применения нового памятника.

Второй период связан со значительным развитием феодальных отношений, ростом церковной земельной собственности, церковной юрисдикции, усилением отдельных феодальных земель. Он охватывает большие части XII и XIII вв., хотя монгольское разорение, ослабление экономики Руси и задержка дальнейшего развития ее культуры во второй четверти — середине XIII в. и могли препятствовать успешной работе по приспособлению и применению переводных сборников права к местным нуждам.

Новый, третий, этап связан с началом восстановления русской письменной и культурной традиции, о котором писал М. Н. Тихомиров во второй половине XIII в., которое сопровождалось выпиской новой кормчей на Русь и ее значительными и многократными переработками как в традиционном центре — Киеве, так и на местах — на Волыни, в Северо-Восточной Руси, в Новгороде, Пскове и др. Эти переработки продолжаются и в первой половине XIV в., а в середине века в Москве возникает новая редакция кормчей, отражающая значительные успехи начального периода создания Русского централизованного государства. Она выходит уже за пределы нашего исследования.

Славянская кормчая 14 титулов с полными правилами и без толкований стала известна на Руси очень рано, еще в XI в. Об

этом говорит как сохранение ее списка, принадлежащего началу XII в., так и следы использования ее в древнерусских памятниках — ссылки на кормчую в сочинении Феодосия Печерского и цитаты из нее в сочинении митрополита Иоанна II. В памятниках XII в. следы использования этой кормчей более заметны.

Однако если об известности этой кормчей на Руси уже в XI в. можно говорить без сомнения, то предположение, высказанное А. С. Павловым, о переводе ее в Киеве при князе Ярославе Владимировиче, не имеет достаточно оснований [210]. Важнейшим аргументом в пользу не русского XI в., а болгарского конца IX — начала X в. перевода является язык этого памятника, близкий к языку других древнеболгарских переводов, связываемых с преславской школой этого времени. На время перевода — не ранее 912 г.— указывают хронологические статьи в кормчей, содержащие византийские дополнения этого года.

Исследователи, занимавшиеся историей проникновения византийских юридических памятников в славянские страны и их переводами, предполагали, что в составе Древнеславянской кормчей находились вместе с собранием императорских установлений в 93 главах также Эклога и полный текст Прохирона. Изучение состава этой кормчей по всем сохранившимся спискам наряду с исследованием самих известных в русской письменности XII—XIV вв. текстов этих памятников показывает, что в Древнеславянской кормчей находились в переводе только отдельные разделы из этих юридических компиляций. Прохирон представлен в ней тремя титулами: 7-м трактующим вопросы брачного права, 24-м об имуществе поступающего в монашество и 28-м о поставлении епископов, а Эклога — краткой выписью о препятствиях к браку. Полные тексты этих памятников появились на Руси лишь в XIII в.

Однако и без этих полных кодексов содержание кормчей было очень богато и разносторонне, отражая уровень развития византийского общества и его права как в IV—VI вв., когда на основе достижений античного общества создавались в борьбе различных тенденций основы права христианской церкви и кодифицировалось светское право, так и в следующую эпоху VII—IX вв., когда на смену разлагающемуся рабовладельческому строю пришли элементы нового феодального общества с характерными для него чертами и социальными потрясениями.

Византийский кодекс, заимствованный в славянских странах, представлял собой наиболее полный и удобный для пользования, а также наиболее распространенный сборник церковного права

---

[210] На основании близости славянского текста кормчей и Послания митрополита Иоанна II (1080—1089 гг.) недавно было высказано мнение о связи перевода кормчей с деятельностью этого киевского митрополита (*Пихоя Р. Г.* К вопросу о времени перевода византийской синтагмы XIV титулов без толкований в Древней Руси.— В кн.: Античная древность и средние века, вып. 10. Свердловск, 1973).

в новейшей обработке IX в. (дополнения начала X в. касались только истории императоров и патриархов Константинополя).

Практическому использованию его материалов на Руси в XI в. не способствовало значительное различие уровней общественного и государственного строя и систем права у восточных славян и в Византии. Хотя в это время Русь переживала период раннего феодализма с характерными для него формированием феодальной земельной собственности, установлением зависимости крестьян, значительной ролью государства и княжеской власти, не могло быть речи о слепом приложении к древнерусским условиям норм и образцов, которые были известны в раннефеодальный период истории Византии VII—IX вв. Последние создавались на более ранней и стадиально предшествующей основе античного, рабовладельческого общества и были мало применимы и в самой Византии во времена после славянских вторжений и иконоборчества. Древнерусское общество и его государственность и право выросли на основе внутреннего развития восточнославянских племен, родовых и общинных организаций без заметного влияния на них античного общественного строя, хотя и патриархальное рабство и отдельные достижения античной материальной культуры в этом обществе были хорошо известны. Наиболее применимыми в новых условиях, хотя и в измененном виде, были те достижения византийской позднеантичной и раннефеодальной культуры, которые нашли отражение в христианском культе и более или менее связанном с ним широком круге явлений, появившихся на Руси в конце X—XI вв. (строительство каменных церквей, иконописание, книжное искусство, литургика и др.) [211].

Что касается церковного права, то системы этого права в Византии и на Руси, тесно связанные с особенностями общественного строя обеих стран и характером правовой системы вообще, т. е. и светского (княжеского, общинного, городского) права в том числе, при общности в своей сути как классового права значительно различались. Еще больше различий наблюдается в системах светского, гражданского права (наследственное, имущественное и др.), выросших в различных условиях, на Руси — на местных древних корнях раннеклассового общества до того, как появилась возможность использовать опыт древних цивилизаций, где это право больше отвечало развитому классовому обществу.

Таким образом, можно говорить не столько о различных стадиальных уровнях развития институтов общественного строя и права, отразившихся в юридических памятниках, понимая под

---

[211] *Щапов Я. Н.* Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в.— В кн.: Византийский временник, т. 31. М., 1971. с. 77; см. также: *Дубровина В. Ф.* К изучению слов греческого происхождения в сочинениях древнерусских авторов.— «Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания». М., 1974, с. 69.

этим единую систему их развития, сколько систему гетерогенную, предполагающую параллельно развивающиеся подсистемы, входящие в одну феодальную стадию развития, различающуюся конкретными формами проявления.

Исследование древнейших русских установлений, связанных с церковной юрисдикцией,— ранних текстов княжеских уставов показало, что для древнерусского церковного права раннего времени (XI—XII вв.) характерна тесная связь с нормами княжеского, светского права в пенитенциальной области (материальная — денежная компенсация, виры и продажи) и в системе юрисдикции (выделение определенных социальных групп населения, не связанных общностью территории, которые подлежат церковному суду, и составление репертуара антисоциальных поступков, подлежащих тому же суду). При этом наблюдается значительное соответствие интересов и взаимное исключение сфер юрисдикции светской и церковной власти при отдельных конфликтах по вопросам наследственного и уголовного права.

Различия систем раннего церковного права на Руси XI—XII вв., отразившегося в древних текстах княжеских уставов, и византийского номоканона, как представляется, были препятствием в широком употреблении этого памятника и распространении его на территории Руси. Ранние тексты Устава Ярослава о церковных судах содержат неясное по смыслу упоминание византийского номоканона в связи с акцией князя Ярослава (вместе с митрополитом Иларионом): «Се яз, князь великый Ярослав, сын Володимерь, по данию отца своего съгадал есмь с митрополитом с Ларионом, сложил есмь греческий номоканун» [212]. Эта фраза гипотетически может быть осмыслена именно в плане отказа («съложить» значило не только «составить», но и «отказаться», «отвергнуть») от использования этого кодекса византийского права, содержащего кроме отеческих и соборных правил также компиляции светского законодательства, причем от имени князя именно с митрополитом Иларионом, местным, а не греческим уроженцем, отстаивавшим в своих произведениях интересы своей страны.

Вместе с тем первые свидетельства о применении смертной казни и членовредительства на Руси в XI в. связаны именно с деятельностью церковников, которые были бо́льшими знатоками норм византийского уголовного права, чем представители светской власти. Так, реформа уголовного права Владимира и замена системы вир системой казни разбойников была предпринята по настоянию «епископов», которые в первой четверти XI в. были византийцами или лицами, прошедшими византийскую школу управления. Первое свидетельство о членовредительстве связано с действиями в 1053 г. новгородского епископа Луки Жидяты, приказавшего отсечь своему рабу нос и руки. Отсутствие этих

[212] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв., с. 110.

форм наказания в юридических памятниках в составе кормчей Ефремовской редакции подтверждает существование на Руси в XI в., когда немалая часть высшей церковной администрации была греческого происхождения, греческих списков номоканона, возможно, другого состава, включавшего и Эклогу, и обработки Новелл. Однако и Ефремовская кормчая использовалась греческими иерархами на Руси или деятелями их канцелярий, переводившими их сочинения на древнерусский язык. Об этом говорит значительное совпадение текста цитаты из соборного правила в Послании митрополита Иоанна II Продрома (1080—1089 гг.) с текстом этой кормчей. Во второй половине XI в. членовредительские наказания применяются князьями при подавлении значительных социальных и классовых конфликтов. Так и князь Мстислав расправился с участниками Киевского восстания 1068 г.[213] В дальнейшем, в XII в., эти нормы применяются как церковными деятелями греческого и местного происхождения во внутрицерковной борьбе (митрополит Константин II, казнивший епископа Федора отсечением руки и ослеплением; сам ростовский епископ Федор применял эти нормы в своей практике), так и князьями в междукняжеской борьбе (ослепление).

Второй период истории кормчей на Руси можно связать с опытами переработки этого кодекса для местных нужд.

Стремление приспособить полный кодекс церковного права византийской церкви к условиям существования церковной организации на Руси в XII—XIII вв. с особой сферой ее юрисдикции, с отличной от византийской структурой церковной организации (одна митрополичья кафедра и 13—15 епископских на Руси в XII—XIII вв. сравнительно с более чем 70 митрополиями, каждой из которых подчинено несколько епископий, в константинопольской церкви) было причиной многочисленных попыток сокращения кодекса в это время. Эти попытки отразились в старшем Ефремовском списке XII в. Древнеславянской кормчей и во всей Рогожской группе списков, восходящей к Ефремовскому, а также в Плигинском списке. Результаты этих работ отразились в Уваровском списке XIII в.

Значительные сокращения кормчей, произведенные на Руси в XII—XIII вв., не коснулись основных, принципиальных положений христианского вероучения, хотя здесь оказались выброшенными все правила II и III вселенских соборов, важные для истории церковного права, и многие правила других соборов. Пропуски касаются в основном тех положений, которые оказываются далекими от практики древнерусской церкви и неприменимыми на ее территории. Так, это конкретные вопросы деятельности церкви в Константинополе, Армении, Африке, прав епископа Иерусалима, отдельные правила поставления епископов в малые городки и села, правила о епископах, обвиненных в ере-

[213] «Повесть временных лет», т. I, с. 116.

тичестве, правила приема в церковь еретиков — катаров и фригийцев, оставивших христианство. Из императорских установлений кодекса Юстиниана оказались неактуальными на Руси отдельные нормы имущественного, наследственного, залогового, процессуального права развитого классового общества. Для местной практики церкви важны были оставленные в кормчей установления о епископах, клириках и монахах, правилах их поставления, их правах и обязанностях, их имущественном праве, в частности, о передаче имущества монахом монастырю, о наследовании монаха без завещания. В условиях Руси XII—XIII вв., где развитие церковной земельной собственности сделало большие шаги и привело к формированию новых, сравнительно с предшествующим временем, монастырских феодальных организмов, эти установления указывали нормы, которые могли быть применены на практике.

Таким образом, есть все основания считать, что обработки Древнеславянской кормчей на Руси в XII—XIII вв. преследовали цель создания на основе авторитетного византийского сборника правил и установлений — местного, древнерусского, облегченного для пользования варианта путем пропуска второстепенных и территориальных его правил и сохранения основных и подходящих к условиям древнерусского общества. Эта работа принадлежала, конечно, лицу, стоявшему во главе церковной организации — митрополиту или епископу или их юристу, сознававшему пределы приложимости вселенских норм к местным условиям, ибо кто иной мог взять на себя ответственность препарировать собрания авторитетнейших источников церковного права — соборных и отеческих правил и императорских установлений (собрание апостольских правил, однако, осталось нетронутым). Обработка кормчей, несомненно, способствовала возможности усвоения правовых и административных норм византийской церковной организации. Указанием на актуальность этой выборки правил является включение ее в Устюжский сборник XIII в. («Устюжскую кормчую»), содержащий другой кодекс церковного права — Номоканон 50 титулов Иоанна Схоластика в древнеславянском переводе и обработке Мефодия.

Одновременно или почти одновременно с сокращением и переработкой византийского сборника происходит другой процесс рецепции памятников и норм византийского права на Руси — включение таких норм в местные, древнерусские памятники церковного права. К рубежу XII—XIII вв. относятся свидетельства об использовании кормчей при обработке Устава князя Владимира. Это вставка в древний текст Устава статьи с указанием источника права определения широкой церковной юрисдикции: «То все далъ есмь по прьвыхъ царевъ уряженію и по въселеньскихъ святыхъ отець седми съборъ въселеньскихъ великыхъ святитель»[214]. «Пер-

[214] «Устав святого великого князя Владимира о церковных судах и о десятинах». Пг., 1915, с. 18—19, 33—34, 36.

вых царев уряженье» — это установления византийских императоров, входящие в состав кормчих. Действительно, в Собрании постановлений в 93 главах, имеющем заглавие «От кънигъ божестьвеныихъ повелѣний божьствьныя коньчины Иустинияна различныя заповѣди. .» (глава 57), в составе Ефремовской кормчей находится глава 22 Новеллы 123, содержащая соответствующее постановление: «Аще ли грѣховьная [215] будеть вещь, ни единого же обьщения да не имуть гражаньскии кънязи, нъ епископъ по священым каномомъ» [216]. Хотя сам перечень дел в Уставе значительно шире объема церковной юрисдикции в Византии и не ограничен только «греховными» делами (например, «братья или дети тяжються о задницю»), авторитетное запрещение «князьям» вмешиваться в суд по перечисленным в Уставе делам было принято древнерусским юристом и включено в текст конституции церковной организации.

Таким образом, приспособление переводной кормчей к условиям Руси XII в. соответствовало направлению эволюции древнерусской церковной организации и сопровождалось заимствованием византийских норм церковного права для своеобразного использования их для нужд этой организации [217].

Вместе с тем сопоставление некоторых правил кормчей, подвергшейся этой переработке, с темами отдельных статей древнерусских памятников показывает несовпадение направлений в работе над местными и переводными кодексами. В кормчей, судя по Плигинскому списку, были опущены запреты осквернять церкви надписями на стенах, вводить в них животных, употреблять «детогубные зелья» и опущены наказания за похищение женщин для брака. Однако эти случаи специально рассматриваются в текстах Устава Владимира рубежа XII—XIII вв. или первой половины XIII в. (о надписях на стенах церквей, введение в них скота и птицы) в ответе Нифонта Новгородского (о женах, которые «извергают зельем»), в смоленской уставной грамоте («аже уволочет кто девку»), в уставе Ярослава.

В одном из этих случаев (о похищении женщин для брака) пропуск правила кормчей может быть объяснен различным содержанием византийской (канонической) и русской нормы — первая относилась к христианскому браку, но заключенному священнослужителем без соблюдения принятых форм его оформления, а вторая — сохранением внецерковной языческой формы брака без участия в нем священнослужителей. В других случаях та-

---

215 По первоначальному смыслу — «церковная» ἐκκλησιαστικὸν πράγμα, но искажено ἐγκληματικὸν еще в греческом тексте.

216 ДСК, т. I, с. 780. *Срезневский И. И.* Обозрение.., Прилож. с. 94.

217 Об использовании текста другой, 117-й новеллы при создании в конце XII — первой половине XIII в. Пространной редакции Устава Ярослава, но не по кормчей Ефремовской редакции, а по другому, скорее всего, греческому ее тексту (в составе Собрания новелл, связанных с 14 титулами?) см.: *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси, с. 251—254.

кого объяснения пропусков дать нельзя и приходится ограничиваться констатацией того, что в писаном и обычном праве сосуществовали различные, нередко противоречивые нормы, пользовавшиеся распространением в различных районах страны и действовавшие в различных социальных кругах. Выбор этих норм для практического применения (и, очевидно, сохранения в составе кратких собраний правил) зависел, видимо, от многих местных условий.

Наряду с юридическими памятниками рецепции на Руси подвергались и другие составные части Древнеславянской кормчей. В Повести временных лет есть следы использования хронологии всемирной истории, заимствованной из Летописца вскоре Никифора в составе этой кормчей, как и (по А. А. Шахматову) из обработки этого Летописца вне кормчей. К первой половине XII в. и к Киеву можно отнести первоначальную русскую обработку Летописца вскоре из Ефремовской кормчей, включившую в него дополнительные древнерусские сведения и византийские известия. В середине XII в. в Новгороде материалы статьи «Великого книжника антиохийского о каландех, нонах и идах» были использованы в летописной статье 6644 г. Новгородской I летописи.

Таким образом, еще задолго до второй половины XIII в., к которой относятся известные работы по рецепции памятников общехристианского и византийского права, связанные с именем митрополита Кирилла [218], в течение XII — первой половины XIII в. велась большая работа по приспособлению их к условиям феодального общества на Руси, приносившая определенные результаты. Эта работа делалась в Киеве — в столице и митрополии Руси, но ее следы есть также в Новгороде и в Северо-Восточной Руси (Устюжский сборник), что свидетельствует о значительной известности сокращенной кормчей на территории митрополии.

Третий период связан с продолжавшейся работой по приспособлению кормчей книги к условиям развитого феодального общества Руси второй половины XIII в., прошедшего со времени первого знакомства со сборником византийского права в середине XI в. значительный путь. Опыты XII — первой половины XIII в. рецепции Древнеславянской кормчей в ее раннем и архаичном составе и переводе, имевшие в свое время частичные положительные результаты, были заменены митрополитом Кириллом новыми активными и международными акциями. Не удовлетворяясь существовавшими на Руси списками кормчих, он обратился на Балканы, в Болгарию, к своему соотечественнику князю Святославу, выписав через него новейшую славянскую обработку кормчей книги. Эта обработка — Сербская редакция кормчей, созданная на Афоне в конце XII в. и получившая распространение и, возможно, окончательную форму благодаря деятельности

---

[218] *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв., с. 173—184.

Саввы Сербского, представляла собой последнее достижение как византийской канонической и юридической мысли, так и славянской переводческой и книжной деятельности в области церковного права. Она включала не только все основные и признанные в константинопольской патриархии авторитетными правила и юридические компиляции, в том числе Собрание в 93 главах, Прохирон, новейшие синодальные и патриаршие решения XI—XII вв., изменявшие нормы старых памятников (иконоборческая Эклога в ее состав, конечно, включена не была), но и толкования — комментарии выдающихся константинопольских юристов XII в. — Иоанна Зонары и Алексея Аристина к соборным правилам IV—VIII вв., связывающие их архаичные нормы с условиями деятельности византийской церкви того времени.

С получением этого кодекса начинается активная работа по его переработке, которая в отличие от предыдущего периода имеет другой, более активный, творческий характер. Эта переработка заключается не только и не столько в сокращениях текстов, сколько в подборе и соединении нужного для практического применения материала, в создании компилятивных, сводных сборников, соединяющих тексты нескольких редакций, т. е. более сложных и полных, чем их предшественники. Особенностью этого периода является то, что со временем все больше включают в кормчие местные, русские канонические и юридические статьи и другие произведения, тематически связанные с содержанием кормчих.

Сербская редакция кормчей, выписанная на Русь в 1262 г., сыграла важную роль в ознакомлении феодального общества и его церковной организации с правовыми и административными нормами Византии, вселенской и константинопольской церкви, с полемическими произведениями, связанными с борьбой Константинополя и Рима за влияние в христианском мире, с достижениями византийской культуры в отдельных ее областях. Она была использована во второй половине XIII—XIV вв. на Руси в трех основных формах: во-первых, в первоначальном виде, в полном составе правил, толкований и установлений. В таком виде она имела распространение на территории Руси вскоре после своего появления во второй половине XIII в., возможно и несколько позднее, а в дальнейшем, в XV—XVI вв., область ее распространения была ограничена главным образом украинскими и белорусскими землями Речи Посполитой, хотя она была известна и в Северо-Восточной Руси (где и была напечатана в Москве в 1649—1653 гг.). Во-вторых, она была использована при создании в 1260—1280-х годах Русской редакции кормчей, имевшей в конце XIII—XIV в. наибольшее распространение на Руси, главным образом в ее Северо-Восточной и Северо-Западной части, на территории Русского государства, Новгородской и Псковской земель. В-третьих, она была известна в сокращенном виде, без толкований.

Третий период истории кормчих на Руси определяют такие важные события и процессы этой истории, как создание в 1260—1270-х годах Русской редакции, распространение ее на Руси и возникновение на ее основе местных обработок (Киев?, Владимир-Волынский, Владимир Суздальский или Переславль Залесский, Новгород, Псков).

Создание Русской редакции кормчей прошло два последовательных этапа. Первый связывается с Киевом и деятельностью митрополита Кирилла. На этом этапе в результате соединения текстов давно известной на Руси Ефремовской кормчей с толкованиями и новыми правилами и установлениями, входившими в состав Сербской кормчей, была создана компиляция, не имевшая аналогий в византийской и южнославянской письменности. Она в значительно большей степени, чем оба основных ее источника, соответствовала условиям развитого феодального общества Руси второй половины XIII в., на Руси в то время были распространены не только местные традиционные кодексы светского и церковного права, но и многие переводные византийские канонические и полемические памятники, известные и применявшиеся уже в течение нескольких столетий. Этим и можно объяснить тот сложный отбор правил из разных источников и соединение их с комментариями, которые выделяют этот этап работы.

Однако наряду с расширением и усложнением состава кормчей и входивших в нее отдельных памятников наблюдается и сокращение последних совсем так, как это делалось при обработке кормчей Ефремовской редакции. Здесь имеется в виду текст такого важного юридического памятника, как Прохирон («Закон градский»), впервые полностью появившегося на Руси в составе Сербской кормчей. При создании Русской редакции, уже на первом этапе этой работы, Прохирон был значительно сокращен, вернее, из 40 титулов его состава было оставлено только пять, в результате чего этот юридический памятник превратился в судебник по делам об обручениях, об имущественных отношениях, связанных с ними, о нормах расторжений брака и передаче имущества на праве дара. Все другие титулы Прохирона, трактующие вопросы имущественного, залогового, административного права, составителем этой кормчей были опущены.

Такое, идущее вразрез с основными формами работы составителей сокращение текста Прохирона объясняется возможностями применения этого памятника в условиях объема юрисдикции церкви на Руси в XIII в. В составе кормчей были оставлены титулы, связанные со сферами церковной юрисдикции, и опущены титулы, которые говорили о сферах светского (княжеского) суда. На такое разделение сфер и различное значение Прохирона в XIII—XIV вв. указывает включение его полного текста в состав Мерила Праведного — сборника поучений и юридических установлений, составленного церковными деятелями в качестве руководства для княжеского суда. В таком светском суде возможности применения

норм Прохирона были значительно более широкими, чем в суде церковном.

Второй этап работы связан не с Киевом, а с Северо-Восточной Русью, предположительно, с Ростовом и Переславлем Суздальским. Здесь кормчая была пополнена большим количеством памятников из других источников — юридическими памятниками, посвященными уголовному, гражданскому и брачному праву (в том числе Законом судным людем Краткой редакции), правилами службы, поставления священнослужителей, монашеской жизни (в том числе Студийским уставом) и Сказанием Кирилла Туровского, аскетическо-мистическими и антиязыческими сочинениями, толкованиями библейских и новозаветных символов и историческими компиляциями (в том числе Летописцем вскоре с русским продолжением). Все эти сочинения были известны на Руси в XII—XIII вв. вне кормчих, и включение их в состав основного кодекса церковного права способствовало их распространению и использованию в более широких масштабах.

Местные русские произведения были включены в состав кормчей впервые в третий период ее истории, в Русской редакции. На первом, киевском, этапе это были официальные и наиболее важные правила, принадлежащие таким известным деятелям, как митрополиты Иоанн II, Кирилл II и епископ новгородский Нифонт (Вопрошание Кирика). На втором этапе количество русских памятников в составе кормчей было расширено за счет включения сочинения Кирилла Туровского, древнерусских правил о браках, поучений к попам и епископам.

Важно отметить, что среди русских памятников, включенных в кормчую и в Киеве, и во Владимирской земле, нет княжеских установлений, даже связанных с церковью, но все эти памятники — церковного происхождения (анонимные также, скорее всего, епископские и митрополичьи, как и авторские). Дело меняется в течение того же периода, но несколько позднее, в связи с рецепцией этой кормчей в имевшей особый политический строй Новгородской республике.

Новая Русская редакция кормчей очень быстро после составления получила распространение на огромной территории киевской митрополии, во многих феодальных княжествах. Это свидетельствует о том, что такой сборник памятников церковного права ждали не только в центре, в Киеве, но и на местах. Едва в 1260—1270-х годах появился ранний текст этого сборника, как он, в несколько измененном виде, с пропуском новгородского Вопрошания Кирика и дополнением правила об общежительных монастырях попал во Владимир Волынский, а оттуда распространился в XIV в. на украинские, белорусские и молдавские территории. В 1270-х годах этот сборник известен в Ростове или Переславле Суздальском, где он подвергается дальнейшим пополнениям известными на Руси памятниками, близкими по темам к кормчей. Эта новая обработка сразу же (1280 г.) переносится в Новгород,

где получает местные дополнения и затем распространяется на территории новгородской епархии, в частности в Пскове. В дальнейшем на основе северо-восточных и северо-западных изводов Русской редакции (Синодально-Варсонофьевской группы) создаются новые редакции, имевшие в XIV—XV вв. большое значение.

Мы объединили в одной, Русской, редакции две большие группы списков — Волынскую, восходящую к раннему и киевскому этапу создания этой редакции, и Синодально-Варсонофьевскую, архетип которой был создан позднее и в Северо-Восточной Руси. Отнесение обеих групп к одной редакции вызвано несколькими обстоятельствами. Во-первых, условия их возникновения. Обе принадлежат примерно одному времени (вторая половина 1260-х — 1270-е годы), созданы в один и тот же период истории страны (о нем специально писал М. Н. Тихомиров), при жизни (и при каком-то участии) одного и того же деятеля — митрополита Кирилла. Во-вторых, это содержание сборника. Основная работа (компилирование правил и толкований и определение основного состава правил), сделанная на первом этапе, в дальнейшем изменена не была, а пополнение состава из дополнительных источников древнерусскими и переводными известными статьями, начатое на первом этапе, было продолжено на втором.

Однако списки, восходящие к первому и второму этапам, столь близким между собой и хронологически, и тематически, имели в XIII—XIV вв. различное распространение. Киевская кормчая была известна в XIII в. в Юго-Западной Руси, а в XIV—XV вв. на украинских и белорусских землях Литовского великого княжества, а северо-восточная кормчая — на территории этой части Руси, а также Новгородской и Псковской земель.

Это различие связано, вероятно, с разной ролью южного и северо-восточных церковных центров в последней трети XIII в. Киев, несмотря на значительное падение его экономического и светско-политического значения, после татаро-монгольского разорения в течение XIII в. оставался традиционным церковно-административным центром всей диоцезии.

Судя по тому, что новая кормчая, созданная в Киеве, получила известность на Волыни и во Владимиро-Суздальской Руси, но не оставила следов в других частях страны (например, в Новгороде, на западных землях), можно думать, что церковно-политические связи Киева в 1260—1270-х годах не были одинаково тесными со всеми территориями, хотя сношения с этими княжествами поддерживались активно [219].

---

[219] В литературе существуют разногласия по вопросу о характере отношений митрополита Кирилла с Галицко-Волынским княжеством, поскольку в летописях отсутствуют сведения о его связях с этой его родиной как при князе Данииле Романовиче, так и после его смерти. Е. Е. Голубинский считал, что «не должно делать никаких особенных выводов из молчания галицко-волынской летописи» об отношениях Кирилла к Галиции, и предполагал, что в них не было никакого отчуждения (*Голубинский Е. Е.* История русской церкви, т. 1, пол. 2, с. 58—59). В противоположность

Что касается Ростово-Владимиро-Суздальской земли, то она была центром формирования русской (великорусской) народности [220], здесь шел процесс консолидации сил для борьбы с завоевателями, с этой землей экономически и политически была связана и Новгородская феодальная республика. Именно в связи с такой важной ролью в истории северной части Руси, которую играли Ростов и Владимир, сборник церковного права, получивший завершение и признание в этих центрах, стал общепринятым на всей территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Но эта работа, сделанная не в традиционном политическом и церковном центре — Киеве, а на северо-восточной периферии митрополии, не получила распространения на юго-западных и западных ее землях. Так можно объяснить эту разницу в ареалах двух последовательных обработок Русской редакции.

История распространения кормчей из центров Юго-Западной и Северо-Восточной Руси, где она была известна в 1270-х годах, и ее дальнейших переработок конца XIII—XIV в. показывает большое значение этого памятника в качестве сборника права.

Волынский список кормчей 1286 г. послужил оригиналом для целой группы других, распространившихся как на территории Литовского великого княжества, так и на южных закарпатских землях. Существование молдавского Арадского списка позволяет считать, что эта кормчая проникла на территорию Молдавии в XIV в. из Галицкой Руси, поскольку до 1380 г. Молдавия в церковном отношении находилась под управлением галичского епископа (или митрополита) и еще в начале XV в. церковно-политические связи Молдавского княжества с Галичем были очень тесными. Таким образом, можно считать, что Волынская кормчая была распространена не только в Литовском великом княжестве XIV—XV вв., но и в Галицкой земле, вошедшей в состав Польши, а также за рубежами Руси — в Молдавии (а позднее и в Валахии, где находится Арадский монастырь).

Если на территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси Русская редакция вытеснила Сербскую очень скоро, вероятно, не дав ей там значительно распространиться в XIII в., то на юго-западе и на западе этого не произошло. Там Сербская редакция продолжала быть более известной. Так, известно более 10 украинских и белорусских списков последней сравнительно с тремя

этому М. Чубатый предполагает, что при рукоположении Кирилла в митрополиты патриарх Мануил II взял с него обещание, «что его нога не вступит на территорию проримской Галицко-Волынской державы» (*Чубатий М.* Історія християнства на Руси — Україні, т. I. Рим — Нью-Йорк, 1965, с. 645). Выявленная история распространения Русской редакции кормчей свидетельствует о тесных связях Волыни с Киевом, по крайней мере, после смерти Даниила (ум. в 1264 г.).

[220] *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.— В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М.—Л., 1958, с. 79.

такими же списками Волынского извода. Маловероятно, чтобы причины этого лежали в содержании той или иной кормчей. Скорее, объяснение этого нужно видеть в более широком распространении Сербской кормчей из Киева в первые же годы ее там появления, еще до возникновения и рассылки списков Русской редакции.

Относительно Русской и Сербской редакции можно утверждать, что списки и изводы кормчей аккумулировали памятники местного древнерусского права, а также, в более позднее время, права Литовского великого княжества. Так, в списки Румянцевского извода входит комплекс княжеских уставов, прошедший обработку в начале XV в., а также ответы на вопросы сарайского епископа 1276 г. (Львовский список) и Судебник Казимира 1468 г. (Румянцевский список). Другие списки включают: Поучение митрополита Киприана (под именем митрополита Петра), повести о начале Руси и житии литовских мучеников (канонизованы в XIV в.).

Включение в состав кормчих местных памятников права, практическое значение которых не подлежит сомнению, является косвенным свидетельством значения в качестве источников действующего права и самих кормчих с их сложным и разнообразным составом.

С концом XIII—XIV в. нужно связывать появление в кормчих местных памятников не только церковного происхождения (поучений епископов, ответов митрополитов, правил собора), но и светского, чего не было раньше. Источниками церковного права в глазах редакторов кормчей всегда были установления византийских императоров («божественные заповеди иже в божественном наследии царя Иустиниана», заповеди «благочестивого царя Алексия Комнина», заповеди «Леона Премудрого царя и сына его Констаньтина Багрородьнаго»). Что же касается древнерусских княжеских установлений, то до конца XIII в. все они оставались за пределами кормчей, как не имеющие божественного происхождения или недостаточно авторитетные. Дело меняется в последние десятилетия XIII и в XIV в. Вероятно, в первой половине XIV в. в списки кормчей в различных частях Руси были внесены местные обработки Устава князя Владимира: во Владимиро-Суздальской Руси — Варсонофьевская редакция, в Волынской или Галицкой земле — Волынская редакция, в Новгороде — Синодальная редакция. Это, несомненно, связано с канонизацией князя Владимира на рубеже XIII и XIV в.: в «Слове о погибеле Русской земли» победа князя Александра Ярославича в Невской битве была связана с днем памяти «святого князя Володимира, крестившего Русскую землю» [221], в 1311 г. в Новгороде была построена первая церковь его имени [222]. Вслед за Уставом Владимира в Новгород-

---

[221] *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII в.— «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, с. 49, 57—61.
[222] Новгородская Первая летопись.., с. 93, 334.

ский список был вставлен и местный Устав Святослава Ольговича. Что касается Устава князя Ярослава о церковных судах, то он появляется в составе кормчей позднее, очевидно, в середине или во второй половине XIV в., при создании новой московской Чудовской редакции, соединившей кормчую с Мерилом Праведным [223].

Представляет несомненный интерес, что Русская Правда появилась в составе кормчей впервые в Новгороде и лишь впоследствии стала составной частью других редакций этого сборника. Синодальный список 1282 г. среди добавлений к архетипному составу второго этапа Русской редакции последним включает Пространную Правду.

Отсутствие Русской Правды в составе кормчей до новгородской ее обработки 1282 г. нужно объяснить не только ее княжеским (а не церковным) характером, но и ее содержанием. Она входила в качестве важнейшей части в состав Мерила Праведного — сборника для светского княжеского суда, но различия в юрисдикции светской, княжеской власти, с одной стороны, и церковной, епископской, — с другой, не позволяли использовать Русскую Правду в церковном суде. Лишь особенность политического строя Новгорода последней четверти XIII в., когда сфера юрисдикции новгородского владыки значительно расширилась, в частности на дела, прежде никогда не принадлежавшие церкви, позволила включить этот кодекс в состав сборника церковного права.

Определенный интерес для выяснения вопроса о значении кормчей книги на Руси в XI—XIV вв. имеют указания в списках на заказчиков рукописей. Раньше второй половины XIII в. подобных записей нет. Из трех записей кормчих книг 80-х годов XIII в., имеющих такие записи, одна — волынская 1286 г. — указывает, что номоканон «съписанъ бысть» князем Владимиром Васильковичем и княгинию Ольгою Романовною; другая — новгородская 1282 г. — говорит, что книги были переписаны «повѣлением» новгородского князя Дмитрия, «а стяжанием» новгородского архиепископа Климента и положены в церкви святой Софии «на починание священиком и на послушание крестьянам и собе на спасение души»; наконец, рязанская запись 1284 г., представляющая собой не обычную краткую и прагматическую фиксацию роли участников акта создания книги, а своеобразное литературное произведение, указывает на наибольшее участие в этом акте епископа Иосифа, который, «испросив» от митрополита эту книгу, «переписах» ее «на увѣдѣние разуму и на просвѣщение вѣрным и послушающим». Кроме того, в записи содержится благодарность митрополиту Максиму за исполнение желания епископа Иосифа,— судя по всему, имеется в виду присылка книги в Рязань. Роль княгини Анастасии, дважды упоминаемой в записи, неясна. О ее активном участии в заказе и оплате работы не гово-

[223] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси, с. 242—243.

рится, можно думать, что она не играла в этом акте никакой роли, но названа только как регентша — вдова при малолетних князьях.

Именных записей XIV— первой половины XV в. на кормчих нет. Следующая их серия относится к концу XV в. и продолжается в XVI и XVII вв. Запись 1493 г. на Соловецком списке говорит об изготовлении кормчей в Новгороде по заказу игумена Соловецкого монастыря Дософея для монастырской библиотеки. Харьковский список XV в. также был вложен в конце XV— начале XVI в. иеромонахом Алексеем в полоцкий монастырь Иоанна Предтечи. Тихомировский список XV в. имеет владельческую запись дьяка церкви Иоанна Предтечи во Пскове. Плигинский список был вложен в 1512 г. во владимирский Волосов монастырь; архетип Даниловской подгруппы списков между 1515 и 1522 гг. был пополнен Даниилом, игуменом Волоцкого монастыря (позднее митрополитом московским); Погодинский I имеет вкладную запись 1585 г. в Солотчинский монастырь рязанского епископа Леонида; Егоровский I список в 1622 г. переписан повелением коломенского епископа Рафаила; Пинский в 1634 г. списан повелением настоятеля Лещинского монастыря на средства Успенской церкви Жировицкого монастыря; Барсовский I принадлежал в XVII в. холмскому епископу Якубу, а Харьковский — полоцкому епископу и киевскому митрополиту Антонию.

Попытка дать историко-социологический анализ этих свидетельств приводит к выделению двух периодов в истории заказов кормчих.

В первый из них (1280-е годы) заказчиками кормчих книг были местные епископы и князья. Участие тех и других в каждом конкретном случае определялось, вероятно, особенностями местных условий; в Рязани в 1284 г. не было князя, заинтересованного в изготовлении списка сборника византийского права, и такой список появился благодаря стараниям только главы местной церковной организации; исключительная роль волынского князя подчеркнута в 1286 г.; материальное обеспечение архиепископом работы при изготовлении в 1282 г. новгородского списка нужно связывать, вероятно, с конфликтом в 1280-х годах между Новгородом и князем; роль последнего ограничивалась «повелением», т. е. согласием на изготовление списка.

В следующий период, отделенный от первого полутора веками, в конце XV—XVII вв., основными заказчиками кормчей в трех случаях выступают настоятели монастырей и в трех — вкладчики книг в монастырь. В двух случаях кормчие книги продолжают переписываться по заказу епископов.

Если основными потребителями кормчих книг в XIII в. несомненно были их заказчики-епископы (со своим штатом управления и суда), то роль князей как заказчиков требует выяснения. Изучение соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII—XIV вв. показывает, что в светском, княжеском, суде значение кормчей (до включения в нее светских юридических

кодексов, прежде всего Русской Правды) могло быть минимальным, только для общего определения сферы церковной юрисдикции, не подлежащей ведомству светского суда. Однако и здесь различия этих сфер на Руси и в Византии, во-первых, и в различных княжествах Руси, во-вторых [224], не могло сделать эти сборники источником действующего живого права (jus vigens), но лишь вспомогательными (jus subsidiarius).

Поэтому в указаниях на участие князей в изготовлении списков кормчих нет оснований видеть свидетельство практической заинтересованности княжеской власти в использовании этих сборников права. Скорее всего, князья выступают здесь в традиционном своем качестве высшей земной власти, обеспечивающей церкви возможность функционирования, опекающей ее и предоставляющей ей большие материальные средства за ее поддержку своего авторитета и существующего строя. Роль княжеской власти здесь, вероятно, нужно поставить в прямую связь с такими традиционными действиями, как постройка и украшение церквей, значительные земельные вклады и вклады богослужебных книг, драгоценных сосудов, одежд и пр. Значение заказов и вкладов кормчих книг для епископий было не столь наглядным и быстродействующим средством помощи церкви в ее деятельности, как другие, но, вероятно, не менее важным в идеологическом и политическом плане, ибо сборники церковного права содержали фиксацию богатого опыта деятельности церковных организаций в различных обществах, практически полезную в условиях продолжавшегося развития феодальных отношений, социального и государственного строя.

Можно думать, что епископы и князья были заказчиками списков кормчих книг не только в 1280-х годах, но и в более раннее время, в XII— первой половине XIII в., когда созрели условия для значительного экономического, политического и культурного развития отдельных земель — княжеств, возросла власть местных княжеских родов и вместе с этим сформировалась церковная организация Руси с ее епископиями, органами суда и управления на местах.

Нет оснований отрывать условия конца XIII в. и от XIV в., когда новые тенденции к объединению земель еще не возобладали и феодальная структура, власть в стране сохраняла и за удельными князьями, и за местными церковными организациями значительные судебные и административные права.

Что касается периода существования Русского централизованного государства (и, соответственно, Литовского великого княжества), то в это время социальный состав читателей, или, правильнее сказать, потребителей кормчих, несколько изменился. Сохраняя свою функцию сборника византийского, югославянского и русского

---

[224] *Щапов Я. Н.* К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII—XIV вв.— «Польша и Русь». М., 1974, с. 172—189.

права, нужного в практической деятельности церковной власти (епископы известны в качестве заказчиков книг), кормчие книги как в России, так и на белорусских землях Литовского великого княжества стали особенно интересны для монастырей, где велась большая литературная и идеологическая работа по использованию древнего наследия в нуждах церковных политиков XVI — XVII в. в защиту привилегий и земельной собственности против еретических учений и вольнодумства.

Место кормчей книги в кругу источников права на Руси в XI в. остается значительно менее ясным, чем в последующие периоды. Списков ее XI в. нет, и основная методика изучения проблемы, применяемая в настоящем исследовании для XII—XIV вв., для более раннего времени неприменима. Однако установлено, что такие важнейшие памятники древнерусского светского права, как Краткая и Пространная Правды, в своих ранних частях не имеют следов использования норм византийского права, но отражают иную систему права, близкую к инославянским и германским нормам варварской и раннефеодальной Европы. Памятники древнерусского церковного права, Устав князя Владимира и Устав князя Ярослава, возникшие и получившие свою раннюю, реконструируемую в результате исследования форму в результате учреждения древнерусской церковной организации — диоцеза константинопольской патриархии, также содержат нормы, далекие и от канонических, соборных и отеческих, и от содержащихся в установлениях Юстиниана. Это христианизированные традиционные древнерусские нормы, измененные в связи с особенностями деятельности церковной организации и приспособленные к ним.

В Уставе Ярослава заимствование из памятника византийского права (Новеллы 117), краткий кодекс права развода появляется только в обработке (Пространной редакции) конца XII— первой половины XIII в. Но ни этой Новеллы, ни включивших ее в свой состав титула 11 Прохирона и собрания государственных постановлений, относящихся к Синтагме 14 титулов («От различных титул рекше границ Устиниана царя»), в Ефремовской кормчей (как и в Устюжском сборнике) нет. Прохирон и это собрание постановлений появляются на Руси только во второй половине XIII в. в составе Сербской кормчей. Однако ни эти тексты в славянском переводе, ни соответствующий текст «Книг законных» не связаны с текстом статей Устава Ярослава и не могут рассматриваться в качестве источника последнего. Специально изучив соотношение этих текстов, можно прийти к выводу о том, что источником статей о праве развода был византийский текст, близкий к изложению Новеллы 117, или славянская переработка ее не в составе Прохирона [225].

На основании этих наблюдений можно считать, что на Руси в

[225] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси, с. 250—254.

XII — первой половине XIII в. наряду со славянскими текстами номоканона были известны другие, очевидно, греческие тексты императорских установлений, которые использовались при обработке и дополнении местных древнерусских памятников права. Но эти выводы можно относить не только к XII, но и к XI в. Нормы Новеллы 117 и Прохирона применялись на Руси еще в конце XIII—середине XII в. Киевский митрополит — грек Иоанн II (1080—1089 гг.) включил в свои правила норму о разводе по причине ухода одного из супругов в монастырь, а новгородский епископ — грек Нифонт (1130—1156 гг.)—разрешение развода из-за неспособности мужа к браку, хотя обе эти нормы Новеллы 117 и Прохирона не попали затем в Устав Ярослава. Итак, и в конце XI, и в XII в. наряду со славянскими переводами византийских церковно-юридических памятников на Руси были известны и применялись иерархами-греками греческие их тексты, которые также оказывали определенное влияние на формирование древнерусского церковного права.

Наряду с традиционными раннеклассовыми нормами русского общинного и княжеского права, нормами византийских соборных и отеческих правил и светских установлений и их местными письменными обработками и опытами практического применения (например, Вопрошание Кирика), источником церковного права в его развитии в XI—XIII вв. был также особый вид памятников — епитимийники (пенитенциалы). Это были собрания морально-этических и исповедальных норм различного происхождения, распространенные на Руси довольно рано, уже в XI—XII вв., отчасти (как правила Василия Великого) входившие в кормчие, но большей частью распространявшиеся в сборниках другого состава и нередко значительно противоречившие и без того различающимся нормам номоканона. Некоторые из этих епитимийников могут быть сближены с источниками памятников русского церковного права XI в., хотя в глазах ревнителей норм византийского канонического права они были «худыми номоканунцами», книгами, которые «годятся съжечи» (ответ Нифонта Кирику).

Таким образом, репертуар письменных памятников права на Руси в XI—XII вв. был очень разнообразным. В сфере церковной юрисдикции это были местные записи норм и памятники кодификации типа ранних княжеских уставов, уставные грамоты епископий, Номоканон 14 титулов и не вошедшие в его состав правила и установления, переведенные на Руси и у южных славян, а также греческие тексты византийских памятников, остававшиеся без перевода. Сюда же относился Закон судный людем, время появления которого на Руси еще не определено. М. Н. Тихомиров отмечал, что он «появляется в русских рукописях как-то внезапно во второй половине XIII в.» [226], и сомневался в том, что его юри-

[226] Закон судный людем Краткой редакции, с. 26.

дические нормы с их строгими византийскими наказаниями применялись в русской юридической практике XI—XIII вв.[227] Однако можно утверждать, что Закон судный был известен на Руси уже в XII в. — его нормы об ограблении церквей и трупов были включены в обработку Устава Владимира рубежа XII—XIII в. Л. В. Милов видит сходство с Законом судным Устава Ярослава в санкциях его статей [228]. Возможно, что среди источников созданной на Руси в конце XIII— первой половины XIV в. Пространной редакции Закона наряду с установленными М. Н. Тихомировым заимствованиями из Краткой его редакции, Прохирона, Закона Моисеева в переводе Сербской кормчей, и Пространной Русской Правды [229] были и местные переводы других византийских памятников, не вошедшие в состав известных кормчих. У церковных судей и администраторов был довольно большой выбор писаных норм права, которые нередко по-разному предписывали решать те или иные дела, но имели при всех таких различиях единую классовую сущность и христианскую форму.

Изучение системы права дневнерусского юридического памятника — Устава Ярослава о церковных судах показало, что она заметно отличалась от системы византийских церковных прав как в плане соотношения судебной власти церкви и государства, так и в пенитенциальной сфере, в системе ответственности и наказаний. Для Руси была характерна очень широкая сфера церковной юрисдикции, охватывавшая множество дел, связанных с внутренней жизнью семьи, браками и разводами, с особыми случаями убийств, краж и др. Кроме того, церкви принадлежало право суда над определенными сословными группами людей, не только клириками и церковниками вообще, но и производственным, трудящимся населением, а также над определенными профессиями раннефеодального общества. Что касается форм ответственности и характера наказаний в древнерусских памятниках, то наряду с системой морально-этической ответственности человека перед богом и своей совестью (судьей и исполнителем здесь был главным образом духовник, приходский священник), которая существует в епитимийниках и вопросо-ответных произведениях типа Вопрошание Кирика, на Руси существовала другая, значительно отличающаяся система, которую отражает Устав князя Ярослава. Здесь церковно-каноническая ответственность человека за свои поступки переведена на уровень публичной его ответственности перед органами церковной сферы государственной власти — митрополитом, епископом и их чиновниками. А епитимии, поклоны, посты и отлучения заменены значитель-

---

[227] Там же, с. 23.
[228] Там же, с. 25.
[229] Закон судный людем Пространной и Сводной редакции. М., 1961, с. 13—17.

ными денежными штрафами в пользу органов церковной власти по системе вир и полувир, хорошо известной в Русской Правде.

Развитие древнерусского социального и политического строя, как и развитие древнерусского права, с XI в. до второй половины XIII в. сделало многие нормы византийского номоканона нужными и подходящими для церковных организаций феодальных княжеств, а постоянные изменения, вносившиеся в древнерусские памятники церковного права, также приблизили их к условиям этого времени, что и привело к объединению этих различных кодексов в одних сборниках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПИСАНИЕ СПИСКОВ КОРМЧИХ КНИГ[1]

КОРМЧИЕ КНИГИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ РЕДАКЦИИ

1. Ефремовский список (ГИМ, Синод, 227), на пергамене, в лист, писан уставом, на 310 л. Он принадлежит, по определению различных палеографов, к XI в. [2], к XII в. [3], причем начальные 6 листов иногда относят к XIII в. а остальную часть — к XII в. [4] или целиком к XIII в. [5] Дата XII в.— наиболее вероятна.

На странице по 27 строк. Тетради-кватернионы, нумерованы попеременно на последней или первой странице тетради, так что страницы с цифрами большей частью находятся рядом. Киноварь применена не во всех тетрадях. На л. 1 заставка в виде плетеного жгута; инициалы, на л. 96 перенос в чаше с рукой на нижнем поле. Малые «цветки» на полях заглавий различного рисунка, чернилами и киноварью.

Рукой писца очень мелкими буквами сделаны четыре записи: 1) «О Офреме дьржи си крѣпоко | оумъ грѣшьнице. .» (на чистой части последней строки л. 101); 2) «ѡфреме. | не дьржи ү | ма кромѣ» (на чистой части двух последних строк л. 145); 3) « ѡфреме грѣшьнице не лѣнисѧ» (в чистой части строки 14 листа 246. Несколько позднее в начале вставлено слово «тако»); 4) «Офреме грѣшьнїце что не помѧнеши д҃не того како лѣнишисѧ» (посередине нижнего поля л. 251 об., «ц» во втором слове исправлено из «ч»?). Пробы пера на лл. 48, 54, 105; граффити ножом на л. 79 об.

На л. 71 и следующих многочисленные пометы «се писат [и]» и «досуда». Более или менее (хотя бы в пределах полувека) точная датировка этих помет затруднена вследствие их краткости и отсутствия в них показательных для

В приложении дается описание только тех рукописей, которые являются предметом специального исследования в книге.

[2] «Нельзя не придти к заключению, что рукопись должна быть отнесена к остаткам XI — XII вв., что даже в ней нельзя найти ничего, что мешает видеть в ней памятник XI в.» (*Срезневский И. И.* Обозрение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1897, с. 18).

[3] *Ундольский В. М.* Описание славянских рукописей Московской патриаршей библиотеки.— ОИДР, 1867, кн. 2, с. 38.

[4] Л. 1—6 приписаны в XIII в. (*Щепкина М. В.*, *Протасьева И. Н.*, *Костюхина Л. М.* и *Голышенко В. С.* Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея.—«АЕ за 1964 год.». М., 1965, с. 145).

[5] «Предварительный список славяно-русских рукописей XI — XIV вв., хранящихся в СССР» (сост. Н. Б. Шеламанова).—«АЕ за 1965 год». М., 1966, с. 191, № 57; *Щапов Я. Н.* О составе Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции.—«Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, с. 208.

XII или XIII в. букв. В. Н. Бенешевич, не аргументируя, отнес эти маргиналии к XIII в. Однако нужно отметить, что буква «и» («иже») пишется с горизонтальной и низкой перекладиной (л. 75), что, по В. Н. Щепкину, является признаком еще XII в., так как типы «и» с косой перекладиной и с приподнятой перекладиной появляются в первой половине XIII в. [6]; «ю» в единственном случае («досюда» вместо обычного «досуда», л. 98 об.) написано с перекладиной в середине буквы, но эта перекладина повышается только в XIV в. [7] Характерным для почерков маргиналий является высокий симметричный «ук», иногда со свешивающимися несколько вниз концами, хронологическое значение которого, однако, не ясно. Относим маргиналии к XII — первой половине XIII в.

В списке несколько утрат листов. Утрачены первый (чистый) и последний (с текстом) листы первой тетради. Полностью утрачена вторая тетрадь. В результате этого между листами 6 и 7, по существующей пагинации, отсутствует 9 листов с текстом. Кроме того, утрачен весь конец списка начиная с тетради 41. Объем этой утраты может быть определен условно на основе изучения поздних списков редакции, связанных своим происхождением с Ефремовским.

Рукопись имеет переплет конца XVIII в.— картон, обтянутый коричневой кожей (переплетная бумага около 1790 г. [8]), реставрированный и оклеенный в корешке в XIX в. На л. 1 заверка числа листов XVIII в. с подписью Никифора [...] и старый № 143. Экслибрис Патриаршей библиотеки Син. собр. № 227 (II—706).

Список впервые был кратко упомянут в печати в 1858 г. Саввой [9]. В дальнейшем привлек к себе большое внимание археографов и канонистов, имеет постатейные описания В. М. Ундольского, А. С. Павлова, И. И. Срезневского [10] и целый ряд кратких описаний [11]. Полностью издан В. Н. Бенешевичем [12]. Фотокопии части листов 1 и 145 опубликованы И. И. Срезневским [13].

2. Уваровский список (ГИМ, Увар. 124, бывш. собр. Царского 212), на пергамене, в лист, писан уставом в два столбца, на 174 л.

---

[6] *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967, с. 115.
[7] Там же.
[8] *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII — XX вв. М., 1959, № 524.
[9] *Савва, архим.* Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, с. 194.
[10] *Ундольский В. М.* Описание славянских рукописей Московской патриаршей библиотеки, с. 38—44; *Павлов А. С.* Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869, с. 28—51; *Срезневский И. И.* Обозрение.. с. 45—46.
[11] *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, № 44. СПб., 1871; *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник XIV титулов со второй четверти XV в. до 883 г. СПб., 1905, с. 260—261; *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка, ч. 1. Источники. Brno, 1927; изд. 2. М., 1969, с. 61, № 63; *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Указ. соч., с. 145; «Предварительный список...», с. 191, № 57; *Щапов Я. Н.* О составе Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции, с. 208—209.
[12] ДСК, т. I. СПб., 1906.
[13] *Срезневский И. И.* Обозрение... Прилож.

Список был введен в науку довольно рано, в 1848 г., описанием П. Строева [14], перепечатанным архимандритом Леонидом [15], но принадлежность его к частным собраниям, очевидно, не позволила исследователям XIX в. использовать его в той мере, в какой он заслуживает внимания. Текст большей части списка был опубликован в вариантах в издании кормчей В. Н. Бенешевича, который дал и очень краткое его описание [16]. Однако монографически список не исследовался.

Список датируется XIII в. [17], ближе к его началу [18]. Строев датировал его XIV в.

Текст писан в два столбца, по 24 строки. Тетради-кватернионы имеют нумерацию писцов. Две тетради (17а л. 97—98 и 27а л. 165—166) имеют по два листа. В тетради 22 шесть листов, последний обрезан в корешке. Сигнатура в тетради 1 — на последнем листе, у остальных — на первом листе тетради. Тетради 18—21 имеют двойную нумерацию: первоначальную, с № 15—18, обозначенную на первой и последней страницах тетради, и вторичную, поставленную правее, представляющую нумерацию в составе данной рукописи. На л. 2 и 20 киноварные заставки старовизантийского стиля, простые киноварные инициалы.

Список писан тремя или четырьмя писцами. Первый переписал тетради 1—5 (л. 2—40 об., далее утрата текста), оставил запись с именем Ядрей (л. 39 об.) и, очевидно, переписал последнюю тетрадь 27б (л. 167—174 об.); второму писцу принадлежат тетради 11—13 (л. 41—64). Тетради 14—17а (л. 65—98) можно выделить как работу третьего писца; тетради 18—22 (л. 99—135), большая часть которых имеет и вторую нумерацию — 15—[19], можно считать работой четвертого писца. С л. 136 до л. 166 (тетради 23—27а) идет пятый почерк, который, однако, может быть отождествлен с третьим.

Языковый анализ списка проведен не был, но в нем бросается в глаза мена «ц» и «ч»: о цловѣцѣхъ; о оубиичахъ; полоуцити [19]; ичелѣнию вместо исцелѣнию [20]; ицѣленик[21]; да отълюцитьсѦ, на что обратил внимание в своем описании еще П. Строев.

На чистом правом столбце л. 139 об. миниатюра, выполненная чернилами, охрой, розовой и голубой краской: два святителя в рост, в крещатых ризах, обернувшиеся и поднявшие руки вверх к Спасителю, который держит (за специальные ручки) за их головами нимбы-круги. У левого выбрито гуменцо.

Записи на л. 39. об.: «Госпо помози рабоу | божию Ѧдрѣю || пожити»; в чистой строке л. 40 той же рукой: «+ боже мои гси мои», написаны отдельные буквы и слова на л. 46, 74 и 75, 166 об. 174, 174 об. На л. 167 запись из

[14] *Строев П.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому. М., 1848, с. 169—170, № 212.

[15] *Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. 1. М., 1893, с. 603—604.

[16] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 261.

[17] *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Указ. соч., с. 162.

[18] *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 261 (мнение А. И. Соболевского).

[19] ДСК, т. I, с. 576, сн. 3.

[20] Там же, с. 575, сн. 13.

[21] Там же, с. 621, сн. 2.

двух строк, представляющая подобие цифровых рядов (?). На нижнем поле л. 2 владельческая (?) запись стерта.

На л. 1, первоначально чистом, ранние выписи. На лицевой его стороне они стерлись и облиты химическим составом, однако все равно почти не читаются. Может быть прочитана только фраза стб. 2 стр. 17—19: «Ако свѣтилник заповѣді | законъ ж [е] свѣт і поуть жі|вота». На оборотной стороне выписано Лаодикийское 15-е правило и толкование к нему по тексту Сербской редакции.

В списке три утраты текста: 1) между л. 40—41 утрачено 40 листов (тетради 6—10), окончание правил Халкидонского (IV вселенского), правила Трульского (VI вселенского) и большая часть правил Никейского II (VII вселенского) соборов [22]; 2) между л. 153—154 утрачены два листа с текстом окончания главы 87 и начала главы 89 Собрания в 93 главах [23] и 3) утрачено окончание списка. Текст обрывается на главе 11 статьи «О възбранении и женитвах» (л. 174).

Переплет начала XIX в.— картон в коже с золотым теснением. Экслибрисы собраний И.Н. Царского (№ 212) и А. С. Уварова (№ 124). Запись П. Строева с основными сведениями о рукописи (в собрании Царского).

3. Рогожский список (ГБЛ, Рогож, 268), в 4°, на 338 л. Относится ко второй половине или, скорее, третьей четверти XV в. Филиграни: готическая литера Р. с четырехлистником — Брике (*Briquet C. M.* Les filigranes. Leipzig, 1923, близко к № 8605, 1469 г.) и литера Y (Брике, № 9180, 1457 г.). Список полный, в переплете того же времени, починенном в корешке в XVII в., обороты корешков не заклеены, записи владельцев XIX в.— крестьян деревни Озерки Северной или Средней России, которым рукопись принадлежала до того времени, как она оказалась в собрании Рогожского кладбища. Список стал известен позже других: его описание, перечень последних статей и публикация части текста, отсутствующего в издании Бенешевича (частью в фотокопии), сделаны в 1967 г. [24].

После текста Собрания в 93 главах, на котором обрывается дефектный Ефремовский список, в Рогожском далее находятся еще следующие 15 статей:

1. «Великого книжника Антиохийского о колядах, и о нонех, и о идех возглашение...» — календарный трактат о древнеримском счете времени. Статья не имеет конца и обрывается на середине фразы «увѣждь || же, премудре».

2. «Образъ правыа непорочным христианьскыа вѣры» — исповедание веры Михаила Синкелла, включающее сведения о шести вселенских соборах.

3. Ответ Афанасия, архиепископа Александрийского, князю Антиоху о христианском учении.

4. Выпись из Прохирона «О възбранении[х] женитвах» (титул 7).

---

[22] ДСК, т. I, с. 124_{21} — 225_{23}.

[23] Глава 88 была опущена в списке с самого начала, там же, с. 806_{14} — 807_{28} и 818_{1} — 820_{3}.

[24] *Щапов Я. Н.* Новый список кормчей Ефремовской редакции.— В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 258—276.

5. Выпись «От иного закона» (из Эклоги) о том же (титул 2, глава 2).

6. Выпись из правил Константинопольского I—II собора о запрещении епископам применять физические наказания (правило 9).

7. Выпись из Прохирона об имуществе поступающего в епископство и монашество (титул 24, главы 1—4).

8. Выпись из Прохирона «о поставлении епискуп и мних» (титул 28, глава I).

9. Трактат о власти Константинопольского патриарха («О строении пресвятого престола Костятина града...») с включенной в него схолией о примате римского престола («Вѣсто да есть яко и въ Медиоланѣ... истину да увѣсть»).

10. Продолжение выписи из Прохирона о том же (титул 28, главы 2—4).

11. Отрывок о судопроизводстве (начало: «Отъемля съ нуждею противных оправдапиа. .»). Статья оканчивается углом вниз.

12. Выпись из послания Ефесского собора к епископам Памфилии (начало: «И въздразити от въздрастъшиих...»). Статья оканчивается углом вниз.

13. «Сказание хитро о чювьствѣх телесных и о душевнѣмъ своиствѣ их», приписанное здесь Максиму исповеднику.

14. «Сказание о образѣ грѣховнѣм», приписанное ему же.

15. «Сот медвеный» — епитимийник в таблицах.

Список генеалогически восходит к Ефремовскому: он имеет на полях пометы последнего, воспроизведенные писцом в процессе его работы. Воспроизведены все пометы Ефремовского, кроме тех, которые, как было показано выше, стерты. Пометы продолжаются и после середины главы 87 Собрания в 93 главах, где в настоящее время обрывается Ефремовский список: они есть в конце главы 87 («досуда брано», л. 305 об.); перед разделом «О чести пресвятыа церкве тогоже Костянтиня града...» («досуда», л. 332); в начале и в конце выписей «о епискупѣх» из Прохирона («Се писати», «досуда», л. 334 об.— 335). Все эти статьи, следовательно, списаны с Ефремовского списка. В двух случаях, где в Ефремовском отдельные слова написаны латинским шрифтом, в Рогожском списке они опущены, а на полях в рамках указано: «Неразумна грамот[а]» (л. 293) и «Грамота неразумна» (л. 303).

4. Плигинский список (ГПБ, *F* II. 250), поступивший в 1905 г. из собрания Плигина, в лист, на 326 л. Принадлежит последней четверти или концу XV в. Филиграни: голова быка, кувшин, сердце под короной, внизу литеры *IB* (?) (близко к Брике, № 4324, 1482—1499 гг.), литера Р большая, перечеркнутая, с четырехлистником (Брике, № 8682, 1485. 1482 гг.), собака (Брике, № 3629, 1484—1487 гг.), лилия под короной [25]. Список полный, в переплете, современном рукописи. Вкладная запись декабря 1547 г. (7056) «в дом св. Николы чюдотворца на Волосове» (под Владимиром) в поминовение «священноинока Арсения» (л. 1 об.—2, 4 об.—5), запись Б. А. Щекина (он был в конце 1540-х годов дворцовым дьяком [26]) о продаже книги попу Михаилу Онтонову сыну (л. 150 об.). Список впервые привлечен В. Н. Бенешевичем; большая его часть (л. 1—302) опубликована в вариантах в издании кормчей.

---

[25] В. Н. Бенешевич датирует список первой половиной XVI в. (*Бенешевич В. Н.* Канонический сборник.., с. 261).

[26] *Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в.—«История СССР», 1976, № 3, с. 85.

Рукопись повторяет состав Ефремовского списка. После Собрания в 93 главах он содержит все статьи Рогожского, кончая выписью из послания Ефесского сбора, которая завершается в середине столбца оборота листа, и следов утраты текста нет. Однако в отличие от Рогожского данный список имеет вторую половину статьи «Великого книжника Антиохийского», за которой следуют еще три хронологические сочинения: Летописец вскоре Никифора патриарха, перечни архиепископов и патриархов и краткое сказание о соборах с указанием числа лет, прошедших между семи соборами и датой смерти царя Константина («Разумъ 7 съборъ, колико лѣт от коегожьдо скончася...»). Далее идет Исповедание веры Михаила Синкелла и другие статьи. В рукописи нет помет Ефремовского и Рогожского списков. Таким образом, Плигинский список не зависит от Ефремовского, но воспроизводит текст архетипа лучше, чем Рогожский.

5. Соловецкий список (ГПБ, Солов. 1056/Казанск. 1165) из Соловецкого монастыря, в 4°, на 379 л., может быть датирован по филиграням концом XV — началом XVI в. Филиграни: перчатка — Брике, № 11179, 1487—1490 гг.; Лихачев (*Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899) № 1298, 1500 г.; три горы с крестом (Брике, № 11775—11776, 1480 г.). Поскольку книга принадлежала игумену Соловецкого монастыря Дософею, создателю библиотеки этого монастыря в 1490-х годах [27], она также может быть датирована концом 1490-х годов, очевидно, после 1494 г.— года составления последнего известного перечня заказанных им книг. Переплет в обрез, современный рукописи (?). Запись — владельческий знак «Священноинока Дософея», «Книга тител монастырская старая». Список был введен в науку в 1869 г. А. С. Павловым и описан им и И. И. Срезневским [28]. В. Н. Бенешевич издал его в I томе в вариантах к Ефремовскому и в качестве основного там, где листы Ефремовского утрачены. Во втором томе он готовил полное издание конца списка. Список близок к Рогожскому и после текста Собрания в 93 главах он содержит статьи последнего, перечисленные выше, в том числе только первую половину календарного трактата «Великого книжника Антиохийского». Общность текста двух списков кончается на выписи из послания Ефесского собора (начало: «И въздразити от въздрастъшиих ему»), после чего в Соловецком на 54 листах (л. 326—379) следует еще около 30 статей самого различного происхождения, среди них переводные отеческие правила (Василия Великого, Никиты Ираклийского, Афанасия Иерусалимского, Иоанна Златоуста), правила приема от ересей, поучения и правила попам и чернецам, правила о браках, статья о Богумиле, ответы Константинопольского собора на вопросы Феогноста Сарайского 1276 г., древнерусские статьи: Правила Иоанна Русского, Ильи Новгородского, Вопрошание Кирика, Правила Владимирского собора 1274 г. и др. Как и в Рогожском, в Соловецком списке воспроизведены на полях пометы Ефремовского.

6. Троицкий список (ГБЛ, Троицк, 207), в лист, на 302 л. Список датируется по филиграням концом XV — началом XVI в.: Р готическое нескольких

---

[27] *Розов Н. Н.* Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Дософей.— ТОДРЛ, т. 18, М.— Л., 1962, с. 297.

[28] *Павлов А. С.* Первоначальный славяно-русский номоканон; *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 34—38.

типов (Брике № 8655—8673, 1462—1500 гг., № 8523—8545, 1447—1500 гг.), звезда (Брике, № 6056, 1481—1505 гг.), голова быка (Брике № 15064, 15082, 1454—1469 гг., в России до 1497 г.), собака (типа Брике, № 3622, 1480—1490 гг., но вариант списка более поздний). Переплет в обрез, современный рукописи. Обороты крышек заклеены бумагой рукописи. Рукопись находилась в собрании Троицкого монастыря до 1767 г., еще в XVII в. (см. владельческие записи почерком XVII в. и с указанным годом).

Описание списка с перечнем киноварных заголовков было сделано Иларием и Арсением [29] (при этом ряд статей оказался незафиксированным), статьи Троицкого, отличающиеся от Соловецкого списка, перечислены И. И. Срезневским [30]. При издании первого тома кормчей В. Н. Бенешевичу не удалось использовать список, но для второго тома он привлек его тексты.

С палеографической и лингвистической сторон рукопись изучалась Т. А. Алексеевой. В своей дипломной работе «Палеографическое и лингвистическое описание кормчей № 207... Троицко-Сергиевой лавры» (МГУ, 1971), она показала, что в списке отразились особенности орфографии Пскова и его области — аканье, близость «ѣ» и «и», близость «в» и «у», мена «ц» и «ч».

Список по содержанию очень близок Плигинскому: он включает все его статьи, в том числе календарные и хронологические, и оканчивается отрывком из послания Ефесского собора (статья кончается углом вниз).

КОРМЧАЯ СЕРБСКОЙ РЕДАКЦИИ

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ СПИСКИ

7. *Иловицкий список* [31] (Загреб, Библиотека Югославянской академии наук III-c-9), 1262 (6770) г., переписан в Иловице (область Зета в Сербии) «многогрешным Богданом» по повелению Неофита, епископа Зеты. Пергамен, 398 (399?) л., в лист. Много утрат листов. Записи, переписанные с протографа. В языке списка исследователи констатируют много русизмов.

8. *Дечанский список* [32] (Библиотека Дечанской лавры, № 320), последней четверти XIII или начала XIV в. (по В. А. Мошину). С. В. Троицкий датирует концом XIII или первой половиной XIV в.). Пергамен, 284 л., много утрат листов, утрачен конец, текст обрывается на правиле 6 главы 56.

9. *Рашский список* [33] (находится в двух переплетах, в различных хранилищах в Москве: ГИМ, Воскр. 29, 398 л. и ГБЛ, Унд. 25, 27 л.), 1305 (6813) г,

---

[29] *Иларий и Арсений.* Описание славянских рукописей библиотеки свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. 1. М., 1878, с. 100.

[30] *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 39—40.

[31] *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, № 47. СПб., 1873, с. 147—176; *Jagić V.* Krmčija ilovicka 1262 god.—«Starine» (Zagreb), 1874, sv. VI, s. 60—111; *Троицки С. В.* Како треба издати Светосавску крмчију. Београд, 1952, с. 34—35; *Mošin V.* Cirilski rukopisi Jogoslovenske akademije, 1. Zagreb, 1955.

[32] *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 35—39.

[33] *Срезневский И. И.* Крмчаја књига српског писма XIII — XIV в.— «Starine», (Zagreb), 1877, sv. III, s. 189—202; *Ундольский В. М.* Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, с. 29—30; *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 35; *Щапов Я. Н.* Первоначальный состав Рашской кормчей книги 1305 г.—«Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 33. М., 1972, с. 140—147.

переписан в Расе, в Сербии, Григорием II, епископом Рашским, для Афонского Хиландарского монастыря. Пергамен, всего 425 л., в малый лист. Список в совокупности двух частей полон. Завершается записью Григория.

10. Сараевский список [34] (Старая церковь около Баш Чаршие в Сараеве). Имеет шифрованную запись с указанием, что «си божьствени пѣсньвць» написан по заказу деспотицы Елены в 1371 (6879) г., по которой исследователи датировали и саму рукопись этим годом. В. Мошин палеографически датирует ее не позднее первой трети XIV в., поэтому запись можно считать списанной с другой рукописи, содержавшей псалтирь. Пергамен, устав, в лист, два писца, второй — «грѣшны Мирославь». Отдельные листы утрачены.

11. Пчинский список [35] (Библиотека Сербской академии наук в Белграде № 332), середины — второй половины XIV в. А. В. Соловьев (и вслед за ним С. В. Троицкий) датируют по филиграням 1360—1370-ми годами, указывая, однако, на знаки и более ранние (1319 г.), и более поздние (1390 г.). Мошин датирует ее по палеографическим данным серединой XIV в. Бумага в большой лист, устав, 305 л., утрачено много листов и конец, обрывается на тексте главы 64.

12. Венский список [36] (Вена, Национальная библиотека, № 101, Cod. slav. Vindob. 21), последней четверти XIV в. (датировка исследователей противоречива: Яцимирский дает XV в., Троицкий по филиграням — последняя четверть XIV в., Мошин — без аргументации около 1500 г.). На бумаге, 348 л., два почерка. Первоначальный список (охватывает л. 26—346) дефектный, без начала и конца, в 1685 г. пополнен вначале (л. 1—25) выборочно выписями из Никоновской печатной кормчей. Обрывается на тексте главы 64. Рукопись из Хиландарского монастыря.

13. Белградский список [37] (Белградская национальная библиотека, № 48), третья четверть XV в. Бумага в четверку, 369 л. Без начала, последняя статья «О возбраненных женитвах».

14. Бухарестский список [38] (Бухарест, Библиотека Румынской акаде-

---

[34] *Живковић М.* Србуље у Сарајеву.—«Гласник Српског ученог друштва», (Београд), 1885, књ. 63, с. 180—197; *Викићевић М. М.* Из старих србуља.—«Гласник земаљског музеја у Босни и Херцеговини» (Сарајево), 1901, јануар — март, с. 31—33; *Шляпкин И. А.* Описание Сараевской кормчей.—«Библиографическая летопись», 1915, т. II, с. 20—27; *Мирковић Л.* Старине Старе цркве у Сарајеву.—«Споменик српске Краљ. академије», 83, други разред, 65, Београд, 1936, с. 21; *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 41—48; *Mošin V.* Рецензия на книгу С. В. Троицкого «Како треба издати...»—«Slovo», 1953, кн. 2, 61.

[35] *Соловјев А.* Светосавски номоканон и његови нови преписи.—«Братство» (Београд), 1932, т. 26, с. 31—34 (оттиск); *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 39—41.

[36] *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. T. I. Vindobonae, 1862, p. XII; *Яцимирский А.* Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек, т. 1. Пг., 1921, с. 121—123; *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 75; *Mošin V.* [Рецензия на книгу С. В. Троицкого «Како треба издати...»].

[37] *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 48—50; *Mošin V.* [Рецензия на книгу С. В. Троицкого «Како треба издати...»].

[38] *Яцимирский А.* Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек, т. 1; *Panaitescu P. P.* Manuscrisele slave din biblioteca Academiei RPR, vol. I. Bucureşti, 1959, p. 379—383.

мии, № 285), конца XV в. (филиграни: 1) круг с вертикальной лесенкой в середине, над ним звезда (Брике, № 5920, 1491—1494 гг.); 2) весы в фигурном картуше (типа Брике, № 2471, 1482—1518 гг., № 2605—2608, 1501—1538 гг.); 3) голова быка с крестом на мачте, с буквой М (у Брике нет); 4) тоже, без буквы (близко к Брике, № 14522, 1492—1495 гг.), лощеная бумага, в лист. 322 л., молдавско-валашский полуустав нескольких почерков, переплет первоначальный, без начала, начинается с текста Сказания о вселенских соборах. В последней части списка много недописанных слов и букв, что свидетельствует о том, что писец имел перед собой поврежденный или неразборчивый текст. Содержит воспроизведенную с протографа запись писца Германа, писавшего в Милешевском монастыре в Сербии в 1295 (6803) г. по заказу Елены, матери короля Стефана Уроша. Заканчивается статьей «О возбраненных брацех» (текст ее не дописан).

15. Саввинский список[39] (Саввинский монастырь, Черногория), первой четверти или первой половины XVI в. Полный список, 399 л., один писец.

16. Печский список[40] (Белградский университет, Библиотека сербского семинара, № 4), 1552 (7060) г., с анонимной записью писца, в лист, 425 л., некоторые листы утрачены, без начала и конца. Обрывается на воспроизведенной с протографа записи писца, сделанной при крале Стефане. Троицкий пишет, что список производит впечатление работы не профессионального переписчика, а любителя.

17. Морачский список[41] (музей Сербской церкви в Белграде), 1614/15 (7123) г. писан по заказу игумена Гаврила при церкви Успения в Герцеговине на р. Мораче, 358 л., несколько утрат, конец рукописи не поврежден.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ СПИСКИ

Рязанский извод (в 64, III главах)

18. Рязанский список[42] (ГПБ, F. п. II, 1, из собрания Ф. А. Толстого), 1284 (6792) г., переписан в Рязани повелением епископа Иосифа, с официальной анонимной записью писца — похвалой княгине Анастасии и епископу Иосифу. Пергамен, 407 л., в лист. Болгарские вставки (запись Драгослава и Послание Святослава к митрополиту Кириллу) опущены, но оставлено чистое место в полтора столбца. Список оканчивается (перед записью) главой 64 III, чином обращения от сарацин. Список полный, переписан многими

---

[39] *Милаш Н.* Крмчиjа Савинска.— Извештаj о православном богословском семеништу у Задру. Година VI. Задар, 1884, с. 31—67; *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 51—59.

[40] *Соловjев А.* Светосавски номоканон.., с. 34—38; *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 59—62.

[41] *Дучић Н.* Кормчиjа Морачка.— Гласник српскг ученог друштва, отд. II, књ. VIII. Београд, 1877; *idem.* Књижевни радови, књ. 4. Београд, 1896; *Троицки С. В.* Како треба издати.., с. 62—63.

[42] *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 47—84; *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские. Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1953; *Блохина Э. Д.* Палеографическое и фонетическое описание Рязанской кормчей 1284 г. Диссертация. Л., 1970; Автореф. канд. дис. Л., 1970.

(до 10) писцами, некоторые из которых («поп», «Иван чернец») оставили свои пометки. По л. 1—35 стертая запись скорописью XVI в. с упоминанием митрополита (митрополии?); по л. 34—44 следы записи (переплетчика?) с упоминанием тетрадей и листов.

Уваровская группа (в 64, II главах)

19. Уваровский список [43] (ГИМ, Увар. 205), середины XV в., филиграни: 1) три горы с мачтой и крестом (Брике, № 11700—11703, середина XV в.); 2) четыре цветка на стебле (Брике, № 6686—6690, с начала XV в. до 1470-х годов); (Зонги (*Zonghi's* Watermarks. Hilversum, 1963) № 1047—1048, 1451—1452 гг.); 3) ножницы (Брике № 3739, 3742, 1439—1443 гг.); 4) якорь (Брике, № 407—410, 1407—1437 гг.); 5) рожок (Брике № 7682, 1413—1415 гг.), Зонги, № 414—418, 1413 г.), 273 л., в лист, два столбца. Запись Драгослава и Послание Святослава на л. 68 об.—69. Оканчивается главой 64, II («его же в божественных службах причащаються», л. 271 об.). Глава 31 переставлена с оговоркой. Ранние владельческие записи (л. 104 об.—105) стерты, есть записи о принадлежности книги И. Лаптеву (куплена в Петербурге в 1826 г.), И. П. Сахарову, А. С. Уварову.

20. Музейский I список (ГИМ, Муз. 3470), второй половины XV в., филиграни: голова быка (Брике, № 14872, 1457—1470 гг., варианты до начала XVI в.), 379 л., в лист. Записи Драгослава и Послания Святослава нет. Оканчивается статьей 64, II (проклятье ереси манихеев); на прежде чистых листах 331—332 вставки XIX в. Маргиналии латинские, польские, украинские, русские. Глава 31 переставлена.

21. Синодальный II список (ГИМ, Син. 222) второй трети или середины XVI в., филиграни: перчатка (Брике, № 11390—11391, 1533—1544 гг.; № 11348, 1530, 1546 гг.), 937 л., в лист, в два столбца, беглый полуустав. Русский список? Записи Драгослава и Послания Святослава нет. Оканчивается главой 64, II («... в божественных службах причащаются»). Вначале приплетены: Наказание иереям Иоанна Златоуста; Поучение Киприана митрополита [44], сведения об апостоле Павле.

22. ОЛДП список [45] (ГПБ, ОЛДП. *F* 30) первой четверти XVII в., филиграни: кувшины с полумесяцем (один из типов Брике, № 12886, 1609 г.), 524 л., в лист, полуустав разных почерков. Глава 31 переставлена; болгарских вставок нет. Последние главы кормчей: 67 (64,1) «От патриарша молитвенника, како подобает примати от ереси приходящих...» (начало: «Арианы убо и македонианы...»), 68 (64, II) «Како достоит проклинати списанием ересь тех, еже от манихеи приходящих», 69 о приняти «от жидов», 70 (64, III) «чин и устав бываемый на еже от срацин обращающихся» (начало: «Прежде убо приходяй к вере правой...»), 71 «Мефодия... установление о еже различ-

---

[43] *Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-русских рукописей.., с. 605—608.
[44] РИБ, т. VI, стб. 159—164.
[45] *Лопарев Х.* Описание рукописей Общества любителей древней письменности, ч. I. СПб., 1892, № XXX (1203), с. 81; *Бенеманский М.* Закон градский. М., 1917, с. 107—108.

ными образы и возрасты обращающихся» и далее еще 17 статей (главы 72—88) с толкованием христианских символов, о происхождении христианских исповеданий и крещении Руси и другие, в том числе из жития литовских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, память которых установлена в 1347 г., сразу после их смерти. Переплет с тиснением изображения стоящей богоматери с младенцем, характерного для литовского прикладного искусства. Владельческая запись «Мироносицькаго попа Марка».

23. Рогожский II список (ГБЛ, Рогож. 252), середины XVI в., филигрань: кабан, (Брике, № 13577, середина XVI в.), в лист, 583 л., полуустав, два писца. Глава 31 переставлена. Записи Драгослава и Послания Святослава на месте нет, но после окончания текста кормчей, на л. 580, украинской скорописью воспроизведена часть записи Драгослава («Списася сия книга в лѣто 6770 индикта 5 повелѣнѣем цря Кон[ст]антина преддержащаго престолъ болъгарский повелением же и цѣною господина отца и С[вя]тослава деспоте болъгарского»). К главе 54— последованию литургии — вставка близкого времени (л. 393—398), содержащая другие статьи на ту же тему, в том числе «Илья Новгородский». Оканчивается на главе 64, II (л. 580). Украинские пробы пера (с датой 1561 г., с упоминанием митрополита Киевского и Галицкого), маргиналии на латинском (католического автора) и украинском языках.

24. Устюжский список (БАН, Устюж. 28) второй половины XVI в., 779 л., в 4°. Содержит кормчую в обычном составе, но с другой нумерацией глав, кончая главой 41, II «Како подобает писанием проклинати» (обычно 64, II), после чего идут дополнительные главы 42 — последование приема латинян («Чин немецкому крещению») и 43— «Сказание святых 12 апостол о латынах и опресноках». Болгарских вставок нет.

25. Пинский список [46] (ЦБАН Литовской ССР, F 19, № 242, бывш. 162), 1634 г., г. Пинск, 855 стр., в лист, один почерк. На стр. 855 запись писца, священноинока Никодима Козицкого, василианина, писавшего в 1634 (7142) г. «в монастыру Лещу» повелением настоятеля Иоанна Дубовича на средства Успенской церкви Жировицкой лавры. Болгарских вставок нет, но в записи писца цитирована запись Драгослава «Молю же ся слезно, отци и братия, прочитающе и преписующе сию Зонару, легко исправляюще чтите, а не злословите, но паче благословите и поминайте...» Глава 31 находится после главы 30. Вставки сведений о соборах на белорусском языке. Польские и латинские маргиналии. Владельческая запись Жировицкого монастыря 1758 г.

26. Каликинский список (БАН, Каликин. 189), первой половины XVII в., филиграни: герб с драконом — Лауцавичюс (*Laucevicius E.* Popierius Lietuvoje XV—XVIIIa. Vilnius, 1967), № 700, 1630 и 1631 гг., 437 л., в лист украинский полуустав, маргиналии украинской скорописью. Болгарских вставок нет. Глава 31 переставлена и снабжена объяснением. Владельческие записи: «пречет отца Феодора... Имшенецкого прот. [?] Львовского» (л. 1); кременецкого купца Семена Климова сына Бебурина (л. 39), «Ер~~омонах~~ Иоасафат рукою власною» (в главе 5, той же рукой маргиналии); позднейшая фальсифицированная запись: «Сия книга дарствована митрополитом Макарием игумену Соловецкого монастыря ҂афмѳ» (л. 39). Начинается концом рассказа о II соборе.

[46] *Добрянский Ф.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки церковнославянских и русских. Вильно, 1882, с. 393.

Суздальская подгруппа

27. *Погодинский I* список (ГПБ, Погодин. 236), второй половины XVI в. (перед 1585 г.?), 436 л., в лист. Запись Драгослава и Послание Святослава (л. 109—110). Заканчивается главой 64, II, после чего пометка «Доселе с [с]оуздальскыхъ». Запись о вкладе в 1585 (7093) г. Леонидом, епископом Рязанским и Муромским, в Солотчинский монастырь; роскошный переплет XVIII в. с тиснением ордена Андрея Первозванного. Глава 31 переставлена.

28. *Егоровский I список* (ГБЛ, Егоров. 915), 1622—1923 гг. г. Коломна (?), в лист, 534 л. Запись Драгослава и Послание Святослава (л. 135—136). Содержит текст, кончая главой 64, II, после чего заметки: «Доселе с [с]оуздальскихъ»; «Доздѣ конецъ книгы сея о господѣ» и анонимная запись писца, писавшего в 1622—1623 (7130—7131) гг. повелением Рафаила, епископа Коломенского и Каширского.

Даниловская подгруппа

29. *Киево-Софийский список* (ЦНБ АН УССР, Киево-Соф. 221/50 С), середина третьей четверти XVI в., филиграни: перчатка под короной (напоминает Брике, № 10924, 1581—1581 гг.), кораблик (Брике, № 11973, 1552 г.), 305 л., в лист. Без начала, начинается с апостольских правил. После главы 64, II следует еще 11 статей, первая — Правило Никифора о церковных сочинениях, последнее (без конца) — Никоново слово о страннопринимании. Глава 31 находится после главы 30. Поврежденная запись некоего Феогноста. Листы с правилами Карфагенского собора (где бывают болгарские вставки) утрачены.

30. *Барсовский I список* (ГИМ, Барсов. 157), второй половины XVI в., филиграни: два креста на гербовом щите (Лауцавичюс, № 765—769, 1559—1584 гг.), орел одноглавый в круге, в лист. 1417 стр. без начала (утрачен первый лист?). Запись Драгослава и Послание Святослава (с. 249—252). После главы 64, II — дополнительные статьи начиная от «Никифора о церковных счинениях» и кончая толкованием «О теле Христове». Глава 31 находится после главы 30. Польские и латинские маргиналии частью вырезаны. Владельческие записи XVII в. Холмской диоцезии 1658 г., епископа Якуба и Теодора-Казимира Борисовича Гостиловского; Стефана, архипресвитера Щебрешинского, Запродажная запись 1870 г. (сделанная в Галиции?).

31. *Погодинский II список* (ГПБ, Погод. 242), третьей четверти XVI в. филигрань: кувшин (Брике, № 12660—12662, середина XVI в., у Лихачева 1546—1558 гг.), 710 стр. в 4°, скоропись. Запись Драгослава и Послание Святослава на с. 203—205. Основной текст кормчей обрывается на начале главы 63, I (обозначена как глава 64) «Тимофея презвитера о различии приходящих», после чего следуют дополнительные статьи начиная от Правила Никифора исповедника «о церковных счинениях» и ответов Иоанна Китрошского (те же, что в Барсовском I), и кончая статьей «Елико на трапезе запрещения...» (обрывается). Глава 31 переставлена.

32. *Воскресенский список* [47] (ГИМ, Воскр. бум. 28), конца XVI в., фили-

[47] *Амфилохий*. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1876, с. 105—106; *Строев П. М*. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина-Старожевского и Пафну-

грань: виноград с розеткой, с литерами *AG* (Лихачев, № 1942—1943, 1590-х годы, г. Вологда), 711 л., в 12°, мельчайший полуустав. Запись Драгослава и Послание Святослава (л. 176 об.— 178). После гл. 64, II две приписки: «Доселѣ съ соуздальскых правилъ»; «А се събрание и припись того ж[е] Данила игумена потом ж[е] бывша митрополита лѣта 7030-го [1522] месяца февраля». Далее следуют дополнительные главы (нумерованы как 65—87) начиная от Правила Никифора исповедника «о церковных счинениях» и кончая вопросами Анастасия Синайского о причащении (глава 87) и толкованиями Феодора Валсамона на Правило Кирилла (без номера). Список правлен неоднократно для переписки или подготовки к печати.

Группа в 63 главах

33. Музейный список (ГБЛ, Муз. 4843, л. 71—311), второй четверти или середины XV в., филигрань: три горы с крестом (Брике, № 11741, 1430 г.), 312 л., в лист, в два столбца. Содержит основную часть кормчей, главы 1—63, IV (последняя — о ереси мелхиседекиан и феодосиан, последние слова: «всѣи твари покланяются и чтут»). Вводные статьи утрачены. Южнославянские черты в языке («Костяндин», «Костяндина града»). Утраты между л. 124—125 (Правила Карфагенского собора), 195—196. Глава 31 переставлена. Вначале (л. 3—69) приплетена рукопись второй половины XVI в. с филигранями: козел на гербовом щите (Бадецкий (*Badecki K.* Znaki wodne w księgach archiwum miasta Lwowa 1382—1600. Lwów, 1928), № 71), кувшин, содержащая выписи из кормчей той же редакции с русскими дополнениями XVI в. (ссылка на Максима Грека). Записи XIX в., свидетельствующие о бытовании книги в старообрядческой среде и территории, где применялась польская азбука (siela Maienowa).

34. Жировицкий список [48] (ЦБАН Литовской ССР, F 19, № 243, прежний № 163), начала XVII в., филигрань: топор в гербе (Лауцавичюс, № 1709, 1608—1609 гг., варианты: № 1708—1713, 1602—1640 гг. 308 л., в лист, беглый наклонный полуустав, одной руки, без начала и конца, начинается с рассказа о IV соборе, много утрат листов и в других местах. Болгарские вставки на л. 83—84. Глава 31 переставлена. Оканчивается на главе 63, I «Тимофея... о различии приходящих», на разделе «Сице имеют иже в патриархии лежащая книги о марконитех» (л. 201 об.; ср. ДСК, т. I с. 735 21—22), на котором обрывался протограф. Владельческая запись Жировицкого монастыря 1758 г., записи с упоминанием Сильвестра Козмановского.

35. Межигорский список (ГИМ, Барсов, 162), второй четверти XVII в., филигрань: кабан—близко к Гераклитову (*Гераклитов А. А.* Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, № 346—347, 1624 г.). Украинский список с местными чертами языка, 314 л., в лист. Без начала, начинается с рассказа о V соборе. Болгарские вставки на л. 87 об.—88 об. Глава 31 переставлена. Многочисленные украинские маргиналии XVII—XVIII вв., с датой 1737 г. (частью стерты), поговорки

тиева Боровского. СПб., 1891, с. 252; *Жмакин В. И.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, с. 744—746.

[48] *Добрянский Ф.* Описание рукописей.., с. 394.

и схолии, позволяющие проследить отношение к нормам кормчей на Украине этого времени, антикатолические и антиуниатские полемические заметки. Владельческая запись Межигорского монастыря. Кормчая оканчивается как в Жировицком списке, но только текстом правила 7, не имея начала следующего правила.

36. Барсовский II список (ГИМ, Барсов. 161), 1740-х годов, филигрань Ярославской фабрики Затрапезникова (Клепиков, № 785, 1734—1741 гг.) 435 л., в лист, полуустав. Без начала. Болгарские вставки на л. 102 об.—103 об. Глава 31 переставлена. Кончается на главе 63, I, на 24-й ереси Послания Тимофея презвитера к Иоанну о Пелагии и Келестине.

Группа в 55 главах

37. Акиндиновский список (ГПБ, Новг.-Соф. 1175), 1551 г. (запись писца Акиндина в Новгороде октября 7060 г.; филигрань: кувшин (очень близко к Лихачеву, № 1777, 1556; дальше — № 1780, 1560 г.), 570 л., в лист. Содержит 55 глав (последняя — Закон градский), но вначале обычное оглавление в 64 главы. Добавления к тексту: вначале Сказание о сербской и болгарской патриархиях (как в кормчих Софийской редакции), л. 4, об.; после оглавления (л. 45—49) — соборное решение 1572 г. о четвертом браке Ивана IV. Болгарские вставки на л. 166 об.— 168. Глава 31 пропущена.

38. Музейский II список (ГИМ, Муз. 3466), конца XVI в., филигрань: кувшин (Брике, № 12803—12804, 1580-х годы), 536 л., в лист. Содержит 55 глав (последняя — Закон градский), после чего слова о судьях и праведном суде Мерила Праведного и статьи других редакций кормчих. Болгарские вставки на л. 127—128. Глава 31 переставлена. Владельческих записей нет.

Группа в 45 главах

Лаврский извод

39. Лаврский список [49] (ЦНБ АН УССР, ф. 1, Лавр. 5531, Лебедев, 375) второй половины XV в. (?), бумага без филиграней, 264 л., в лист. Без начала, начинается с рассказа о III соборе, ветха, обрывается на главе 45 (Собрание в 87 главах), на словах главы 2 этого Собрания: «Да не имат ни знаемых законом нине. Амин» (ср.: Кормчая. Напечатана с оригинала патриарха Иосифа. М., 1912 г., л. 307 об.). Запись Драгослава (с греческой фразой) и Послание Святослава — на л. 144—145. Глава 31 переставлена. Украинские глоссы и записи XVII в., в том числе о смерти в Чигирине в 1675 г. Иосифа, митрополита Киевского. Приобретена в быв. Полтавской губернии и передана в Киевскую духовную академию, в 1930-х годах находилась в Центральном антирелигиозном музее в Киево-Печерской лавре.

---

[49] *Лебедев А.* Рукописи церковно-археологического музея имп. Киевской духовной академии, т. 1. Саратов, 1916, с. 14, № 375.

Румянцевский извод

40. Румянцевский список[50] (ГБЛ, Рум. 232) последней трети XV в., очевидно, 70—80-х годов, филигрань: голова быка трех типов (Брике, № 14785—14803, 1441—1476 г. до 1485 г.; № 14878, 1468—1470, варианты до 1480 г.; № 14540, 1464—1475 гг. Лихачев, № 1214, 1488 г.), 204 л., в лист, в два столбца. Запись Драгослава и Послание Святослава на л. 105. Содержит вводные статьи и 45 глав основной части (последняя — Собрание в 87 главах, обрывается на словах «ни знаемых законон не» в главе 2 этого Собрания) на л. 1—197, после чего следуют комплекс княжеских уставов Румянцевской редакции и Судебник Казимира 1468 г. Глава 31 переставлена. Запись с упоминанием Евфимия, владыки Туровского и Пинского (известен в 1489 г.); вкладная запись 1583 г. в Рязанский Солотчинский монастырь.

41. Львовский список[51] (Львовский гос. исторический музей, № 118), 1565 г., Зименский монастырь около Владимира Волынского, в лист, 273 л., с записями писца Феодора, переписавшего книгу в этом монастыре повелением князя А. Чарторыйского. Оканчивается главой 45 (обозначена как 55), Собранием в 87 главах («От свитка божественных новых заповедей... ни знаемых законно ниже»), после чего следует комплекс княжеских уставов Румянцевской редакции (л. 263—270) и соборные ответы на вопросы сарайского епископа Феогноста 1376 г. (л. 270 об.— 273). Запись Драгослава и Послание Святослава — л. 132 об.— 133 об. Глава 31 переставлена.

42. Барсовский III список (ГИМ, Барс. 156), второй половины XVI в., филиграни: лилия геральдическая, кабан; в лист, 217 л., разные почерки. Белорусский список, со многими маргиналиями. Запись владельческая XVII в. «попа спаского турисъкого» с упоминанием Белостецкого монастыря (начало XVIII в.). Запись Драгослава (с греческим текстом) и Послание Святослава на л. 109 об.— 110 об. Глава 31 переставлена. Кормчая имеет пропуски статей (например Афанасия Великого об узаконенных книгах, л. 204 об.). Текст оканчивается началом Собрания в 87 главах (глава 1 его, начало главы 2 опущено), после чего следуют другие статьи, среди которых «От книг великого Василия и апостольских заповедей», Повесть об отлучении латинской церкви, перечень книг истинных и ложных.

Барсовская группа (без толкований)

43. Барсовский IV список (ГИМ, Барс. 170), л. 1—198 в конволюте, второй половины XVI в., филигрань : гербовый щит с руном, без начала, начинается с конца рассказа о I соборе (л. 9, листы вначале перепутаны). Содержит текст правил без толкований. Запись Драгослава и Послание Святослава (л. 89 об.—91). Глава 31 переставлена. В тексте опущены главы 24—25, 41—43 и др.

---

[50] *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 289—297; *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 50—72; *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси. М., 1972, с. 225—226.

[51] *Свенцицкий И. С.* Опись музея Ставропигийского института во Львове. Львов, 1908, с. 36—37; *Запаско Я. П.* Орнаментальне оформлення української рукописної книги. Київ, 1960, с. 103—104.

Кормчая завершается главой 47 главы 45 — Собрания в 87 главах («Аще же такови человеци вънидуть»), после чего приплетена вторая рукопись — экзегетические статьи на украинском языке. Южные орфографические особенности («Картаген», «воселенский», «сіи гран общь всѣмъ» и др.), украинские пробы пера XVI — XVII вв.

КОРМЧАЯ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ

ВОЛЫНСКИЙ ИЗВОД

44. Харьковский список[52] (Харьковский исторический музей, инв. 21129), конца XV в., филиграни: рука с четырехлистником (Брике, № 11421—11425, 1483—1512 гг.), монограмма (Брике, № 9745—9751, 1451—1493 гг.), голова быка с крестом и змеей (Брике, № 15391, 1496—1497 гг.) 301 л., в лист, два столбца. Почерки: 1) л. 1—3; 2) л. 4—172; 3) л. 173—237; 4) л. 273 об. и след. Полный список, с началом и концом. Начинается киноварным заглавием «Книги глаголемыя гречьскым языком номоканон правило законоу о бозѣ починается блгочстивым князѣмь Володимѣром, сыном Васильковымь. Господи, благослови, отче», после которого следуют: «Изложение сущаго в книгах сих...» — оглавление в 70 главах (последние «Правило Курила митрополита роускаго» и «О чювьствѣх»), рассказ о соборах («И еще о всѣх стых съборѣх...») и 14 титулов. Из глав, перечисленных в оглавлении, нет Вопрошания Кирика, Правила митрополита Кирилла и «О чювьствѣх». Заглавие Послания Афанасия к Руфиниану (текста Послания нет) дается в форме Рязанского и других русских списков («Глава л҃д зде того ради поставлена есть...»). Из Прохирона приведены только пять граней: 1—3, 11—12. После Правил VII вселенского собора той же рукой переписано правило «Постниково от номоканона. [Сия] же запрѣщения...» (л. 153 об.—154). После Правил митрополита Иоанна находится анонимное Правило монастырской жизни («О съединении святого събора. Оуставъ и завѣтъ святого мнишьскаго житьа..., начинается «Иночьская житиа..., л. 286), запись 1286 (6794) г., воспроизведенная с протографа с «сописании» книги князем Владимиром Васильковичем, внуком Романовым и княгиней Ольгой Романовной, о поездке князя к ногаям и болезни княгини (л. 290 об.), начало «Правила 1-го» VII собора (в действительности правило 3-е собора 879 г. в Софийской Константинопольской церкви, начало: «Аще кто мирских властели»), текст Б Устава Владимира (без начала, л. 291—291 об.) и заключительные приписки («слава свѣршителю богу свѣршающе всяко дѣло благо о Христе Исусѣ господѣ нашем ему же слав[а] въ вѣкы. Амин. За млтвъ святыхъ отецъ наших ги Исусе Христе сыне божии помилуи нас. Аминъ»; «Слав[а] свѣршитѣлю богу нынѣ же сподобилъ мя свѣршити сию книгу», л. 291 об.— 292). В конце книги была приплетена тетрадь чистых листов, на которых составлялся тематический указатель к материалам кормчей, например, «Который бы поп брал на инквизицию. Карфаг. 79» (л. 292—300 об.). В книги записи: вкладная иеромонаха Алексея в церковь Иоанна Предтечи в Полоцке (конец XV — начало XVI в.?), владельческая этой церкви (того же времени), Жировицкого монастыря 1758 г.

---

[52] *Абрамович Д. И.* Несколько слов о рукописных и старопечатных собраниях Волынской епархии.—«Христианское чтение», 1903, июль, с. 114.

(с № 37), Антония Селявы—Полоцкого архиепископа и митрополита Киевского, владельческая и дарственная записи Павла Доброхотова, преподавателя Жировицкой семинарии, ректора Полоцкой семинарии, затем епископа Олонецкого и Петрозаводского о передаче книги в 1892 г. Владимиро-Волынскому братству.

45. *Арадский список* [53] (Арадское епископство в Румынии, № 21); второй половины XV в. (?), по Юфу, филигрань: голова быка с цветком и гроздями внизу, по Н. Смокине рукопись имеет филиграни: тиара и голова быка, 399 л., в 4°, без конца. В книге должно быть два текста Устава Владимира: текст А (полный) находится между правилами II Никейского и I—II Константинопольского соборов (л. 202 об.—204 об.). Текст кормчей обрывается «Правилом 1-м VII собора» (начало: «Аще кто мирских властель...»). Маргиналии на молдавском языке, кратко излагающие содержание правил.

46. *Погодинский III список* (ГПБ, Погод. 234), последней трети XVI в., филигрань: подкова с крестом (Лауцавичюс, № 2661—2681, 1569—1585 гг.), 359 л., в лист. Три почерка: 1) л. 1—6, 13; 2) л. 7—283; 3) с л. 284. Вначале списка перед заглавием «Книги глемыя греческим языком номоканон...» вставлена тетрадь (л. 1—6), писанная другой рукой того же времени со статьями из кормчей Сербской редакции: 1) «Законоуправила начинаются глаголемыа греческим язчком номоканон сиречь сказаемом нашем языком. Слово от святых вселенских седми съборов где и когда на каждо их събрася...» (Сказание о I—III соборах, л. 1—64 об.) и 2) «И еще о всех святых съборех и о времени чину их который по котором бысть» (только заглавие статьи, л. 6 об.). Той же рукой, писавшей начальные листы, вставки текста (л. 13) на месте утрат, очевидно, в протографе Волынской редакции. Полный текст Устава Владимира на л. 181 об.—183 об. Заглавие «Закона Моисеева» (глава 23) опущено и для него оставлено место. После статьи «Правилъ 1 VII-го събора» (л. 358) следует второй, усеченный (без начала) текст Б Устава Владимира (л. 358 об.—359 об.), после которого — заключительное обращение «Слава съвръшителю богу по зачалѣ конец. Аминь». К главе «Иоанна митрополита русского» киноварные маргиналии (переписанные с протографа?), в том числе к словам «Иже не причащаются краинцѣх в Рустей земли» — «в Руси» (л. 346); к словам «Иже муж пустить жену и она к иному приидеть...» — «От Полотцк [...] дѣло [...]» — поврежденная обрезом маргиналия, показывающая на какую-то связь списка с Полоцком.

47. *Румянцевский III список* [54] (ГБЛ, Рум. 235), начала XVII в., филигрань: топор в гербе (Камании, № 565, 1610 г.) 282 л., в лист, без начала и конца, начинается с конца главы 2 грани 1-й 14 титулов со слов: «Второго правила 1—2». Номера глав на полях вставлены позднее. Полный текст Устава Владимира на л. 136—137 об. Глава 23 Закон Моисеев имеет здесь заглавие «От старого закона собрании. Яко не приемлещи слуха суетна...» (колонтитул «От ветхого закона избрания во кратце»). После второго, дефектного текста

[53] *Iufu I.* Manuscrisele slave in bibliotecile din Transilvania şi Banat.— Romanoslavica, t. VIII. Bucureşti, 1963, p. 452—453, 464—466.

[54] *Розенкампф Г. А.* Обозрение кормчей книги в историческом виде, изд. 1, с. 63; изд. 2, с. 56; *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей.., с. 309—313.

Устава Владимира на л. 269—270 обращение: «Слава совершителю богу давшему по зачале конец до сей книги, глаголемой номоканон. Аминь» и далее еще дополнительные статьи:

1) «Служба толковая Иоанна Златоуста толк Сихиев. Вопрос: Что есть церковь. Толк. Церковь есть земное небо...» (л. 271—272 об.)

2) «Закони и образи о Христе совершися. А се о жертвах первого закона. Вопрос: Рече господь к Моисею...» (л. 272 об.)

3) «А се нового закона просхура видение известно. Како̣ подобает быти божественному приношению...» (л. 273)

4) «Толкование литургии божественной службы Иоанна Златоуста. Диакону глаголющу» (л. 273 об.—281).

5) «На том месте тлъкуется вызнание веры, толко ищи во правилех в посланиах святых отец. Вопрос: Что есть [с]танем добре» (л. 291—282) без конца, далее листы утрачены.

Пробы пера на обороте нижней крышки переплета с упоминанием короля Жигимунта III (1566—1632 гг.), митрополита Киевского и Галицкого (анонимно), запись русской скорописью XVIII—XIX вв.: «Леонтия вѣтковскаго» (л. 1—5); запись Г. А. Розенкампфа 7 сентября 1828 г. с. № 3.

СИНОДАЛЬНО-ВАРСОНОФЬЕВСКАЯ ГРУППА

Синодальный (Новгородский) извод

48. Новгородский Синодальный список[55] (Клементовский) список (ГИМ, Син. 132), 1282 (6790) г. переписан в Новгороде повелением кн. Дмитрия Александровича на средства архиепископа Климента, для Софийского собора, с официальной анонимной записью писца. Пергамен, 631 л. в большой лист, в два столбца, по 25 строк на листе. Пометки для линий строк сделаны ножом. Три нумерации тетрадей: 1) л. 1—246 об. (тетради 1—31), 2) л. 247—462 (тетради 1—27); 3) л. 463—631 (тетради 1—22). В конце приплетена тетрадь из четырех листов с дополнениями XIV в. (Устав Владимира и Устав Святослава Ольговича).

Вначале (л. 1) запись о написании книги «повеленцем» новгородского князя Дмитрия, «стяжанием» архиепископа новгородского Климента и вкладе в церковь святой Софии с датой s. ѱ. [...] (последняя цифра стерлась).

---

[55] Библиография списка очень значительна. Основные описания: *Ундольский В. М.* Описание славянских рукописей Московской патриаршей библиотеки, с. 46—56, № 110 (продолжение описания см. в настоящем издании, с. 22, сн. 32; *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 85—112; *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. Н. Невоструева), ч. 1. М., 1970, с. 95—97; *Щапов Я. Н.* К истории текста Новгородской Синодальной кормчей.— «Историко-археологический сборник». М., 1962, с. 295—301; Издания текстов: РИБ, т. VI. СПб, 1908, № 4—7, 11, 14, 106, 109, 111, 133, т. 36, вып. 1, Пг., 1920, № 1 (Устав Владимира); Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940, с. 121—122; т. III, 1963, с. 71—100; *Тихомиров М. Н.* и *Щепкина М. В.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952, с. 18—23, 28—30; Закон судный людем Краткой редакции. М., 1961, с. 29—30; 35—40, 115—127.

Переплет довольно ранний (Т. Н. Протасьева датирует его концом XIV— началом XV в.) — доски в коже, с жуковинами, реставрирован, верхний и боковой обрезы листов были красными. Оборот верхней крышки заклеен листом пергамена, находившегося, очевидно, в начале рукописи, на нем записи: «Маноканунъ влщі» (уставом XIV в.), неразборчивая, зачеркнутая позднее (устав XV в.?) и следы четырех ранних рисунков: человеческая фигура по пояс, в три четверти с приподнятыми руками (верхний левый угол); крупное стилизованное животное, в профиль, головой влево; животное помельче под ним, оба в левой части листа; мужская (княжеская?) фигура с бородкой, в доспехе, без головного убора, с приподнятыми руками (в молитве?) внизу справа; рядом с рисунком — стершаяся надпись. По этим ранним записям и рисункам в XVI в. рукой Макария сделана запись о передаче книги вел. кн. Василием III архиепископу Макарию в 1526 (7034) г. при поставлении его в Новгород (фото листа см.: «Правда Русская», т. III. М., 1963, с. 74). На нижнем поле л. 89 рисунок мужского лица пером; на л. 631 об. (чистом) ранние записи — пробы пера, поминание, рисунки зверей. Колонтитулы писаны скорописью XVI в. на нижнем поле. Запись одного из писцов на левом поле л. 102 об. (мелким уставом): о стъıи ѥрмиѣ помоэі». Заглавия на л. 115 об., 183 и других писаны попеременно пестро — черными и киноварными строками. Среди инициалов «О» изображение головы ангела (л. 208 об.). Маргиналии, писанные одной рукой киноварным уставом XIII—XIV вв., ко многим правилам и статьям: «О рабѣхъ. Без господьска повеления не поставити в попы», «А то конць» (л. 52 об.); «Без ъıспытанья поповъ инъıи от власти не приимати» (л. 59); «Попъı отхода от цркви къ цркви», «А то конецъ» (л. 64 об.); «Обрученьи двъı» (л. 72 об.); «О многоженьцахъ» (л. 97 об.); «О строеньи манастыря» (л. 121); «Енискупомъ заступати сироты» (л. 138 об.); «Как попы поставляти» (л. 197); «О криликохъ» (л. 198); «О созданьи манастыря» (л. 242 об.); «Аще епискупъ или попъ пострищися хощеть» (л. 250 об.); «О триженитвенихъ» (л. 255); «О дву братохъ; О дву сестрахъ» (л. 267 об.); «Аще кто поиметь двѣ сестреницѣ» (л. 283 об.); «Аще кто постриждетьце не оуправивъ своихъ дѣтеи» (л. 312 об.); «А се о задницѣ» (л. 331), «О обрученьи» (л. 483 об.); «Залоги обручьнии» (л. 484); «А се о дарѣхъ оуказъ» (л. 508); «А се о треженьчахъ» (л. 513 об.); «А се оуказ въ близу пoиматися» (л. 514 об.); «А се о заднѣцѣ» (л. 621 об.); «О холопъихь дѣтеи» (л. 626).

Тихомировский (Псковский) извод

49. Тихомировский список (Б-ка СО АН ССР, Тихом. 39р), второй четверти XV в. [56], без пагинации, в лист, нескольких почерков, в два столбца (отдельные листы писаны в один столбец), без начала, листы отделены от корешка и перепутаны, но порядок их может быть восстановлен, часть листов утрачена. Начинается с главы 31 «Изложения сущаго» в 70 главах (последние —

[56] А. И. Рогов и Н. Н. Покровский датируют рукопись первой половиной XV в. (*Рогов А. И., Покровский Н. Н.* Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР (г. Новосибирск).—«АЕ за 1965 год». М., 1966, с. 168—169). Поскольку наиболее поздняя статья основной части кормчей — Послание Фотия во Псков 1422 или 1425 гг., рукопись написана после этой даты.

«Въпроси Кирика...» и «Правило Кирила...»), после которого идет статья «И еще о всих святых сборѣх...» и 14 титулов. Владельческая запись: «Сиа книга глаголемая Номоканун Кузми диака святого Ивана Богослова». В конце Послание Фотия во Псков 1422 (1425?) г. (РИБ, т. VI, № 51). После правил собора в церкви Софии позднее вписано Послание Фотия во Псков 1416 г. (РИБ, т. VI, № 43).

50. Рогожский III список (ГБЛ, Рогож. 256), первой половины XVI в., филигрань: розетка с короной (Лихачев, № 2882—2883, 1520-е — 40-е годы), в 4°. Переплет первоначальный, корешок поновлен, крышки внутри заклеены. Начинается (под заставкой) со статьи «О всих святых сборех...», после которой следуют 14 титулов. Начала глав и отдельных правил отмечены в XIX в. ленточками-ярлычками. Маргиналии — нескольких почерков, в том числе И. П. Лаптева, которому она принадлежала [57]. До 1873 г. была передана Е. М. Соколовым библиотеке Рогожского кладбища. Есть утраты листов (между л. 589—590 и др.). Вставки в протографе [58]. После «Чина погребения по студийскому уставу» следуют дополнительные статьи: «Правило святых апостол и святых отец» (начало: «Аще двоеженец кается...»), «Сказание об армянской ереси» (с перестановкой разделов), «Толкование божественной службы», Русская Правда Рогожского вида, послания во Псков собору святой Троицы и другим от русских иерархов: 1) метрополита Фотия от 23 сентября 1416 г., л. 687 об. — РИБ, № 42; 2) Фотия от 22 июня 1427 (6935) г., (л. 694 — РИБ, № 55); 3) Фотия от 23 сентября 1427 (6936) г., (л. 698 —РИБ, № 56); 4) Фотия от 22 июня 1410—1417 гг. (л. 701 — РИБ, № 34); 5) Киприана от 12 мая 1395 (6903) г. (л. 707 об.— РИБ. № 28); 6) Фотия от 23 сентября 1416 (6925) (?) г. (л. 708 — РИБ, № 43); 7) Фотия от 9 сентября 1416 г. (л. 710 об.— РИБ, № 41); 8) Фотия от 2 февраля 1426 г. (л. 713—РИБ, № 53); 9) Фотия от 24 сентября 1422 или 1425 г. (л. 718, РИБ, № 51); 10) Киприана (в Новгород) от 12 мая 1395 (6903) г. (л. 725 об.— РИБ, № 28); 11) Киприана от 17 апреля после 1395 г. (л. 726 — РИБ, № 30); 12) Евфимия новгородского 1426 (6934) г. (л. 726 — РИБ, № 54); 13) Киприана от 29 августа 1392 г. (л. 729 — РИБ, № 26).

Варсонофьевский извод

51. Варсонофьевский список [59] (ГИМ, Чуд. 4), конца XIV в., пергамен, 328 л., в малый лист, по 31 строке на листе, мелкий четкий («младший») устав. Переплет первоначальный, поновлен. Список начинается заглавием «книг[ы] глемы кормчы рекше прав[ило] закону...», после которого идет оглавление (последняя глава 68 — Правило митрополита Кирилла, но в тексте оглавления ошибки в нумерации), после которого следует статья «И еще о всѣх святых сборѣх...» и 14 титулов. Список переписан четырьмя писцами с

[57] *Любимов В. П.* О Лаптевском списке Русской Правды.— В кн.: «Правда Русская», т. II. М.—Л., 1947, с. 835.

[58] Указание в «Правде Русской», т. I, с. 167 на позднейшую вставку этих статей воспроизводит ошибочное мнение, высказанное в записи владельца рукописи.

[59] *Срезневский И. И.* Обозрение.., с. 85—112; Закон судный людем Краткой редакции. М., 1961, с. 30—31, 41—46, 134—137; *Щапов Я. Н.* Варсонофьевская кормчая.—«АЕ за 1968 год». М., 1970, с. 93—101.

протографа, разделенного на четыре части, причем первый начал рукопись и дополнял работу трех других писцов. Тетради, переписанные третьим писцом, обозначены его именем: «.ді҃. Варсонофьевск[ие тетрати?]». На некоторых чистых частях листов, на стыках работы писцов (л. 134 об., 168—168 об.)— выписи из Номоканона Иоанна Постника.

Барсовский извод

52. Барсовский V список (ГИМ, Барс. 158), середины XVI в., филиграни: рука с короной на круглом манжете (Лихачев, № 1743— 1744, 1551 г.) сфера (Лихачев, № 1757—1758, 1555 г. Брике № 13995—13996, 1550—1554 гг.), 410 л. (пагинация ошибочная, после № 250 вновь идет № 151; т. е., согласно пагинации, последний лист 310), в лист, без начала и конца, начальные и конечные листы подшиты и подклеены.

Основная часть кормчей нач. с л. 5 (правила Халкидонского собора, 39-е и следующее, без начала) и содержит обычные 70 глав с дополнениями, в том числе четыре «владимирские» статьи (поучение «Слышите, иереискыи...» с заглавием «Поучение к попам за Курилом»). В протографе списка листы были перепутаны: статьи, следующие в Синодальном и Варсонофьевском списках за главой 70 «Сказание известно и хытро и чювствех телесных...», Правила о черноризцах, Устав монастыря Иоанна Пателария, Василия о епитимьях, начало правил Студийского монастыря (л. 353 об.—365) ошибочно вставлены в середину Вопрошания Кирика. После этих правил отсутствуют дополнительные статьи, входящие в Синодальный, Варсонофьевский и другие списки: Никифора патриарха Летописец вскоре и толкования Епифания о пророках (два), Дорофея об апостолах и учениках Христа и перечень епископов Царьграда, а следует сразу правило 75 Трульского собора о поющих в церквах (л. 383). Кроме того, там же пропущены статьи, следующие за «Сказанием о пострижении мних», а вместо них идет епитимийник с названием «Око церковное» Василия, включающий также правила об инокинях (правила без конца, л. 407). Среди вставок в протографе: правило 22 Трульского собора (л. 172 об.), сочинения Афанасия о древе и наузех и чины приема от сарацин и еретиков (л. 250 об.—264). Вначале два листа из кормчей Сербской редакции: титул 38 Прохирона «О здании новых домов...», без начала и конца (л. 1—2 об.), листы, переставленные из этого же списка (Василия Великого от Послания к Амфилохию л. 3—3 об.; конец чина приема из ересей и начало статьи Григория Неокесарийского о бывших в нашествии варвар, л. 4—4 об.). Многочисленные маргиналии к тексту рукой XVIII в., среди них к Посланию Владимирского епископа: «Устав князя Александра Володимирскаго» (л. 161 об.).

Егоровский извод

53. Егоровский II список[60] (ГБЛ, Егоров, 931), 1567 г., в лист, 520 л., с записью писца Путилки Иванова сына Москвитина, писавшего в сентябре—декабре 7076 г. повелением князя И. Д. Булгакова (л. 520). Переплет XVII в. Два писца: 1) л. 1—9 об; 466—478 об. (отдельная тетрадь); 2) остальной текст. Маргиналии к тексту на л. 62, 186.

---

[60] *Щапов Я. Н.* Варсонофьевская кормчая, с. 95.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

---

* Указатели составлены С. В. Завадской.

Сокращения, принятые в указателях:

архиеп.— архиепископ, библ.—библейский, вел. кн.— великий князь, г.— город, г-во — государство, еп.— епископ, еп-во — епископство, имп.— император, императр.— императрица, кн.— князь, княг.— княгиня, кн-во — княжество, м-рь — монастырь, митр.— митрополит, муч.— мученик, обл.— область, о-в — остров, п-ов — полуостров, патр.— патриарх, р.—река, св.— святой, собр.— собрание, ц-вь — церковь.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ШИФРОВ РУКОПИСЕЙ

Славянские списки *

* В указателе даны курсивом сокращенные названия списков, употребляемые в схемах на с. 48,133, 137, 160, и страницы данного издания.

ОГЛАВЛЕНИЕ

IV

ГЛАВА

РУССКАЯ РЕДАКЦИЯ КОРМЧЕЙ XIII в

Я. Н. ЩАПОВ

Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»